

Проблемы истории России

Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь

Часть 1

8

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ РФ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А.М.ГОРЬКОГО
КАФЕДРА ИСТОРИИ РОССИИ
МП «ВОЛОТ»
ООО «НПО «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»

Новгородская Земля — Урал — Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии

Часть 1

«АРХЕОЛОСТИЧЕСКИЙ
БИБЛИОТЕКА ЦЕНТР»

Екатеринбург
2009

*Сборник издается при финансовой поддержке
ООО НПО «Северная археология-1»*

**Ответственный редактор –
академик РАН В.Л.Янин**

Редколлегия:
член-корреспондент РАН А.В.Головинёв
доктор исторических наук Д.А.Редин
профессор Б.Б.Овчинникова
(составитель и ответственная за выпуск)

Рецензенты:
член-корреспондент РАН Е.Н.Носов
кандидат исторических наук Г.П.Визгалов

Н 73 Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. В 2-х частях. Ч. 1. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – 296 с.

ISBN 978-5-7851-0718-2

Восьмой выпуск сборника научных трудов серии «Проблемы истории России» посвящен 30-летию участия отряда Уральского государственного университета им. А.М.Горького в составе Новгородской археологической экспедиции, которую возглавляет академик В.Л.Янин.

В сборник вошли статьи и материалы, характеризующие историческое пространство и культурное наследие Новгородской Земли и сопредельных с ней территорий. Особое внимание удалено весьма активному миграционному движению на северо-восток, в районы Урала и Западной Сибири, что повлекло за собой внедрение славяно-новгородской культуры в урало-сибирский культурный массив.

Издание рассчитано на научных работников, преподавателей вузов и студентов-гуманитариев.

ББК 63.3 (2)

Предисловие

Тридцать лет назад, в 1979 г., в составе Новгородской археологической экспедиции истфака МГУ, возглавляемой выдающимся российским историком и археологом В. Л. Яниным, появилась первая группа студентов-историков Уральского государственного университета. С тех пор и до сегодняшнего дня уральцы – неизменные участники этого крупнейшего и неисчерпаемого по своему научно-познавательному потенциалу проекта. Впрочем, модное нынче слово «проект» едва ли отражает суть феномена Новгородской экспедиции. Событие мирового культурного значения, комплексное исследование, длившееся без перерыва вот уже более 75 лет, Новгородская экспедиция – это не только первоклассные находки, блестящие открытия, основа фундаментальных трудов в области истории материального и духовного мира русского средневековья, древнерусского языка и международных контактов на огромных пространствах от Северо-Восточной Европы до Урала, Сибири и евразийских степей, это еще и уникальная профессиональная и человеческая среда, бесценная школа общения поколений, связанных единым интересом и особой этикой отношений.

Для исторического факультета УрГУ Новгород – понятие культовое. Всех, прошедших за эти 30 лет полевые сезоны на новгородских раскопах, роднит настоящее братство – независимо от того, как складывались в дальнейшем судьбы уральских «новгородцев». Знаменитый истфаковский корпоративный дух, то единство индивидуальностей, которое так удивляет и восхищает гостей факультета своей естественностью и искренностью, взращены мощными экспедиционными традициями, среди которых Новгородской принадлежит одно из ведущих мест.

Уральское студенчество всегда платило Новгороду не только любовью и преданностью, но и эффективным трудом. Бессменный

руководитель Новгородской археологической экспедиции с 1962 г. академик РАН В. Л. Янин недавно признал Уральский отряд самым результативным по совокупности многолетних итогов работ. Свидетельством тому – находки разных лет. Это и золотые украшения, и фрагменты старинных музыкальных инструментов, сделанные Л. Голубевой, О. Яковлевой, Р. Ганиевым, и берестяные грамоты, обнаруженные И. Рязановой, Е. Мартюшевой, А. Цыпиним, И. Мефодиевой, М. Щупак, М. Дьячковой, Н. Кавериной. Участие в экспедиции стало для многих стимулом к самостоятельным научным исследованиям соответствующей направленности. На базе новгородского материала выпускниками исторического факультета Уральского госуниверситета были защищены 4 кандидатских, 4 магистерских диссертации, 20 дипломных работ, написаны десятки научных статей, монография.

Восьмой выпуск сборника серии «Проблемы истории России», издаваемой кафедрой истории России Уральского госуниверситета, посвящен 30-летию сотрудничества истфака УрГУ с Новгородской археологической экспедицией, Новгородским объединенным историко-архитектурным музеем-заповедником и новгородским Центром древних музыкальных инструментов. Как разнообразно значение Новгорода в судьбе нашей страны, так разнообразны материалы, представленные в этом сборнике. Книгу (и раздел «Новгород и финно-угорский мир») по праву открывают статьи, принадлежащие перу В.Л. Янина и Б.Б. Овчинниковой – инициатору и многолетнему руководителю Уральского отряда Новгородской экспедиции (статья написана в соавторстве с Ф.В. Трофимовым). В этих и других статьях раздела (Н.В. Хвощинской, Л.В. Покровской, Д. Габора, О.В. Кардаша, Т.М. Пономаревой, К.Ю. Красильниковой, А.В. Головнева) исследуются разнообразные аспекты взаимодействия Новгорода и новгородцев с финно-угорскими (и прафинно-угорскими) народами севера Евразии, отражение этих контактов в летописной и позднейшей историографической традициях, в памятниках материальной культуры, влияние синтеза нордической и степной магистральных культур на формирование русского исторического процесса.

Богатые по содержанию и в совокупности многоплановые, дающие комплексное представление о материальной и духовной культуре средневековых новгородцев исследования С. В. Трояновского, Г. Е. Дубровина, О. С. Ковалевой, В. И. Поветкина, Е. А. Тянина, Т.С. Матехиной, В.А. Маракулина, В. К. Сингха, В. И. Ярыш объе-

динены в разделе «Новгород в археологическом наследии». Памятники письменности и фольклора, рожденные в Новгороде, связанные с Новгородом и отражающие новгородское влияние в литературном процессе и антропонимии России нового времени, стали объектом изысканий И.В. Пьянкова, В.П. Степаненко, Т.Ю. Фоминой, М. Ю. Мельчаковой, А. В. Сазановой, Н.Л. Пятковой, В.И. Байдина, А.Г. Мосина и составили содержание раздела «Новгород в письменности и фольклоре». Давние связи Новгорода с северо-восточными территориями Евразии, приоритет новгородцев в культурно-хозяйственном освоении Урала и Сибири дали повод к размышлению относительно характера и устойчивости новгородских традиций на востоке нашей страны, побудили к рассмотрению особенностей исторического развития бывших новгородских владений в позднейшие эпохи, когда они, как и сам Новгород, прочно вошли в состав Российской государства. Этим проблемам посвящены статьи И.В. Побережникова, А.П. Зыкова, О.В. Кардаша, М.А. Усолкиной, Н.Е. Бобковской, С.Г. Пархимовича, И.В. Балюнова, Е. П. Загвязина, П. Г. Данилова, Д. А. Редина, М.Ю. Баранова в разделе «Новгородские традиции на Урале и в Западной Сибири». Раздел «Архивы и музеи: сокровищницы культурного наследия», открывающийся исследованием Б.Б. Овчинниковой об основателях уральской археологии, представляет богато иллюстрированные фотодокументами из фондов архива ИИМК РАН статьи Г.В. Длужневской и Л. А. Лазаревской об археологическом изучении и музеефикации объектов историко-культурного наследия Урала и Сибири на рубеже XIX–XX вв., и размышления С.В. Горшкова о современных перспективах развития историко-культурного потенциала Ханты-Мансийского автономного округа. Завершает сборник обзор В.В. Соловьевой, проанализировавшей итоги научного освоения новгородской тематики в Уральском государственном университете за последние 30 лет.

В заключении остается сказать, что настоящее издание является данью (добровольной и легкой!) любви и признательности Новгороду: Господину Великому Новгороду – древнему центру России, Великому Новгороду современному – доброму и по-домашнему гостеприимному, Новгороду – светлому и непреходящему воспоминанию студенческой юности.

Д. А. Редин

НОВГОРОД И ФИННО-УГОРСКИЙ МИР

В.Л. Янин,
г. Москва

«ОТ ЖИЛЫ К ЧУДИНУ...»*

Троицкий раскоп получил своё имя от стоящей поблизости от него древней церкви Троицы на Рядтине улице (соседней с Чернициной). Впервые эта церковь упоминается в летописи под 1165 годом, когда «поставиша церковь святыя Троица Шетициници». Последнее слово в разных списках летописи написано по-разному: «Шетиничи», «Шетеничъ», и означает отчество, то есть имя клана, построившего храм. В пожаре 1194 г. деревянная Троицкая церковь сгорела и неизвестно, когда была возобновлена. В 1224 году «бысть гром страшън майя в 20, на святаго Фаллея: сгоре церкы святыя Троицы, а 2 человека мертвя быста». В 1365 году Троицкую церковь построили каменной, с тех пор она неоднократно перестраивалась, но основу XIV века сохранила. В летописном сообщении 1365 г. имеется одна очень важная деталь: каменная церковь Троицы была сооружена «югорцами», то есть новгородцами, имеющими постоянные целенаправленные связи с югой — народом, живущим на крайнем севере новгородских владений вплоть до северного Зауралья и Вайгача. Потомками югры являются современные ханты и манси. В некоторых летописных списках говорится, что Троицкая на Рядтине церковь была построена «югорьшиною», когда в 1365 году «новгородцы поидоша из Югры», то есть на доходы от югорской дани, что не меняет существа дела.

Очевидно, что построившие церковь «югорцы» были её прихожанами, и работы на Троицком раскопе содержали надёжный для

* Статья печатается по книге академика В.Л.Янина: «Я послал тебе бересту...» Издание 3-е, исправленное и дополненное новыми находками — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — Глава 30. «От Жилы к Чудину...». С.319-327

нас шанс встретиться с ними. Так и оказалось. В 1984 году на усадьбе «Г» в напластованиях второй половины XIV века была найдена грамота № 622 — лист бересты, исписанный с двух сторон, к сожалению, немного фрагментированный.

«Приказо от Матфея ко Марку і ко Саве про непряное серебро ...ге донаболися. Да я ся дивлю, цему мне вести от васо нету. Тако... моімо животом зоблетеся... не хоцете прислати. Лихо ли вамо добро ли, і о моемо животе, о Яколи вамо наболитися моімо приказомо большимо. Цюжимо ли наболитися, оже вы тако деете. Бога ся боите... блюдите. Ни о Сменове товаре... шлете».

Прочтём это послание в переводе А. А. Зализняка:

«Наказ от Матфея Марку и Савве. О деньгах за нерпу (то есть за тюлены кожа)... дополнительно позаботиться. Да я дивлюсь (то есть недоволен), (почему) мне вести от вас нет. Так-то вы о моём имуществе печетесь?...не хотите прислати. Плохо ли вам или хорошо, а о моём имуществе (и) о Яковлевом заботиться надлежит вам — по моему большому наказу. Неужели чужим людям о нём заботиться, (раз) вы так поступаете? Бойтесь Бога, (слово) блюдите. И о Семёновом (товаре) вы тоже (вестей) не шлётё».

Матфей, Марк, Савва, Яков, Семён — явные складники, компании. Упоминаемый в тексте «приказ большой» следует понимать как письменный документ о взаимных обязанностях этих компаний. Поскольку в центре упрёков Матфея — деньги за тюлены кожи, очевидно также, что торговое складничество Матфея и его товарищей (ведь слово «товарищ» производно именно от такой ситуации, при которой группа лиц — «сотоварищей» — связана заботами о совместных операциях с «товаром») ориентировано на крайний север Новгородской земли, на побережье Ледовитого океана и его островов.

Но, может быть, этот документ случайно оказался на одной из усадеб Троицкого раскопа? Мог ведь бросить его один из адресатов — Марк или Савва, — зайдя к знакомому, жившему на усадьбе «Г». В общем, так оно и было. Однако этот знакомый оказался ближайшим соседом Марка.

Еще в 1973 году на усадьбе «А» в слое первой половины — середины XIV века была обнаружена грамота № 501 — первая берестяная грамота Троицкого раскопа!, — адресованная Марку:

«А поколено от Некефа ко Маруку. Подоборо поени по розмери і мене ени. А яза тебе колонеюсь».

Очень трудный текст, в котором без напряжения читаются только начало и конец с их этикетными поклонами, но толкование основного содержания спорно. Наиболее вероятен такой перевод средней части: «Возьми подбор после размеривания; и мне тоже бери». Но слово «подбор» имеет не одно значение. Так называли и основание избы, и основу рыболовного невода. Впрочем, для нас сейчас важно то, что это адресованное Марку письмо оказалось на соседней с грамотой № 622 усадьбе. Стратиграфические датировки (первая и вторая половины XIV века) не противоречат друг другу: если Марк жил около середины этого столетия, то немудрено двум полученным им грамотам оказаться по обе стороны такого рубежа. (Кстати, в 1995 году была найдена грамота № 754, адресованная тому самому Матфею, который отослал Марку грамоту № 622.)

Самой важной в этой связи находкой оказалась грамота № 589, обнаруженная в напластованиях середины 20-х – 50-х годов XIV века всё на той же усадьбе «А». На листе бересты мы прочли целое письмо, но его автор здесь же начал писать ещё одно – к другому адресату, который неаккуратно оторвал его, оставив на уцелевшем листе адресную формулу. Прочитаем сначала первое письмо:

«От Жилы к Чудину. Даи Ондрею рубль. Не даш ли, что мне не доспее в рубле томь нечи яти, то твоя».

Очень выразительный текст, отправленный к тому же по скандальному поводу: «От Жилы Чудину. Даи Ондрею рубль. Если же не дашь, то сколько сраму ни заставит (Ондрей) меня принять из-за этого рубля – он твой (то есть весь этот срам будет твой)». Оставим Чудина разбираться с Ондреем и обратимся к уцелевшему началу второго письма:

«От Жиле к Саве. Дай... полтину...».

Снова Савва, присутствие которого на усадьбе Троицкого раскопа, следовательно, отнюдь не случайно. В письмах грамоты № 589 мы не обнаружили ничего, связанного с северными делами, «югорцами» и тюленями. Но попробуем установить положение и род занятий автора этих писем – Жилы. Этот человек был известен историкам и раньше из жалованной грамоты великого князя Ивана Даниловича Калиты, который был и новгородским князем с 1327 по 1339 год. Вот полный текст этого документа:

«Се аз, князь великий Иван Даниловичъ всея Руси, пожаловал есмь соколников пещерскихъ, кто ходитъ на Печеру, – Жилу съ други. А се ихъ имена: Жила, Олюша, Василко, Степан, Карп, Федецъ,

Острога, Бориско, Кузма, Дмитрок, Власии, Микитица Иванов сын, Семенець, Кондрат, Чешко, Семенець, Григорь, Степанець, Савица. Не надобе им никоторая дань, ни ко старосте им не тянути; и что у них третники и наймиты, хто стражет на готовых конех, а в кунах, и тем не надобе никоторая дань, ни ко старосте им тянути, ни биричъ их не поторгыват, не надобе ни конь, ни подвода. Хто ли через мою грамоту что у них возмет, и яз, князь великий, кажню, занеже ми люди те надобны. А приказал есми их блюсти Меркурю; а ты, Меркуреи, по моей грамоте блюди их, а в обиду их не выдавай никому».

Тот ли Семен («Семенець») и тот ли Савва («Савица») названы здесь и в берестяной грамоте № 622, доказать невозможно, но связь Жилы с далекими землями новгородского Северо-Востока очевидна, как очевидна эта связь у лиц, упомянутых в грамоте № 622.

Любопытно то обстоятельство, что ориентация усадеб Троицкого раскопа (или, по крайней мере, восточной части их) на связь с побережьем океана, Печерой и Северным Уралом прослеживается и в более раннее время — в конце XII века. Повод говорить об этом впервые дала найденная в 1977 году на усадьбе «А» в слое второй половины XII — начала XIII века грамота № 548, утратившая левый край, то есть сколько-то начальных букв в каждой из её четырех строк:

«(От) ...бъга къ Моиславоу и къ Миките. Цъмоу, брате, ... (Бога не) бъшися. А я выде, ожъ у васъ есте тъварь Ольски(нь)... А язо не едино быль, Яромиръ а инихо моуже З... А правите имъ тъваро, Бога ся бояць» — «От ...бога Моиславу и Миките. Почему ты, брат, ... Бога не боишься? Я же знаю, что у вас есть товар Олески (Олексы)... А я не один был, (когда видел это, был ещё) Яромир и трое других людей... Так отдайте же (доставьте же) им товар, побойтесь Бога».

Летописцу известен новгородец Моислав именно того времени, к которому относится грамота № 548. В 1194 году во время трагического для новгородцев похода воеводы Ядрея на Югру (то есть в уже упомянутую землю хантов и манси в низовьях Оби), когда восемьдесят уцелевших участников кампании возвращались в Новгород, «убиша Сбышку Волосовича и Негочевица Завида и Моислава Поповича сами путьники, а друзии кунами ся откупиша; творяхуть бо я съвет държаще на свою братью, а то Богови судити».

Этому кровавому событию предшествовали такие обстоятельства. В 1193 году воевода Ядрей собрал рать в поход на югру. Рать взяла один «город» и пять недель осаждала югру в другом. Осаждённые высыпали к Ядрею парламентариев с «льстивыми речами»: «Копим серебро и соболей и иные узорочки, а вы не губите нас, своих смердов, и своеи дани», тем временем собирая к себе новых защитников. Пригласив к себе воеводу, попа и иных «вячших мужей», югра их иссекла, затем расправились таким же способом со следующими тридцатью новгородцами, потом еще с пятьюдесятью. Роковую роль сыграл изменник Савка, который указал югорскому князю на необходимость убить Яковца Прокшичика: «аще, княже, не убиешь еще Яковца Прокшиница, а живого пустиши в Новъгород, то тому ти, княже, опять привести вой семо, и землю твою пусту сътворит». Яковец был убит, но перед смертью сказал Савке: «Брате, судит ти Бог и святая София, аще еси подумал на кровь братьи своей; и станеши с нами пред Богом и отвещаеши за кровь нашу». После этого остаток новгородцев шесть недель изнемогал от голода, а на обратном пути произвёл расправу над Сбышкой Волосовичем, Завидом Негочевичем и Моиславом Поповичем.

Относительно Завида Негочевича мне сказать больше нечего, а вот Сбышко Волосович для раскапываемого на Троицком раскопе комплекса усадеб, как будто, не посторонний человек. В 1982 году на мостовой Пробойной улицы у усадьбы «А» в напластованиях 60-х – 70-х годов XII века был найден обрывок грамоты № 604, сохранивший начало текста: «От Петрова грамота ко Волосу. Изобид...». А еще в 1977 году на соседней усадьбе «Г» в более позднем слое последней трети XII века обнаружена цельная грамота № 550, написанная Петром и упоминающая Сбыслава: «+ Покланяние от Петра к Аврамоу. Матьеви еси молвиль, толико мне емати скота, боле же за мъне скота не поусти. А въжники творятеся въдавоше Сбыславоу четыри гривне, а посыщены-хо коуно 15 гривно. А Готиль съ мною боудъть. А дороганици ти шли въ городе» – «Поклон от Петра Авраму. Матею ты сказал, (что именно) столько я должен собирать податей. Больше же ты мне денег не поручай. А вежники (люди, живущие в «вежах», шатрах) утверждают, что они отдали Сбыславу четыре гривны; а поселищных денег (за аренду земли под поселение) 15 гривен. А Готил (Гостил?) со мною будет. Дороганичи же (жители деревни Дорогани) пошли в город».

+ ПОКРАСИЛУНЧУ САПЕ ТРИКАВРДМОУ ПЛАТА ФРН СНМЛПКН
+ ПАГОПН КОЛУНЧУ ПЛА ТЧК ОТЛД ОПН Е НКЕ ЗДА ПДА УЕСКЮПД
Н+ ГНОУ (ПНДАКД ЖЛНН КНГУРД ТЕРДА ПДА ШЕСДАСЛД
ВОЧЧУ ТД+ ИГРНВН САПО САПНЧУ ЕНДАПУКОУ НО+ ГРН**
ДНДА ГОПН ПАСДОНЧУ ДАСДА ТДАПО ПУГА Н+ ЧН ТНЦПН
ПЗДГ ОРДОФО:::

Грамота № 550

Теперь пора вспомнить несколько важных деталей. Во-первых, усадьба «А» во второй половине XII века принадлежала священнослужителям, а Моислав, письму которому найдено именно на этой усадьбе, как это ясно из летописного рассказа, был «поповичем». Во-вторых, Гречин, как это следует из летописного рассказа 1196 г., был Петровичем.

Слишком многое сошлось здесь в один тугой узел, чтобы обернуться простой случайностью!

Вернёмся теперь к Моиславу. Именно о нём — адресате грамоты № 548 — упомянул в XIV веке новгородский архиепископ Василий Калика в своём знаменитом «Послании о земном рае» «А то место святаго рая находил Моислав новгородець и сын его Яков, и всех было их три юмы, и одна из них погибла, много блудив, а две их потом долго носило море ветром, и принесло их к высоким горам... А тех, брате, мужей и нынеча дети и внучата добры здорови».

Можно, немного отступив от объективных сопоставлений, высказать в самой осторожной форме несколько предположений. В 1194 году пожар Людина конца начался от «Савькина двора на Ярышеве улице». Не тот ли это Савка, который, изменив новгородцам, отдал югорскому князю на лютую смерть Яковца Прокшичика?

В 1984 году на усадьбе «Ж» в слоях второй половины XII века была найдена грамота № 627 — обрывок начала письма:

«... от Гюргея ко Яковоу. Оже еси забыле моего добродеяния, а прислати ти... кендаря [мера веса] соли, да же ти то не любо, а...».

Спустя пять лет на усадьбе «О» из слоев первой половины XIII века извлечена целая грамота № 705, адресатом которой снова оказался Яков:

« + Покланяние от Домажира ко Яковоу. Я оу тебе слышоу цето ты моловише. Оце е тебе не годена, а попровади ко моне сестроу. Азъ быле лони наделиле, а ныне бых посолале. А ныне слышю боленоу сестроу. Оце ю Богъ поемете, а присоли соно ко моне со ее знатебою, оте побоуде сыно у мене, а я ся имо потешоу и посолю ю опяте во городо. Пакы ли не оуправише того, а я тя передамо святе Богородице, ко нее же еси заходиле роте» — «Поклон от Домажира Якову. До моего слуха доходит то, что ты говоришь. Если она тебе не угодна, то отошли сестру ко мне. Я в прошлом году её наделил (то есть выделил ей часть имущества), а теперь я бы (это имущество) послал. А теперь я слышу, что сестра больна. Если её

卷之三

Ipanoma № 705

Бог приберет, то пришли сына ко мне с её «знатьбой» (?), пусть он побудет у меня за сына и я им утешусь, а потом отошлю его обратно в город. Если же ты не исполнишь этого, то я тебя предам святой Богородице, перед которой ты приносил клятву».

Психологические характеристики адресатов и той, и другой грамоты сходны: человек, не помнящий добра, способный оскорблять неуместными и несвоевременными речами репутацию заболевшей жены. Не один ли и тот же это Яков? И не Яков ли это Прокшинич? Тогда пролог трагедии 1194 г. предстанет перед нами в виде изначальной соседской ссоры на Ярышевой улице Людина конца.

В пользу такой версии, как будто, свидетельствует грамота № 664, найденная в 1985 году на усадьбе «З» в слое второй половины XII века:

«От Доброшьке къ Прокъше. Присъли ми гривну, а Давыдъти ми не въдалъ, велить възяти у вежъникъ».

Как видим, это письмо адресовано Прокше, в котором возможно предполагать отца нашего злополучного Якова. Грамота № 664 входит в комплекс переписки Доброшки с другими лицами и этих лиц между собой. Этот комплекс включает семь берестяных грамот, которые по стратиграфическим показаниям датируются второй половиной XII века, но по лингвистическим признакам тяготеют скорее к середине этого столетия, что соответствует времени поколения отца Якова Прокшичика.

Добавлю к рассказанному, что Троицкий раскоп наглядно продемонстрировал постоянство связей с далекими северными землями не только текстами берестяных грамот. Впечатляющими находками были здесь плоский камень с процарапанными изображениями моржей, резная деревянная скульптура — голова человека с явными чертами представителя одной из северных народностей, амулет, изображающий языческого божка. Отлитые в той же литейной форме амулеты неоднократно обнаруживались на крайнем севере, в том числе — в древнем языческом святилище на острове Вайгач.

*Б.Б. Овчинникова,
Ф.В. Трофимов
г. Екатеринбург*

«...ЧУДЬ, НАРОД, КОТОРЫЙ ОБИТАЛ ЗДЕСЬ ПРЕЖДЕ РУССКИХ»

В XVIII веке впервые была поставлена проблема о происхождении загадочного народа «чудь». Изучение сведений о нем началось с выяснения их этнической принадлежности. Отсутствие методологической базы, наработанных письменных источников, крупных коллекций археологического материала по исследуемой проблеме зачастую вынуждали первоходцев делать чисто умозрительные заключения по этому вопросу. В связи с этим, исследователи XVIII в., такие как Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер, А.В. Шлецер, М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев выдвигали различные, зачастую противоположные гипотезы происхождения и этнической принадлежности «чуди». Так, Г.Ф. Миллер в «Речи о происхождении народа Российского» сообщал, что «чудь» знаменует на русском языке «вообще первобытных жителей: ибо ежели вы на берегах Волги, Тобола, Иртыша, Оби, Енисея, видя какое-нибудь укрепление, могилу, древнее здание, спросите у жителей: кто соорудил их? То они вам ответствуют: Чудь, народ, который обитал здесь прежде русских».

По-разному решался этот вопрос в исторической науке и в XIX веке. Многозначность термина «чудь», с одной стороны упоминаемого в западноевропейских сочинениях и древнейших источниках русской истории, таких как первоначальная летопись, а с другой — сохранившегося в народных преданиях, вызывала в этот период множество мнений. Одни, утверждали, что «нынешние финские обитатели русского севера суть прямые потомки древней «чуди» (Н.М. Карамзин, М.А. Кастрен, С.М. Соловьев и др.); другие скептически отвергали это положение, ссылаясь на его преждевременность при современном запасе сведений по антрополо-

гии финнов нынешних и прежних (А.И. Шегрен). Третья, видели в названии «чудь» обобщение всех финнов, чуждых по происхождению и языку русским (А.А. Шахматов и др.).

Прежде чем приступить к освещению вопросов, раскрывающих историческую судьбу исчезнувшего народа под названием «чудь», хотелось бы определится с соотношением этнонимов, встречающихся в источниках и определить их этимологию. В этом плане нас будет интересовать традиционное соотношение этнонимов «чудь» и «эсты», так как собственно «чудь», традиционно ассоциируется именно с «эстами» (в узком понимании).

Этнонимы «чудь» и «эсты» употребляемые в средневековых письменных источниках начала II тыс. н.э. и в более позднее время, как доказано историческими исследованиями¹, относятся к предкам современных эстонцев — племенам восточно-прибалтийских финнов, обитавших на территории Восточной Прибалтики, на берегах Балтийского моря и Финского залива. Однако для более раннего времени такое тождество понятий совсем не было характерным. Слово «эст», «эсты», впрочем, как и «чудь» не самоназвание финно-угорских племен Восточной Прибалтики. Именно так называли последних их соседи, германцы и славяне² (латыши называют эстонцев *igaunī*, по древней южноэстонской земле Уганди; финны — *virolaiset*, по северной земле Вирумаа). Термин «эст» германского происхождения, в переводе означает «восточный». Этим понятием германцы обозначали негерманские племена (главным образом племена балтов³), заселявшие побережье Балтийского моря «к востоку от устья Вислы вплоть до Финского залива»⁴.

В I тыс. н.э. происходит постепенное сужение этого понятия, что было обусловлено рядом внешних факторов: в конце IV—V столетий в Европе, а, в частности, и в землях населенных славянскими племенами, произошли серьезные потрясения. С конца IV в. наблюдается серьезное изменение климатической ситуации в Центральной Европе: сильное похолодание в V—VI веках, вызвавшее ряд сопутствующих природных катаклизмов, губительным образом отозвалось на хозяйственно-экономической отрасли славянских племен, базирующейся на пашенном земледелии⁵. Кроме того, на этот период выпадает опустошительное гуннское нашествие на территорию Юго-Восточной Европы. Все эти причины вызвали перемещение масс населения с обжитых мест на новые земли. Подобные сложные природно-географические, этнокультурные и миграционные процессы проходившие в I тыс. н.э., глав-

ным образом «Великое переселение народов», приводили к изменению этнической карты Европы того времени, смешению племен различного этнического происхождения и культурных традиций. Для Восточной Прибалтики наиболее значительным был процесс оттеснения балтов славянами-переселенцами, которое в свою очередь привело к оттеснению прибалтийских финно-угров на более северные территории, примерно соответствующие границам современной Эстонии и части северо-западной «Новгородчины». Многовековая, «не менее пяти-семи веков»⁶ стабильная этнокультурная ситуация, характеризующаяся соседством балтских, финно-угорских и славянских племен⁷ была нарушена. Если раньше «балтийские народы у верховьев Днепра распространялись так далеко на восток, что образованный ими клин лишал славян возможности войти в соседство с прибалтийско-финским племенем»⁸, то теперь становится очевидной активная инфильтрация славян в балтский этнокультурный массив⁹. В этих условиях происходит сразу несколько очень интересных явлений. С одной стороны — скандинавские племена начинают отожествлять с термином «эсты» именно племена восточноприбалтийских финнов, как своих ближайших соседей *на востоке*,¹⁰ с другой — остальные германские племена, по традиции, именуют «эстами» балтские племена (пруссов, сембов и куршей). Кроме того, в славянской среде возникает термин «чудь» как обозначение именно прибалтийских финно-угров. В дальнейшем с процессом накопления знаний название «эсты» все больше закреплялось за прибалтийскими финнами, в чем, несомненно, значительную роль сыграла скандинавская традиция, опираясь на географические сочинения. Все это достаточно наглядно иллюстрируется сообщениями письменных источников: Тацит, Кассиодор, Иордан, Эйнхард, Вульфстан, Адам Бременский.

Чтобы понять, как менялось соотношение термина «эсты» и племенных группировок, которые под ним понимались, очень интересно сравнить свидетельства двух авторов — Иордана (VI в.) и Саксона Грамматика «Деяния датчан» (*Saxonis Gesta danorum* — начало XIII в.) в своих сочинениях описывающих одни и те же события, а именно завоевания Германариха во второй половине IV в. н.э. Германарих у Саксона выступает под именем *Iargmericus* и считается одним из правителей Дании в начале эпохи викингов. Перенос Германариха на датскую почву связан, видимо, с отождествлением Саксоном ютов и готов¹¹. В обоих рассказах Германа-

рих подчиняет в первую очередь германские племена (Иордан говорит о герулах, Саксон — о датчанах и шведах). Потом, по Иордану, Германарих завоевывает славян, а затем племя эстов, «которые населяют отдаленнейшее побережье Германского океана»¹². Саксон обо всем рассказывает подробней. Подчинив славян, Ярмерик «опустошил сембов, куршей и множество восточных племен». Славяне, воспользовавшись этим, восстали, в связи с чем на обратной дороге Ярмерик расправился с ними еще раз. Интересно, что сам Саксон не мог связать эстов с сембами и куршами, так как в его время под эстами понимались исключительно предки современных эстонцев. Следовательно, отождествление подчиненных Германарихом эстов с сембами и куршами должно было быть довольно древней традицией.

Таким образом, понятие «эсты» на протяжении I тыс. н.э. постепенно сужается и конкретизируется, последовательно обозначая все меньшие племенные группы балтов и финно-угров, а, в конце концов, только племена прибалтийских финнов — предков нынешних эстонцев. Если Тацит, Птолемей и Иордан называли «эстиями» многие племенные образования, включающие как балтов, так и финно-угров, то известия Вульфстана описывают в основном пруссов, а Саксон Грамматик на место эстовставил куршей и сембов. Заметим, скандинавские источники «эстами» называют летописную «чудь». Изменение значения произошло, видимо в X в., что как представляется, связано с развитием скандинавской письменности, в которой под эстами с давних пор понимали только «чудь».

В отличие от понятия «эсты», этимология слова «чудь» не вполне ясна. Существует две точки зрения на проблему происхождения этого этнонима. Согласно одной из них, слово «чудь» берет начало в славянской языковой среде. Одним из первых такое мнение высказал В.И.Даль в своей словарной статье “Чудо”¹³. Этот этноним, зафиксированный в памятнике в латинизированной форме, подразумевает под собой племя или группу племен, которые произвели на славян-пришельцев вполне определенное впечатление, которое и зафиксировано в их названии. Местные жители показались славянам странными, необычными, чуждыми¹⁴. Однако, такая расшифровка этого термина не бесспорна. Ряд исследователей сомневается в славянском происхождении этого этнонима.¹⁵

Другие ученые выводят этимологию слова «чудь» из общегерманского *þjod* через готское *þjuda* (*народ*)¹⁶. В доказательство сво-

его утверждения они указывают на то, что, во-первых, Иордан, мог ошибочно принять это слово за особый этноним, в силу того, что «приведенные этнические названия звучали несомненно чуждо для автора»¹⁷, во-вторых, этноним «чудь» впоследствии упоминается только в древнерусских источниках и, в-третьих, нет достоверных данных о том, что этот этноним являлся самоназванием или принятым у соседних народов именем некогда существовавшего племени¹⁸.

До сих пор исследователи не могут прийти к определенному решению по этой проблеме. В частности, одни считают, что «все эти сближения и этимологии лишены доказательств»,¹⁹ другие, а таких ученых большинство, признают достоверность сведений Иордана об этнополитической ситуации в Северо-Восточной Европе в то время.

Таким образом, можно либо связывать появление этнонима «чудь» непосредственно со славянской миграцией, либо говорить о его принадлежности к германским языковым корням, но несомненным является тот факт, что этот термин с определенного времени (VI в.н.э.) бытовал в славянской языковой среде. Даже если этноним «чудь» не славянского происхождения, то вскоре в народном представлении он начал отождествляться со словами ряда «чудной», «чужой», «чудак» и т.д.²⁰, испытав на себе их влияние²¹. Происходило это как в силу схожести звучания этих слов, так и адекватности смысла, который в них вкладывали пришельцы, с характеристиками местного населения с их точки зрения. Такое явление, учитывая процессы, происходящие со славянами в то время, вполне закономерно: оно коренится в особом отношении древних народов к своим соседям, наличием ряда этнопсихологических стереотипов в их сознании²².

В дальнейшем, с расселением русских, данный этноним начинает существовать в двух «измерениях»: *конкретно-историческом*, в котором под ним подразумевается группа финно-угорских племен (в более узком значении – эстов); и *легендарно-мифологическом*, характерном для народного сознания. В последнем – «чудь» обозначает некий загадочный исчезнувший народ, наделяемый славянами, а также народами, с которыми славяне контактировали в процессе расселения, весьма своеобразными признаками:

- специфическими особенностями внешнего облика – кожаностью, красной или черной кожей, белыми глазами, нестандартными размерами тела (карлики либо великаны);

— странным поведением — самоубийство, самопогребение, сыроядение²³ и т.д. Согласно преданиям такое поведение было зафиксировано на огромной территории от Русского Севера до Алтая.

Очень ценными и плодотворными были поиски ученых, проведенные с позиций языкоznания. Исследования в области сравнительного языкоznания и общей истории породили в исторической науке XIX века несколько гипотез о происхождении народов заселяющих Русский Север. Наиболее признанной была финская теория происхождения этих народов. Кроме того, определенное признание получила угорская (алтайская) теория происхождения финского племени, особенно хорошо разработанная в трудах известного финнолога М.А.Кастрена. В своей работе «Замечания о заволочской чуди»,²⁴ автор отождествляя древних обитателей Русского Севера с биармами пришел к выводу об их корельских корнях²⁵. Занимаясь исследованием топонимического материала, другой авторитетный исследователь А.И. Шегрен пришел к ряду интересных выводов о происхождении некоторых чудских народов Русского Севера.²⁶

О чуди писал профессор Эйхвальд: «Чудские племена в России» и «О чудских копях»²⁷. Угорскую теорию происхождения ряда чудских народов разрабатывал Д.Европеус. По его теории большинство древних наследников Русского Севера, а также средней России до Оки населяют угорские народы, к которым он причислял в частности летописную весь, мерю и мурому²⁸. Трудами А.А. Шахматова была заложена фундаментальная основа изучения русского летописания, остающаяся таковой и в наши дни. Ученый тщательно проанализировал летописные сведения о чуди, внеся ряд ценнейших замечаний о проблеме бытования этого этнонима на страницах русских летописей²⁹.

В XIX веке идет активное накопление и систематизация археологического материала. Исследование финно-угорского компонента в них получило отражение в работах Н.Е. Бранденбурга, В.Я. Толмачева, Теплоуховых³⁰, А.А. Спицына, Й.Р. Аспелина, А.Хакманна, А.М. Тальгрена, А.С. Уварова и др. Так исследования Н.Е. Бранденбурга стали новой вехой в изучении археологических памятников именно Северо-Запада России. Его работы касались особенностей погребальной обрядности местного населения данного региона. Именно Н.Е.Бранденбургу принадлежит первая попытка разработки методики выявления этнической принадлеж-

ности раннесредневековых памятников этого региона. «Синтетический» метод исследователя заключался в выделении характерных признаков в серии погребальных памятников, ограниченной во времени и пространстве. Территориально-хронологические рамки данной серии должны были, при этом, соответствовать времени и месту расселения определенного этноса. Сведения же о последних предполагалось извлечь из письменных источников. Работа Н.Е.Бранденбурга была, однако, практически не замечена исследователями и в историко-археологическом изучении региона наступил тридцатилетний период «спицынских интерпретаций», теоретико-методологическая основа которых была чрезвычайно близка «синтетическому» методу.³¹

Сборы А.А. Спицына привели к формированию достоверной фактологической базы археологических источников древнейшего периода истории Руси. Действительно, немалый вклад внес исследователь в проблему археологического изучения чуди. Но не следует забывать, что этому предшествовала кропотливая работа археологов на Урале, и основу «спицынского собрания» составили коллекции «чудских образков»³² (рис. 1) или «чудских идолов» (рис. 2) Теплоуховых, В.Я.Толмачева и др. Напомним, что в 80-е гг. XIX в. А.Е. Теплоухов начал научную обработку собранных им материалов, занимался изучением прошлого оседлых жителей западных предгорий Урала в бассейне р. Камы, пытаясь выяснить, к какой этнической группе принадлежит этот народ. В частности, он писал, что жителями нынешних уездов Пермской губернии – Соликамского, Оханского, отчасти Пермского и Кунгурского – «были, вероятно, финны, т.к. все притоки Камы носят финские названия. Финны и теперь живут в небольшой долине Яйвы в Соликамском уезде под названием пермяков. К северу и западу находятся другие родственные племена под названием зырян и вотяков – в Вологодской и Вятской губерниях. Старинное исчезнувшее финское племя, которое прежде населяло вышеизложенные уезды, на Урале было известно под общим названием «Чудь».³³ А. Е. Теплоухов отмечал, что племя не было вытеснено русскими при освоении края. По его мнению, русские пришли сюда на уже появившиеся лесом чудские городки (селища), которые чудь устраивала на высоких берегах реки, преимущественно на горных хребтах, между глубокими соединяющимися долинами. В таких местах можно найти «горшечные черепки» и другие предметы. Одним из исследованных А.Е.Теплоуховым городков чуди является селище

близ с. Кудымкорское. Отсюда не раз приносили интересные вещи. Это и побудило его провести квалифицированные раскопки, в результате которых были найдены кости, орудия, а также различные медные, бронзовые, железные и костяные вещи. Найдки свидетельствовали, что жители городища занимались скотоводством и земледелием. Стационарным раскопкам были подвергнуты Гаревское и Ильинское костища. Именно их А.Е. Теплоухов исследовал наиболее полно. В работе, посвященной Гаревскому костищу, он идентифицирует такой вид памятника, как костища, считая, что это остатки языческих жертвенных пиршеств. Для определения принадлежности кости были отправлены в Базель Рутимейеру, по заключению последнего, они являлись костями животных.

Систематически пополняя коллекцию отца, Ф. А. Теплоухов с 1892 г. начал обработку имеющихся материалов. Вскоре он смог выступить со своими предложениями относительно пермских древностей. В 1893 г. обращает на себя внимание его сообщение «Вещественные памятники каменного и бронзового века в западной части Пермской губернии», в котором Ф.А.Теплоухов выделяет в истории чуди три периода: костища, каменный и бронзовый. В 1894 г. Ф. Теплоухов прочел публичную лекцию на археологической выставке в Перми, а позже на заседаниях УОЛЕ в Екатеринбурге по теме: «Пермская чудь и ее культурная обстановка».³⁴ К 1899 г. Ф.А. Теплоухов завершил большое исследование, оставшееся неопубликованным — «Период древнейших костищ». До настоящего времени это единственная работа, содержащая описание памятников типа «костищ» и всех найденных на них вещах. В ней Ф. А. Теплоухов разработал типологию для наиболее массовых категорий вещей: жертвенной керамики, костяных и железных наконечников стрел, бус и т.д. Кроме того, для костяных наконечников стрел Ф. А. Теплоухов дает статистическую таблицу — количественное распределение типов наконечников стрел по размерам. В этой работе Ф. А. Теплоухов определяет костища как древнейшие жертвенные места прикамской чуди, расселяя их в западной половине Пермской губернии.

Основным и важным итогом работы Ф. А. Теплоухова и его отца Александра Ефимовича является коллекция «чудских древностей», иногда называемая «коллекцией Теплоуховых». Экспонатами коллекции и печатными работами Ф. А. Теплоухова заинтересовалась Археологическая комиссия в Петербурге. Было решено ознакомить с коллекцией Теплоуховых широкие круги

ученых России и для этого издать большой атлас «Древностей пермской чуди по коллекции Теплоуховых». Ф. А. Теплоухов проделал большую работу по подготовке атласа — отобрал характерные экспонаты, сделал несколько сотен рисунков. В 1902 г. атлас вышел в свет с предисловием А. А. Спицына, получивший наименование «Древности камской чуди».³⁵ Именно эта работа А.А.Спицына повлияла на многие построения последующих исследователей. Вообще, как известно, археологические материалы, являются бесценным источником информации по истории и культуре финно-угорских народов и «чуди». Они наиболее полно характеризуют их материальную культуру, ее эволюцию, а также подверженность тем или иным культурным влияниям

Судьбы чудских народов были различны: некоторые из них сохранили свое этническое своеобразие, сформировавшись позднее в соответствующие народности. Другие подверглись частичной ассимиляции, в результате которой сохранили свою самобытность лишь те группы финноязычного населения, которые оказались на окраине славянского расселения. Третья, обитавшие на магистральных путях древнерусской колонизации, полностью исчезли с исторической арены средневековой истории, растворившись в среде формирующейся древнерусской народности.

Примечания

1. См. Конецкий В.Я. Чудь и славяне в контексте древнейшего периода русской истории. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. 2001–2002 гг.: в 2 ч. — Ч.1 — Великий Новгород, 2002, С. 3. Хвошинская Н.В. Славяне и финны на северо-западе Древнерусского государства. Автореф. докт. ист. наук. М., 2008.

2. Сами эстонцы долгое время называли себя *maarahvas* (народ нашей земли), а имя *eestlase* (эсты) стало общепринятым в эстонском языке лишь с середины XIX в., в период формирования эстонской нации, хотя употреблялось уже и в XVII–XVIII вв.

3. Пруссов, сембов, литовцев, латышей, куршей, ливов. См. Браун Ф.А. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб. 1899, С. 249–251

4. См. Labuda G. Zrodla, sagi i legendy do najdawniejszych dziejow Polski. Warszawa 1960, S. 68

5. См. Седов В.В. Происхождение славян и местонахождение их прародины. // Очерки истории культуры славян. — М., 1996, С.56–57; Он же Славяне в раннем средневековье. — М., 1995, С.209–210

6. Цит. по Топоров В.Н. Балтийский элемент в Новгородско-Псковском ареале (общий взгляд). // Великий Новгород в истории Средневековой Европы. — М., 1999, прим. к С. 277–278

7. Финны, вероятно, обитали северо-восточнее и восточнее балтийских народов, а славяне — юго-восточнее и южнее балтийцев. — см. Топоров В.Н. Балтийский элемент... С.277

8. Там же.

9. Это расселение вызвало целый ряд этнических конфликтов и привело к изменению племенных и этнических границ. — см. Очерки истории Восточной Пруссии. — Калининград, 2002.

10. Скандинавы обладали весьма специфическими представлениями об ориентации в пространстве. Об этом см. Джаксон Т.Н. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей. Человек в истории. 1994 год. — М., 1994, С.54-66; Она же. AUSTR I GOR?UM... С.20-21

11. Labuda G. Zrodla, sagi i legendy... S. 124

12. *Saxonis Gesta Danorum*, Hauniae, 1931, t. 1, p. 232

13. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.4 — СПб.: Динамит, 1996, С.612

14. В.О.Ключевский пишет даже об ироничном отношении славян, почувствовавших свое превосходство, к «чуди», что и зафиксировано в названии. См. Ключевский В.О. Курс русской истории в 5 тт. Т.1 — М., 1987. Лекция XVII.

15. В частности Э.Ю. Попова утверждает, что «доказательства того, что слово чудь происходит от «чудо», «чудно», «чужой» и т.д. — неубедительны». См. Попова Э.Ю. Этнонимика Русского Севера. Дис...канд. филол наук. — Екатеринбург, 1999, С. 49

16. См. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. — М., 1973, С. 378; Леонтьев А.Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. // Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Выпуск 4. — РАН Институт Археологии, М., 1996. и др.

17. Иордан Указ. соч. С. 265. Примеч. Е.Ч. Скржинской.

18. См. Агеева Р.А. Об этнониме чудь (чухна, чухарь) // Этнонимы. М., 1970, С. 194-203; Попов А.И. Названия народов СССР. Л., 1973, С. 68-72

19. Попов А.И. Названия народов СССР. — Л., 1973, С. 71

20. Попова Э.Ю. Этнонимика Русского Севера ... С. 50

21. Агеева Р.А. Об этнониме чудь (чухна, чухарь) // Этнонимы. М., 1970, С. 198

22. В варварском обществе (в рассматриваемое время славяне находились на стадии общинно-родового строя) сфера общения между людьми была ограничена рамками своего племени и группы племен. Человек принадлежит к роду, семье, к органическому коллективу, воплощая определенные коллективные качества. Человек — это только соплеменник. Люди из других племен, когда с ними приходилось встречаться, воспринимались как чуждая, враждебная сила, как разновидность чертей, демонов. Характерно, что этот стереотип длительное время сохранялся в народном сознании: веками жившие на соседних территориях финны, шведы и лопари подозревали друг друга в том, что их соседи — злые колду-

ны. Подобная картина была и у славян, она была своеобразной реакцией племенного сознания на иноэтническое окружение. Такое противопоставление одной этнической общности другой способствовало внутренней консолидации ее членов, что в свою очередь было необходимо для выживания и сохранения этой общности. См. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. // Избранные труды Т.2 — М.; СПб., 1999. С. 323, Он же Древние германцы. // Избранные труды Т.1 — М.; СПб., 1999. С. 40, Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1964, С.88, Петрухин В.Я. Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX-XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1981г. — М.: Наука, 1983. С. 176 и др.

23. См. Предания и легенды Урала. — Свердловск, 1991; Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. — Новосибирск, 1987.; Феоктистова И.К. Локальные особенности преданий о чуди // Аборигены Сибири. Проблемы изучения исчезающих языков и культур. Тезисы международной научной конференции. Т.1 Филология. — Новосибирск, 1995. и др.

24. Castren M.A. Bemerkungen über sawolotscheskaja Tschud // Nordische Reisen und Forschungen. V. Kleinere Schriften. VII. Spb., 1862.

25. Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. — Екатеринбург, 2001, С.17 .

26. Sjogren Historisch — ethnographische Abhandlungen ueber die finnisch — russischen Norden. St.-Petersb, 1861.

27. Эйхвальд в «Вестнике естественных наук» 1855 г. №№7-9 «Записках Императ. Русского Археологического Общества» т. IX, стр.269-370 по кн.: Дмитриев. А. Пермская старина. Вып.1. Глава 1.

28. Европеус Д. К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян //ЖМНП, 1868. Т.139

29. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — СПб., 1908.

30. См. в настоящем сборнике ст. Овчинникова Б.Б. «Подвижники археологии Урала».

31. Петренко В.П. Классификация сопок Северного Поволжья. // Средневековая Ладога: Новые археологические исследования и открытия. — Л., 1985

32. Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах на Уральских горах.// Записки Уральского общества любителей естествознания. 1880. Т. 6. Вып.1. С.1-31.

33. Там же.

34. Овчинникова Б.Б. У истоков уральской археологии: Теплоуховы. //Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург. №8.1998. С.24.

35. Спицын А.А.Древности камской чуди. СПб. 1902.

*Н.В. Хвощинская
г.Санкт-Петербург*

ПРОБЛЕМА КОРЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ ЛЕТОПИСНОЙ ВОДЫ

На северо-западной окраине Древней Руси русские летописи знают два финских племени — чудь и вода. Чудь упоминается уже в недатированной части «Повести временных лет», а вода, начиная с 1069 г. Рассказывая о событиях XIII в. летописец четко различает эти две этнические группы.

В новгородских и псковских летописях под чудью везде подразумеваются эсты. В настоящее время ясно, как и где сложилась средневековая материальная культура эстов. Начиная с середины I тыс. до н. э. прослеживается консолидация эстских племен на территории современной Эстонии, включая острова Сааремаа и Муху. В материальной культуре особенно ярко это проявилось в развитии своеобразных погребальных памятников — каменных могильников (каменные курганы с ящиками, прямоугольные каменные оградки, каменные могильники без внутренней структуры), которые, видоизменяясь от середины I тыс. до н. э. к началу II тыс. н. э., сохраняли преемственность единой культуры [1].

Вторым финским племенем, жившим восточнее эстов, была вода. Известный эстонский лингвист П.А. Аристэ убедительно показал, что водский язык является продолжением северо-эстонского диалекта эстонского языка [2]. Таким образом, северные эсты и вода были близкородственными народами, не имели языкового барьера и без труда понимали друг друга.

В отличие от территории эстов выявление древних памятников води вызывало споры. Яркой «каменно-погребальной культуры» к востоку от р. Нарвы найти не удавалось, хотя исследователи

предполагали, что ранние водские древности, скорее всего, должны были быть похожи на эстонские. Именно это подтолкнуло Н. К. Рериха интерпретировать в качестве таковых зафиксированные им в лесу в имении Извары непонятные каменные «выкладки». Такая их оценка стала переходить из работы в работу [3]. Проведенный детальный анализ архивной документации раскопок Н. К. Рериха показал, что никакого отношения к археологии эти «каменные фигуры» не имеют. Они являются природными скоплениями камней без какой-либо структуры на слое лесного подзола. В них не было найдено ни костей, ни вещей [4].

Начиная с XIX в., исследователи, опираясь на сведения письменных источников и этнографические материалы, старались определить регион расселения води и центр ее земли. Водь представлялась племенем, занимавшим огромную территорию от низовьев р. Луги на западе до р. Волхова на востоке. Так считали А. Х. Лерберг и А.И. Шёгрен [5], а Я. Ставровский в водскую территорию включал даже районы южнее Ильменя [6]. Не трудно заметить, что за их суждениями стояли границы южной части Водской пятини Великого Новгорода, которые углом расходились от Новгорода к северу по р. Волхову, а к северо-западу по р. Луге вплоть до Финского залива. Само название «Водская пятина» довлело над исследователями, как своего рода указание на район, заселенный водью.

Отзвуками этих взглядов явились утверждения П.Н. Третьякова, неоднократно повторенные И.Я. Фрояновым, о расселении води по р. Луге. Согласно мнению последнего поход Ольги на Лугу был направлен на получение дани с иноязычного племени водь [7].

В.В. Седов полагал, что «до расселения славян водские или близкородственные им племена заселяли не только Ижорское плато, но и значительные пространства Северо-Запада, соприкасаясь в районе Чудского и Псковского озер с эстами, а на востоке, на водоразделе Ильменского и Волжского бассейнов, с весью» [8]. Территорию Ижорского плато в зону расселения води включает и Е.А. Рябинин, замечая, что «ядро водской племенной территории, ретроспективно выделяемое по письменным материалам XV-XVI вв. (с некоторыми корректировками более ранних источников), охватывало в основном Ижорскую возвышенность».

Основным регионом расселения води большинство исследователей, считает Ижорское плато, независимо от этнической интер-

претации ими многочисленных курганно-жальничных могильников XII-XIV вв. В последних одни видят памятники славянанизированной води [9], другие — памятники древнерусского населения с элементами водской культуры [10].

Однако на территории Ижорского плато нет никаких памятников, которые бы можно было связать с водским населением I тыс. н. э. На плато, отсутствуют городища эпохи раннего металла, сюда не проникло население культуры длинных курганов и сопок, нет сведений о случайных находках до рубежа XI-XII вв. — начала древнерусской колонизации. До этого времени постоянное население здесь просто отсутствовало. Позднее освоение плато связано с его физико-географическими особенностями. Оно возвышается на 150 м над уровнем моря, сложено из силурийских известняков, покрытых валунными суглинками. Земли плодородные, но тяжелые для обработки и без высокого уровня агротехники их использовать невозможно. Ситуация осложнялась также отсутствием на плато воды. Поверхностные воды здесь быстро просачиваются вглубь, а поэтому на плато нет рек и ручьев. До сих пор воду добывают из артезианских скважин, а сохранившиеся старые колодцы имеют глубину 15-22 м. Все это позволяет заключить, что до появления древнерусского населения, оставившего курганно-жальничные могильники, земли Ижорского плато пустовали [11]. Только на рубеже XI-XII вв. здесь появляется первое население, причем, по наблюдениям Ю.М. Лесмана к этому периоду могут быть отнесены только 9 могильников, что составляет не более 4 % от общего количества памятников [12].

Водское население издревле жило на компактной территории вдоль побережья Финского залива восточнее эстов. Южная граница расселения води проходила по краю Ижорской возвышенности. Это именно тот регион, где вода фиксируется по письменным и этнографическим источникам, а самое главное, что, по словам Ф. Туманского, сами вожани определяли этот район как землю своих предков [13].

Касаясь событий XIII в., связанных с борьбой Новгородского государства с Ливонским орденом, а также более поздней истории XV-XVI вв. и русские, и западноевропейские письменные источники достаточно определенно называют вожан среди жителей Нарвы, Ивангорода, Копорья и их окрестностей. По данным этнографов XIX в. водь (Vatialaset, Waddjalaiset) занимала достаточно компактную территорию от района Копорья на востоке и далее

на запад в бассейны рек Систы и Сумы и вплоть до низовьев р. Луги [14]. Кроме того, несомненно, водское население проживало в Понаровье и на территории Северо-Восточной Эстонии. В средневековых источниках встречаются добавочные имена у крестьян из различных частей Эстонии, указывающие на их водское происхождение [15].

Итак, можно очертить зону проживания води от Понаровья, включая районы Северо-Восточной Эстонии (Аллатагузе) до Копорья и его окрестностей. Центрами этнографического района занятом водью были город-крепость Копорье и Котлы (старый приход Каттила). На середину XIX в. окрестностях Котлов и Копорья существовало 37 деревень, населенных водью [16]. По данным этнографов в 70-ые гг. XX в. водским языком владело около двух десятков человек пожилого возраста в семи деревнях в окрестностях Краколье и Котлов [17]. В настоящее время потомками води себя считают жители трех деревень: Краколье, Лужицы и Пески. Концентрация населения в этом небольшом районе не случайна. Как писал Ф. Туманский почвы «в Котлах самые лучшие — плодоноснейшие во всей губернии» [18]. Именно в пределах очерченного региона и были выявлены археологические памятники, которые можно связать с водью.

Важным открытием явилось обнаружение Е.А. Рябининым на песчаных всхолмлениях у деревень Великино и Валговицы каменных могильников, первой половины I тыс. н. э. [19]. Данный тип памятников был выявлен случайно при раскопках широкой площадью позднесредневековых грунтовых кладбищ. Каменные кладки находились в их центре, а по характеру и структуре они были близки каменным могильникам Эстонии первой половины I тыс. н. э. В их основе лежат прямоугольные кладки, краевые камни крупнее, камни забутовки мельче (рис. 1). В Великино кальцинированные кости, как и в эстонских могильниках, рассыпаны между камней. Среди них найдена железная булавка и коса-горбуша. Е. А. Рябинин датирует Великино III-IV вв. н. э. Валговицы, судя по характеру погребального инвентаря (точильный камень, втульчатый железный кельт с ушком в верхней части, два железных и один бронзовый браслеты), датируются более ранним временем I-II вв. н. э. Черепки штрихованной керамики из валговицкого могильника позволили М.А. Юшковой реконструировать слабопрофилированный сосуд с ямочным орнаментом по плечику, аналогичный эстонским.

Х. А. Моора указывал со ссылкой на П.П. Ефименко, что еще один каменный могильник находился в районе Нижнего Полужья [20]. В 2006 г. при случайных обстоятельствах в 15 км юго-западнее Копорья у д. Удосолово на пашне найдены пять арбалетовидных бронзовых фибул, головка подковообразной фибулы с выемчатой эмалью и четыре посоховидные булавки. Осмотр местности, предпринятый П.Е. Сорокиным, показал, что здесь на склоне возвышенности находятся остатки еще одного каменного могильника [21]. Начиная со II в. н. э. арбалетовидные фибулы составляют значительную часть инвентаря в эстонских каменных могильниках с оградками [22], и они датируют могильник Удосолово первыми веками н.э. В 2008 г. М.А. Юшкова выявила каменный могильник в районе Кингисеппа у д. Кёрстово. Теперь ясно, что при дальнейших целенаправленных поисках число памятников дорусского населения, несомненно, будет увеличиваться. Итак, по побережью Финского залива восточнее Нарвы в I тыс. н. э., судя по археологическим древностям жило близкое эстам прибалтийско-финское население — предки води.

Рис. 1. Каменная вымостка у д. Валговицы
(по Е.А. Рябинину, выделение оградки Н.В. Хвощинской)

Здесь же Е.А. Рябининым около шести деревень: Валговицы, Великино, Вердия, Рассия, Понделово и Маттия, были найдены и позднесредневековые могильники води, три из которых он исследовал (в Валговицах 100 погребений, в Великино – 46, в Вердия – 43). Это – захоронения по обряду ингумации, часто в неглубоких ямах, иногда выделенных на поверхности камнями, с доминирующей западной, реже восточной, ориентировкой погребенных. Судя по единообразному погребальному обряду и характеру погребального инвентаря, все три могильника были оставлены одной культурно-исторической группой населения [23].

Упомянутые могильники датируются от XII-XIII вв. до XVIII в. (большинство захоронений относится к XII-XIII – XVI вв.). В Валговицах и Великино наиболее древние погребения непосредственно примыкали к кладкам эпохи римского времени. В погребальном обряде прослеживаются архаические традиции каменных могильников (почти поверхностные погребения XII-XIII вв., ритуальная порча орудий труда). Специфичен женский этнографический убор. По сравнению с убором эстов в нем отсутствуют фибулы, ожерелья из бус, браслеты, крайне редко встречаются перстни. В более чем 70% инвентарных женских захоронений представлен набор нагрудных украшений, состоящий из одной или двух булавок и цепочки.

Большинство булавок сделано из железа путем ковки и поэтому формы их головок значительно проще (посоховидные, пластинчатые, в виде закрученной спирали), чем головки булавок других прибалтийско-финских народов, которые изготавливались в литейных формах. У води булавки были популярны вплоть до XVI в., в то время как у остальных западнофинских племен они вышли из употребления в XIII в. К числу прибалтийско-финских элементов следует отнести широкое использование для оконтуривания деталей одежды небольших бронзовых спиралек и оловянных бляшек. Поскольку сами ткани не сохранились, то однозначно определить, что именно декорировалось бронзовыми и оловянными украшениями, не представляется возможным, и, скорее всего, это были передники, набедренники и пояса.

По вещественным, письменным и изобразительным источникам конца XVIII – XIX вв. нам хорошо известен этнографический водский женский костюм [24]. Он изменялся на протяжении столетий, а поэтому его сопоставление с более древним материалом, известным по данным археологии, крайне сложно, но иногда

Рис. 2. Костюм вожанки по Ф.Л. Трефурту.

возможно. В этой связи чрезвычайно важны особые детали в убore, которые сохранялись неизменно на протяжении длительного времени. К таким специфическим элементам одежды водских женщин относятся нагрудные украшения из двух кусков красного сукна в форме серпа или полумесяца. Одно, более широкое, — *мюэци* (*muatsi*) — надевалось пониже, другое, более узкое, — *рессико* (*rissiko*) — ближе к шее [25]. Эти украшения хорошо видны на гравюре нарвского пастора Ф. А. Трефурта 1785 г. (рис. 2) [26]. Точно такие же нагрудники были обнаружены Е. А. Рябининым в девяти женских погребениях XII-XV вв. Подобный элемент костюма имеет семантическое значение и не был известен ни у одного из прибалтийско-финских народов, кроме води.

Эти три могильника дают нам представление об облике и особенностях культуры древней води в ее наиболее «чистом» виде. Если учесть, что поздние захоронения в них произведены в XVIII

в., ясно, что эта группа населения смогла сохранить свою самобытность длительное время. Рассмотренные выше памятники води территориально лежат вне зоны распространения курганной культуры, носителями которой было древнерусское население. Прибрежные финские группировки жили в стороне и не подвергались прямой ассимиляции, хотя контакты с русскими, несомненно, были. Об этом свидетельствуют находки в погребениях щитковых перстней «петербургского типа», многобусинных височных колец и сережек в виде вопросительного знака. В отличие от эстонцев вожане, по крайней мере до XVI в., не были христианизированы и сохраняли свои обычай, обряды, а соответственно и одежду. Надо сказать, что вода до XIX в. подвергалась не столько русской ассимиляции, сколько ассимиляции со стороны других финских народов — прежде всего, продвигавшихся сюда с востока групп ижоры и переселенных в шведский период — ингерманландцев.

Водские погребальные памятники локализуются в районе Котлов (старого прихода Каттила) и Копорья — в месте этнографического проживания води. Подобные могильники не выявлены на более южных территориях. Во второй половине XI в. в Северо-Восточном Причудье, а на полстолетия позже, на Ижорском плато появляются курганы, которые в целом отражают процесс древнерусской колонизации. Несмотря на определенную финскую вуль, основа погребального обряда и представленная в курганах материальная культура, имеют явно древнерусский характер. Отдельные финские элементы используются в этом убore в соответствии с покроем древнерусской одежды в качестве декоративных элементов, и не играют той функциональной роли, которую они имели в костюме собственно прибалтийско-финской женщины.

Вода впервые попала на страницы летописи под 1069 г., когда она вместе с полоцким князем Всеславом участвует в походе на Новгород [27]. Возможно, это не случайно. Дата похода поразительно совпадает с периодом появления первых курганов в Северо-Восточном Причудье. Очевидно, именно в это время древнерусская колонизация достигла коренных территорий расселения води, и новгородская администрация стала облагать ее различными поборами и данями. Это вызывало естественное недовольство и подтолкнуло водское население на борьбу с Новгородом.

В настоящее время концепция заселения Северо-Запада выглядит иначе, чем она представлялась в начале 1950-ых гг. В.В. Седову, а затем поддерживалась Е.А. Рябининым. Поскольку удалось

выявить коренные земли, издревле заселенные водью, узкой полосой тянувшиеся вдоль южного берега Финского залива, где сохранились ее достоверные погребальные памятники, совершенно очевидно, что именно здесь вода сформировалась как самостоятельная этнографическая общность и сохраняла свою культуру вплоть до XX в. Весь же массив курганов Северо-Восточного Причудья и Ижорского плато появился в период древнерусской сельской колонизации второй половины XI — XII вв., а не как результат изменения обряда у местных финнов. Территория Водской пятины Великого Новгорода, охватывающая пространства от Луги и Новгорода вплоть до Карелии на севере гораздо шире района коренного проживания собственно племени водь.

Примечания

1. Lang V. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. Tartu, 2007.
2. Ariste P. Vadja keele ja eesti murretete suhetest // Sona korvale. Tallinn, 1965. Lk. 107.
3. Седов В.В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX-XIV вв.) // СА. Т. XVIII. 1953. С. 202-204; Седов В.В. Прибалтийские финны // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. С. 40; Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 146-147; Лебедев Г.С. Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977. С. 152-153.
4. Хвоцкая Н.В. К вопросу о древних захоронениях води // КСИА. 1983. Вып. 175. С. 43-48.
5. Лерберг А.Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819. С. 87-89; Sjogren A. J. Über die finnische Bevölkerung der St.-Petersburgischen Gouvernements und den Ursprung des Namens Ingermanlands. St.-Petersburg. 1833.
6. Ставровский Я. Племена Озерной области // Россия. Полное географическое описание нашего отечества под ред. П. П. Семенова. Т III. СПб., 1900. С. 103.
7. Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С 146-147; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. СПб., 1974. С.115; Фроянов И.Я. Мятежный Новгород. 1992. С. 128.
8. Седов В.В. Водь // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 160.
9. Moora H. Wotische Altertumer aus Estland // ESA. Т. IV. Helsinki, 1929. S. 272-283; Равдоникас В. И. Ижорский могильник в г. Красногвардейске (б. Гатчина) // СГАИМК № 11-12. 1932. С. 28; Шаскольский И.П. Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен Юго-Восточной Прибалтики в свете данных современной науки // Финно-угры и славя-

не. Л., 1979. С. 46-47; Лиги П.Х. О води на территории Эстонии // Известия АН Эстонской ССР. Т. 35. Общественные науки № 2. Таллин, 1986. С. 165; Лиги П.Х. Водский этнический элемент на территории Эстонии. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Л., 1987. С. 10-13.

10. 1Спицын А.А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР. Вып. 20. С.-Пб., 1896. С. 37, 49; Седов В.В. Этнический состав... С. 190-229; Седов В.В. Водь. С. 155-161; Рябинин Е.А. Финно-угорские племена ... С. 53-60.

11. Кольчатов В.А. О времени заселения Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 61-65.

12. Лесман Ю.М. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 69.

13. Opik E. Vadjalastest ja isuritest XVIII sajandi lopul. Tallinn. 1970. Lk. 85.

14. Этнографический атлас Европейской России. Составил Петр Кеппен. СПб. 1848. Два экземпляра рукописного варианта атласа хранятся в С.-Петербурге. Один – в архиве Русского географического общества, второй – в Библиотеке Академии наук. Историческая справка, комментарии и цифровые данные к атласу были опубликованы позже (первое издание в 1851 г., второе – в 1853 г., на немецком языке – в 1867 г.). Кеппен П.И. Об этнографической карте Европейской России Петра Кеппена, изданной Русским географическим обществом. СПб., 1851.

15. Moora A. Указ. соч. С. 42; Лиги П.Х. О води на территории Эстонии. С. 157.

16. Кеппен П. Указ. соч. С. 143-146.

17. Шлыгина Н.В. О русских элементах в женской одежде води // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л., 1977. С. 124, 125.

18. Opik E. Указ. соч. С. 85-86.

19. Рябинин Е.А. Об исследовании средневековых могильников води в Ленинградской области // Известия АН Эстонской ССР. Вып. 36. Таллин. 1987. С. 408-411; Рябинин Е.А. К проблеме этногенеза води // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финский народов. СПб. 1994. С. 23-29.

20. Moora H. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. Bd. II. Tartu, 1938. S. 18.

21. Сорокин П.Е., Шаров О.В. О находках римской эпохи на Северо-Западе // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности Ижорской Земли. СПб. 2008. С. 171.

22. Сорокин П.Е., Шаров О.В. О находках римской эпохи на Северо-Западе // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности Ижорской Земли. СПб. 2008. С. 171.

23. Рябинин Е.А. Финно-угорские племена...С. 32-41.

24. Opik E. Указ. соч. С. 87-103; Шлыгина Н.В. Архаические формы одежды води и ижоры // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 210-219.
25. Opik. E. Указ. соч. С. 91, 96, 101, 103; Шлыгина Н.В. Архаические формы одежды... С. 215.
26. Шлыгина Л.В. Указ. соч. С. 211. Рис. 80.
27. НПЛ. С 17.

Список сокращений

- КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
СА – Советская археология, М.
СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. М., Л.

*Л.В. Покровская
г. Москва*

ФИННО-УГОРСКИЙ КОМПОНЕНТ В НОВГОРОДСКОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ (по археологическим данным) [1]

История славяно-финских взаимоотношений и включение финно-угорских племен в состав Древнерусского государства — один из интереснейших и дискуссионных вопросов в отечественной историографии, привлекавший внимание многих исследователей. В настоящее время большинство из них придерживается мнения о том, что сложение древнерусской культуры в зонах славяно-финского взаимодействия происходила на основе нескольких компонентов [2]. Так, например, исследования северо-западных окраин Новгородской земли и, прежде всего, анализ инвентаря погребений показал многокомпонентность культуры этого района в XI-XII вв., которая сохраняется и в последующее время. На этой территории выявляется три основных компонента: 1 - обще-древнерусский, 2 — региональный и 3 — прибалтийско-финский [3]. Те же тенденции прослеживаются и на северо-востоке Новгородской земли. Н.А. Макаров отмечает наличие в культуре восточного Прионежья западно-финских, восточно-финских и славянских элементов [4]. Севернее, на территории Заволочья, так же прослеживается смешение прибалтийско-финских и волжско-финских культурных традиций, а с XI — начала XII вв. отмечается славяно-русское влияние [5].

Расцвет финно-угорских культур, вошедших в состав Новгородской земли, относится к XII-XIV вв., т.е. к тому времени, когда эти племена все более прочно попадают под власть Новгорода.

Финские племена довольно долго сохраняли политическую и территориальную автономию, местные обычаи, нравы и верования [6].

Огромное политическое, экономическое и культурное влияние Новгорода на все эти территории не оспаривается никем из исследователей, а находки берестяных грамот подтверждают тесные и постоянные контакты Новгорода с подвластными ему землями. В культуре средневекового города, который был центром обширных земель с разноэтничным населением, безусловно, должны найти отражение процессы славяно-финского взаимодействия. Однако проблема роли и значения финно-угорских элементов в новгородской культуре сохраняет свою дискуссионность.

В.Л. Янин и М.Х. Алешковский в статье «Происхождение Новгорода (к постановке проблемы)» [7] выдвинули гипотезу о происхождении Новгорода на основе трех разноэтничных поселков, а также о непосредственном участии словен новгородских, кривичей и финно-угров в процессе становления Новгорода. М.В. Седова в монографии «Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.)» [8], останавливается на некоторых проблемах, связанных с этническим составом населения города. Она приходит к выводу, что Новгород с момента возникновения был полигеттичен, и уже с X века в состав населения города входили словене новгородские, кривичи и финно-угры Юго-Восточного Приладожья, что полностью соответствует летописным свидетельствам и подтверждает гипотезу В.Л. Янина и М.Х. Алешковского [9]. Л.И. Голубева и А.Б. Варенов в статье, посвященной полым конькам-амулетам, привлекая новгородские материалы, отмечают, что наибольшее число коньков-амулетов найдено в Новгороде на Неревском конце, одном из вероятных поселков, на основе которых сложился Новгород. Картографирование коньков-амулетов в пределах Неревского раскопа показало их распространение на тех усадьбах, где сосредоточены другие элементы финно-угорской культуры, что, по мнению авторов статьи, является свидетельством финно-угорского происхождения Неревского конца [10]. Е.Н. Носов высказывал противоположную точку зрения, суть которой заключалась в том, что финно-угорское население не принимало участия в основании Новгорода и, таким образом, город изначально был моноэтничен [11].

В.Л. Янин и М.Х. Алешковский указывали на то, что выявление этнической принадлежности украшений в городской среде практически неприемлемо в связи «с присущей городу и вызван-

ной движением моды нивелировкой» [12]. Этой же точки зрения придерживается Е.Н. Носов, подчеркивая интернационализм городской моды [13]. Тем не менее, наличие в Новгороде украшений финно-угорского происхождения, не отрицается никем из исследователей. Различие наблюдается только в подходе к их интерпретации. Как уже упоминалось выше, Е.Н. Носов полностью отрицает этнические признаки у предметов, найденных в городе, однако, он считает, что новгородская средневековая культура «впитала элементы финской материальной культуры» и допускает возможность наличия в Новгороде небольшой группы финского населения [14]. В.А. Буров в статье «К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов» делает вывод о том, что по украшениям, найденным в Новгороде, нельзя определить этнический состав его населения, в связи с заимствованием многих типов украшений славянами у балтов и финно-угров. Поэтому основной чертой и новгородской городской культуры и древнерусской культуры Новгородской земли является ее «интернационализм» [15]. Иная точка зрения высказана в статье А.Б. Варенова «Карельские древности в Новгороде (опыт топографирования)». В ней автор приходит к выводу о том, что карелы появлялись и проживали на трех концах Новгорода и на Рюриковом городище. По мнению А.Б. Варенова, топографирование карельских древностей показало, что вещевой материал может быть надежным источником по этнической истории Новгорода [16].

Существование диаметрально противоположных точек зрения на проблему присутствия и значения финно-угорского компонента в новгородской материальной культуре обусловлена двумя факторами. Во-первых, в Новгороде ни в домостроительстве, ни в керамике нет финно-угорских комплексов. Лингвистические исследования показали наличие в берестяных грамотах прибалтийско-финского языкового материала, в котором довольно многочисленную группу составили личные имена прибалтийско-финского происхождения. Однако прибалтийско-финский компонент не может считаться равноценным в новгородском диалекте, так как он составляет в основном лишь очень небольшой процент отдельных слов в берестяных грамотах [17].

Во-вторых, существенные разногласия вызывает оценка и интерпретация украшений финно-угорского облика, найденных в городском слое. Действительно, фрагментарность археологических источников не предполагает широких этноисторических ре-

конструкций. Однако, за долгие годы археологического исследования Новгорода, благодаря уникальной сохранности культурного слоя, проведению работ в разных частях города, а так же крупномасштабным раскопкам на Неревском (Неревский раскоп) и Людином (Троицкий раскоп) концах, была собрана огромная коллекция археологических древностей, которая делает выборку украшений финно-угорского облика достаточно представительной.

Таким образом, единственным информативным источником в новгородском материале остаются ювелирные украшения, среди которых есть предметы финно-угорского происхождения, что, как уже было сказано выше, не отрицается никем из исследователей. Установление их происхождения и подбор аналогий позволили выделить в эту группу отдельные типы в следующих категориях украшений: височные кольца, фибулы, булавки, привески, браслеты, перстни и спиральки-пронизки [18]. Всего было рассмотрено около 600 предметов из раскопов Неревского, Людина и Славенского концов средневекового Новгорода. Кроме того, коллекция финно-угорских украшений постоянно пополняется материалами еще неопубликованных археологических исследований последнего десятилетия. Следует так же отметить, что эта группа хронологически и топографически стабильна. То есть, предметы, связанные с кругом финно-угорских древностей, встречаются на протяжении всего археологически изученного хронологического периода (вторая половина X-XVв.) и известны на всех раскопах.

Наиболее распространенной группой украшений в раннем периоде новгородской истории (вторая половина X-XI вв.) были нагрудные украшения, прежде всего, подковообразные фибулы (более 100 экз.) (рис.1). Кроме того, к слоям этого времени относятся находки прибалтийских булавок (с треугольной, крестовидными головками и с кольцом, продетым через шарообразную головку) (рис.2:1,2,7). Фибулы и булавки широко использовались как балтскими, так и финно-угорскими народами. По своему происхождению эти нагрудные украшения можно связывать с кругом общебалтских древностей, что вполне закономерно, так как некоторые типы украшений были заимствованы прибалтийско-финскими племенами у балтов [19]. В новгородских археологических материалах эти предметы встречаются как в самых ранних слоях, так и в самых поздних. Можно предположить, что заимствование в новгородский костюм булавок и подковообразных фибул шло не от прибалтийско-финских племен, а параллельно с ними, от об-

щебалтской традиции. Возможно, в X-XI вв. и фибулы, и булавки могли использоваться в Новгороде по прямому назначению — в качестве застежек верхней одежды. Однако, в дальнейшем, с появлением булавок новгородских типов (с головками сложных форм, стилизованными и трехлопастными головками) (рис.2:4-4), эти украшения становятся декоративным элементом. Подобное использование прибалтийско-финских застежек прослежено и в древнерусских могильниках Северо-запада [20]. Видимо, в Новгороде, так же, как и на других древнерусских памятниках, в системе нагрудных украшений нарушается принцип симметричности, свойственный финно-угорскому костюму. Таким же образом, как декоративный элемент, в Новгороде могли использоваться цепедержатели (11 экз.) (рис.4), которые у прибалтийско-финских народов были конструктивным элементом костюма, являлись держателями цепей и крепились к фибулам или булавкам.

Развитие новгородского ремесла в XII в. и городских типов украшений приводит к сокращению финно-угорского компонента в новгородской культуре. Именно в это время предметы и технологии древнерусского ремесленного производства все более активно проникают в финно-угорские земли [21]. Примером применения древнерусских ремесленных приемов в создании украшений финно-угорского происхождения в самом Новгороде могут служить булавки с головками сложных форм (рис.2:5,6), выполненные в технике ложной зерни и филиграны [22].

Расцвет финно-угорских культур, вошедших в состав Новгородской земли, относится к XII-XIV вв., т.е. к тому времени, когда эти племена все более прочно попадают под власть Новгорода [23]. В это время их местный убор получает законченное оформление. Так, в процессе расширения границ Северо-западной Руси в ее состав были включены прибалтийско-финские племена воль, корела и ижора, а области их расселения образовали особые “земли” в пределах новгородских владений [24]. Еще одно направление интересов Новгорода заключалось в освоении Заволочья [25]. До недавнего времени считалось, что освоение Заволочья погостами произошло стремительно, не ранее первой трети XII в. Это мнение основывалось на изучении Устава князя Святослава Ольговича о церковной десятине 1137 г.. Из него следует, что к моменту его выдачи система погостов была распространена на значительные территории в бассейнах Онеги, Северной Двины и Печеры. Однако новые новгородские находки (деревянные замки-«цилин-

дры») свидетельствуют об освоении ряда дальних территорий уже в XI веке [26].

Развитие взаимоотношений Новгорода с этими племенами приводит к своеобразному славяно-финскому культурному синтезу и развитию своих форм украшений на этих территориях. Процесс взаимодействия Новгорода и этих племен находит отражение в новгородском археологическом материале и обуславливает количественный рост украшений финно-угорского происхождения в XIII-XIV вв. В основном это украшения широко распространенные у прибалтийско-финских племен. Среди них: подковообразные фибулы, разнообразные привески (Ф-образные, конусовидные, трапециевидные, «лапчатые привески, привески-ножны и зооморфные). Количество застежек верхней одежды (фибулы и булавки) в это время значительно возрастает, в основном за счет распространения булавок новгородских типов (со стилизованными и трехлопастными головками). Можно предположить, что в это время булавки были более популярны в новгородском костюме, чем фибулы. Они не встречаются у финно-угорских племен, так как в их костюме продолжают использоваться традиционные формы булавок (с крестовидными головками), что позволяет предположить существенную разницу в костюмах.

Наиболее многочисленную группу в этот период составляют зооморфные привески (69 экз.) (рис.3). Зооморфные привески широко распространены и на территории Древней Руси и у финно-угорских народов. Однако птицевидные привески, отражающие древнейшие космогонические представления финно-угорских народов [27], не получают широкого распространения в Новгороде. Культ коня известен и у финно-угров, и у балтов, и у славян. Синтез культурных традиций, вероятно, приводит к распространению в Новгороде коньковых привесок. Несомненно, что они изготавливались не только на экспорт, но широко использовались в новгородском костюме. Об этом свидетельствует тот факт, что амулеты этого типа распространены по всему Новгороду. Можно предположить, что существование этой группы украшений в Новгороде свидетельствует об устойчивости некоторых языческих воззрений в городской среде, которые при взаимодействии с языческим финно-угорским миром нашли свое отражение в использовании оберегов в виде коньков-амuletов. В данном случае происходит наложение славянской и финно-угорской мифологии, и в связи с этим именно амулеты-коньки, а не птицы получают распространение.

нение в Новгороде. Традиция использования в новгородском костюме зооморфных украшений становится особенно популярной во второй половине XIII — первой половине XIV вв. и, скорее всего, возникает при культурном взаимодействии с финно-угорскими племенами Новгородской земли.

Таким образом, в Новгороде наряду с традиционными древнерусскими украшениями в городском костюме использовались украшения финно-угорского происхождения, что составило своеобразие новгородского городского убора и обусловило многокомпонентность новгородской культуры. Следует отметить, что в сложении новгородского убора присутствовал прибалтийский компонент, а на раннем этапе — общебалтский, что свидетельствует о взаимосвязи и взаимовлиянии разных культурных традиций. На этой основе проявляются некоторые специфические черты убора, присущие исключительно Новгороду и не распространявшиеся за его пределы. Например, использование в костюме новгородских типов булавок. Однако уже в самых ранних изученных археологических слоях в Новгороде прослеживается сложившаяся городская культура, и процесс ее оформления выходит за рамки изучаемого отрезка времени. Таким образом, археологический материал X-XI вв. не может служить для подтверждения или опровержения гипотез о возникновении Новгорода и этнических групп изначального населения.

Проявления многокомпонентности новгородской городской культуры в разные хронологические периоды зависят от разных факторов. В первом периоде (X-XI вв.) в новгородской культуре прослеживается общебалтский компонент, который во втором периоде (XII в.) в результате развития городских форм украшений практически исчезает. В третьем периоде (XIII-XIV вв.) многокомпонентность новгородской культуры проявляется в увеличении количества украшений финно-угорского происхождения и в развитии их форм (булавки, полые привески-коньки) [28].

Наибольшее разнообразие предметов финно-угорского облика прослеживается на боярских усадьбах, владельцы которых были связаны с финно-уграми данническими взаимоотношениями, что в большинстве случаев подтверждается другими источниками, в том числе, берестяными грамотами. Так, например, найденные на усадьбе Б Неревского раскопа берестяные грамоты свидетельствуют о том, что владелец усадьбы собирал дань в Заволоцких землях. Грамота № 143 содержит одно слово: «Заволоцкое», по пред-

положению Л.В. Черепнина это этикетка к документам о сборе за- волоцкой дани. В берестяной грамоте № 52 упоминается река Кок- шенга [29] и река Пуя, протекающая в той же местности — это левый приток Ваги [30]. Новгородские погосты на Ваге и Сухоне известны с первой половины XII в. [31]. Вероятно, владельцы усадьбы с раннего периода новгородской истории собирали дань на северо-востоке Новгородской земли. Об этом свидетельствует находка в слоях XI в. деревянного замка-цилиндра с надписью «Емца гривны» [32]. Поэтому, можно предположить, что украшения финно-угорского происхождения, происходящие с этой усадьбы, могли попасть сюда из Заволоцких земель. Среди них: пластинчатая привеска-уточка, которая известна в литературе как приладожская (тип I), но встречается и на северо-востоке Новгородской земли [33]; привеска-уточка с рельефным орнаментом V типа происходящая из северных областей Восточной Руси [34]; одним из районов распространения полых коньков-амулетов с кольчачной гривой (7 серия) является бассейн Северной Двины [35]. Возможно, с этими землями связаны и другие украшения финно-угорского происхождения, найденные на усадьбе Б: узкопластинчатый перстень с орнаментом в виде косички, игольник с арочным навершием, привеска-ножны и трапециевидная привеска. То есть, в данном случае решающую роль в определении происхождения украшения играет не основной район распространения предмета, а вероятные связи владельцев усадьбы.

Особый интерес представляет комплекс карельских украшений конца XII – начала XIII вв., происходящий с одной усадьбы Троицкого раскопа [36], к которому относятся подковообразная фибула с орнаментом на дуге, карельская скорлупообразная фибула, “Ф-образная” привеска и двусpirальный цепедержатель. Вероятно, эти предметы составляли единый убор, аналогия которому найдена в одном из карельских могильников [37]. Необычно большое количество украшений на усадьбе В, относящиеся к одному хронологическому периоду и наличие в этом комплексе карельского убора можно считать неординарным явлением для городских усадеб Новгорода. Возможно, и на других усадьбах удастся выявить комплексы украшений, но яркость и уникальность комплекса усадьбы В очевидна. Видимо, этот комплекс свидетельствует о каком-то одномоментном событии, которое указывает на деятельность владельца усадьбы в Карельских землях, и о его стремлении закрепить связи с каким-то из карельских родов (может быть, по-

средством женитьбы одного из своих сыновей и вассалов на представительнице этого рода). Вряд ли убор был привезен только в качестве “сувенира”, скорее всего он мог принадлежать корелке, появившейся на этой усадьбе в начале XIII в. или в самом конце XII в.

Таким образом, анализ украшений финно-угорского происхождения, найденных в Новгороде, позволяет сделать вывод о том, что новгородская городская культура была изначально многокомпонентна, а ее сложение выходит за рамки изучаемого периода. Думаю, что в раннем периоде, в качестве компонентов, можно выделить украшения четырех групп: славянские, общебалтские, прибалтийско-финские и этнически неопределенные.

Развитие ремесла и сложение в XII в. городских типов украшений [38] приводит к «нивелировке» многокомпонентности в городской культуре. Тем не менее, многокомпонентность новгородской культуры не утрачивается с течением времени. С XIII в. новгородская материальная культура приобретает новые черты, что обусловлено включением в состав городского убора некоторых типов украшений финно-угорского происхождения и связано с развитием взаимоотношений Новгорода с финно-угорскими племенами. Некоторые черты этого убора сближают его с убором северо-западных районов Новгородской земли. Здесь древнерусское население использовало финно-угорские элементы, но применяло их к собственному покрою одежды и в качестве декоративного элемента [39]. Видимо, в Новгороде, так же, как и на других древнерусских памятниках, в системе нагрудных украшений нарушается принцип симметричности, свойственный финно-угорскому костюму.

Появление на отдельных усадьбах комплексов финно-угорских украшений, среди которых есть иноэтнические, т.е., не характерные, для Новгорода, на мой взгляд, являются косвенным подтверждением того, что финно-угры могли жить на этих усадьбах.

Примечания

1. Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 08-01-00234а)
2. Хвошинская Н.В. Славяне и финны на Северо-западе Древнерусского государства. Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук, М., 2008, с. 3.
3. Рябинин Е.А., Хвошинская Н.В. Культура прибалтийско-финского и русского населения северо-западных районов Новгородской земли на

- современном этапе ее археологического изучения // Финны в Европе VI-XV вв. вып. II. М., 1990. С. 46.
4. Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI-XIII вв. М., 1990. С. 126-127
 5. Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А. Чудь заволочская // Финны в Европе VI-XV вв. вып. II. М., 1990. С. 100.
 6. Кирпичников А.Н., Рябинин Е.А. Прибалтийско-финские племена в составе Древнерусского государства // Финны в Европе VI-XV вв. вып. II. М., 1990. С. 108.
 7. Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1974. № 2. С. 33-61.
 8. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981.
 9. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981. С. 180-181.
 10. Голубева Л.А., Варенов А.Б. Полые коньки-амулеты Древней Руси // СА, 1978, № 2. С. 229.
 11. Носов Е.Н. Финно-угры и Новгород // Финны в Европе VI-XV вв. Вып. II. М., 1990. С. 47-57.
 12. Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1974. № 2. С. 42.
 13. Носов Е.Н. Финно-угры и Новгород // Финны в Европе VI-XV вв. Вып. II. М., 1990. С. 53.
 14. Носов Е.Н. Финно-угры и Новгород // Финны в Европе VI-XV вв. Вып. II. М., 1990. С. 54.
 15. Буров В.А. К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов // СА. 1996. № 1. С. 34.
 16. Варенов А.Б. Карельские древности в Новгороде (опыт топографирования) // Новгород и новгородская земля. Новгород, 1997. С. 102.
 17. Хелимский Е.А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951-1983 гг) // М., 1986. С. 252-259.
 18. Покровская Л.В. Украшения балтского и финно-угорского происхождения средневекового Новгорода: систематизация, хронология, топография // Автореф. канд. дисс. М., 1998.
 19. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 19.
 20. Рябинин Е.А., Хвошинская Н.В. Культура прибалтийско-финского и русского населения северо-западных районов Новгородской земли на современном этапе ее археологического изучения // Финны в Европе VI-XV вв. вып. II. М., 1990. С. 43.
 21. Кирпичников А.Н., Рябинин Е.А. Прибалтийско-финские племена в составе Древнерусского государства // Финны в Европе VI-XV вв. Вып. II. М., 1990. С. 101-102; Рябинин Е.А., Хвошинская Н.В. Культура прибалтийско-финского и русского населения северо-западных районов Новгородской земли на современном этапе ее археологического изучения // Финны в Европе VI-XV вв. Вып. II. М., 1990. С. 41-47; Рябинин

Е.А. Финно-угорские племена Новгородской земли на современном этапе историко-археологического изучения // Древности Северо-Запада. СПб., 1993. С. 114-130.

22. Покровская Л.В. Булавки с головками сложных форм // Новгород и Новгородская земля. Вып. 9 (Материалы научной конференции), Новгород, 1995. С. 181-191.

23. Кирпичников А.Н., Рябинин Е.А. Прибалтийско-финские племена в составе Древнерусского государства // Финны в Европе VI-XV вв. вып. II, М., 1990. С. 108.

24. Рябинин Е.А. Финно-угорские племена Новгородской земли на современном этапе историко-археологического изучения // Древности Северо-Запада. СПб., 1993. С. 114.

25. Янин В.Л., Колчин Б.А. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 126.

26. Янин В.Л. У истоков новгородской государственности, М., 2006. С. 66.

27. Рябинин Е.А. Археологический материал как источник для изучения финской религии // Финны в Европе VI-XV вв. М., 1990. С. 182-183; Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XV вв. // САИ ЕI-60. Л., 1981. С. 55; Голубева Л.А., Варенов А.Б. Полые коньки-амулеты Древней Руси // СА. 1978. № 2. С. 238.

28. Покровская Л.В. Украшения балтского и финно-угорского происхождения средневекового Новгорода: систематизация, хронология, топография // Автореф. канд. дисс. М., 1998.

29. Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954, с. 44.

30. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977-1983 гг.). Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951-1983 гг.). М., 1986. С. 225.

31. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 94.

32. Янин В.Л. Археологический комментарий к «Русской правде» // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. М., 1982. С. 138.

33. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XV вв. // САИ ЕI-60. Л., 1981. С. 14-15.

34. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XV вв. // САИ ЕI-60. Л., 1981. С. 18.

35. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XV вв. // САИ ЕI-60. Л., 1981. С. 42.

36. Комплекс ювелирных украшений усадьбы В Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля: история и археология. В. Новгород, 2005. С. 120-132.

37. Кочкурина С.И. Археологические памятники корелы. Л., 1981. С. 90.

38. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (Х-XV вв.). М., 1981. С. 182.

39. Рябинин Е.А., Хвошинская Н.В. Культура прибалтийско-финского и русского населения северо-западных районов Новгородской земли на современном этапе ее археологического изучения // Финны в Европе VI-XV вв. Часть II. М., 1990. С. 41-47.

*О.В.Кардаш,
г. Нефтеюганск,
Т.М.Пономарева,
г.Екатеринбург*

СТОЯНКА КУЛАЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКОЙ ТУНДРЕ

Проблема связи северных (таежных и тундровых) районов Приуралья и Западной Сибири на археологическом материале сформулирована в литературе давно и для различных периодов, начиная с неолита и заканчивая средними веками [Косинская Л.Л., 1997; Морозов В.М., Чемякин Ю.П., 1991; Мурыгин А.М., 2004 и др.]. Относительно характера подобных связей, их направления и т.д. большую роль играет степень изученности территории и количество доступных источников. На сегодняшний день, хотя тундровые районы уже не являются пресловутым «белым пятном» на археологической карте, все же уровень их изученности очень невысок, и, что важно, неравномерен для различных хронологических эпох. Если для средневекового времени имеется уже ряд выявленных, изученных раскопками и опубликованных комплексов, то находки периода раннего железного века остаются единичными. В этих условиях важны даже самые небольшие и фрагментарные свидетельства.

Летом 2006 г. экспедицией ООО «Северная археология-1» под руководством Г.П. Визгалова в ходе обследования, проводившегося в северо-западной части Приуральского района Ямalo-Ненецкого автономного округа (Тюменская обл.) в зоне строительства магистрального газопровода «Бованенково – Ухта», был выявлен комплекс археологических памятников близ оз. Коматы [Визгалов Г.П., 2006]. Комплекс, включающий пять стоянок (Ко-

маты 1, 2, 3, Коматысё 1, 2), был исследован раскопками в течение двух полевых сезонов — летом 2007 и 2008 г. экспедицией под общим руководством О.В. Кардаша [Пархимович С.Ю., 2007; Кардаш О.В., 2007; Петрова Е.Н., 2007; Чибиряк В.Э., 2007; Кардаш О.В., 2008].

В итоге, в раскопах, общая площадь которых составила 1747 кв. м., было выявлено 34 очага, вероятнее всего, маркирующих остатки наземных каркасных построек типа яранг или чумов. На основании полученных коллекций (с общим количеством предметов — 4871), а также данных радиоуглеродного анализа, стоянка Коматы 1 была отнесена к энеолитическому времени (кон. IV — нач. III тыс. до н.э.), а материалы стоянки Коматы 2, 3, Коматысё 1, 2, в основной массе предметов, получили широкую датировку: средние века (VI—VII — X—XI вв.) — новое, новейшее время (XVIII — XX вв.).

В коллекции, полученной при раскопках стоянки Коматысё 2, наше внимание привлекли фрагменты одного из керамических сосудов, имеющего значительные отличия орнамента от всех остальных [Чибиряк В.Э., 2007, с. 30 — 31; рис. 92]. Охарактеризуем, в первую очередь, условия их нахождения и приведем описание.

В южной части раскопа в уч. Ш-Э/72-75 был обнаружен очаг № 6, который фиксировался как линза бурого суглинка с углистыми прослойками и золистыми пятнами округлой формы (размеры 1,2 x 1,0 м, мощность слоя — 0,15 м). В очажном слое и около него были найдены скопления фрагментов керамических сосудов. В том числе, приблизительно в 1 м к СВ от очага находилось 9 фрагментов, относящихся к одному керамическому сосуду: 4 фрагмента венчика и 5 фрагментов стенок (сосуд № 10, уч. Ч/75). Фрагменты придонной части и дна отсутствуют (рис. 2-1).

Сосуд реконструируется как горшок, горловина открытая, переход от верхней части тулова к нижней представляет собой довольно четкий перегиб. Диаметр устья — 28 — 30 см. Венчик утолщен — 0,9 см, толщина стенок составляет 0,5 — 0,6 см. Орнамент расположен в верхней части сосуда и спускается ниже перегиба, т.е. занимает более половины внешней поверхности сосуда. Срез венчика украшен наклонными оттисками гребенчатого штампа; под венчиком расположен поясок ямочных вдавлений. Узор представляет собой горизонтально расположенные полосы, прочерченные гребенчатым штампом, а также выполненные оттисками вертикально поставленного трехчленного штампа (из двух уголков и уточки).

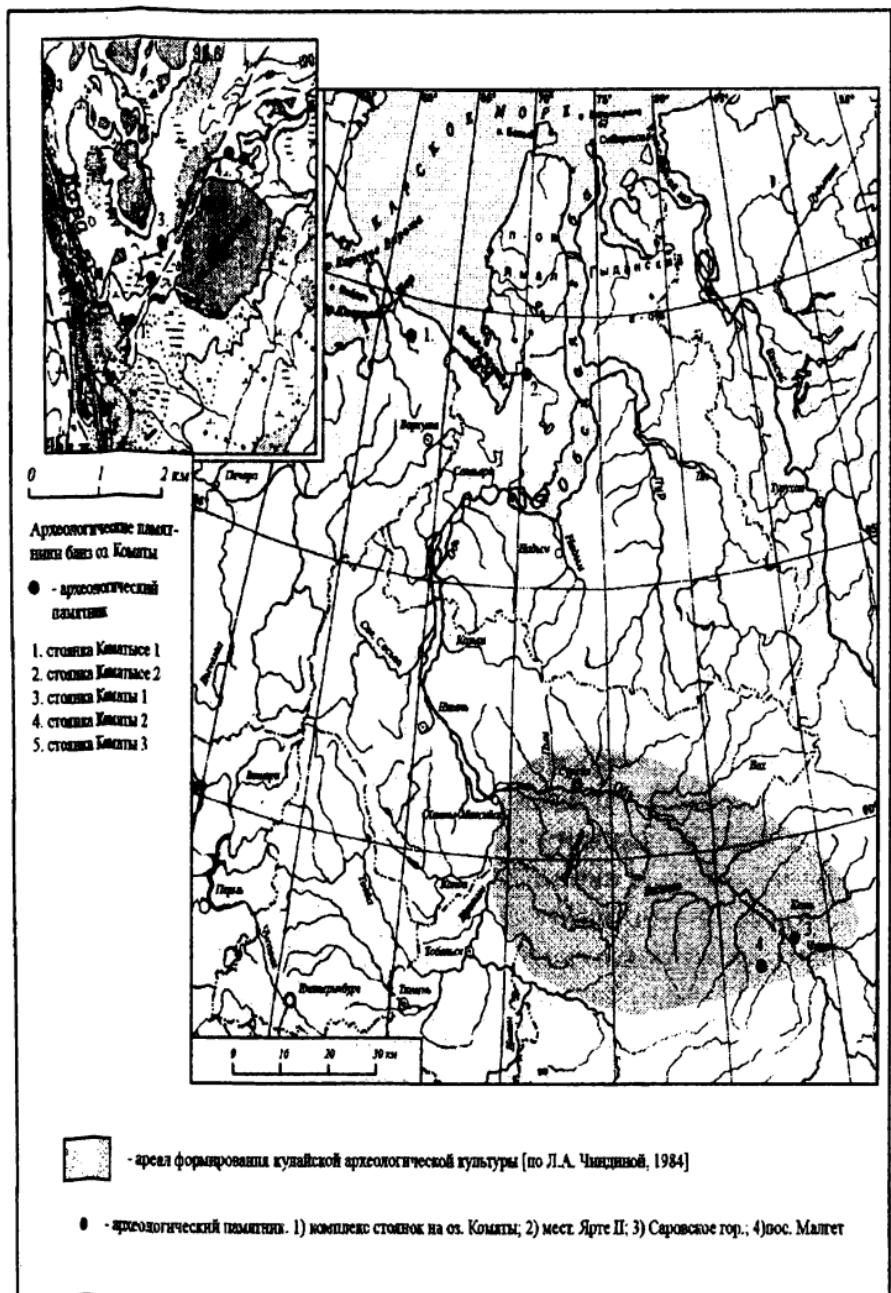

Рис. 1. Карта. Расположение комплекса памятников близ озера Коматы (Приуральский р-н, Ямало-Ненецкий автономный округ). Ареал формирования кулайской археологической культуры [по: Чиндина Л.А.. 1984]

Судя по форме и орнаменту, этот сосуд может быть датирован ранним железным веком. В.Н. Чернецов считал трехчленный штамп одним из основных индикаторов керамики пост-устюпольского времени — выделенного им ярсалинского типа (II — III в. н.э.) [Чернецов В.Н., 1957, с. 160]. По классификации Л.А. Чиндиной сосуд можно отнести к 7 типу, время существования которого определяется саровским этапом кулайской культуры [Чиндина Л.А., 1984, с. 90 — 91].

Прямые аналогии обнаруженному при раскопках стоянки Коматысё 2 сосуду есть, например, на поселении Малгет, расположенным в Среднем Приобье [Чиндина Л.А., 1984, с. 249, рис. 43-3] (рис. 2-2). Следует обратить внимание на несомненное западно-сибирское происхождение орнаментальной традиции, в которой выполнен сосуд со стоянки Коматысё 2. На сегодняшний день это единственная находка подобного рода в Большеземельской тундре, относящаяся к раннему железному веку и типологически идентичная кулайским материалам, основной ареал распространения которых локализован в Среднем Приобье. Следует также заметить, что в комплексе у оз. Коматы других фрагментов керамики, относящихся к раннему железному веку, нет.

В тундровой зоне Арктического Севера Западной Сибири (по крайней мере, судя по опубликованным данным) находка керамического сосуда, типологически подобного посуде кулайской археологической культуры, до настоящего времени была известна всего одна. Сделана она на местонахождении Ярте II, расположенным в нижнем течении р. Юрибей [Брусницына А.Г., Ощепков К.А., 2000, с. 85, С. 108, рис. 29-5]. Там были обнаружены три фрагмента от одного керамического сосуда (рис. 2-3). Сосуд слабо профилированный, венчик скошен внутрь и имеет «карнизику» с внутренней стороны сосуда, ниже края венчика нанесен поясок ямочных вдавлений. Орнамент верхней части сосуда состоит из сочетания горизонтальных рядов волнистых линий, сформированных гребенчатым штампом, и разделительными зонами, выполненными оттисками вертикально поставленного гребенчатого штампа. Этот штамп отдельно характеризуется диагональным расчленением зубьев. Судя по орнаментальной композиции, этот сосуд, также датируемый саровским этапом кулайской культуры, имеет большую серию аналогий, в том числе в материалах саровского городища и поселения Малгет [Чиндина Л.А., 1984, с. 250, рис. 44]. Следует заметить, что другие находки фрагментов керамических сосудов

из комплекса памятников на р. Юрибей, отнесенные А.Г. Бруснициной и К.А. Ощепковым к раннему железному веку, типологически не соотносятся с орнаментацией сосудов кулайской культуры.

В настоящее время в Нижнем Приобье не известно памятников кулайской культуры, идентичных памятникам центрального ареала, локализующегося в Среднем Приобье. Памятники раннего железного века Нижнего Приобья в разное время имели разное культурное определение. Кратко отметим лишь основные моменты. В.Н. Чернецов, а затем В.И. Мошинская, выделяли эти памятники в отдельную группу: усть-полуйская культура и следующий за ней ярсалинский этап [Чернецов В.Н., 1953; 1957; Мошинская В.И., 1953]. В обобщающей работе Л.А. Чиндина включила все нижнеобские памятники в границы кулайской культуры, а также обозначила как саровскую ярсалинскую и усть-полуйскую керамику [Чиндина Л.А., 1984, с. 167].

В настоящее время нижнеобские памятники раннего железного века, если и включаются в ареал кулайских древностей, то в более

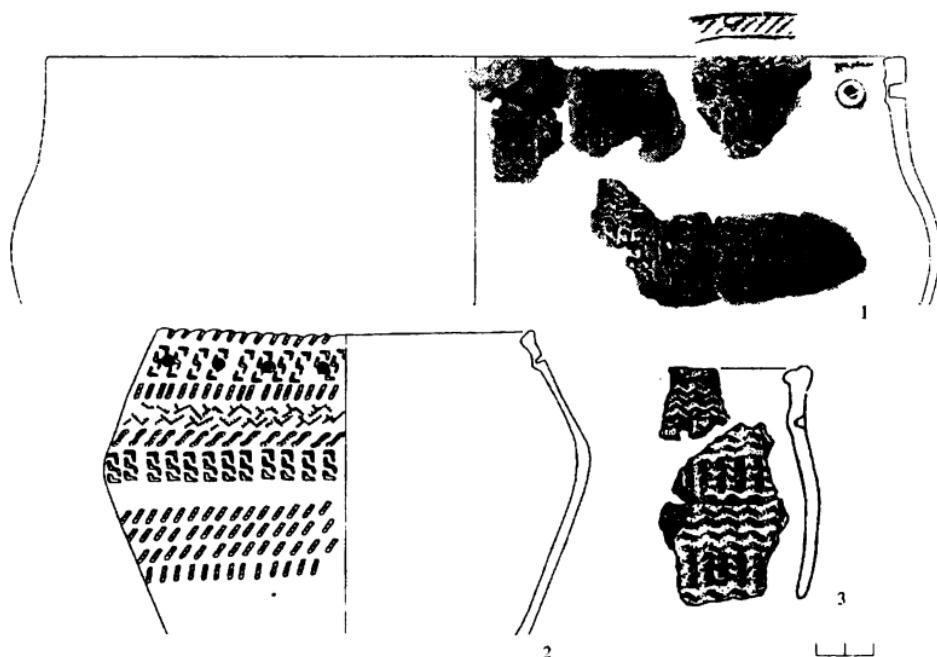

Рис. 2. Керамические сосуды. 1) Стоянка Коматысе 2; 2) пос. Малгет [по: Чиндина Л.А., 1984]; 3) мест. Ярте II [по: Брусницына А.Г., Ощепков К.А., 2000]

широких рамках общности, а не единой археологической культуры. Исследователями была признана культурная обособленность памятников первой половины раннего железного века, которые были обозначены как перегребинский тип [Чемякин Ю.П., Морозов В.М., 1991, с. 101 – 102; Морозов, Дубовцева, 2008, с. 353]. Ю.П. Чемякин подчеркивает что синдейские и ярсалинские материалы следует рассматривать в рамках кулайской общности [Чемякин Ю.П., 1995, с. 203]. В.М. Морозов на поселении Перегребное 2 выделяет комплекс керамики раннего железного века, где присутствуют фрагменты соудов ярсалинского (3 группа по Мошинской) и усть-полуйского типа. Аналогией этим комплексам он считает кулайскую керамику Среднего Приобья [Морозов В.М., 1993, с. 211 – 212].

Таким образом, тема, касающаяся культурной идентификации памятников раннего железного века в Нижнем Приобье, в настоящее время является дискуссионной. Важным препятствием для однозначных выводов является малое количество известных материалов. Мы не ставим задачу решать эту проблему, заметим лишь, что дискуссия основывается на наличии элементов культурных отличий между средне- и нижнеобскими памятниками кулайского времени. Следует лишь отметить, что в Нижнем Приобье, в настоящее время, не известно археологических памятников, по архитектуре строений и керамической посуде абсолютно аналогичных кулайским поселениям и городищам Среднего и Верхнего Приобья.

Сейчас собственный ареал памятников кулайского типа локализуется в Среднем – Сургутском и Нарымском Приобье. Л.А. Чиндина считала исконной территорией кулайской культуры Нарымское Приобье, где в основе формирования классического кулайского типа лежат васюганские древности [Чиндина Л.А., 1984]. В работах Ю.П. Чемякина показано, что кулайская культура в Сургутском Приобье формируется на основе взаимодействия белоярской и калинкинской культур. Он также признает исконной для кулайской культуры территорию, обозначенную Л.А. Чиндиной, и высказывает мысль о том, что к западу от сургутского Приобья кулайская культура могла сформироваться на местной основе [Чемякин Ю.П., 2008, с. 90 – 98]. Северная граница ареала определяется нечетко, ввиду малой изученности территорий, но, если следовать вдоль Оби, то, судя по известным данным, первые некулайские памятники относятся к комплексу, расположенному около пос. Перегребное.

Следует отметить, что мы придерживаемся мнения, согласно которому керамика, в отличие, в частности, от изделий из металла, может маркировать именно передвижения населения, в то время как металлические вещи — наконечники, ножи и т.п. без типологически идентичной керамики мы не можем расценивать как факты непосредственного присутствия населения, т.к. они могут перемещаться в качестве товаров или военных трофеев. Исследователи отмечали особую роль орнаментированной керамической посуды в традиционных обществах. Есть такие замечания и для кулайской культуры. Л.В. Панкратова, опираясь на материалы этнографических исследований, на основании изучения комплекса керамики Саровского городища предполагает, что его обитатели могли обмениваться орнаментированными частями разбитого керамического сосуда внутри городища, для символического установления связей между представителями каких-либо групп в процессе ритуала; также исследователь упоминает об аналогичных наблюдениях, произведенных на Усть-Киндинском городище [Панкратова Л.В., 2008, с. 295]. Вероятно, орнаментированные фрагменты посуды могли быть использованы как своего рода пограничные знаки, маркирующие принадлежность территорий. Именно этот смысл, вероятно, могут нести единичные фрагменты орнаментированных сосудов, обнаруженные в иной культурной среде, или вне какого-либо синхронного культурного контекста.

Возвращаясь к материалам стоянок Коматысё 2 и Ярте II, можно отметить, что означенные памятники, содержащие фрагменты типологически кулайских сосудов, и удаленные от основного ареала кулайской культуры, локализованного в Среднем Приобье, позволяют в некотором смысле очертить северную границу — не распространения, но проникновения носителей Кулайской культуры в тундровую зону Арктического Севера Западной Сибири и Приуралья в позднекулайское саровское время. Можно предполагать, что в предшествующий период существовали какие-либо препятствия для передвижений подобного рода, вероятно, таким препятствием могло быть население Нижнего Приобья. Следует также учитывать признаваемое исследователями, наличие определенного уровня политической организации у населения кулайской культуры в саровский период [Чиндина Л.А., 1984, с. 165, 170]. И, наконец, можно предположить, что подобные стоянки являются результатом разведочных походов, которые население кулайской культуры предпринимало с целью оценки ресурсов сопредель-

ных территорий; единичные фрагменты орнаментированной керамики могут маркировать границы их передвижений. Как показывают материалы исследований, такие походы в период раннего железного века не имели продолжения.

Примечания:

1. Брусницына А.Г., Ощепков К.А. Памятники археологии Среднего Ямала (левобережье нижнего течения р. Юрибей) // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург – Салехард: УрО РАН, 2000.
2. Визгалов Г.П. Отчет о НИР. Полевые исследования в рамках охранных археологических работ (разведок) в зоне строительства магистрального газопровода «Бованенково-Ухта» по территории Ямalo-Ненецкого автономного округа на участке км 0 – км 288. Нефтеюганск, 2006.
3. Кардаш О.В. Отчет о НИР. Аварийные раскопки стоянок Коматы 2 и Коматы 3 на оси системы магистральных газопроводов «Бованенково – Ухта» в Приуральском районе Ямalo-Ненецкого автономного округа. Нефтеюганск, 2007.
4. Кардаш О.В. Отчет о НИР. Проведение полевых исследований по аварийным раскопкам археологических памятников на трассе объекта «Линейная часть, 1-я нитка. Участок км 186,7 – 526,7» системы магистральных газопроводов «Бованенково – Ухта» в пределах Приуральского района Ямalo-Ненецкого автономного округа (в границах км 284 – км 287) летом 2008 г. Нефтеюганск, 2008.
5. Косинская Л.Л. Новокаменный век: хозяйство и образ жизни населения по обе стороны Урала // Уральский исторический вестник. Вып. 4. Екатеринбург, 1997.
6. Морозов В.М. Памятники археологии у пос. Перегребное на Оби // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993.
7. Морозов В.М., Дубовцева Е.Н. Керамический комплекс эпохи раннего железного века городища Перегребное VI // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Материалы Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008.
8. Морозов В.М., Чемякин Ю.П. Культуры Нижнего Приобья эпохи железа и их связи с Европейским Северо-Востоком // Проблемы историко-культурной среды Арктики: тез. докл. Междунар. симпозиума (Сыктывкар, 16–18 мая 1991 г.) – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО АН СССР, 1991.
9. Мошинская В.И. Керамика усть-полуйской культуры // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1953. № 35.
10. Мурыгин А.М. Западносибирский этнокультурный компонент на крайнем северо-востоке Европы: ареал посещения или многовекового обитания // Четвертые берсовские чтения. Екатеринбург, 2004.

11. Панкратова Л.В. Обменные отношения в кулайском обществе (по материалам керамического комплекса Саровского городища) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Материалы Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. — Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008.
12. Пархимович С.Ю. Отчет о НИР. Аварийные раскопки стоянки Коматы 1 на оси системы магистральных газопроводов «Бованенково — Ухта» в Приуральском районе Ямalo-Ненецкого автономного округа. Нефтеюганск, 2007.
13. Петрова Е.Н. Отчет о НИР. Аварийные раскопки стоянки Коматысё 1 на оси системы магистральных газопроводов «Бованенково — Ухта» в Приуральском районе Ямalo-Ненецкого автономного округа. Нефтеюганск, 2007.
14. Чемякин Ю.П. Еще раз об усть-полуйской культуре // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во ТГУ, 1995.
15. Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут — Омск, 2008.
16. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1953. № 35.
17. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. М.: 1957. № 58.
18. Чибиряк В.Э. Отчет о НИР. Аварийные раскопки стоянки Коматысё 2 на оси системы магистральных газопроводов «Бованенково — Ухта» в Приуральском районе Ямalo-Ненецкого автономного округа. Нефтеюганск, 2007.
19. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во ТГУ, 1984.

*О.В. Кардаш,
К.Ю.Красильникова,
г. Нефтеюганск*

МАЛОГАБАРИТНАЯ ЖИЛАЯ ПОСТРОЙКА КУЛАЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам исследований селища Атмпельурий 12)

Летом 2008 г. комплексной научно-исследовательской экспедицией ООО «НПО «Северная археология-1», под общим руководством О.В. Кардаша, проводились аварийные археологические исследования селища Атмпельурий 12, расположенного в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа. Памятник был поврежден в 2001 – 2002 гг. при обустройстве разведочной буровой Р-113 на территории Средне-Угутского месторождения нефти, разрабатываемого ООО «РН-Юганскнефтегаз». Селище было выявлено в 2007 г. разведочной группой под руководством О.В. Кардаша, о чём был уведомлен непосредственный виновник ООО «РН-Юганскнефтегаз», который в 2008 г. профинансировал противоаварийные работы [Кардаш О.В., 2009]. В результате этих исследований были изучены остатки нескольких сооружений, среди которых одна жилая постройка значительно отличалась своими малогабаритными размерами. Поскольку ранее подобные строения не вводились в научный оборот, мы сочли необходимым опубликовать её и дать первичный анализ.

Селище Атмпельурий 12 находится в Сургутском р-не Ханты-Мансийского АО-Югра, в 10,2 км к ЮЗ от пос. Угут, в 2,9 км к ЮВ от современных юрт Когончинских летних (рис. 1). Памятник входит в состав комплекса объектов культурного наследия «Когончины», в составе которого на настоящий момент выявлено более

126 объектов археологии и 14 объектов этнографии [Кардаш О.В., 2009].

Памятник расположен на правом берегу р. Большой Юган. Селище расположено в 0,8 км к югу от стариичного оз. Атмпельурий на правом берегу старицы, акватория которой смыкается со старицей Атмпельурий. Остатки строений селища занимают возвышенную часть берегового вала и его подножия. Селище Атмпельурий 12 состоит из 9 видимых на поверхности объектов.

Объект № 1 — прямоугольная впадина размером 4x6 м, глубиной 0,5 м, с обваловкой шириной 1,5-2 м. Объект № 2 — округлая впадина диаметром 3 м, глубиной 0,3 м, с обваловкой шириной 1-1,5 м. Объект № 3 — квадратная впадина размером 5x5 м, глубиной 0,3 м, с обваловкой шириной 2-2,5 м. Объект № 4 — квадратная впадина размером 3x3 м, с обваловкой шириной 2-2,5 м. Объект № 5 — впадина овальной формы размером 1,5x2,0 м, с обваловкой шириной 1,5-2 м. Объект № 6 — квадратная впадина размером 7x7 м, без обваловки. Объект № 7 — прямоугольная впадина размером 5x6 м, с обваловкой шириной 2-2,5 м. Объект № 8 — прямоугольная впадина размером 2,0x3,0 м, с обваловкой шириной 1,5-2,0 м. Объект № 9 фиксировался на поверхности как овальная впадина, наполовину разрушенная трассой и засыпанная валом. Размер оставшейся части впадины составляет 2x3 м, обваловка фиксировалась с юго-западной стороны, где ее ширина составляла не менее 1,5 м.

Из 9 впадин памятника 6 объектов примыкали к трассе и частично повреждены ею. Это жилищные впадины № 1 — 5, 9. Было принято решение о раскопках двух наиболее поврежденных объектов № 5 и 9, а также участков территории, примыкавших к трассе, что позволило бы получить необходимую информацию для объективного научного описания памятника.

На территории селища Атмпельурий 12 был заложен раскоп общей площадью 530 кв. м. Территория раскопа была разбита на 3 сектора для удобства исследования и описания. Сектор 1 включал объект № 5, сектор 2 включал участок селища, поврежденный трассой, где располагалась группа небольших ям, и сектор 3 включал объект № 9. Квадраты раскопа 1 с севера на юг были пронумерованы арабскими цифрами «100-133», по горизонтали с запада на восток обозначены буквами русского алфавита «Г-А'».

Первоначально объект №5, находившийся в северной части раскопа 1 на уч. Д-М/101-109, воспринимался как хозяйственн

яма или яма-ловушка. Первые очертания постройки появились уже после снятия 5 см слоя. На уч. Д-М/102-108 хорошо проявились границы валообразной насыпи. На уровне первой фиксации на глубине – 0,89 – 1,10 м границы обваловки и котлована жилища хорошо фиксировались на фоне белого подзола. В плане проявилось центральное углубление подпрямоугольной формы, окруженнное валообразной насыпью. Ориентация объекта по сторонам света была направлена по оси юго-запад – северо-восток. Общие габаритные размеры обваловки по наружному контуру составляли 5 х 7 м. Ширина обваловки была 1,5 – 2 м, размеры центрального пространства впадины составляли 2,5 х 3,2 м.

Далее производилась разборка слоя обваловки до уровня второй фиксации на глубине 1,18 – 1,20 м. На этом уровне очертания котлована локализовались на участке Ж-Л/103-107. В плане котлован имел форму прямоугольника (трапеции) размерами 3,2 х 2,5 м. Очертания котлована хорошо фиксировались на фоне материка. На этом же уровне были выявлены первые очертания центрального очага № 1 на уч. З-И/105-106 (рис. 2).

Ниже, на уровне -1,23 м проявились еще более четкие очертания границ котлована жилища и центрального очага № 1. Размеры котлована на уровне дна сократились до 2,7 х 2,4 м. В разрезах (А-А', Г-Г'), за счет углубленного очага, котлован принимает чащебразную форму с неровным полом и наклонными стенками. В целом, на разных участках дна жилища глубина котлована не превышала 20 см от уровня погребенного подзола. Заполнение котлована состояло из слоя серо-желтого песка с примесью мелкого угля (рис. 3).

В центре постройки зафиксирован очаг № 1, который располагался на уч. З-И/105-106 (рис. 4). На уровне -1,34 м очаг фиксировался в центральной части котлована в виде овальной линзы серо-коричневой супеси с включениями угольков и мелкой кальцинированной кости, вытянутой по оси север-юг. Размер его на этом уровне составлял 1,1x0,7 м. На уровне -1,65 м зафиксирована нижняя часть очага, углубленная ниже уровня пола. Очаг значительно сократился в размерах, но сохранил овальную форму. Судя по стратиграфическому разрезу А-А', мощность очажного слоя максимально составляла 15-18 см. (рис. 4). Очаг был расположен на полу котлована постройки в небольшом углублении. В заполнении очага было найдено несколько мелких фрагментов керамических сосудов.

Непосредственно около постройки № 5 было выявлено 4 *внешних ям* (ямы №№ 1-4).

Яма 1 расположена на уч. Д-Е/104-105, примыкала вплотную с северо-запада к наружной границе обваловки. Первые четкие очертания ямы зафиксированы на уровне –1,01–1,13 м от условного нуля. На этой глубине яма имела в плане прямоугольную форму с нечеткими границами, она была вытянута с юго-запада на северо-восток, длинной стороной почти примыкала к границе обваловки. На горизонте – 1,22–1,27 м проведена вторая фиксация, на которой четко виден контур ямы. Форма ямы в плане прямоугольная, размеры – 1,5x0,7 м. На уровне третьей фиксации – 1,30–1,34 м зафиксирована придонная часть ямы. Заполнение ямы не является однородным, это серо-желтый песок с углистыми прослойками и включениями. Судя по разрезу дно ямы уплощенное, стенки – наклонные.

Яма 2 расположена на уч. И/101 около внешней границы обваловки жилища с северо-запада. Первые четкие очертания ямы зафиксированы на уровне -0,92 м. На этой глубине яма имела в плане округлую форму. На горизонте – 1,26–1,27 м форма ямы в плане овальная, её размер 1,0x0,7 м. На глубине 1,38 м в плане имела аморфную форму. Заполнение ямы – серый оподзоленный песок с включениями угля. В заполнении ямы на уч. И/101, уровень – 1,18 м найдены фрагменты керамических сосудов №1, 2. В разрезе яма имела форму конуса, с наклонными стенками.

Яма 3 расположена на уч. К-Н/103-104 около северо-восточной внешней границы обваловки. Первые очертания ямы фиксировались на глубине 0,89 м. На этом уровне под слоем серо-желтого песка обваловки проявились два округлых пятна с многоцветным заполнением размерами от 0,5 до 0,7 м. Первые четкие очертания ямы зафиксированы на уровне -1,20 м. На этой глубине яма имела аморфную форму и была вытянута с юго-запада на северо-восток. Размер ямы 2,4x0,8 м. На уровне -1,25 м размер ямы уменьшился до 1,5x0,7 м, форма стала более аморфная. Заполнение ямы серо-желтый перемешанный многоцветный песок с углистыми прослойками. В заполнении найдено несколько фрагментов керамических сосудов на уровне -1,11 м и -1,20 м. Судя по разрезу стенки углубления наклонные, дно плоское. Вероятно, яма 3 представляла собой яму от вывернутого с корнем дерева, частично разрушившего внешнюю яму постройки № 5.

Яма 4 расположена на уч. Л-М/105-108, примыкала с ЮВ к внешней границе обваловки. Первые очертания ямы фиксирова-

лись на уровне – 0,95–1,06 м. В плане представляла аморфное пятно сложной формы размером до 2,0 м. Первые четкие очертания ямы зафиксированы на уровне -1,20 м. На этой глубине яма имеет в плане овальную форму, Ю сторона ямы разрушена перемешанным слоем, образовавшимся от вывернутого с корнем дерева. Размер ямы – 1,1x0,5 м. На горизонте – 1,26–1,28 м контур ямы в плане имел аморфную Г-образную форму, размер 1,7x0,3 м. Глубина ямы составляла 40-45 см от уровня первой фиксации -0,95 м. Судя по профилю яма имела прямые стенки, дно неровное. Заполнение ямы состояло из серо-белого песка с вкраплениями угля и желто-коричневого песка.

Таким образом, в секторе 1 были исследованы остатки наземной постройки со слaboуглубленной центральной частью – небольшим котлованом подпрямоугольной формы размером 3,0 x 2,5 м и глубиной 0,1 – 0,15 м. Судя по всему, ямы 1-4 являлись внешними относительно объекта 5. В центре постройки зафиксирован очаг аморфной формы размером 0,6 x 1,1 м, который был сооружен в небольшом углублении в котловане постройки. В восточном углу постройки удалось зафиксировать одну столбовую ямку, что позволяет предположить, что конструкция постройки была каркасно-столбовая. Следует подчеркнуть особую значимость этого раскопанного жилища, поскольку, на сегодняшний день, это самая маленькая жилая постройка из известных для данной культуры и периода.

В пространстве самой постройки и внешних ямах, связанных с её строительством, обнаружены фрагменты керамических сосудов, орнаментированные фигурным штампом в форме «птички» и «волны», характерных для посуды кулайской археологической культуры (рис. 5).

Фрагменты сосуда № 1 найдены во внешней яме № 2 постройки № 5, квадраты И/101-102, уровень -1,18 м (рис. 5 А). Характер залегания фрагментов сосудов № 1 и № 2, располагавшихся скоплением, свидетельствует о том, что сосуды не были целыми и на стоянке оставлены частично в виде нескольких крупных кусков.

Сосуд реконструируется как горшок с открытой горловиной диаметром 12-13 см, со слабо выраженной шейкой. Тулово округлое, слегка раздутое, диаметром около 16-17 см. Высота сосуда достоверно не реконструируется, вероятно, до 15 см. Толщина стенок 0,3 – 0,4 см. Край венчика плоский, скошен наружу, верхняя поверхность украшена оттисками фигурного штампа «уточки»,

поставленными вертикально. Орнамент верхней части сосуда выполнен горизонтальными зонами и занимает не более половины высоты горшка. На внешней стороне венчика нанесен узорчатый поясок фигурным штампом («уточки»), затем поясок ямочных вдавлений, после него расположены два ряда оттисков, выполненных фигурным штампом («уточки»), затем зона, состоящая из трех рядов этого штампа, выполненных горизонтально в виде волны. Завершают узор два ряда вертикальных штампов («уточки»), далее тулово без орнамента переходит в округлое дно.

Фрагменты сосуда № 2 найдены также во внешней яме № 2, квадрат И/102, уровень -1,18 м (рис. 5 Б). Обнаружено только два фрагмента венчика с орнаментом.

Сосуд реконструируется как горшок с открытой горловиной диаметром 20-25 см и слабо выраженной шейкой. Высота сосуда достоверно не реконструируется. Толщина стенок сосуда 0,4 – 0,6 см. Край венчика плоский, скошен внутрь, поверхность украшена оттисками фигурного штампа. По наружному краю венчика идет полоса оттисков фигурного штампа («уточки»), установленного вертикально. Ниже расположен поясок «жемчужин», под которым четыре горизонтальных ряда, выполненных вертикально поставленным фигурным штампом («уточки»).

Фрагменты сосуда № 3 найдены в заполнении постройки № 5, квадраты И/103, К/105, уровень -1,14–1,41 м (рис. 5 В).

Сосуд реконструируется как горшок с открытой горловиной диаметром 20-25 см. Высота сосуда достоверно не реконструируется. Толщина стенок в верхней части 0,6–0,7 см. Край венчика скошен внутрь и украшен оттисками волнистого штампа, поставленными вертикально, такой же полосой орнамента украшен и наружный край сосуда. Ниже расположен пояс ямочных вдавлений, выполненных довольно неровно. Далее две горизонтальных полосы вертикально поставленного волнистого штампа.

Фрагмент сосуда № 4 найден в заполнении постройки № 5, квадрат 3/106, уровень 1,21 м (рис. 5 Г).

Сосуд реконструируется как малая мисочка с открытой горловиной диаметром 8–10 см. Высота сосуда 5–7 см. Толщина стенок в верхней части 0,4–0,5 см. Край венчика украшен оттисками волнистого штампа, расположенными горизонтально. Между оттисками чередуются «жемчужинки». Ниже расположен поясок оттисков волнистого штампа. Далее две горизонтальные полосы вертикально поставленного волнистого штампа. Завер-

шает композицию поясок волнистого горизонтального штампа. Тулово без орнамента.

Форма и орнаментальные композиции сосудов позволяют определить культурно-хронологическую принадлежность постройки № 5 как памятника раннего железного века кулайской археологической культуры и предварительно датировать в пределах IV в до н. э. – IV в. н. э. [Чемякин, Каракаров, 2002. С. 51-60; Чемякин, 2008. С. 78-93, 179-188, 191, рис. 73-82, 85].

В настоящее время наиболее полными обобщающими исследованиями кулайской культуры являются публикации Л.А. Чиндиной и Ю.П. Чемякина. В этих работах достаточно подробно охарактеризованы памятники кулайской культуры, расположенные на территории как Нарымского, так и Сургутского Приобья [Чиндина, 1984; Чемякин, 2008]. Тем не менее, в типологии опубликованных построек этой эпохи малогабаритные жилые строения с размером помещения менее 4 x 5 м отсутствуют [Чиндина, 1984. С. 15-23, 44-55, 209-211, рис. 4-6; Чемякин, 2008. С. 79-81, 175-178, рис. 69-72]. Возможно, это связано с тем, что маленькие впадины не привлекали внимания археологов как полноценный объект исследования.

Скорее всего и наше внимание к таким объектам не было бы таким пристальным, если бы за последнее десятилетие при раскопках средневекового Надымского городка не обнаружили большую серию малогабаритных жилых построек, связанных осяцким населением Сибири [Кардаш, 2003; 2005; 2009. С. 37-78]. В Надымском городище жилые постройки осяцких кварталов были четырехстенными и имели средние размеры, в плане, от 2,0x2,0 до 2,5x2,5 м. (рис. 6 В). Лишь в одном случае зафиксировано жилое строение с минимальными размерами: 1,2x1,4 м (постройка № 1) [Кардаш, 2009. С. 37-78].

В связи с тем, что в условиях Крайнего Севера Западной Сибири остатки деревянных элементов строений сохраняются очень хорошо, по материалам исследования одной из малогабаритных осяцких построек Надымского городка была выполнена архитектурная реконструкция на период середины XVII в. Степень достоверности этой реконструкции нам представляется очень высокой. Это позволило воспроизвести очень много конструктивных подробностей жилища того времени на примере постройки № 7 Надымского городка (рис. 6: А, Б, В).

Технология малогабаритных осяцких домов середины XVII в. включала сооружение каркаса, состоявшего из дощатой (или бре-

венчатой) рамы — основания (фундамента), к которому примыкали вертикальные элементы (стойки), соединенные на уровне кровли периметром второй рамы из жердей. Верхние части стоек могли выступать за пределы кровли и использоваться в балочно-ригельной конструкции общего перекрытия жилого комплекса (рис. 6 А, Б). Возвведение стен постройки состояло в вертикальной установке набора досок по наружному периметру каркаса. Нижние концы стеновых досок, примыкавшие к наружному периметру фундамента, фиксировали, вкопав в грунт на глубину 0,2-0,3 м и дополнительно укрепив завалинками. Верхние концы стеновых досок опирались на вторую жердовую раму, укрепленную на стойках в 1,5-2,0 м над землей. Против смещения доски стен, очевидно, дополнительно фиксировались при помощи жердей, так или иначе закрепленных, не исключено, что при помощи обойм-вкладышей. Конструкции стены лицевого фасада выполнены из горизонтально уложенных досок, удерживаемых снаружи за счет длинных стоек-кольев (рис. 6 А). Строение перекрывали берестяной крышей. Каркас перекрытия, состоявший, вероятно, из системы жердей и веток, опирался на периметр стен. Поверх него укладывали специально обработанные и сшитые между собой листы берессты. Отверстие для дымоудаления оставлялось в зависимости от типа и места размещения очага. Жилые постройки имели открытый центральный очаг в деревянной раме размером 50x50 см. (рис. 6 Б). Общая высота строения, очевидно, не превышала ширину фасада, а скорее всего, была немного меньше. Каждая постройка имела дверной проем размерами от 40x60 см до 60x80 см (рис. 6 А). Пороги врезались в бревно или брус основания лицевого фасада. Открывание дверей — беспетельное, на деревянной втулке, внутрь жилища. Дверные полотна — из двух досок толщиной от 2 до 6 см, сплоченных «в обвязку» на шпонках [Кардаш, 2009. С. 37-78].

Дома аналогичной конструкции описаны и в этнографической литературе в категории наземных сезонных (промысловых) построек пирамидообразного типа (усеченной пирамиды) и причисляются к традиционным жилищам шорцев (рис. 6 Г), проживающих в самых верховьях реки Обь в предгорьях Западных Саян [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961. С. 136-137. Табл. II: 7-9].

В шорских жилищах плане прямоугольника устраивались четыре стойки с развиликами на концах. На них клади четыре жерди: две продольные и две поперечные, образующие прямоуголь-

ник. К ним с четырех сторон наклонно приставляли длинные кругляки, горбыли или доски, образующие стены. Верхние концы боковых кругляков или досок образовывали узкое продольное отверстие, служащее для выхода дыма. Наклонные стены служили как бы заслонами, защищающими от ветра. На передней поперечной стене оставляли входное отверстие, которое закрывали легко отодвигающимися досками. Иногда эти доски заменяли приставной дощатой дверью от старой юрты. На боковые горизонтальные жерди (посредине) клади поперечную жердь, к которой подвешивали крюк для котелка или чайника, висящего над очагом. Верхние концы жердей и досок стен не выступают высоко за верхние горизонтальные жерди. Крышу делали из досок и жердей с отверстием для выхода дыма, сверху ее застилали кусочками бересты [Историко-этнографический Атлас Сибири, 1961. С. 136-137. Табл. II: 7-9].

В заключении отметим, что при аварийных исследованиях селища Атмельурий 12 был изучен археологический объект — остатки малогабаритной жилой постройки, не только дополняющей типологию жилищ кулайской культуры, но и позволяющей сделать ряд выводов и предположений о генезисе данного типа жилищ на территории всей Западной Сибири. Сейчас мы можем говорить о том, что малогабаритные жилые постройки коренного населения Северо-Западной Сибири имеют более чем двухтысячелетнюю историю. Не исключено, что представители кулайской археологической культуры, так или иначе, повлияли на формирование средневековой и, соответственно, современной культуры осетров — современных ханты. Тем не менее, отметим, что для более определенных выводов накоплено еще мало фактического материала и полноценный анализ как приведенных в статье материалов, так и аналогичных, еще впереди.

Примечание:

1. Историко-этнографический атлас Сибири 1961. Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 498 с.
2. Кардаш О. В. Эволюция элементов традиционного жилища народов Севера (по материалам археологических исследований поселений 16–19 вв.) // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск, 2003. — С. 88–90.
3. Кардаш О. В. Комплексное изучение Надымского городища. Итоги исследований 1998–2003 годов / Научный вестник. Вып. № 4 (35) //

Обдория: История, культура, современность. — Салехард: Изд-во Красный Север, 2005. — С. 31–35.

4. Кардаш О. В., Культура аборигенного населения бассейна реки Надым конца XVI — первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского городка): Автореф. дис. ... канд. ист. наук Санкт-Петербург, 2006.

5. Кардаш О.В. Отчет о НИР: Аварийные археологические раскопки селища Атмельурий 12 на территории Средне-Угутского месторождения в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа летом 2008 г.. Нефтеюганск 2009. 182 с.

6. Кардаш О. В. Надымский городок. История и материальная культура конца XVI — первой трети XVIII вв. — Екатеринбург—Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2009. — 320 с. в печати.

7. Чемякин Ю.П., Каракаров К.Г., 2002. Древня история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу) 2-е издание, исправленное и дополненное. Екатеринбург. Изд-во: «Тезис». С. 5-65.

8. Чемякин Ю.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут-Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. 224 с., 99 рис.

9. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. — Томск: Изд-во Томск. ун-та. 1984. 254 с.

*Габор Дьёни,
г. Будапешт*

ОБРАЗ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ В РОССИИ В ВЕНГЕРСКОЙ УРАЛИСТИКЕ

*«История России есть
история страны, которая
колонизуется».*

*В.О. Ключевский
Курс русской истории*

Не считая трёх независимых финно-угорских государства, большинство народов уральской языковой семьи живет на территории правопреемницы СССР – Российской Федерации, в этой многонациональной и многоконфессиональной стране. К ним принадлежат следующие этносы: води, вепсы, карелы, ижорцы, мордвины, марийцы, удмурты, коми, пермяки, обско-угорские и самодийские народы, частично финны («ингерманландцы»), эсты («народ сету»¹). Большая часть названных народов живет в «своих» республиках или автономных округах Российской Федерации², однако они составляют меньшинство даже в «своих» субъектах федерации (а часть финно-угров оказалась вне границ автономных республик или не имеет своих территориальных единиц). Общая доля народов уральской языковой семьи составляет 2-3 % от всего населения России.

Культурные взаимосвязи народов уральской языковой семьи с русским народом имеют глубокие исторические корни. Вместе с экспансией русских («колонизацией страны») многие из финно-угров приняли восточное христианство еще в средние века (как, например, вепсы, коми). Некоторые представители финно-угорс-

ких народов играли значительную роль в истории Руси, России: например, Стефан Пермский, создавший пермскую азбуку³, или патриарх Никон, проводивший религиозные реформы в XVII веке, который был по происхождению мордвин. На Севере России финно-угры принимали участие в этногенезе русских (о чём свидетельствуют финно-угорские элементы в северных русских наречиях)⁴. Неслучайно, поэтому, что в исследованиях венгерских учёных, касающихся истории и судьбы уральских народов, проявляется и образ самой России.

В СССР отношение русских с уральскими народами интерпретировалось позитивно, подчёркивалась их общая историческая судьба, и, прежде всего, позитивная роль российского (советского) государства в истории финно-угорских народов (Д. В. Бубрих)⁵. В советской науке с 1930-х годов стало принято считать, что неславянские народы не только «добровольно присоединились» к российскому государству, но что это «добровольное присоединение» к российскому государству оказывало исключительно позитивное влияние на развитие, в том числе и уральских народов⁶.

Венгерские интерпретации взаимоотношений народов уральской языковой семьи с русскими изменялись в зависимости от текущей политической, идеологической ситуации. В советский период, после того, как Россия была преобразована в федеративное государство, состоящее из этнических республик, было принято подчёркивать позитивные явления советской национальной политики в отношении национальных меньшинств. В Венгрии такие мнения встречались и до 1945 г.. Так, в фундаментальной работе венгерской уралистики — книге Миклоша Жираи «Наше финно-угорское родство» (1937 г.) дается абсолютно положительная оценка советской национальной политики (при этом она противопоставляется угнетательской политикой царизма). «Судя по описаниям, в последние годы произошел удивительный поворот. Русское правительство, проводя образовательную реформу на территории всей советской республики, школы строит и на вогульской земле, выпускает вогульских учителей, издает вогульские учебники», — писал этот выдающийся венгерский учёный в 1937 г. (конечно, не зная о том, что в СССР в это время проводился Большой Террор)⁷. В научно-популярной книге З. Трочани (1935 г.) также отмечалась позитивная роль советской национальной политики в отношении уральских народов⁸. Поэтому можно говорить, что в 1945 г. не произошло кардинального изменения в венгерской ура-

листике относительно оценки советской национальной политики в отношении народов уральской языковой семьи⁹.

Но после распада СССР произошел настоящий переворот в интерпретациях венгерской уралистики об отношениях русских с народами уральской языковой семьи. В это время началась «коррекция» прежних представлений о советской национальной политике и роли русских в истории финно-угорских народов¹⁰. Открылась возможность говорить о ранее неподнимаемых проблемах: о депортации ижор, о трагической судьбе западных финно-угров (карелов, вепсов), о репрессиях против представителей интеллигентии национальных меньшинств во время Большого Террора и т.д. Сегодня в венгерской уралистике принято считать, что советское прошлое было трагедией для народов уральской языковой семьи. В некоторых случаях, особенно в отношении западных финно-угров, с этим мнением нельзя спорить (например, по поводу ижор или карелов)¹¹. Так что действительно есть примеры, когда советское прошлое представлялось настоящей трагедией для малых народов.

Вместе с тем в последнее время в венгерской уралистике появились интерпретации, которые описывают историю уральских народов, *резко противопоставляя* их русским. В этих интерпретациях прошлая и сегодняшняя роль русских в истории и жизни народов уральской языковой семьи изображена крайне негативно. Такая точка зрения сильно культивируется в Эстонии (отражением чего является скандал, устроенный эстонской делегацией на Финно-Угорском Конгрессе в Ханты-Мансийске в 2008 г.), где целая государственная политика строится на лишении прав русскоязычного населения. В Венгрии такие взгляды, резкое противопоставление русских финно-угорским народам, пожалуй, частично имеют другие корни, нежели в Эстонии — этой бывшей советской республике.

Во-первых, после 1990 г. в нашей стране появились фантастические теории о происхождении венгров. Сторонники таких дилетантских взглядов считают, что венгры представляют собой древнейший народ Евразии, что они происходят или от шумер, или от этрусков, или от кельтов, а некоторые считают, без всяких на то доказательств, что и гунны, и авары были мадьярами. Тем не менее подобные взгляды регулярно появляются в политически ангажированных СМИ. Такие взгляды уже на первый взгляд противоречат друг другу; единственное общее в них — это отрицание

факта финно-угорского происхождения венгерского языка. Сторонники таких взглядов считают, что финно-угорская теория — это лишь «заговор» с целью унижения венгров. Конечно, им не мешает тот факт, что родство венгерского языка с остальными уральскими языками было хорошо известно уже в раннем новом времени и в Европе, и в России¹². По представлениям сторонников дилетантских взглядов, ученые, которые занимаются уралистикой, «предатели», «заговорщики», «шпионы». И, к сожалению, это не маргинальное явление¹³. Какая ситуация! Ведь исследователи народов уральской языковой семьи посвятили всю свою жизнь науке, исследованию родственных с нами народов. Понятно, что после этого начинается национальная компенсация, идеальным объектом которой является Россия.

Во-вторых, поскольку Советский Союз был закрытым государством, то крайне редко предоставлялась возможность проводить исследования «на поле». Несколько десятилетий тому назад настоящим открытием были встречи с живыми представителями финно-угорских народов¹⁴. Поэтому финно-угорские народы представляли собой некие экзотические нации, язык которых был хорошо исследован, однако, быт и жизнь их оставались мало известными.

В Центральной Европе в идеологическом смысле характерен этнический национализм. Мы часто сталкиваемся с тем, что события российской истории описываются в духе этнического национализма. В некоторых случаях это является обоснованным (например, когда речь идет о депортации крымских татар, чеченцев, месхетинцев и т.д.). Однако, в других случаях такая интерпретация является весьма спорной, например, когда голод на Украине 1932–1933 гг. интерпретируется как систематическое уничтожение украинского народа, несмотря на то, что голод в это время был не только на Украине и что не только украинцы погибали в этой страшной катастрофе (или можно сказать — преступлении)¹⁵.

Такая сугубо этническая интерпретация российской истории отмечается и в некоторых венгерских работах. До второй половины XIX в. в Российской империи (как и во всей Восточной Европе) важнейшую роль играла *религиозная идентичность* (в российской государственной политике лишь с 60-х годов XIX в. при либеральном царе Александре II начиналась политика насилиственной русификации)¹⁶. При описании истории России, которую, согласно В.О. Ключевскому, можно воспринимать как «колонизаци-

цию», на наш взгляд, относительно взаимоотношений русских с нерусскими народами, вернее будет говорить о христианизации, чем о русификации: марийцы и удмурты были вынуждены бежать на восток не потому, что они были финно-уграми, а потому, что они были язычниками (либо они сами участвовали в восточных экспедициях русских)¹⁷. С другой стороны, после церковного раскола центральная власть преследовала и репрессировала старообрядцев, хотя они были в большинстве этнически русскими.

Современный национализм — это исторически сложившееся явление. И в России, и других странах СНГ только сейчас формируются современные национальные идентичности (этот процесс в последнее время особенно заметен на Украине). А традиционная идентичность в России представляет собой скорее территориальное («государственное») понятие, чем этническое. Для центральноевропейского национализма важнейшую роль играет единство этнического корпуса, независимо от того, где живут представители данной нации. А русский (российский) национализм имеет скорее территориальный характер, чем этнический (и этим объясняется тот факт, что Москва практически не обращает внимание на лишение прав русскоязычного населения в Прибалтике). Даже сейчас еще популярный лозунг русских националистов «Россия для русских» исходит из территориального понятия (страны), нежели этнического корпуса русского народа.

Потому не всегда обоснованно в духе этнического национализма объяснять события российской истории. Слабо развитый этнический национализм характерен и для народов уральской языковой семьи, что отмечается в венгерской уралистике. Венгерские ученые уже неоднократно подчеркивали, что уральские народы пока «недостаточно» зрелы в этническом смысле¹⁸. Поэтому наша задача, как полагают они — сеять семена современного этнического национализма среди народов уральской языковой семьи. Инициатором этих стремлений является Эстония¹⁹.

Крайний этнический подход наблюдается и в венгерской уралистике. Наши ученые часто упоминают, что в 1937 г. во время Большого Террора были репрессированы представители формирующейся национальной интеллигенции финно-угорских народов. И это бесспорно соответствует действительности. Однако, в 1937 г. репрессировались представители фактически любой национальной (в том числе и русской) интеллигенции. Как писал знаменитый русский философ Н.С. Трубецкой, характеризуя суть боль-

шевистской национальной политики, «та Россия, в которой единственным хозяином всей государственной территории был русский народ — эта Россия отошла в историческое прошлое... в настоящее время крайний русский националист оказывается с государственной точки зрения сепаратистом и самостийником — совершенно таким же, как всякие украинские, грузинские, азербайджанские и т.д. националисты»²⁰.

В венгерских интерпретациях советское прошлое характеризуется негативно, советские люди отождествляются чуть не с абсолютным злом («советский человек, это никуда не принадлежащий, бездомный, необразованный, неграмотный, бессовестный человек»)²¹. Советское прошлое описывается как эксплуатация финно-угорских народов со стороны русских, как «колониальный статус» финно-угорских территорий, как «деэтнизация» народов уральской языковой семьи и превращение финно-угорских территорий в концлагеря²².

На наш взгляд, неверно интерпретировать советское прошлое как «колониальную политику» в том смысле, как это понимается в отношении «третьего мира»: для классических колоний были характерны бедность и эксплуатация коренных жителей. Однако, в России самый богатый край страны — это именно Западная Сибирь, где живут и наши самые близкие родственники по языку. Мы категорически не согласны и с тем мнением, согласно которому советское прошлое характеризуется как «деэтнизация» народов, поскольку именно благодаря большевистской этнической политике финно-угорские народы (и большинство народов Российской империи) оказались на совершенно новом этапе национального развития²³.

Двойной стандарт наблюдается при описании истории. Суть этого заключается в том, что по-разному оцениваются одни и те же события в зависимости от того, кто совершил их. Например, во время Второй мировой войны финны (с помощью немцев) депортировали ижор, ингерманландцев, и тем не менее в литературе мы читаем, что это была «эвакуация». Значит, если финны депортируют целые народы, то это считается «эвакуацией»²⁴.

В 2006 г. вышла в свет книга профессора Я. Пустай «С языком умирает нация», посвященная народам уральской языковой семьи, живущим в РФ. В книге Я. Пустай представлены множество данных, таблиц, которые позволяют читателю сделать объективные выводы. Основным тезисом автора является то, что народы ураль-

ской языковой семьи находятся в опасности (об этом свидетельствует и название книги), и эта опасность исходит именно от русских. В книге дана сугубо этническая интерпретация истории России: ученый считает, что основной целью российского государства является насильтвенная русификация народов России²⁵.

Автор ссылается на проводимую административную реформу, в результате которой — после соответствующего референдума — были ликвидированы два субъекта федерации: Коми-Пермяцкий автономный округ (2005 г.) и Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (2006 г.)²⁶. На первый взгляд событиям можно дать этническую интерпретацию. Но если вспомнить, что планировалось слияние города Москвы и Московской области, а также объединение города Санкт-Петербурга с Ленинградской областью, чего не произошло, видимо, из-за смены власти, то тогда этническая интерпретация упразднения субъектов федерации значительно ослабляется. После 2000 г. в России началась централизация власти («вертикаль власти»). Скорее всего этим объясняется упразднение, или планы по упразднению субъектов федерации.

По мнению Я. Пустай, в российской государственности практически все подчиняется цели русификации, этнической гомогенизации страны — даже построение железных дорог (по его мнению, русские построили железные дороги в Карелии с целью ассимиляции коренных жителей)²⁷. Он описывает российскую историю в духе этнического национализма: экспансия московского (российского) государства воспринимается как этническая борьба русских с нерусскими народами. В этом контексте русские являются шовинистами, русские — это некая разрушительная, чуть не демоническая сила²⁸. Автор, характеризируя российскую политику в отношении народов уральской языковой семьи, употребляет термин *Endlösung*²⁹.

Профessor считает, что даже позитивные явления российской национальной политики являются своеобразными «трюками»: перевод Библии на карельский язык, или печатание книги на марийском языке — это средства русификации; поддержка национальных ассамблей со стороны государства — это не что иное, как «потёмкинская деревня», которую, конечно, могут заметить только те, которые знают «истинное лицо российского государства»³⁰.

А что касается родственных народов, то Я. Пустай отмечает, что у них, видимо, отсутствует современный национализм³¹. Отсут-

ствие национализма воспринимается как «этнический нигилизм», «депрессия»³². А вместо того, чтобы понимать и узнатъ их менталитет и миросозерцание, предлагается — по образцу эстонцев — экспорттировать к ним наш национализм³³.

Книга профессора Пустай богата таблицами, которые предназначены подчеркнуть объективность *его* книги. Так, он справедливо отмечает, что с 1989 по 2002 г. существенно сократилась общая численность народов уральской языковой семьи: с 3 122 900 человек до 2 693 503 человека (несмотря на то, что численность отдельных народов, особенно таких зауральских народов, как ненцы, *обские угры*, возросла в 1990-х гг.), то есть с 2,1 % на 1,85 % от всего населения Российской Федерации (не считая эстонцев, финнов и венгров)³⁴.

Бесспорным фактом является и то, что в 90-х годах численность финно-угорских народов сокращалась. Если обратиться к данным переписей населения о численности уральских народов (не считая венгров и финнов), то перед нами предстанет следующая картина³⁵:

	1897	1926	1959	1989	2002
Численность народов уральской яз. семьи в России (не считая эстонцев)	2 499 400 (не считая 1 002 738 эстонцев)	2 252 922	2 985 500	3 123 200	2 693 503
Их доля (вместе с эстонцами)	2,7 %	- 10 %	+ 25 %	+ 5 %	- 13 %
	2,4 % (без Казахской и Кыргызской автономий)	2,5 %	2,1 %	1,85 %	

Ради справедливости стоит отметить, что в 1990-х гг. существенно сокращалась и численность русских в России, как в целом населения Российской Федерации (с 147 022 тыс. человек до 145 166 тыс. человек). В результате демографической катастрофы, возникшей в 1990-х гг., и до сих пор ежегодно сокращается население России на несколько сотен тыс. человек. Следующая таблица показывает численность и долю русских в России³⁶:

	1897	1926	1959	1989	2002
Численность русских в Российской Федерации		72 675 681 (без Казахской и Киргизской автономий)	97 863 579	119 866 000	115 889 107
			+ 34,6 %	+ 22,5 %	- 3,4 %
Их доля	78 %	83 %	81,5 %	79,8 %	

Россия уникальна и в том смысле, что это единственная страна на постсоветском пространстве, где после 1991 г. доля «титульной нации» сократилась³⁷.

Доля «титульной нации» в странах постсоветского пространства		
	1989 г.	
Россия	81,5 %	79,8 % (2002 г.)
Украина	72,72 %	77,8 % (2001 г.)
Белоруссия	77,8 %	81,22 % (1999 г.)
Казахстан	39,7 %	53,4 % (1999 г.)
Грузия	70 %	83,7 % (2003 г.) ³⁸
Азербайджан	82,7 %	90,6 % (1999 г.)
Литва	79,5 %	83,4 % (2001)
Молдавия	66,4 %	75,8 % (2004) ³⁹
Латвия	52 %	57,6 % (2000)
Таджикистан	62,3 %	79,9 % (2000)
Армения	93,3 %	97,9 % (2001)
Туркменистан	72 %	81 % (1995)
Эстония	61,5 %	67,9 % (2000)

Оказывается, что во всех странах постсоветского пространства (кроме России) с 1991 г. началась этническая гомогенизация. На демографические процессы оказывает большое влияние религиозная принадлежность. Так, в России сокращается численность и доля православного населения (независимо от этноса), и растет численность мусульманского населения.

Теперь рассмотрим финно-угорские республики. К сожалению, в книге Я. Пустай только в отношении Мордовии и Республики Марий Эл есть сравнительные данные, которые позволяют читателям сделать объективные выводы⁴⁰. Но если мы обратимся к прямым источникам, то увидим, что за исключением северных областей (Ханты-Мансийский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ, где находятся нефтегазовые месторожде-

ния и где в целом население растет, в том числе растет численность коренных народов), в финно-угорских республиках численность русского населения снизилась. Однако этническое соотношение практически осталось неизменным⁴¹:

Карелия	1989 – 790 150 человек		2002 – 716 281 человек	
карелы	78 928	10 %	65 651	9,1 %
русские	581 571	73,6 %	548 941	76,6 %

Респуб. Коми	1989 – 1 250 847 человек		2002 – 1 018 674 человека	
коми	291 542	23,3 %	256 464	25,1 %
русские	721 780	57,7 %	607 021	59,6 %

Рес. Марий Эл	1989 – 749 332 человека		2002 – 727 979 человек	
марийцы	324 349	43,2 %	312 178	42,8 %
русские	355 973	47,5 %	345 613	47,5 %

Мордовия	1989 – 963 504 человека		2002 – 888 766 человека	
мордvinы	313 420	32,5 %	283 861	31,9 %
русские	586 147	60,8 %	540 717	60,8 %

Удмуртия	1989 – 1 605 663 человека		2002 – 1 570 316 человек	
удмурты	496 522	30,9 %	460 584	29,9 %
русские	945 216	58,8 %	944 106	60,1 %

Примеры разных стран показывают, что, к сожалению, численность национальных меньшинств (кроме мусульман) постоянно снижается. Например, в Финляндии, несмотря на то, что в этой стране проводится образцовая национальная политика в отношении национальных меньшинств, особенно шведов, численность последних постоянно сокращается. Так, в 1985 г. их численность составила 299 тыс. человек, т.е. 6,1 % населения страны, а в 1999 г. – 292 тыс. человек, т.е. 5,7 % населения. Особенно заметно сокращение шведского населения в столице Финляндии – Хельсинки: этот город еще в конце XIX в. был этнически шведским. В 1965 г. более 60 тыс. шведов жили в Хельсинки, т.е. они составляли 12,1 % населения города, но в 1985 г. осталось только 43 тыс. шведов, т.е. 8,9 %

населения столицы⁴². Разве в Финляндии идет насильственная ассимиляция шведов?

В Румынии в 1990-х годах существенно снизилась численность венгерского населения: с 1 620 тыс. до 1 443 тыс. человек, хотя Румыния сегодня является демократическим государством, где правительство поддерживает учреждения венгерского национального меньшинства (по крайней мере, в Трансильвании)⁴³.

Что касается народов уральской языковой семьи, действительно, есть исторические трагедии и негативные демографические тенденции (особенно у западных финно-угров). Будущее родственных народов зависит, прежде всего, от них самих. Примеры показывают, что малочисленные народы могут сохранить свою культуру только вместе с традиционным бытом: численность ненцев в последнее время увеличилась, что связано с сохранением и развитием традиционного для ненцев хозяйства — оленеводства⁴⁴.

А наша задача, на мой взгляд, заключается не в том, чтобы экспортить наши идеи к этим народам, а, прежде всего, в том, чтобы понимать их. Помогать им не «извне», а «изнутри».

Примечания

¹ Эстония не признает православных сету самостоятельным народом, в эстонских переписях сету записаны эстонцами. В России самостоятельность народа сету признается. По данным переписи 2002 г. в России проживает 197 сету, большинство из них, 172 человека, в Псковской области (в основном в Печорском районе). Алексеев Ю.В., Манаков А.Г. Народ сету: между Россией и Эстонией. М., 2005.

² «Финно-угорские» территориальные единицы в Российской Федерации: Республика Карелия, Республика Коми, Республика Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Югра–Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ.

³ Святитель Стефан Пермский. СПб., 1995.

⁴ Востриков О.В. Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990; Матвеев А.К. Субстратная топонимия русского Севера. Екатеринбург, 2004.

⁵ Бубрих Д.В. Советское финноугроведение и финно-угорское языкоизучение // Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. Советское финноугроведение. С. 24-32.

⁶ Szanikov K.N. Oroszorszag finnugor periei: a mult es a jovo // Nyelvtorkonaink. Вр. 2000. 121-178., 127; Наякишин М.В. О прогрессивном значении присоединение народов Поволжья к России // Вопросы истории (ВИ). 1951.

⁷ Zsirai Miklos. Finnugor rokonsagunk. 1994. [1937] 178-180.

- ⁸ *Trocsanyi Zoltan.* Eszak nomadjai. 1935. 275-276.
- ⁹ *Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985.
- ¹⁰ См. Приложение к новому изданию работы М. Жираи, написанное Габором Зацом: *Zaicz Gabor. Utoszo // Zsirai Miklos.* Op. cit.
- ¹¹ *Напольских В.В.* Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997. С. 16-22.
- ¹² *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М., Л., 1936. С. 69, 79-83; *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 163.
- ¹³ *Redei Karoly.* Ostortenetunk kerdesei. Bp. 1998. 9-11.
- ¹⁴ *Domokos Peter.* A finnugor kongresszusok tortenete es szerepe // Magyar Tudomany. 2006. № 1. 50.
- ¹⁵ *Ивницкий Н.А.* Голод 1932-1933 годов: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 333-363.
- ¹⁶ *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // ВИ. 1995. № 9. С. 130-142.
- ¹⁷ *Никитин С.* Урал и марицы. Екатеринбург, 2004. С. 29.
- ¹⁸ *Szij Eniko.* Az oroszországi finnugor nepek tortenelme es jelenlegi helyzete // Finnugor kalauz. Bp. 1998. 37; *Puszta Janos.* Nyelvevel hal a nemzet. Bp. 2006. 117.
- ¹⁹ «Отстаивание интересов финно-угорских народов России (да и других народов Сибири и Дальнего Востока, находящихся в критическом положении) является не просто нашим правом — эстонцев и европейцев — но и нашей прямой обязанностью». Выступление премьер-министра Эстонии Юхана Партиса на Всемирном конгрессе финно-угорских народов в Таллине 19 августа 2004 г.; http://kongress.ugri.info/rus/cat-344/cat-380/article_id-246
- ²⁰ *Трубецкой Н.С.* Общеевразийский национализм // Русская идея. М., 2004. С. 373-374.
- ²¹ *Szij Eniko.* Op. cit. 42.
- ²² Ibid. 39.
- ²³ Против «колониального дискурса» российской истории см.: *Пол В. Верт.* От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. 2005.
- ²⁴ *Напольских В.В.* Указ. соч. С. 18-19; *Peregi Dora.* Az inkeri-finnek tortenete // A finnugorok vilaga. Bp-M. 1996. 59-61; *Bereczki Andras.* A votok tortenete // A finnugorok vilaga. 1996. 71-73.
- ²⁵ *Puszta Janos.* Nyelvevel hal a nemzet. Bp. 2006. 21, 26.
- ²⁶ Ibid. 15-21.
- ²⁷ Ibid. 35.
- ²⁸ «Малообразованные русские являются шовинистами», — пишет Я. Пустай: *Puszta Janos.* Op. cit. 195.
- ²⁹ Ibid. 22.
- ³⁰ Ibid. 35, 37, 153.

³¹ Ibid. 19, 117. «К сожалению, представители финно-угорских народов в свободное время конференций поют русские песни вместо своих песен». 195.

³² Ibid. 245, 248.

³³ Ibid. 279.

³⁴ Ibid. 45. Национальный состав СССР (по данным переписи 1989 г.). М., 1991. С. 34-77; www.perepis2002.ru

³⁵ Общий свод по империи данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т II. 2-19; Всесоюзная перепись 1926 г. Т. IX. ГОД ИЗДАНИЯ???. С. 34-40; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 300; Национальный состав СССР (по данным переписи 1989 г.). М., 1991; www.perepis2002.ru

³⁶ Общий свод по империи данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. II. Т. 2-19; Всесоюзная перепись 1926 г. Т. IX. С. 34-40; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 300; Национальный состав СССР (по данным переписи 1989 г.). М., 1991; www.perepis2002.ru

³⁷ Национальный состав СССР (по данным переписи 1989 г.). М., 1991. С. 78-141. Относительно постсоветских стран см. следующие ссылки: www.perepis2002.ru; <http://demoscope.ru/weekly/2004/0183/analit05.php>; <http://demoscope.ru/weekly/2003/097/analit01.php>; <http://demoscope.ru/weekly/033/evro02.php>; <http://www.languages-study.com/demography/kazakhstan.html>; <http://demoscope.ru/weekly/033/evro01.php>; <http://demoscope.ru/weekly/2002/081/analit01.php>; <http://demoscope.ru/weekly/2006/0249/analit08.php>; <http://www.languages-study.com/demography/armenia.html>; <http://demoscope.ru/weekly/037/evro04.php>; <http://www.languages-study.com/demography/turkmen.html>; <http://www.ukrcensus.gov.ua/rus/>

³⁸ Без Абхазии и Южной Осетии.

³⁹ Без Приднестровской Республики.

⁴⁰ Puszta Janos. Op. cit. 50-52.

⁴¹ Национальный состав СССР (по данным переписи 1989 г.). С. 34-48; [Электрон. ресурс] Режим доступа: www.perepis2002.ru

⁴² Otantavaestolaskenta Helsingissä vuonna 1965. Helsinki/Helsingfors, 1968; Vaestolaskenta 1985. V. Helsinki/Helsingfors, 1988.

⁴³ [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://www.kia.hu/konyvtar/erdely/erd2002.htm>.

⁴⁴ Головнёв А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 91-94.

НОВГОРОД В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАСЛЕДСТВИИ

С.В. Троицкий
г. Великий Новгород

ВЕЛИКИЙ МОСТ НОВГОРОДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Изучение средневекового Новгорода ярко выделяется на общеевропейском фоне взаимодополняющим сочетанием исторических и археологических источников. Если бы не начатые в 1932 году масштабные раскопки, историки до сих пор пребывали бы в полном неведении относительно общих принципов организации городской жизни и деятельности городских магистратов в этом городе, обладавшем республиканскими чертами управления уже в XII веке.

Возникший в исключительно неблагоприятных условиях переувлажнённой Ильменской низменности, разделённый быстрой и незамерзающей рекой, Новгород не смог бы развиться в мощный политический организм, если бы его жители с самого начала не озабочились устройством городской инфраструктуры. Уже с середины X века в городе возникает регулярное мощение деревянных улиц, в XI-XIII вв. появляются первые общегородские дренажные системы, в XIV веке город создаёт по периметру своей территории мощную оборонительную и гидротехническую системы вала и рва Окольного города. Все эти мероприятия и сами сооружения (улицы, дренажи, стены и валы) создавали повседневный фон республиканской жизни, провоцировали бытовые и политические конфликты, стимулировавшие развитие местного самоуправления и республиканских институтов.

Любая история начинается с географии. Не исключение в этом смысле и история Новгородской республики, многие черты которой с самого начала были обусловлены природным расположением

ем города и особенностями климата, с самого начала городской истории влиявшими на внутреннюю мобилизацию горожан не только в ситуациях политических конфликтов, но и перед лицом различных стихий.

Волхов — единственная река, которая вытекает из озера Ильмень, хотя впадает в него около сотни больших и малых рек. Поти вся территория Приильменья представляет собой плоскую равнину, находящуюся на отметках 20-60 м над уровнем Балтийского моря. Особенностью этой территории, обусловленной историей формирования и климатом, является её чрезвычайная увлажнённость, в частности, значительное преобладание осадков над испарениями. Волхов является молодой рекой, хотя русло реки приурочено к древней дочетвертичной долине. В зимний период Волхов на участке исторического центра Великого Новгорода замерзает только при температуре воздуха ниже — 15°, в остальном температурном диапазоне река от истока до южной линии Окольного вала остается свободной ото льда. Максимальный подъем уровня воды в реке в паводок, начинающийся в апреле, может составлять 8 метров. Половодье растягивается на период с апреля по июль, вследствие малого уклона русла реки и влияния огромного бассейна озера Ильмень.

Частым явлением на Волхове является движение реки вспять, которое зафиксировано летописями в 1063, 1162, 1176, 1325, 1373, 1376, 1415 и 1525 гг., и продолжалось до недавнего времени, несмотря на появление в 1922 году Волховской ГЭС, осуществляющей регулируемый сброс воды.

Особенности гидрорежима делали Волхов исключительно неудобным для мостостроения. Традиционный для Древней Руси наплавной мост оказывался под угрозой сноса сильным течением или льдом, а зимняя переправа по льду просто невозможна. Новгородские летописи содержат многочисленные сообщения о катастрофических последствиях наводнений для моста: «Бысть вода велика в Волхове, яко же не бысть бывала николи же, [...] и снесе великого моста 10 городень» (1338 г.); «Того же лета иде лед силенъ изъ озера, и вышибе изъ великаго мосту городню» (1406 г.); «бысть вода велика [...] и снесе Великыи мост» (1421); «выломи ледом ноць мержею у великого мосту 7 городень» (1436)¹.

Столь сложные природные условия оказали решающие значение при выборе новгородцами конструктивного устройства моста. Для того, чтобы иметь надёжное и непрерывное сообщение меж-

ду частями города им пришлось озабочиться сооружением многосезонного моста, причём уже на ранней стадии существования города.

Древнейшее достоверное упоминание моста в Новгороде относится к 1133 г. В последующем мост упоминается регулярно, в основном, в связи с его ремонтами и поновлениями после наводнений или пожаров. Название «Великий» появляется лишь в 1220-х годах: «Тои же осени бысть вода велика въ Вълхове: поима около озера сена и по Волхову. Тъгда помързъши озеру и стоявшю 3 дни, и въздре угъ ветръ, изломавъ, вънесе все въ Вълхово, и въздре 9 городынь великаго моста, и принесе къ Питбе подъ святыи Николу 8 городынь въ ноць, а 9-ю рознесе, месяца декабря въ 8 день, на святого Патапия»².

О конструкциях мостов через Волхов периода новгородской независимости (Х-ХV вв.) известно крайне мало, как и в целом о древнерусском мостостроении. Исследователи обычно отмечают, что строительство мостов на Руси началось в глубокой древности, а их конструкции напоминали простейшие «лавы» — перекинутые через узкий проток 2-3 ряда бревён, опирающихся на сваи. Остатки подобных конструкций были обнаружены при раскопках в Москве у древнего ручья Чертороя; сохранились они до недавнего времени и на Русском Севере³.

О стационарных мостах, к которым относят и новгородский Великий мост, в отечественной историографии сложилось устойчивое мнение, что в основе их устройства находились срубные «городни», набитые землей и камнями. В основу этого мнения, по всей видимости, легло употребление в древнерусских источниках термина «городня» как для обозначения мостовых опор, так и для срубных конструкций, использовавшихся в Древней Руси при строительстве крепостных укреплений. Конструкция крепостных городней была детально изучена при раскопках древних стен Новгородского Кремля. Действительно, это были дубовые четырёхугольные срубы, заполненные культурным слоём и состыкованные в линию стены⁴.

Среди немногих аналогий новгородскому мосту упоминаются остатки срубной городни XVI века, также обнаруженной в Москве. Треугольная в плане конструкция этой городни была обращена на острием против течения реки Неглинной, а основание к одной из башен Московского Кремля. Сруб был закреплён вертикально врытыми у нижнего венца сваями. Автор публикации отмечает,

что подобная конструкция, найденная на берегу, вряд ли использовалась на глубоком месте⁵. Кроме того, в исследованиях по истории древнерусского мостостроения принято широко использовать аналогии мостов на срубных быках, сохранявшихся до 1960–1970-х годов на северных русских реках⁶. Исходя из северных аналогий за Волховским мостом в Новгороде, несмотря на отсутствие каких-либо физических свидетельств, прочно закрепилась репутация моста ряжевого типа⁷.

В то же время, судя по издававшимся еще в начале XX века пособиям по деревянному мостостроению, конструктивное устройство мостовых опор выбиралось в зависимости от характера грунта реки. В одном из таких пособий указывается, что *ряжевые опоры (быки)* применяются «при скалистом и при весьма слабом грунте, не допускающем забивки свай». Конструкция *свайных опор (быков)* состоит «из забитых в грунт свай и элементов, приводящих сваи в жесткую и устойчивую систему. В России это наиболее употребительный тип быков»⁸.

Ответ на вопрос о времени появления древнейшего моста Новгорода, а также его локализации, связан с более широкой проблемой возникновения и становления городской инфраструктуры. При рассмотрении вопроса о локализации моста нам придётся иметь дело не с установлением однажды выбранного места его нахождения, а с изучением динамики его перемещения, о чём прямо говорят летописные сообщения: «...делаша мостъ въсь цересь Волхово, по стороне ветхаго, новъ въсь» (1144 г.)⁹; «...томъ же лете делаша мостъ новъ черезъ Волхово по сторонъ ветъхаго» (1188 г.)¹⁰.

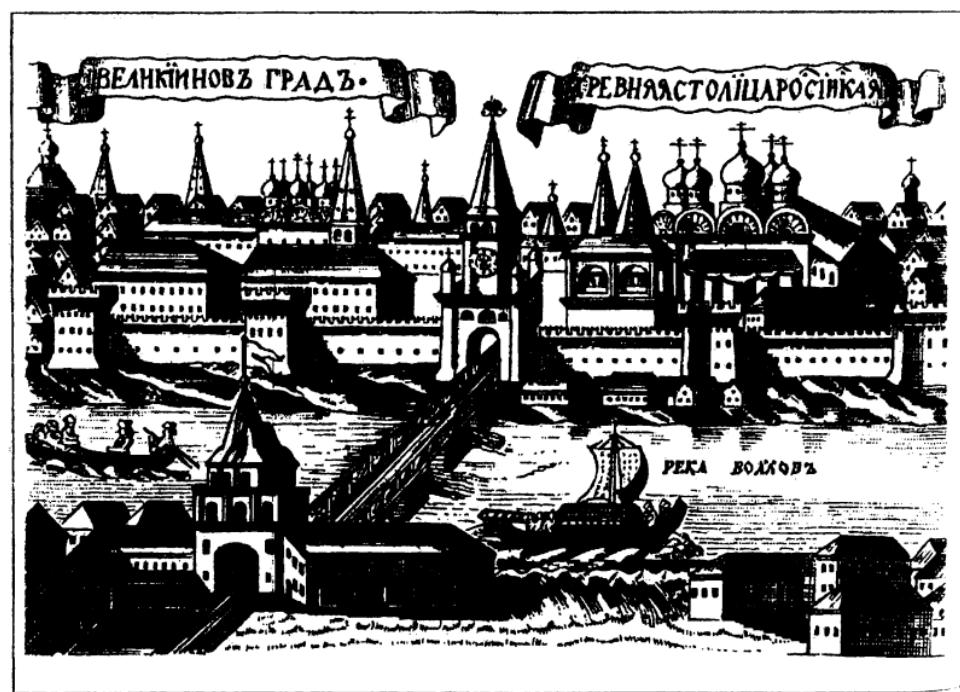
На Торговой стороне значение центральной магистрали принадлежало Славной улице, в основе которой лежала древняя дорога, соединявшая Городище с княжеским двором на территории города (т. н. Ярославов двор). Большинство других улиц пересекали её под разными углами, устремляясь к берегу Волхова, где находились торговые ряды и пристани. Всё это очень напоминает купеческие поселения в разных уголках Балтийского региона.

Из реконструкции уличной сети, созданных на основе многолетних раскопок, очевидно, что уже на начальном этапе истории города центром стяжения уличных магистралей была река, а главное место в структуре городских коммуникаций занимал мост через Волхов. Без постоянного моста полноценная жизнь города на берегах почти незамерзающей реки была бы невозможна.

Попытки реконструкции трассы древнейшего моста, основанные на исторических сведениях, предпринимались неоднократно, но успешными их назвать нельзя. К сожалению, мы до сих пор не располагаем надёжными топографическим привязками местоположения береговых окончаний моста ни на Софийской, ни на Торговой стороне.

Мост — важнейшее звено в системе городских коммуникаций — должен был не только связать берега Волхова, но и установить via principia между важнейшими объектами городской жизни. На левом берегу Волхова к числу таких объектов относился *детинец* (городская цитадель), внутри которого находился главный городской собор Святой Софии и епископский двор¹¹. К северу и югу от *детинца* находились два крупных района города — Неревский и Людин концы.

На противоположном берегу Волхова находился Торг — обще-городской рынок, тянувшийся широкой прибрежной полосой. Локализация древнейшей территории городского рынка до конца не прояснена, но уже в XII веке его местоположение очевидно и надёжно очерчивается каменными храмами, построенными нов-

Лубок начала XVIII века.
«Великий Новград древняя столица Российской».

городскими князьями. Планировочная структура общегородского рынка изучена слабо, хотя в 1930—1940-х гг. здесь проводились большие археологические раскопки. Но полученный в них материал был весьма ограничен и не позволяет уточнить расположение различных торговых рядов на плане города.¹² Поэтому историки, при описании территории рынка, в основном оперируют документами XVI-XVII вв.¹³ По общему мнению, осевой линией рынка был Великий (Пробойный) Сурожский ряд, являвшийся продолжением Славной улицы и выходивший на Великий мост. Остальные ряды, число которых уже в XVI веке достигало 43-х, расходились от Великого ряда сложной паутиной, сформировавшейся под воздействием исходного рельефа территории.¹⁴

Таким образом, линия древнейшего моста замыкается между окончанием Великого ряда на Торговой стороне и входом на территорию городской крепости (детинца), на Софийской стороне. Но если положение Великого ряда можно считать неизменным (для противоположной точки зрения нет никаких оснований), то местоположение крепостных ворот детинца явно изменялось с течением времени. Полученные в ходе зимних работ 2006 г. первые датированные образцы древесины средневекового периода позволяют предполагать, что в XIII-XIV веках мост находился примерно на этом же месте. Некоторые соображения могут быть высказаны в отношении общей конфигурации моста. Его тупоугольное очертание, отражённое на рисунках и планах XVI-XVIII вв., возможно, не является первоначальным, а скорее, следствием изменения топографии Софийской стороны: расширения территории детинца и смещения входа в крепость. Это предположение на уровне графической реконструкции уже высказывалось и ранее («Древнерусское градостроительство X-XV вв. М., 1995). Наши материалы добавляют некоторые археологические аргументы в пользу этой гипотезы, поскольку распределение археологического материала вокруг опоры, находящейся на траверзе южной части кремля, и опоры, следующей в направлении Пречистинской башни, то есть после мостового изгиба, качественно отличаются. Культурные отложения на «поворотном» участке моста практически не содержат керамики ранее XVI века, и количество артефактов эпохи новгородской независимости здесь также незначительно.

Существующие археологические реконструкции уличной сети и планировки средневекового Новгорода в целом также не противоречат подобной гипотезе. Для Софийской стороны и Прусская,

и Чудинцева улицы с одинаковой вероятностью могли выходить на Великий мост. Более того, полученные в результате исследований результаты позволяют расширить круг вопросов для дальнейших исследований. Исходя из местоположения найденной опоры моста XIV века, при дальнейших раскопках открывается возможность доказать или опровергнуть предположение о существовании «прямого» моста в XII-XIII вв.

В изучении вопроса об изменениях местоположения моста существенное значение могут иметь косвенные указания исторических и археологических источников на общий характер градостроительных изменений (планировки и застройки города). Мост как важнейший элемент планировочной структуры города был одним из самых «чувствительных» индикаторов градостроительных изменений, причем, не только в XVIII-XIX веке, но и на ранних этапах истории Новгорода. Показательной в этом отношении является ситуация 1330-х гг., о которой пойдет речь ниже: в этот период центральная часть Новгорода переживает коренные изменения (перестройка укреплений кремля в камне, изменение внутренней планировки детинца, возведение наружной линии укреплений города и др.). Не случайным в этой связи является и сообщение летописи о трех последовательных обновлениях Великого моста в 1336, 1337, 1340 гг.

Даже при отсутствии прямых указаний на строительство моста или его ремонт следует обратить особое внимание на признаки возможных перемен в планировке прибрежной ситуации и в целом в центральной части города. Вполне очевидно, что наиболее тесно изменения в расположении и конструктивном устройстве должны быть связаны с Детинцем и Торгом, которые являлись планировочными доминантами Софийской и Торговой сторон соответственно.

Можно сказать, что в эпоху независимого Новгорода Великий мост выступает индикатором социально-политических перемен, влекущих за собой неизбежное перераспределение контроля над городским коммунальным хозяйством как с точки зрения организации и финансирования мостовых работ, так и с позиций внимания к этому современников, в первую очередь, хронистов¹⁵.

Содержание одного из центральных документов по истории Великого моста — «Устава о мостех» — посвящено последовательности и «зонам ответственности» улично-мостового мощения в тех частях города, которые имели статус общегородских или публич-

ИТОГРИСЬ МЕДЕГИТОМЪ СКОИМЪ
ЧАЩАШЕСТЬ ВАНИЧ ЗЕМАЮЗ СР. Г.

*Прорись сцены
Васильевских врат 1336 г.*

ных территорий: часть городской цитадели (Детинец) за исключением епископского двора, Великий мост, Торг и иностранные торговые фактории, а также береговые пристани на Торговой стороне. По мнению В.Л. Янина, главная цель «Устава» — организовать те магистрали, которые обслуживают Торг. На это, как будто, указывает в начальной части Устава источник финансирования работ по мощению — оплату должны производить т. н. «осмениками», сборщиками торговой пошлины¹⁶.

В тексте Устава последовательно упоминаются территории, прилегавшие к Великому мосту с обеих сторон Волхова, а также указываются территориальные городские структуры (уличанские общины, пригородные волости и т. д.) и институты городского управления (владыка, софьяне, тысяцкий, посадник), ответственные за организацию этого мощения.

В отношении возможной ответственности городских магистратов за мощение самого Великого моста мнения исследователей разделились. В.Л. Янин считает что «выбирая между софьянами и тысяцким, вряд ли можно сомневаться в обязанности именно тысяцкого организовывать сооружение и ремонт моста через Волхов»¹⁷. Существует, однако, и прямо противоположная точка зрения. Она принадлежит В.А. Бурову, ссылающемуся на отсутствие

в летописях указаний на роль тысяцкого в деле строительства и ремонта Великого моста. По его мнению, мощение мостовых пролётов закономерно находилось в руках владыки и софьян, «если под «софьянами» понимать высших владычных «чиновников» (включая наместников владыки), которые заведовали Домом Святой Софии»¹⁸.

Наиболее важным и одновременно показательным периодом для изучения влияния мостостроительства на градостроительные изменения является XIV век. По замечанию В.Л. Янина в этот период времени «борьба вокруг посадничества постоянно принимает форму борьбы Торговой и Софийской сторон»¹⁹. Ярким индикатором политического соперничества в это время является одновременные вечевые собрания на обоих берегах Волхова²⁰.

Сакральное значение Великого моста подчёркивается строительством на нём (в части, примыкающей к Софийской стороне) часовни «Чудного креста». Еще в 1930-х годах здесь находился резной липовый крест высотой 2,4 м. Надпись на нём указывала, что крест поставлен в 1548 году «повелением раба божья Петра Невежина на мосту». Новгородские предания связывали его водружение со строительством Софийского собора (1045-1050 гг.)²¹. Во время восстания 1418 году новгородскому архиепископу Симеону пришлось брать этот крест в свои руки, чтобы остановить городское восстание, возникшее из столкновения простолюдина Степанко с боярином Божиным.

Документы XVI века прямо указывают на активную торговлю, продолжающуюся на Великом мосту несмотря ни на что. В частности, в купчей 1591 г. говорится о продаже 1/3 лавки в Лекарном ряду, при этом указывается, что «стоит та моя треть лавчишка в Лекарном ряду на Волховском мосту, идучи с Софийской стороны на Торговую сторону по правые стороны»²². Ещё одним важным признаком сохраняющейся интеграции Великого моста в торговое пространство города, является его систематическое упоминание в качестве ориентира для локализации торговых лавок. Купчая того же 1591 г. на лавку в Шпанном ряду сообщает: «А стоит та моя лавка от Иванна Предтечи идучи к **Большому мосту** во Шпанном ряду по правой стороне подле Федоровы лавки пирожниковые, а по другую сторону подле Максимовы лавки точилниковые»²³. За этими описаниями просматривается более древние реалии республиканского периода, когда на мосту также существов-

вала активная торговля, что подтверждается и материалами подводных археологических работ (см. ниже).

Подробное описание Великого моста в московское время содержится в сохранившихся лавочных книгах последней трети XVI века. Перечисление лавок и их владельцев даёт яркую картину активной хозяйственной жизни на мосту, в том числе, содержит информацию о предпочтениях в торговле на мосту. Упоминаются лавки, содержание торговли в которых обозначено характеристической владельца (в терминологии документа): дегтяри, луковники, горшечники или гончары, серебряники, свечники, уксусники, тёмынники, воскобойники, замочники, судоплаты, квасники²⁴. Характер торговли во многих лавках не указан, что, вероятно, связано с широким ассортиментом продававшихся в них товаров. При этом владельцам лавок даны развёрнутые характеристики, позволяющие установить их социальный статус: например, Федька Семёнов — сторож Дьячей избы, Мишук Нос — садовник Государева двора, Ивановский пономарь и др.

Помимо торговых заведений Лавочная книга 1583 г. также упоминает устройство пристаней для судов (насадов) на первых четырёх городнях со стороны Детинца: «Против каменного города на Волхове на мосту 4 городни солетцких насадчиков и свиноретцких Васьки Тимофеева Малого, да Иванка Омельянова Хобора, да Иванка Нестерова сына мясника с Новинки, да Богдана Иванова сына перевозника, да Тимофея Григорьева сына извозчика с Черницыны улицы и всех солетцких и свиноретцких насадчиков, а оброку 3 рубли».

Мост под бурными водами

Великий мост средневекового Новгорода долгое время оставался вне пристального внимания исследователей, поскольку скучая документальная база его истории распылена по различным категориям источников, а археологи не проявляли решимости в изучении его остатков на дне Волхова. Поэтому работы двух последних лет (2005–2006 гг.) можно считать серьёзным прорывом в изучении одного из важнейших объектов городской топографии Великого Новгорода. Комплексность этого изучения была обеспечена междисциплинарным характером исследовательского проекта и привлечением максимально возможного круга источников. Подводные археологические исследования на дне реки Волхов были начаты в

2005 г. и продолжены в 2006 г. в целях выявления археологизированных остатков Великого моста и следов хозяйственной деятельности средневекового периода на речной акватории.

Исследовательская программа работ финансировалась международным фондом ИНТАС в рамках реализации проекта «Мосты как *res publica* и их значение в реформировании местного самоуправления в Западной и Восточной Европе». Наиболее важной частью проекта стали подводные работы, которые проводились в 2 этапа: июнь-август 2005 г. (предварительные инженерно-геологические и дистанционные исследования) и февраль-март 2006 г. (подводно-археологические работы). Одновременно на 1-м этапе работ проводилось сопоставление имеющейся историко-архивной информации, в том числе планов моста XVIII-XIX вв. с результатами дистанционного зондирования Волховского дна на участке между Новгородским кремлем и Торгом.

Перед началом подводно-археологических исследований возможных остатков деревянных конструкций Великого моста было установлено, что дно реки в зоне поиска не должно быть покрыто большим слоем ила. Этот вывод, сделанный на основе анализа инженерно-геологических материалов, значительно облегчил постановку задачи подводно-археологических исследований и упростили их методическую и техническую стороны.

Наличие в распоряжении исследователей перед началом археологических работ детального чертежа 1808 г., во многом повторявшего конструкции его предшественников, существенно облегчало задачу выявления на дне Волхова мостовых опор. В то же время, различные природные и исторические катаклизмы (наводнения, непрерывное мостостроительство с XII до XX вв., военные разрушения, прокладка по дну инженерных коммуникаций) позволяли высказать и скептические оценки в отношении перспектив подводных поисков мостовых конструкций. Поэтому, прежде чем приступить к археологическим работам на дне, был проведён цикл дистанционных исследований с использованием различных технических средств.

В результате было получено гидроакустическое изображение — сонограмма дна реки Волхов на исследуемом участке. При детальном изучении полученного изображения поверхности дна на изучаемом участке выяснилось, что дно реки пересекают две «структуры» техногенного происхождения, которые в целом занимают около 2 гектаров.

Результаты уже первых погружений водолазов показали, что реки в местах отсутствия мостовых конструкций сложено гравеллистыми песками средней плотности и плотными. Мощность этих песков составляет около 1,5 м. Пески подстилаются озерными суглинками мощностью около 0,5-1,2 м. Все археологические находки приурочены к слою песков. Нижележащие суглинки археологических объектов содержат в незначительном количестве или не содержат вовсе. С точки зрения археологических работ это означало, что поверхность суглинков можно было принять за археологический материк (*subsoil*), с поверхности которого началась строительная и хозяйственная активность людей, связанная с историей Великого моста.

При отсутствии ясного представления о конструкции моста до начала археологических работ на дне Волхова можно было сделать несколько предположений. Летописные миниатюры и иконографические изображения Великого моста (XIV-XVII вв.), при их несомненной условности, позволяют предполагать два варианта опорных конструкций моста: срубный и свайный. Высота моста явно была небольшой, на что указывает целый ряд сообщений в источниках. В рассказе о «чуде архиепископа Иоанна» говорится, что новгородцы посадили его на плот «низвесивше» с Великого моста²⁵. Второй эпизод относится уже к XVI веку и сохранился в составе Псковской первой летописи: «Того же лета в Новегороде была вода велика, потопиша монастыри многие и дворы многие, а воду черпали с мосту с Волховского колпаки»²⁶.

Прежде чем перейти к описанию полученных в результате раскопок материалов, необходимо отметить, что исследование Волховского дна на предмет обнаружения остатков средневековых гидротехнических сооружений никогда ранее не предпринимались, также как отсутствовала какая-либо практика подводных археологических работ в Великом Новгороде в целом.

Участок подводных раскопок пришёлся на центральную часть русла реки Волхов. Ширина реки в месте работ составляет около 200 м и изменяется в зависимости от уровня воды. За период работ глубина погружения менялась от 8 до 4 метров, скорость течения от 1,5 до 0,5 м/с, видимость от 0 до 0,7 м. В столь сложных гидрологических условиях подводные археологические исследования в России ранее не проводились.

Первые три этапа (летний период, июль — август 2005 г.) проводились при очень высоком уровне речной воды и быстром тече-

нии, поэтому в основном они сводились к рекогносцировочным мероприятиям — выявлению свайных опор без применения техники, маркированию деревянных конструкций, сбору подъёмного материала.

Перерывы между этапами работ использовались для анализа полученных результатов, изучения условий работы в разные гидрологические периоды, корректировки методики исследований. Собственно раскопочные работы были начаты только в феврале 2006 г.. Всего за зимний период работ гидромонитором («водяной лопатой») было «промыто» три шурфа общей площадью 51 м.

На начальной стадии работ в результате комплекса геофизических и подводно-технических работ были обнаружены остатки опорных конструкций мостов XIV и XVIII вв., датированных естественнонаучными методами. В ходе собственно подводных исследований была собрана значительная коллекция артефактов (более 450 предметов из железа, цветных металлов, кости, кожи, стекла, камня), датируемых в диапазоне XII-XIX вв.

Для датировки обнаруженных конструкций дендрохронологическим и радиоуглеродным методами в ходе археологических исследований 2005-2006 гг. с деталей различных деревянных конструкций на дне р. Волхов был сделан 21 спил. Спилы исследовались в лаборатории дендрохронологии Новгородского археологического центра.

Как показала первичная обработка древесных спилов²⁷, три образца действительно являются дубовыми (*Quercus sp*), 18 принадлежат деревьям хвойных пород — сосне (*Pinus silvestris*) — 14 экз. и ели (*Picea abies*) — 4 экз. Возраст образцов колеблется от 29 до 172 лет. Большая их часть имеет достаточное количество годичных колец для убедительной синхронизации с эталонными моделями новгородских дендрохронологических шкал. Сохранность внешних колец, определяющих датировку образцов, в большинстве случаев удовлетворительная.

В результате проведенного дендрохронологического анализа, выполненного с использованием компьютерных программ DENDRO и CATRAS, датировку получили семь сосновых образцов. Датированные образцы относятся к двум различным хронологическим периодам. Ряд крупных свай поздней группы обнаруживает убедительное сходство с эталонными образцами поздней части новгородской дендрошкалы (XVIII-XX вв.). В качестве эталонов использовались как живые деревья, так и датированные со-

оружения XIX-XX веков из Новгорода и Старой Руссы. Для сравнения привлекались и другие материалы, в частности, шкала юго-восточной Финляндии. Датированные образцы составляют хронологически компактную группу: часть свай с сохранившимися внешними кольцами датируются 1782 г., одна — не ранее 1781 г., ещё одна — не ранее 1778 г. На основании полученных датировок групп хвойных свай, исследованных на дне Волхова, отнесена к последней четверти XVIII века (не ранее 1782 г.).

Датировку получили также два спила с деталяй двух однотипных конструкций из плах (пластин), соединенных с помощью вырубок и крупных нагелей. Плаха из первой конструкции датирована 1286 годом, ещё одна плаха второй конструкции — 1354 г. Принадлежность образцов эпохе Средневековья не вызывает сомнений: сходство с эталонной хронологией Новгорода характеризуется достаточно высокими коэффициентами.

Таким образом, помимо конструкций XVIII века, в изучаемой выборке представлены две разновременные средневековые конструкции 1280-х и 1350-х гг.

Значительно меньшая коллекция дубовых свай небольшого размера в количестве 3-х штук была собрана для радиоуглеродного датирования. Образцы дуба — сваи, выявленные в нижней части шурfov 2006 г., обнаруживают существенное сходство тенденций роста годичных колец с образцами дубовых конструкций XIV века из культурных напластований Новгорода (материалы Никитинского, Посольского, Троицкого раскопов), что ещё до проведения радиоуглеродного анализа позволяло предполагать, что дубовые сваи также относятся к периоду Средневековья.

В результате радиоуглеродного датирования дубовых образцов в лаборатории Института истории материальной культуры РАН (С.-Пб.) выделены два наиболее вероятных хронологических интервала, в которые могли существовать дубовые сваи:

1 интервал — 1285 — 1300 гг.

2 интервал — 1365-1385 гг.

Оба интервала равновелики. Комбинированная дата, т. е. календарный интервал с 98% процентами вероятности — 1270 — 1330 гг.

На основании обнаруженных конструкций и их датировки впервые можно достаточно уверенно говорить о свайном характере мостовых конструкций XIV века, и, вероятно, средневековых мостов в целом. Выбор свайной конструкции выглядит вполне

осмысленным как с точки зрения гидрорежима реки и характера донных отложений, так и исходя из традиционной практики мостового строительства в России. По всей видимости, дубовые сваи забивались в грунт на глубину не более 1 метра. Способ скрепления свай между собой хорошо известен и был распространён в мостостроении еще в начале XX века. Для придания жесткости свайной конструкции необходимо «расшить» сваи между собой косыми пересекающимися связями из досок (пластин). Именно такие пластины с гнёздами и анкерами для скрепления под различными углами и были обнаружены поверх дубовых свай. Важно отметить, что обнаруженные в ходе раскопок дубовые сваи XIV в. не завалены камнями, а занесены суглинком, а уже затем завалены слоем с керамикой XVI-XVII вв. Из этого следует, что каменная засыпка верхних ярусов опор в это время отсутствовала, что, вероятно, и сказывалось на устойчивости всей конструкции.

Выявленные дубовые сваи не только маркируют место нахождения одной из опор моста XIV века и характеризуют конструкцию моста, но и вселяют надежду на результативность дальнейшего поиска мостовых конструкций предшествующего периода. Обломки пластин (плах) соединяющихся дубовыми нагелями, две из которых датированы 1286 г. и 1354 г. позволяют осторожно предполагать локализацию более ранних опор несколько выше по течению.

Благодаря первым археологическим исследованиям остатков моста, проведённым в 2005-2006 гг., теперь можно с уверенностью говорить о доступности мостовых конструкций для широкого изучения, в том числе датировки естественнонаучными методами. Обнаруженная в ходе подводных раскопок коллекция индивидуальных находок (свыше 450 единиц) и массового материала (керамика, костные останки etc.) представляет собой достаточно емкий объем информации для характеристики «жизни на мосту». Найденные печати и западноевропейских пломб при комплексном подходе к анализу позволяют поймать «в фокус» исторические реалии деятельности городских магистратов по ремонту и содержанию моста.

Несмотря на общую скучность письменных известий по истории Великого моста, некоторые исторические обстоятельства его «жизни» в средневековом Новгороде стали доступны благодаря целому ряду находок в раскопках 2005-2006 гг. Прежде чем перейти к описанию находок, замечу, что результаты подводных исследований

дований убеждают в том, что археологизация средневековых древностей на дне Волхова, то есть оседание предметов в придонных отложениях, не носило стихийного характера, а, в основном, подчинялось некоторым закономерностям. Выявление всего набора этих закономерностей является делом будущего, но о наличии некоторых из них можно говорить вполне определённо уже после начального этапа работ.

В одном из раскопов на дне Волхова была обнаружена **свинцовая вислая печать**, точнее, её половинка. Эта находка относится к категории именных печатей новгородских тысяцких, количество которых весьма невелико: всего известно 38 печатей, происходящих от 25 пар матриц. Волховская печать принадлежит 1-й группе таких печатей, признаками которой является нанесение на одну сторону печати имени (без отчества) тысяцкого; на обратной стороне помещается изображение святого. Все известные печати этой группы (5 экз.) принадлежали новгородским тысяцким XIV века.

Известный ранее экземпляр (№ 595а по Своду актовых печатей Древней Руси) происходит из раскопок 1995 г. на Андреевском раскопе в Новгороде²⁸. Эта свинцовая булла сохранилась целиком, её размеры — 26-27 мм, на лицевой стороне хорошо читается надпись: «ПЕЧАТЬ АВРАМОВА ТЫСЯЧЬСКОГО». На обороте изображен святой всадник с копьем, подпись к которому сообщает, что это Святой Авраам. В отношении персональной принадлежности «печати Аврама» публикаторы первой находки сообщают: «Источники знают двух тысяцких Аврамов. Один был деятелем 20-х годов XIV в., другой Аврам Олферьевич — упоминается под 1340, 1345, 1348 и 1350 гг. Не исключено, правда, что это одно лицо»²⁹.

Таким образом, печать со дна Волхова также принадлежала тысяцкому Авраму и является вторым экземпляром печати этого типа³⁰. Из сравнения оттисков на обеих печатях (в первую очередь, очертаний букв), следует, что они выполнены разными матрицами. Характер излома обычен для вислых свинцовых печатей — чаще всего они ломались по линии сквозного канала, через который пропускался шнур, скреплявший опечатанный документ. Наглядный образец устройства буллы до её «опечатывания» даёт ещё одна находка (т. н. заготовка печати) из раскопок на дне Волхова.

Найденная печать тысяцкого Аврама является несомненной удачей археологов, существенно влияющей на общую оценку резуль-

татов подводных исследований. Во-первых, обнаружение печати магистрата, занимавшего должность тысяцкого в 1320–1340-х гг. рядом с мостовыми конструкциями, относящимися (согласно естественнонаучным анализам) к XIII–XIV векам, является убедительной перекрёстной датировкой.

Как раз в XIV веке, к которому относится находка нашей печати, происходит резкая перемена в сословной принадлежности тысяцких. Если в XIII веке они избирались из среды так называемого «сотенного», то есть непrivилегированного населения города, то уже в XIV веке тысяцкие избираются только из числа новгородских бояр, что свидетельствует о повышении престижа должности тысяцкого и постепенном сращивании городских «сотен» с боярскими кланами. Немалую роль в процессе боярского поглощения «сотен», по мнению В.Л. Янина, сыграло церковное строительство бояр, поскольку в состав приходов вновь воздвигнутых храмов входило как население боярских усадеб, так и жители городских «сотен»³¹. Таким же «общим» объектом содержания в городском масштабе для представителей боярского и «сотенного» являлся, вне сомнения, и Великий мост.

Из текста «Устава о мостех» следует, что тысяцкий отвечал за мощение одного из участков центральной части Новгорода. Исследователи сходятся в том, что этот участок продолжался от Великого моста до церкви Иоанна на Опоках, явившейся центром крупнейшей торговой корпорации новгородских «вощников», а также местом торгового суда. Таким образом, место находки печати Аврама находится если не прямо в зоне юрисдикции тысяцкого, то в непосредственной близости от неё. Можно представить гипотетическую ситуацию, при которой документ, скреплённый печатью тысяцкого, был «распечатан» его адресатом прямо на Великом мосту. Разломанная при этом пополам печать должна была соскользнуть со шнура и вполне могла провалиться в воду между досками мостового настила.

Персональная принадлежность печати вносит некоторые нюансы в историко-археологический контекст находки буллы в районе Великого моста. Независимо от того, действовали в Новгороде с 1320-х по 1340-е гг. два тысяцких Аврама или один, этот период времени отмечен в истории Новгорода всплеском градостроительной деятельности, о котором говорилось выше. Как уже отмечалось выше, кардинальные перемены в градостроительстве Новгорода начинаются с грандиозной перестройки архиепископом Василием

Каликой (1331-1350) укреплений Детинца, ставшей этапом перепланировки всей центральной части Софийской стороны. Под 1336 г. летопись сообщает о строительстве нового моста, что выглядит логическим продолжением всей цепочки строительных акций³².

Уместно привести слова Василия Калики из его известного поучения, вошедшего в текст Новгородской первой летописи под заголовком «Послание архиепископа новгородского Василия к владыке тверскому Федору»³³. В нём он поучает тверского владыку правильному толкованию «мысленного рая», говоря при этом: «Самовидец есмь сему, брате: егда Христос иды в Иерусалим на страсть волную и затвори своима рукама врата градная, и до сего дни не отворими суть»³⁴. Эта фраза помогает понять логику последовательности строительных работ 1330-х гг.: сначала владыка строит каменные стены общегородской крепости (детинца), затем отгораживает внутри неё сектор своего «владычного двора», оформляет проход в него со стороны Великого моста храмом Входа в Иерусалим, а на обращенный к тому же храму и мосту портал Софийского собора навешивает новые медно-золочёные ворота, причём именно с южной стороны — от линии нового моста, нового храма и новой ограды Владычного двора.

Найдка печати тысяцкого Аврама потянула за собой ниточку «расследования» событий 1320-1340-х гг., как это часто бывает в археологии, явно находящейся в родстве с детективным жанром. Одним из наиболее любопытных исторических сюжетов этого периода, имеющего прямое отношение к республиканскому устройству Новгорода и, в том числе, к активным символам этого устройства, является набор изображений на медно-золочёных воротах Софийского собора, получивших со временем название Васильевских по имени самого Василия Калики.

Сразу отметим, что ворота представляют собой уникальный исторический источник, поскольку содержащиеся на них изображения наполнены глубоким символическим смыслом. В этом отражена фигура самого Василия, который явно был увлечён неканоническими сюжетами православия и сам являлся автором «послания о земном рае», которое можно причислить к древнерусским апокрифам. Именно во времена Калики в Новгороде зарождается и начинает распространяться на Руси первое еретическое движение, известное под названием «стригольничества»

Среди достаточно традиционных изображений сцен из Ветхого и Нового заветов на правой створке Васильевских ворот сохра-

нилась сцена под названием «Китоврас, забрасывающий царя Соломона на край света». Смысл этой сцены достаточно прозрачен: в борьбе кентавра, символизирующего патрона «зодчих», с его «братьем» царём Соломоном, первый одерживает верх, забросив мудрейшего из царей за край света, где его затем обрели мудрецы и вернули на трон. Содержание этого апокрифа, известного и в древнерусской литературе, является собой ярчайший пример монархомахии — то есть борьбы с княжеской тиранией³⁵. Для Новгорода, вступившего в эти годы в ожесточённые конфликты псковскими и московскими князьями, сюжет с Китоврасом выглядит более чем актуальным.

В то же время, изображения кентавров практически с момента основания сопровождают новгородцев в их быту. Среди известных изображений можно упомянуть и резные колонны от несохранившейся деревянной церкви XI века, раскопанной в 1950-х гг., и небольшие фрагменты древних паникадил-люстр Софийского собора, и даже деревянные резные фигурки, украшавшие интерьеры жилищ новгородцев. По мнению искусствоведов, столь близкое знакомство с миром античных мифических существ, в которой кентавры занимают одно из ведущих мест, значительно раздвигает наши представления о степени знакомства населения Древней Руси с литературным наследием и мифологией Древней Греции³⁶.

Примечания

1. Новгородская первая летопись. М. 2000. С. 348-349, 399, 413, 419.
2. Новгородская первая летопись. С. 67.
3. Рабинович М.Г. Деревянные сооружения городского хозяйства в Древней Руси // Средневековая Русь. М., 1976. С. 32.
4. Трояновский С.В. Новгородский детинец в X-XV вв. по археологическим данным. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2001. С. 16-17.
5. Там же. С. 32-33.
6. Иванова-Веэн Л.И. Деревянные мосты русского севера XVIII-XX вв. Дисс. ... канд. Архитектуры. М., МАРХИ. 1988.
7. Иванова-Веэн Л.И., Хархордин О.В. Новгород как *res publica: мост к величию* // Неприкосновенный запас. 4(30). 2003. С. 203.
8. Патон Е.О., Рабцевич П.В., Симинский К.К. Деревянные мосты. Киев, 1915. С. 5.
9. Новгородская первая летопись. С. 27.
10. Там же. С. 39.

11. Petrov M., Troianovsky S. Man and The Fortress: Ways For Co-Existence In Medieval Russia // Castella Maris Baltici V. Rudkobing, 2001. P. 137-142/
12. Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород. 2001. С. 290-292.
13. См. например: Семёнов А.И. Топография новгородского Торга в 1583 году // НИС. Вып. 1. Л., 1936. С. 23-40 и вклейка); Он же. Древняя топография средней части Торговой стороны Новгорода // НИС. Вып. 10. Новгород, 1961. С. 137-159.; Пронштейн А.П. Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957. С. 95-102; Андреев В.Ф. Княжеский двор в древнем Новгороде // НИС. № 2(12). Л., 1984. С. 114-127; Сорокин А.Н. К топографии древнейшего Торга // ННЗИА. Вып. 2. Новгород, 1989. С. 45-48; Гусаков В.Н. К топографии северной части древнего новгородского Торга // Там же. С. 48-53; Варенцов В.А., Коваленко Г.М. В составе Московского государства. СПб., 1999. С. 61-62.
14. Петрова Л.И. «... Иоанна Предтечи на Петрятине дворе, а ныне зовётся на Опоках» (о связи микротопонимии Новгорода с древним рельефом) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 187-193.
15. Подобную ситуацию мы наблюдаем и в отношении городских укреплений. Если в 1044 и 1116 годах летопись сообщает о строительство «нового города» князьями, то уже в 1169, 1220 и 1262 годах строителями городских укреплений называются *новгородцы*. С 1302 году инициатива по сооружению новых укреплений явно переходит в руки архиепископа: «Заложи владыка Феоктист град камен Новугороду» (1302 г.) Причина этого перехода, возможно, связана с реформированием политических институтов города и появлением т. н. «владычных наместников», обеспечивающих реализацию власти владыки, как высшего лица в иерархии управления Новгородской республикой.
16. Янин В.Л. Устав князя Ярослава о мостех // Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 108.
17. Янин В.Л. Устав князя Ярослава о мостех // Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 105.
18. Буров В.А. О местоположении княжей сотни в Новгороде // Буров В.А. очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 88.
19. Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 263.
20. 1342 г.: «И Онцифор с Матфеем созвони вице у святеи Софее, а Федор с Ондрешко другое созвониша на Ярославли дворе». Новгородская первая летопись. С. 356.
21. Муравьёв М.В. Новгород Великий. Л., 1927. С. 30-31.
22. Великий Новгород во второй половине XVI в. СПб., 2001. С. 183.
23. Там же. С. 191.
24. Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. М., 1930. С. 9-10, 129-131.
25. Литература Древней Руси. С. 229.

26. Псковские летописи. Вып. 1. М. – Л., 1941. С. 111.
27. Обработка образцов и их дендрохронологическая датировка выполнена научным сотрудником новгородского Центра по организации археологических исследований О.А. Тарабардиной.
28. Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. М., 1998. С. 90, 195.
29. Там же.
30. Выражаю глубокую признательность академику РАН В.Л. Янину за первоначальную атрибуцию печати.
31. Там же.
32. Новгородская первая летопись. С. 347.
33. Новгородская первая летопись . С. 422-427.
34. Там же, с. 425.
35. Апокрифы Древней Руси. СПб., 2006. С. 51-52.
36. Чернецов А.В. К изучению символики Новгородских врат 1336 г. // Краткие сообщения института археологии. № 144. М., 1975. С. 43-46.

Г.Е. Дубровин,
г. Москва

ФОРМИРОВАНИЕ ПЛОТНИЦКОГО КОНЦА СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА

Средневековый Новгород являлся своеобразной федерацией самоуправляющихся городских районов — концов¹. Общепризнаено, что в Новгороде изначально было лишь три т.н. «старых» конца (Неревский, Людин и Славенский), к которым позднее присоединились еще два — Плотницкий и Загородский. «Старые» концы выросли из догородских родовых поселков, потомки старейшины которых впоследствии составили основу новгородского боярства². Что же касается новых концов, то и характер образования их, явно отличающийся от «старых», и время вхождения в городскую федерацию, являются предметом обсуждения.

Процесс формирования новых новгородских концов следует рассматривать на основании комплексного анализа археологических данных и информации о социально-политических процессах, происходивших в Новгородской республике. При этом необходимо принимать во внимание специфический состав населения этих районов города.

Археологические данные свидетельствуют о том, что во 2-ой половине XIII в. после длительной стабилизации границы города на Торговой стороне по Плотницкому (Федоровскому) ручью меняются, и территории к северу от него начинают активно осваиваться³. Трудно однозначно ответить на вопрос, что послужило причиной освоения новых земель: демографический взрыв в самом Новгороде или появление большого числа переселенцев из новгородской округи и других русских княжеств, однако, как бы там ни было, если говорить о формировании Плотницкого конца, то, по-видимо-

му, большое (а может быть и решающее) значение имел процесс заселения этих «северных территорий» Торговой стороны.

Если следовать версии М.Н.Тихомирова-С.Н.Орлова о том, что Плотницкий и Федоровский ручьи тождественны, а топоним «Плотники» относился в первую очередь к местности к северу от указанной водной преграды⁴, то не исключено, что особая роль в формировании Плотницкого конца принадлежит не издавна обжитым районам поблизости от его границ со Славно, где более ста лет проживало внекончанско население⁵, а вновь освоенным территориям за Плотницким (Федоровским) ручьем. Видимо, в процессе образования этого «молодого» новгородского конца могли особенно активно проявить себя новые поселенцы, среди которых, вероятно, уже тогда были представлены и прусские бояре.

60-ми — 70-ми гг. XIII в. датируются на Андреевском раскопе самые ранние ярусы мостовых Плотницкой Пробойной и Молотовской улиц, а также остатки наиболее ранней застройки на прилегающих к ним усадьбах. По мнению авторов публикации материалов раскопа, уличным трассам здесь предшествовала грунтовая дорога⁶. Возможно, изначально это была древняя дорога, ведущая от Славно к Антониеву монастырю.

Весьма показательно, что, во-первых, самые ранние ярусы уличных мостовых имеют здесь уже традиционную для городских улиц конструкцию (три продольные лаги и уложенные на них поперечные плахи), а, во-вторых, уличные мостовые появляются немного раньше регулярной усадебной застройки⁷. Все это может свидетельствовать об организованном освоении исследованной территории и, что особенно важно, о городском характере этого освоения (т.е. о включении ее сразу в городскую черту). Показателен также сравнительно невысокий имущественно-социальный уровень первопоселенцев⁸.

Следует отметить, что земли к северу от Плотницкого (Федоровского) ручья заселялись отнюдь не равномерно. Так, для соответствующих первоначального периода застройки (10—20 гг. XIV в.) Никитинского раскопа (располагавшегося в 300 м к юго-западу от Андреевского), характерны очень невыразительные остатки отдельных временных нежилых сооружений, никак не вяжущихся с ориентированной на трассы Никитиной и Маницыной улиц регулярной усадебной застройкой, появившейся здесь только к середине XIV в., по-видимому, одновременно с первыми уличными настилами на этом участке⁹.

Правда, здесь надо принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, местность, исследованная на Никитинском раскопе, была плохо приспособлена для жизни. Археологические данные и информация по палеорельефу свидетельствуют о том, что здесь была низина, периодически подтопляемая во время паводков. Во-вторых, судя по наличию в предматериковых напластованиях раскопа (при отсутствии каких-либо следов застройки) вещевого материала, который может датироваться в пределах XIII в., т.е. в том числе и домонгольским временем, не исключено, что рядом с территорией раскопа (предположительно к востоку от него, где наблюдалось повышение палеорельефа) находился какой-то относительно ранний поселенческий объект, например, поселок до-городского типа, может быть аналог тем, которые предположительно располагались около Михалицкого и Антониева монастырей¹⁰.

Характерно, что вскоре после первых мостовых Пробойной и Молотковской улиц, зафиксированных на Андреевском раскопе, появляется первое регулярное замощение традиционного городского типа и на исследованной на Федоровском раскопе Коржевой улице, располагавшейся на южном берегу Плотницкого (Федоровского) ручья (нач. 80-х гг. XIII в.)¹¹.

Таким образом, археологические источники свидетельствуют о том, что с 60-х – 70-х гг.(?) XIII в. начинается регулярное городское освоение местности к северу от Плотницкого (Федоровского) ручья, а к 80-м гг. и улицы в районе бывшей северной границы города (Коржева) получают, наконец, стандартное городское замощение¹².

Все это можно рассматривать как доказательство того, что, по мере освоения земель к северу от Плотницкого (Федоровского) ручья, к 80-м гг. XIII в. складываются предпосылки для проведения централизованных мероприятий по благоустройству территории в т.ч. и к югу от ручья, т.е. проводятся единые организованные акции¹³, которые, по-видимому, могла осуществлять общая для всей этой местности администрация, т.е. администрация нового Плотницкого конца, который, в принципе, мог оформиться уже в 80-е гг. XIII в. (этую дату можно считать самой ранней из возможных¹⁴).

В результате появления во второй половине XIII в. поселенческого массива к северу от Плотницкого ручья, на Торговой стороне складывается новая ситуация, когда «старому» Славенскому концу противопоставляется превосходивший его и по площади, и

по числу жителей своеобразный «внекончанский противовес», включивший в себя как население, традиционно проживавшее на территории к югу от Славна до Плотницкого (Федоровского) ручья, так и новых поселенцев, обосновавшихся за ручьем.

Среди жителей будущего Плотницкого конца, по-видимому, было много некоренных новгородцев¹⁵, в т.ч. и выходцев из княжеского окружения, подчиненных непосредственно князю, вероятно, в рамках упомянутой в «Уставе князя Ярослава о мостах» Княжей сотни¹⁶. Это население было в какой-то степени противопоставлено жителям «старых» концов, наделенных определенными правами в рамках городской федерации (например, правом избирать из своей боярской среды посадника), которых внекончанское население было лишено. Похожая картина складывалась и на Софийской стороне, где внекончанское население было сосредоточено на месте будущего Загородского конца. По-видимому, противостояние «старых» концов с Плотницким и Загородским «внекончанскими посадами» и явилось одной из предпосылок для образования на месте последних новых кончанских единиц.

Основная масса внекончанского населения северной части Торговой стороны, входившего до формирования Плотницкого конца в Княжую сотню, по характерному для XIII–XIV (?) вв. бинарному социальному делению новгородцев на «лучших» («больших», «вячших», «старейших») и «меньших» («молодых», «простую чадь»), безусловно, должна быть отнесена к «меньшим»¹⁷.

Первые признаки такого разделения предстают в летописной статье за 1216 г., когда князь Ярослав Всеволодович в Торжке захватил «старейшие мужи...новгородьстии, и молодыхъ изборомъ»¹⁸.

В 1228 г. против архиепископа Арсения и других городских властей восстает «простая чадь»¹⁹. Последний термин, безусловно, близок к «меньшим»²⁰.

Бинарное социальное деление жителей города особенно наглядно проявилось в летописных статьях, повествующих об острых конфликтах новгородцев с Александром Невским в 50-е гг. XIII в.²¹.

Так, в 1255 г. после изгнания наместника Александра — его сына Василия — и попытки посадить на новгородском столе князя Ярослава Ярославича, сопротивление шедшему с карательной экспедицией на Новгород Александру Ярославичу сосредоточилось на Торговой стороне. Во главе этого сопротивления стояли посадник — прусский боярин Онания Феофилактович — и тысяцкий Клим

(Климент). Характерно, что против великого князя выступили «менши», в то время как сосредоточившиеся на Софийской стороне «вятши» во главе с прусским же боярином Михалкой Степановичем наоборот поддерживали Александра и, более того, собирались ударить на «менших» со стороны Юрьева монастыря. Кончилось противостояние тем, что посадник Онания был смешен и на его место поставлен Михалко Степанович, а князю Александру Ярославичу возвращен новгородский стол²².

Здесь следует обратить внимание на следующие факты.

А) Четкое размежевание позиций «менших» и «вятши», сопровождающееся сосредоточением противоборствующих сторон на различных сторонах Новгорода.

Б) Концентрация «менших» на Торговой стороне, где находился самый значительный в Новгороде «внекончанский посад» — на месте будущего Плотницкого конца.

В) Позиция прусского посадника Онании Феофилактовича, ставшего вместе с тысяцким во главе «менших» против «вятши», т.е. против бояр «старых» концов и Прусской улицы²³. С одной стороны, это можно объяснить личной враждой Онании к Александру Ярославичу, а с другой — существовавшими, по-видимому, уже тогда, т.е. в 50-е гг. XIII в., связями какой-то части прусского боярства, к которому посадник принадлежал, с внекончанским населением северной части Торговой стороны, в дальнейшем преобразованной в Плотницкий конец, заметную часть боярства которого в будущем составили выходцы с Прусской улицы, в частности, потомки самого Онании.

Еще один конфликт, продемонстрировавший социальное расслоение населения Новгорода, произошел в 1259 г. После того, как поддержанные сыном Александра Невского Василием новгородцы в 1257 г. единодушно отказали татарским послам подвергнуться переписи («ятися...по десятины, тамги»²⁴), в 1259 г. татарские послы вновь прибыли в Новгород вместе с князем Александром Ярославичем. Началась смута, причем против «числа» выступила чернь, а татарских послов Александр поручил охранять сыну славенского посадника Михаила Федоровича и «детям боярским». Дело чуть было не дошло до открытого столкновения с «вятшинами», которые требовали «яти меншим по числу». На сей раз «менши» — противники татарского «числа» сосредоточились у св. Софии. Невзирая на сопротивление «менших», Новгород все-таки в конечном итоге был переписан татарами под дань²⁵.

Как видим, здесь представлен еще один пример консолидации «менших», т.е. в данном случае преимущественно малоимущего (что следует из летописного текста) и, по-видимому, в значительной своей части внекончанского населения. Сосредоточение «менших» на этот раз у св. Софии объясняется чисто тактическими соображениями — близостью Торговой стороны к Городищу, где находился князь Александр с дружиной и татарские послы, а, кроме того, охранявшие татар новгородские «дети боярские».

Вновь чернь²⁶ выступает единым фронтом, что свидетельствует о том, что в 50-е гг. XIII в. «менши» обладали возможностью организованных действий. Это можно рассматривать как одну из предпосылок для консолидированного движения «менших» «внекончанского посада» Торговой стороны в направлении формирования на своей территории нового (Плотницкого) конца как равноправного члена городской федерации со всеми вытекающими отсюда последствиями, в т.ч. и правом избрания его представителей на посадничество.

Таким образом, во второй половине XIII в. «меньши», в частности, население «внекончанского посада» Торговой стороны, проявляют определенные признаки организованности, позволявшей этой части новгородцев выступать единой политической силой. Данное обстоятельство способствовало дальнейшему естественному продвижению в сторону оформления и конституирования выревшей в социальных конфликтах XIII в. консолидации, что и выражалось в конечном итоге в формировании новых Плотницкого и Загородского концов.

Безусловно, должна была оказывать влияние на процесс образования новых концов и реформа новгородской сотенной системы, выражавшаяся, в частности, в выходе из нее «лучших», т.е. бояр.

По мнению В.Л.Янина и М.Х.Алешковского, сотенное деление для Новгорода является вторичным: в городе прослеживается существование двух административно-территориальных систем, одна из которых — деление города на концы и улицы — уходит корнями в историческую топографию Новгорода и искони была подчинена боярскому управлению. Другая, сотенная, совпадает с обычной организацией княжеского управления в других древнерусских городах. Десять новгородских сотских возглавлялись тъгсяцким, который представлял купцов, черных и житых людей, т.е. свободное непривилегированное население. Боярские концы и небоярские сотни располагались в городе чересполосно²⁷.

Ю.Г.Алексеев отмечал, что городские сотни, составлявшие в совокупности «тысячу», в Новгороде (как и в других древнерусских городах XII – XIV вв.) были территориальным объединением рядовых горожан, сочетавших занятия земледелием с ремесленно-торговой деятельностью. «Старейшие» (бояре), вначале входившие наравне с «молодшими» в сотни, затем вышли из них, что можно расценивать как свидетельство приобретения «старейшими» определенных политических и правовых признаков. По мнению исследователя, выделение социальной верхушки из обычного сотенного деления свободного населения наблюдалось на Руси повсеместно, свидетельством чему являются жалованные грамоты князей²⁸. Однако, сформулировав тезис о выходе «старейших» из сотен в Новгороде, Ю.Г.Алексеев не ответил на вопрос, когда же это могло произойти.

На поставленный вопрос попытался ответить В.А.Буров. Он предположил, что выход «старейших» из сотен произошел между 1189 (нижняя возможная дата договора Новгорода с Готским берегом, где все новгородцы названы просто «мужами» без разделения на сословные разряды) и 60-ми гг. XIII в., когда в договорных грамотах с князьями начинают упоминаться «все старейшие и все меньшие» (т.е. официально подтверждается бинарное словное деление). Далее исследователь счел возможным удревнить верхнюю дату этого промежутка времени до 1191 г., т.е. до первого упоминания республиканского тысяцкого Миронега и появления печатей новгородского тысяцкого. Таким образом, время разделения новгородцев на «старейших» и «меньших» и выхода «старейших» из состава сотен по В.А.Бурову может быть отнесено к 1189 – 1191 гг.²⁹

Однако датировка, предложенная В.А.Буровым, вызывает сомнения. В договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, послужившей исследователю основой для нижней даты, упоминается тысяцкий Яков³⁰, который может быть отождествлен со вторым республиканским тысяцким Якуном Намнежичем, избранным уже после Миронега³¹. Это обстоятельство противоречит построениям В.А.Бурова, поскольку им за основу был взят тезис о том, что появление республиканского тысяцкого можно считать индикатором свершившегося сословного разделения новгородцев. Но ведь текст именно этой грамоты был использован исследователем для доказательства того, что в момент ее составления указанное разделение еще не произошло, т.к. здесь все новгородцы

без различий названы «мужами». К этому следует добавить убедительно доказанное Е.А.Рыбина утверждение, что данная грамота должна датироваться 1191–1192 гг.³² Таким образом, можно поставить под сомнение не только датировку, предложенную В.А. Буровым, но также и его основной тезис о том, что появление республиканского тысяцкого обозначило сословное разделение новгородцев и выход из сотен «старейших» (бояр).

Можно согласиться с тем, что разделение новгородцев на «старейших» и «меньших», выход «старейших» из сотен и появление первых республиканских тысяцких связаны между собой. Другое дело — одновременность указанных процессов. Они были, безусловно, взаимосвязаны, но не обязательно одновременны. Как было показано выше, при первых новгородских тысяцких сословное разделение как будто бы еще не произошло.

Что же касается выхода «старейших» (бояр) из сотен, то письменные источники, скорее, свидетельствуют о том, что, по крайней мере, в первой трети XIII в. в сотни по-прежнему входило все население Новгорода.

Так, в статье Новгородской первой летописи за 1229 г., сообщающей о разгроме славенского посадника Водовика и его сторонников (в частности, боярина Семена Борисовича), говорится о том, что «...добыть Сменовъ и Водовиковъ по стомъ розделиша...»³³. Судя по всему, эта акция была общегородской и, очевидно, проводилась по приговору веча. В таком случае в дележе имущества («добытка») Семена и Водовика должны были участвовать все новгородцы, что, по-видимому, и нашло свое отражение в формуле «по стомъ розделиша». Если предположить, что «старейшие» (т.е. бояре) тогда уже не входили в состав сотен, то получится, что они были устраниены от дележа имущества опальных славенских бояр, что вряд ли может быть как-то обосновано.

В качестве аналога этим событиям можно привести случившийся в 1209 г. разгром Мирошкиничей. Тогда «...избыть роздѣлиша по зубу по 3 гривнѣ по всему городу, и на щитъ...»³⁴. Судя по всему, характер дележа имущества в обоих случаях был один и тот же, т.е. формулы «по всему городу» и «по стомъ» надо понимать как тождественные.

Таким образом, можно предположить, что в 1229 г. сотенная система еще охватывала все население Новгорода.

В «Церковном уставе князя Всеволода», который, в частности, свидетельствует о передаче торгового суда и контроля над мерами

от князя к городу, в статье 15 говорится о дележе имущества нарушителей «Устава»: «...а животъ его на троє: третъ живота с(вя)тни Софии, а дроугаа треть с(вя)т(о)моу Иваноу, а третьяа треть сочьскымъ и Новоугородоу»³⁵. Как видим, в данной статье сотские представляют все население Новгорода. Это подтверждает и статья 23: «А та вся дѣла приказахъ святнї Софии и всемоу Новоугороду, моимъ моужамъ и 10-ти сочьскымъ»³⁶.

В связи с этим большое значение имеет датировка «Устава» и, в частности, статей 15 и 23.

С.В.Юшков предположил, что памятник является позднейшей компиляцией, составленной из разнообразных источников, в том числе и подлинного документа времен Всеволода-Гавриила Мстиславича, а также «Устава Владимира» в третьей редакции третьей четверти XIII в. При этом исследователь выделил из текста «Устава» три фрагмента, на которых влияние «Устава Владимира» сказалось в наименьшей степени и которые могли восходить к аутентичной грамоте князя Всеволода. Сюда вошли, в том числе, и статьи 15 и 23³⁷.

По мнению А.А.Зимина, документ представляет собой фальсификат конца XIV в.³⁸.

М.Н.Тихомиров считал, что в основе «Устава» лежит подлинник 30-х гг. XII в., а более поздние переделки не являются существенными³⁹.

В.Л.Янин выдвинул гипотезу о том, что источник «Устава» связан не с Всеволодом-Гавриилом, а с Всеволодом-Петром Мстиславичем (Борисовичем), т.е. конституирование торгового суда было предпринято в конце 1-й четверти XIII в., а затем в конце XIII в. была осуществлена компиляция первоначального «Устава» с «Уставом Владимира»⁴⁰.

Я.Н.Щапов расценивал «Устав» как фальсификат кон. XIII в.⁴¹

Позднее к этому документу обращался Б.Н.Флоря, который предположил, что установление о торговом суде в «Уставе» относится к 70-м – 80-м гг. XII в., а издателем акта является Всеволод Большое Гнездо, не княживший в Новгороде, но фактически правивший им через своих ставленников⁴².

И, наконец, исследование памятника провел А.А.Гиппиус, который, в основном соглашаясь с выводами Б.Н.Флори, выделил три этапа формирования текста «Устава»: первый – до 1136 г.; второй (по Б.Н.Флоре) – 70-х – 80-х гг. XII в., и третий – кон. XIII – XIV вв.⁴³

Таким образом, большинство исследователей сходится на том, что в основе «Устава», окончательный текст которого сложился к концу XIII – началу XIV вв., лежит какой-то более ранний документ, датируемый от 30-х гг. XII в. (С.В.Юшков, М.Н.Тихомиров, А.А.Гиппиус) до 70-х – 80-х гг. XII в. (Б.Н.Флоря) – конец 1-й четверти XIII в. (В.Л.Янин). То есть, представленный в «Уставе» статус сотенной системы, охватывающей все население Новгорода, отражает ситуацию XII или даже 1-й четверти XIII вв. Последняя дата весьма показательна своей близостью к событиям 1229 г., как будто бы свидетельствующим о том же состоянии новгородских сотен (см. выше).

Самым ранним правовым документом, в котором нашла отражение реформа сотенной системы Новгорода, можно считать «Рукописание князя Всеволода», где возглавляющий торговый суд тысяцкий фигурирует как представитель только житых и черных людей⁴⁴, а отнюдь не всего населения Новгорода, как раньше сотские.

Относительно датировки «Рукописания» (как и в случае с «Уставом») существуют различные точки зрения.

А.А.Зимин считал «Рукописание» фальсификатом кон. XIV в., связанным с антимосковской реформой новгородского суда⁴⁵.

М.Н.Тихомиров здесь так же, как и в «Уставе», видел лежащий в основе документ 30-х гг. XII в., подвергшийся затем позднейшим переделкам⁴⁶.

В.Л.Янин предложил датировать окончательный вариант «Рукописания» рубежом XIII/XIV вв., причем основой для такой датировки, наряду с прочим, послужила денежная терминология памятника. Связывая «Рукописание» с «Церковным уставом Всеволода», исследователь полагал, что оба документа могли быть составлены в окончательном виде в кон. XIII – на рубеже XIII/XIV вв., причем «Устав» был первичен и послужил основой для «Рукописания», в котором первоначальная идея об организации торгового суда была приведена в соответствие с действительным устройством этого института на рубеже XIII/XIV вв.⁴⁷ Позднее В.Л.Янин отмечал, что «Рукописание» «в действительности закрепляет порядок, сложившийся в Новгороде не ранее 2-й трети XIII в.»⁴⁸.

С последним положением трудно не согласиться, поскольку, например, в немецком проекте мирного торгового договора с Новгородом 1268 г. прямо говорится о функционирующем в Новгороде

де торговом суде во главе с тысяцким и купеческим старостой⁴⁹, что вполне соответствует тексту «Рукописания»⁵⁰.

В то же время в проекте договорной грамоты Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем, датируемым по В.Л.Янину 1264 г., впервые появляется в дальнейшем традиционная формула «от посадника..., и от тысяцкаго..., и отъ всѣго Новагорода, и от всѣхъ старшиихъ, и от всѣхъ меньшихъ...»⁵¹, которую можно рассматривать как прямое свидетельство официального юридически закрепленного раздельного представительства «старшиихъ» (посадник) и «меньшихъ» (тысяцкий), т.е. реформы сотенной системы. Об этом же, судя по всему, говорят и рассмотренные выше летописные статьи с описанием новгородских «смут» 50-х гг. XIII в. с ярко выраженным противостоянием «старейших» («вятших») и «меньших»⁵².

Таким образом, можно говорить о том, что реформа новгородской сотенной системы, выразившаяся в выходе из сотен «лучших», т.е. бояр, может быть отнесена к 30-м – 50-м гг. XIII в.

Официальное конституирование боярства – высшего сословия новгородского общества – (а именно этот процесс отражен в выходе бояр из сотенной системы), провоцировало определенное правовое ущемление всего остального свободного населения Новгорода. И если на территории «старых» концов, где кончансское и сотенное население проживало чересполосно (по В.Л.Янину и Х.М. Алешковскому)⁵³, моменты противостояния могли сглаживаться влиятельным местным боярством, та же ситуация привела к усилению противостояния входившего в Княжую сотню населения «внекончанских посадов» Торговой и Софийской сторон со «старыми» концами и еще большей степени консолидации населения этих «посадов». Будучи ущемленными в правовом отношении, жители будущих «молодых» концов могли уравняться в правах с населением «старых» концов только создав свои собственные кончанские единицы, которые бы вошли на равноправной основе в городскую федерацию Новгорода. Как видим, реформа сотенной системы создала для этого дополнительные предпосылки.

Основываясь на вышесказанном, попытаемся оценить ситуацию, сложившуюся в Новгороде к концу 2-й половины XIII в.

С одной стороны, к этому времени уже сформировались предпосылки для образования новых концов:

1. Начавшееся во 2-й половине XIII в. освоение земель к северу от Плотницкого (Федоровского) ручья привело к тому, что на

Торговой стороне образовался значительный по размерам и населению «внекончанский посад», включивший в себя обе части будущего Плотницкого конца — к югу и северу от ручья. Аналогичный, но меньший «посад» существовал в это время на территории Загородья на Софийской стороне. Наличие двух значительных внекончанских образований на Торговой и Софийской сторонах вошло в противоречие с традиционной «трехкончанской» схемой городской федерации. Выходом из сложившейся ситуации было образование новых концов (Плотницкого и Загородского) и преобразование Новгородской федерации в «пятикончанскую».

2. Население «внекончанских посадов», основная масса которого по бинарному сословному делению того времени может быть отнесена к «меньшим» («молодшим»), на протяжении 2-й половины XIII в. проявляет определенные признаки организованности, позволившей этой части новгородцев в ряде случаев выступать единой политической силой. Данное обстоятельство можно рассматривать как предпосылку для дальнейшего естественного движения в сторону оформления вызревшей в социальных конфликтах XIII в. консолидации, что и привело в конечном итоге к появлению новых кончанских образований.

3. Окончательное официальное конституирование боярства, отраженное в реформе сотенной системы Новгорода 30-х – 50-х гг. XIII в., выразившейся в выходе бояр из сотен, обусловило усиление противостояния внекончанского населения, входившего в Княжью сотню со «старыми» концами и еще большей степени его консолидации. Жители будущих Плотницкого и Загородского концов могли уравняться в правах с населением «старых» концов, только создав свои собственные кончанские единицы, которые вошли бы на равноправной основе в городскую федерацию Новгорода.

В то же время, в кон. XIII в. наблюдаются коренные преобразования республиканского правления Новгорода, причем некоторые из них несут в себе признаки существования новых кончанских единиц.

Именно тогда завершается общая реорганизация государственной власти, суть которой сводится к тому, что при сохранении великокняжеского суверенитета над Новгородом из ведения княжеского аппарата изымаются в пользу республиканского судопроизводства важнейшие вопросы, связанные с земельной и прочей собственностью, а также торговлей, т.е. наряду со сместным судом князя и посадника

теперь функционируют суд тысяцкого и преобразованный владычный суд, причем в компетенцию последнего вводятся и гражданские дела, связанные с имущественными отношениями. В.Л.Янин справедливо отмечал, что с момента такого ограничения княжеской власти Новгородское государство приобретает фактическое республиканское устройство вместо двоевластия, сложившегося в XII в.⁵⁴

Тогда же, по-видимому, городская княжеская резиденция — Ярославов двор — переходит от великого князя под юрисдикцию Новгорода, а вместе с тем, и Княжая сотня, вероятно, утрачивает свой статус⁵⁵.

Создание республиканской государственности сопровождалось организацией новых форм государственной власти, образованием новых органов и целой разветвленной системы государственного аппарата.

В частности, произошли коренные изменения в новгородском посадничестве. Около 1291 г. был учрежден годичный срок исполнения посадничьей должности⁵⁶ и одновременно с этим правящая элита организует государственный боярский совет («совет господ»?), состоящий из пожизненных представителей от всех новгородских концов. Из этих представителей избирался очередной посадник. Если ранее пожизненным было само посадничество, то теперь, когда посадничество стало срочным, пожизненным становится представительство от конца⁵⁷. В.Л.Янин показал, что в конце XIII в. боярский совет состоял из четырех (пяти?)⁵⁸ членов. Этот факт можно рассматривать как свидетельство существования уже в то время двух новых концов. При этом исследователь особо отмечал, что Загородский конец был искусственным образованием, намеренно сформированным прусским боярством около 1291 г. как раз тогда, когда возник вопрос о представительстве в государственной элите (боярском совете)⁵⁹.

На наш взгляд к этому же времени, т.е. к кон. XIII в., можно отнести и формирование Плотницкого конца, а среди причин реформы новгородского посадничества видеть в том числе и появление на политической арене новых кончанских образований. Так, по-видимому, одной из причин учреждения кончанского представительства и введения годичного срока исполнения должности посадника стала необходимость увеличения динамики в замещении указанной магistratуры, что формально⁶⁰ создавало большие возможности для занятия высших должностей боярами разных, в том числе и новых, концов. Здесь же и кончанскоe представитель-

ство в элитном боярском совете, включающее делегатов и старых, и новых членов обновленной городской федерации.

Таким образом, можно говорить о том, что в кон. XIII в. кроме коренных преобразований республиканского правления Новгорода, произошла также и реорганизация новгородской городской федерации, превратившейся из «трехкончанской» в «пятикончансскую» за счет появления двух новых территориально-административных единиц — Плотницкого и Загородского концов.

Примечания

1. Следует подчеркнуть условность используемого здесь и далее по отношению к Новгороду термина «федерация», поскольку Новгородская республика, строго говоря, отвечала далеко не всем признакам федеративного государства. В частности, принципиальный вопрос о соотношении власти центра и мест, об особой компетенции города и самоуправляющихся концов здесь четко решен не был (Общая теория государства и права. Т.1. М.1998. С.181-182; Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М.1992. С.246-247).

2. Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. №2.

3. Дубровин Г.Е., Тарабардина О.А. Федоровский раскоп в Новгороде. Некоторые итоги.// Новгородские археологические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения А.В.Арциховского. Н. 2004.С.225-227.

4. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М.1956. С.382; Орлов С.Н. К топографии новгородских городских концов // СА. 1965. №2. С.92, 96; Дубровин Г.Е. К вопросу о Федоровском ручье в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 17. Н. 2003.

5. Здесь имеется в виду территория между северной границей Славянского конца (Ильина улица) и Плотницким (Федоровским) ручьем. Судя по археологическим данным, она начала осваиваться в первое-второе десятилетие XI в., и к нач. XII в. местность к югу от ручья была в основном заселена (Хорошев А.С. Раскопы южной части Плотницкого конца // Археологическое изучение Новгорода. М.1978; Ершевский Б.Д. Археологические наблюдения в Новгороде в 1969 — 1974 гг. // Там же; Воронова М.А. Раскопки древней улицы Рогатицы // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тезисы научно-практической конференции. Вып.2. Н.1989; Торопова Е.В., Тарабардина О.А. К вопросу о топографии Плотницкого конца в Новгороде // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Н.1997; Дубровин Г.Е., Тарабардина О.А. Федоровский раскоп в Новгороде...).

6. Степанов А.М., Соловьев Д.И., Тихонов П.И. Андреевский II раскоп в Новгороде (стратиграфия, хронология и характеристика усадеб-

ной застройки) // Новгородские археологические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения А.В.Арциховского. Н. 2004. С. 288, 290-291.

7. Там же. С. 289, Рис. 2, С. 290, 293.

8. Там же. С.293.

9. Мостовые Никитиной и Маницыной улиц, к сожалению, оказались за территорией раскопа.

10. Дубровин Г.Е., Козлова А.В., Федорук Н.С. Работы на Никитинском раскопе в 2004 г.// Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып.19. Н. 2005. С. 23-25.

См.: Новгородские летописи. С.198-200, а также Житие св. Антония Римлянина // Библиотека литературы древней Руси. Т.13. СПб. 2005 (поселок Волховский).

11. Дубровин Г.Е., Тарабардина О.А. Федоровский раскоп в Новгороде... С. 227-229.

12. Эта территория была заселена уже в кон. XI – нач. XII вв., а регулярным мостовым Коржевой улицы предшествовало продольное изредка возобновлявшееся нерегулярное замощение проходившей по этой трассе грунтовой дороги (Дубровин Г.Е., Тарабардина О.А. Федоровский раскоп в Новгороде ... С.227).

13. Ср.: «Того же лнта мостиша мость новъ отъ Лубянкѣ во весь конец Плотницкои» (ПСРЛ. Т.IV. Ч.1. Новгородская четвертая летопись. М. 2000. С.446; 1470 /6978/ г.).

14. Критика известной гипотезы о существовании Плотницкого конца еще в XII в. представлена в работе: Дубровин Г.Е. Численные характеристики исторических событий и время формирования Плотницкого конца Новгорода (в печати).

15. Разумеется, здесь жили и выходцы из «старых» новгородских концов, в том числе, вероятно, и отдельные представители боярских родов Прусской улицы, которые, поселившись к северу от Плотницкого ручья (где на Никитинском раскопе была обнаружена усадьба Есифа Захарьинича Носа и/или его сына Василия Есифовича Носа) (Дубровин Г.Е. Комплекс берестяных грамот Никитинского раскопа в Новгороде // Российская археология /в печати/), в дальнейшем составили ядро плотницкой боярской элиты.

16. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.1976 (далее – ДКУ). С.149, 150,152; Буров В.А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М.1994. С. 86, 89-92, 94-95.

17. В соответствии с летописными источниками «лучшие» могут быть отождествлены с боярами (НПЛ. С.81-82). См. ниже.

Возможное присутствие среди внекончанского населения Торговой стороны отдельных прусских бояр не могло принципиально изменить общую ситуацию, т.к. до образования Плотницкого конца политические амбиции этих бояр, сохранивших тесные связи с Прусской улицей (где у них, судя по более поздним данным / ПСРЛ. Т.IV. Ч.1. С. 340, НПЛ. С. 382, оставались усадьбы), вряд ли могли базироваться на поддержке пока еще ущемленных в правовом отношении будущих плотничан.

18. НПЛ. С.55.

19. Там же. С.67, 272.
20. Алексеев Ю.Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины)// Исторические записки. №103.М.1979. С.247-248.
21. В актовом материале бинарное социальное разделение новгородцев начинает проявляться несколько позднее. Так, «старейшие» впервые появляются в 1264 г. (договор с князем Ярославом Ярославичем / Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л. 1949 /далее – ГВНиП/ № 1, С. 9), в 1266 г. впервые фигурируют «старейшие» и «меньшие» (проект договора с князем Ярославом Ярославичем /ГВНиП. №2, С.10; В.Л.Янин этот документ, как и предыдущий, относит к 1264 году: Янин В.Л. Новгородские акты XII – XV вв.М.1991. С.142-146/). Такое сословное деление новгородцев прослеживается в актовом материале до 1307(8) г. (договор с князем Михаилом Ярославичем /ГВНиП. №9, С.19/) и еще раз появляется как своеобразный рецидив в проекте договора с князем Михаилом Александровичем (1371 г. /ГВНиП. № 15, С. 29). После этого с 1372 г. в актах появляются бояре и житы (грамота послам Юрию и Якуму / ГВНиП. №17, С. 32-33/), с 1448 (1454) г. – бояре, житы и купцы (жалованная грамота Троице-Сергиеву монастырю /ГВНиП. № 95, С.150; В.Л.Янин датирует этот документ 1450 годом: Янин В.Л. Новгородские акты... С. 323-324/), а с 1461 г. – бояре, житы, купцы и черные люди (ГВНиП. №21, С.38; датировка по: Янин В.Л. Новгородские акты...С.183-184). Последняя формула сохраняется до падения новгородской независимости. Следует отметить, что архаичный термин «молодшие» фигурирует наряду с боярами и житыми в некоторых статьях Новгородской Судной грамоты (Ст. 1, 6, 10) (Российское законодательство X – XX вв. Т.І. Законодательство древней Руси. М.1984. С.304-305).
22. НПЛ. С.80-81, 307-308.
23. Характерно, что лидеры противоборствующих группировок отнюдь не были антагонистами. Примером здесь служит пресечение посадником Онанией попытки расправы «черных людей» над главой «вятших» – его родственником прусским боярином и будущим посадником Михалкой Степановичем: «братье, аже того убиете, убите мене переже» (НПЛ. С.81)
24. НПЛ. С.82, 309.
25. Там же. С.82-83, 310-311.
26. Кстати, в описании событий 50-х гг. XIII в. впервые появляется термин «черные люди», которые отождествляются с «меньшими». Здесь же «вятшие» прямо отождествляются с боярами (НПЛ. С.81-82, 307-311). Необходимо еще раз подчеркнуть, что значительную часть «меньших» («черных») в этих событиях, безусловно, составляли жители «внекончанских посадов» Софийской и Торговой сторон.
27. Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М.1977. С.228; Он же: Новгородские посадники. М. 2003. С.158; Алешковский М.Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX – XV вв. // СА. 1974. №3. С.108-109.
28. Алексеев Ю.Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова...С.254.

29. Буров В.А. Очерки истории и археологии... С.104.
30. ГВНиП. №28. С.55.
31. Рыбина Е.А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода / / НИС. 3(13). Л. 1989. С.43; В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. С.173; Бассалыго Л.А. Новгородские тысяцкие. Часть 1. // Новгородский исторический сборник 11(21). СПб.2008. С.36-37.
32. Рыбина Е.А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода... С.43-48.
33. НПЛ. С.70.
34. Там же. С.51.
35. ДКУ. С.156.
36. Там же. С.157.
37. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М. 1949. С.216-221; Он же: Устав князя Всеволода // Серафим Владимирович Юшков (Труды выдающихся юристов). М. 1989. С.358, 364.
38. Зимин А.А. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича// Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия: Сборник статей. М. 1952. С.130.
39. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. С.114-117.
40. Янин В.Л. Новгородские посадники. С.134-135.
41. Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси. М.1972. С.172-173.
42. Флоря Б.Н. К изучению Церковного устава Всеволода // Россия в Средние века и Новое время. Сборник статей к 60-летию Л.В.Милова. М. 1999.
43. Гиппиус А.А. К истории текста церковного устава Всеволода// Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции Вып.17. Н. 2003.С.170.
44. ДКУ. С.161, 164 (статья 5).
45. Зимин А.А. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича. С.130.
46. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. С.114-117.
47. Янин В.Л. Новгородские посадники. С.127.
48. Янин В.Л. Уставы княжеские // Великий Новгород. Энциклопедический словарь. СПб.2007. С.466.
49. Бассалыго Л.А. Новгородские тысяцкие. Приложение 1. С.62. Новгородский проект этого договора, датируемый 1269 г., также сообщает о торговом суде тысяцкого (ГВНиП. №31. С.60).
50. ДКУ. С.161 (ст.5).
51. ГВНиП. №2. С. 10; Янин В.Л. Новгородские акты...С.142-146.
52. Летописные сообщения о событиях 1216 и 1228 гг. с терминами «старейшие», «молодые», «простая чадь» (НПЛ. С.55, 67) как будто бы могут свидетельствовать о более ранней дате «сотенной реформы», однако, поскольку об обратном говорит статья 1229 г. (НПЛ. С.70) (см. выше), то можно предположить, что для первой трети XIII в. была все еще характерна отмеченная Ю.Г.Алексеевым для XII в. неопределенность и со-

бирательность социальной терминологии (Алексеев Ю.Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова... С.246), еще не подкрепленной юридически.

53. Здесь отражена ситуация после реформы сотенной системы
54. Янин В.Л. Новгородские посадники. С.245-250.
55. Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т.III. М. 1998. С.100. В частности, одним из доказательств утраты княжеского контроля над Ярославовым двором служит церковное строительство жителей Новгорода на его территории. Самым ранним примером здесь может служить постройка в 1307 г. на Княжем дворе женой Якума Столбовича каменного храма Святых Отцов (НПЛ. С.333).
56. Янин В.Л. Новгородские посадники. С.241.
57. Там же. С.243.
58. Неясным для этого периода является представительство в совете разгромленного в 1286-87 гг. славенского боярства (Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 252-253).
59. Янин В.Л. Новгородские посадники. С.243-244.
60. Именно формально, т.к. впервые представитель Плотницкого конца, Михаил Павшинич, избирается на посадничество лишь в 1310 г. (НПЛ. С. 92).

*О.С. Ковалёва,
г. Екатеринбург*

ОТ ДЕТИНЦА К КРЕМЛЮ: ПЛАНИРОВОЧНОЕ РАЗВИТИЕ В НОВГОРОДЕ И ПСКОВЕ

Великий Новгород и Псков — одни из самых древних Кремлей России. Традиции, которые обусловили их становление и последующее развитие, восходят ко времени формирования русских городов.¹ Самым главным и определяющим фактором, оказавшим влияние на развития этих городов, послужило их географическое местоположение.

Новгородская и Псковская земли расположены на Северо-западе России. Это исторически сложившийся особый регион. В древнерусских текстах до XV века он именуется «Верхней Русью», в противоположность «Низовской» Руси. Реки Северо-запада относятся к бассейну Балтийского моря (а не Черного и Каспийского), что в понимании средневекового киевлянина или москвича было «Верхом». Таким образом, «отдельность», «самость» новгородских и псковских земель ясно осознавалась современниками. Зона псковско-новгородской суверенности четко определялась бассейнами рек Ладожского озера и реки Великой.²

Местоположение первоначальных поселений Новгорода и Пскова на стыке важных путей, ведущих из Европы и прибалтийских стран в Средиземноморье («из варяг в греки») и через Поволжье на Восток, способствовало раннему интенсивному экономическому развитию региона и стало главной причиной возникновения здесь городов. Новый этап был отмечен строительством центрального укрепленного ядра — Детинца, где был выстроен главный городской собор. Таким образом, Новгород и Псков по-

лучили четко выраженные монументальные центры, объединившие округу.

Необходимо отметить, что территории первых Детинцев Новгорода и Пскова были значительно меньше современных Кремлей, так как в процессе роста города увеличивалась и площадь Детинца.

Первое упоминание в летописях непосредственно об укреплениях в Новгороде относится к 1044 г.: «Ходи Ярослав на Литву; а на весну же Володимер заложи Новъгород и сдела его».³ На сегодняшний день ученые пришли к выводу, что первый Детинец занимал северо-западную часть современного укрепления в районе Владычного двора.⁴ «Наиболее крупным элементом древнего рельефа новгородского Кремля являлся холм под Софийским собором...».⁵ «Доминирующая над ближайшей окрестой возвышенность («Софийский холм») более всего подходила для культовых объектов. Таким образом, в числе различных факторов, повлиявших на выбор места строительства городского кафедрального собора, были особенности древнего рельефа. Возвведение Софийского собора повлияло на статус и дальнейшую историю прилегающей территории».⁶

От наземных укреплений до наших дней ничего не сохранилось, но раскопками были вскрыты внутривальные конструкции, основу которых составляли «городни» — мощные деревянные срубы. Суммируя данные всех предыдущих раскопок, С.В. Трояновский смоделировал круглую планировку древней крепости, центром которой был Софийский собор.

Округлая форма укреплений Детинца находит многочисленные аналоги не только в древнерусском материале, но и более широких географических границах. По мнению П.А. Раппопорта, широкое распространение этот тип планировки крепостей получает в XII—XIII вв.⁷

Для строительства выбирали самые защищенные возвышенные места. Псковский Кром занимает Формой, он напоминает сильно вытянутый треугольник в направлении север-юг, северный угол которого возвышается на 15 м.

Древний Псковский Детинец размещался на месте городища (заселено с первой половины I тыс. н. э.)⁸; это выгодное в оборонительном отношении положение на узком высоком скалистом мысу, образованном при впадении реки Псковы в Великую. Место его укреплений с южной стороны пока точно не установлено.

так как вследствие перестроек, связанных с укреплением крепости, были уничтожены древнейшие стены. С флангов, с северо-запада и северо-востока, Псков имел естественные рубежи защиты — реки Великую и Пскову. Только по аналогии с другими древнерусскими городами мы можем представить себе первоначальные укрепления Пскова. Крепостная стена представляла в те времена конструкцию из заостренных кверху тяжелых дубовых бревен, плотно подогнанных друг к другу и закрепленных в организованном для прочности и удобства обороны земляном валу.⁹

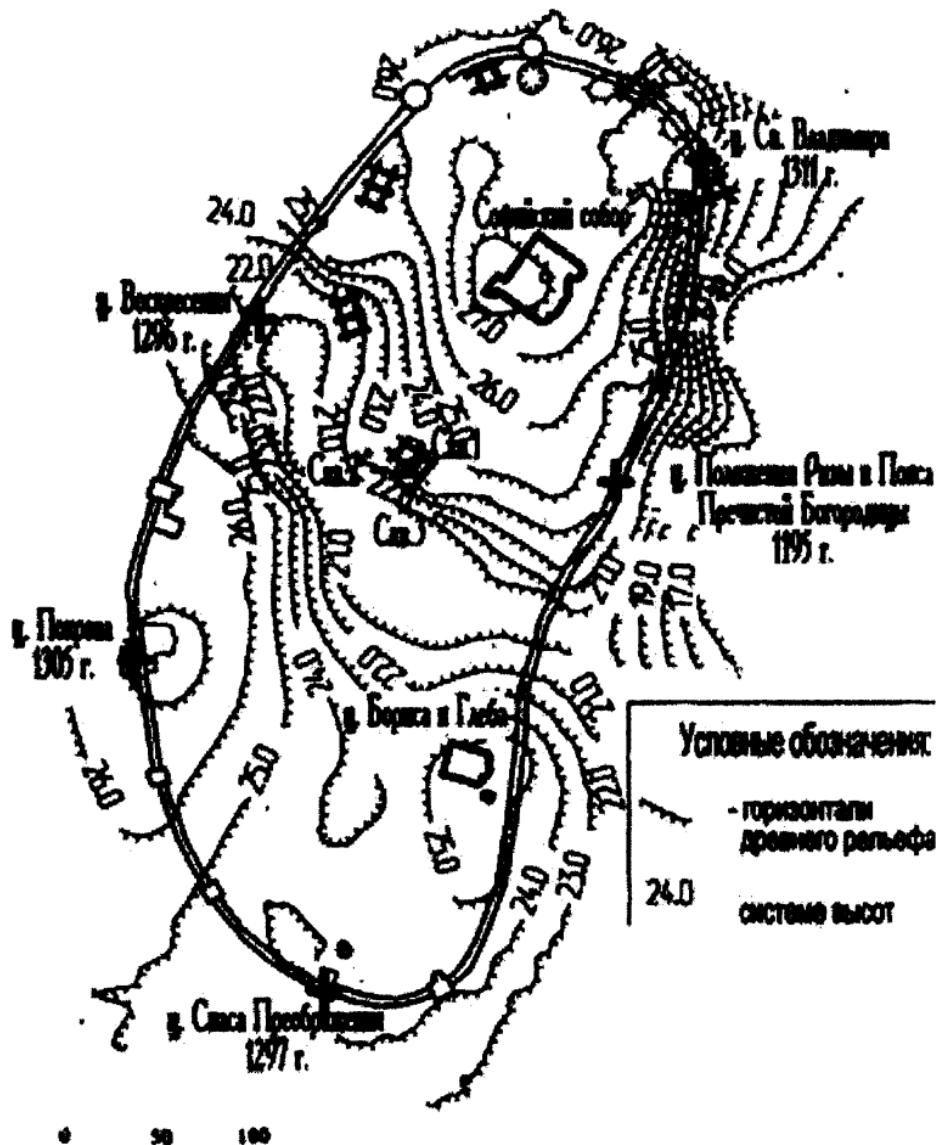
В Псковском и Новгородском Детинцах, как и в других древнерусских городах, собиралось вече. Князь здесь жить не мог, но до установления вечевой республики он принимал участие в строительстве.

Постепенно, втянувшись в международную торговлю, Новгород и Псков создали крепкий экономический фундамент, который способствовал дальнейшему росту городской территории. Вследствие этого были увеличены и площади их Детинцев: к Новгородскому Детинцу присоединили территорию Крома, а к Псковскому — так называемый охабень.

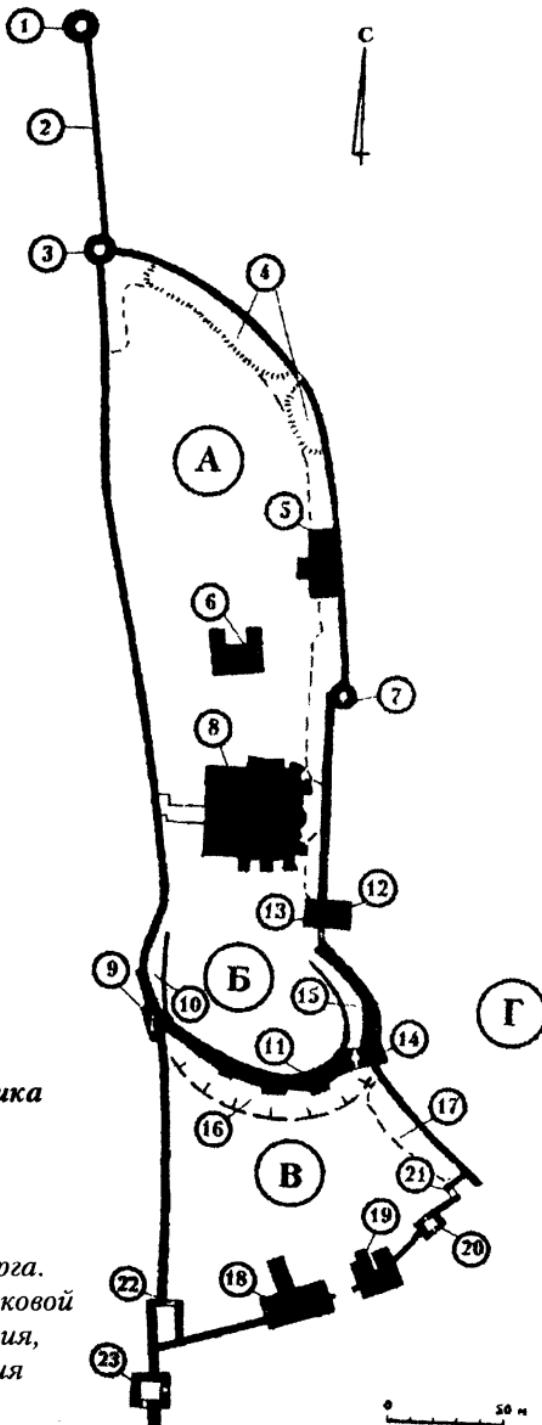
Подробнее эту гипотезу разрабатывали М.Х. Алешковский (для Псковского Детинца) и А.Н. Кирпичников (для Новгородского Детинца).

А.Н. Кирпичников считает, что «По смыслу... термин кром — нечто отдельное, внешнее, что совпадает с использованием этого слова в военной лексике для обозначения расширявшегося центрального укрепления».¹⁰ В качестве доказательства гипотезы А.Н. Кирпичников приводит данные летописи. «В 1113 г. «погоре... городъ кромъный» в Новгороде.¹¹ ... По смыслу летописного сообщения «город кромъный» был наружным по отношению к другому оборонительному объекту. И таковой действительно существовал. Под 1097 г. в Новгородской первой летописи впервые отмечен детинец, что как раз предполагает двучленность имевшихся укреплений, состоявших из ядра-детинца и соседствующего с ним наружного «кромного города».¹²

Сходно с Новгородом происходило формирование территориального ядра — Детинца Пскова. «Наряду со строительством стен перед городом к концу XIII — началу XIV века встало еще одна важная проблема: увеличить площадь вече. С ростом населения вечевая площадь в детинце стала тесной и не могла вместить всех жителей, имевших право участвовать в вече».¹³ Около 1337 г. Де-

Реконструированный С.В. Трояновским палеорельеф Новгородского кремля с обозначением контуров древнего Детинца (в местах обнаружения «городен»). По Трояновскому С.В. «О некоторых результатах раскопок в Новгородском кремле» // «Новгород и Новгородская земля. История и археология» № 12, 1998

Объекты и микротопонимика

Псковского кремля

А – Кром; Б – Вечевая

(«Соборная») площадь;

В – Довмонтов город;

Г – территория Рыбного торга.

По С.В.Белецкому, Е.В.Скрынниковой
«Археологические исследования,
реставрация и музеефикация

*Псковского кремля» //
«Кремли России». – М., 2003. С. 294.*

тинец с напольной стороны был усилен дополнительной стеной — персами и охабнем, представлявшим отдельную защищенную часть крепости, расположенную между южной стеной детинца (ныне не сохранилась) и персами.¹⁴ На славянском языке слово «перси» обозначали грудь мужчины или коня.¹⁵ Старое русское слово «охабень» означало неукрепленное предместье, часть города, не защищенную стенами.¹⁶ «Того же лета После сооружения персей Троицкий собор оказался в центре».

Детинец и охабень вместе, начиная с конца XIV в., стали называться Кромом. Для летописца эта территория всегда была как бы двучленной. В 1502 г. немцы «много поушками били на город на Кром, а детинца Бог сублюде».¹⁷ «Детинец здесь не равнозначен крому, являясь его отдельной частью. ... Таким образом, — подводит итог А.Н. Кирпичников, — термины «кромный», «кром» применительно к укреплениям Новгорода и Пскова предполагали наличие каких-то особых, внутренних, центральных военно-инженерных сооружений. Эти понятия использовались, начиная с XI в., и могли повлиять на кристаллизацию общерусского термина «кремль», обозначавшего уже целостное защищенное ядро города, а не составляющие части».¹⁸

В дальнейшем развитии городского пространства основную роль играли политические процессы, произошедшие в XIII-XIV вв., подтолкнувших которых служила реформа институтов управления городом.

Большие изменения произошли во второй половине XIII века на Крому. Псковское вече, накрепко взявшее в свои руки верховную власть в Псковской земле, сделало Детинец центром ветчевого управления, местом вершения важнейших государственных дел и связанных с ними обрядов. Вблизи Троицкого собора помещались сени, где заседал псковский правительственный совет, были канцелярия и архив веча, велось летописание, хранились государственная казна, печати, грамоты, государственные договоры и копии частных документов. В соборе совершались посажения на княжение псковских князей. На Персях стояла «колокольница» — звонница, напоминающая Пароменскую. Большой колокол Звонницы служил для сбора веча, а малый, установленный на «сенях», приглашал бояр на совет.

Возникновение в Пскове второй линии укреплений — Довматовой стены — М.Х. Алешковский относил к периоду между 1380 и 1373 гг.: «Вероятнее всего, эта стена была сооружена в 1377 г.

(в XV—XVII веках перестраивалась)».¹⁹ Присоединенная территория представляла часть городского посада у подножия Псковского Кремля. Она была очищена от застройки «посажан», превращена в административный центр города, отделенный от остальной территории Пскова каменными крепостными стенами. Новые укрепления смыкались с укреплениями Крома. Защищенная каменными стенами часть Пскова значительно увеличилась. Стена стала называться Довмонтовой лишь после 1383 г. и сохранила это название до наших дней. Что же касается термина «Довмонтов город», то возник он сравнительно недавно — в XIX в. Площадь Довмонтова города не превышала 1,5 га, но отличалась чрезвычайно плотной застройкой. «Небывалое количество церквей на маленьком пространстве Довмонтова города, единственное в своем роде на Руси... объясняется особенностями городской истории».²⁰ Опасаясь вражеских нападений, посажан строили свои церкви поблизости от Детинца, на территории принадлежащей всему Пскову и надежно защищенной.²¹ Довмонтов город, стал в XIV в. своеобразным культовым центром Пскова, где при церквях находились и кладбища. Кроме церквей и кладбищ при них обнаружена небольшая палатка — хранилище псковских печатей XIV — XV веков. Здесь же имелась «поповская изба», служившая для собраний всего псковского духовенства.

В Великом Новгороде значительную часть территории Детинца занимала резиденция епископа — Владычный двор, который постоянно застраивался многочисленными церковными, жилыми и хозяйственными постройками.

Усиление новгородского боярства привело к масштабным строительным работам в Детинце Великого Новгорода. Площадь городского ядра увеличилась в два раза и достигла современных размеров. К Детинцу был присоединен так называемый Околоток (территория бывшего Людина конца) с Борисоглебской церковью. Это время возвышения культа Святых Бориса и Глеба. В строительстве было заинтересовано боярство Неревского и Людина концов. Детинец стал единым укрепленным центром на стыке трех концов Софийской стороны. На присоединенной территории в дальнейшем сосредоточились административные строения. Таким образом, условно Детинец был разделен на две половины: на одной хозяином был архиепископ, на другой — боярство.²² По периметру стен Детинца в проездных башнях возводятся надвратные храмы, подчеркивавшие сакральность, святость данной терри-

тории. Постепенно деревянные стены заменяются на каменные. Проект строительства был поистине грандиозным: он требовал огромных финансовых вливаний, людских ресурсов, знаний инженерной науки от проектировщиков, и мог осуществиться только при консолидации боярства и архиепископа. В то же время, осуществленный замысел показывает возможности новой власти.

После нескольких увеличений территории Кремлей Великого Новгорода и Пскова достигли современных размеров. Следующее большое строительство было организовано московскими властями, после включения Новгородской и Псковской земель в состав единого государства. «Главные заботы овладевших Новгородом москвичей в XVI столетии были направлены на укрепление города как важнейшей приграничной крепости на северо-западе Руси... Москва готовилась к затяжной войне за овладение широким выходом к Балтийскому морю».²³

Одним из наиболее важных общегосударственных мероприятий Ивана III после присоединения Новгорода и Пскова к Москве было изменение структуры управления городом. Вместо республиканских органов власти появились наместники великого князя из числа знатных московских бояр, обладавшие широкими полномочиями. Им принадлежала административная, военная и судебная власть. Помощниками наместников были дьяки, тоже присылаемые из Москвы. Так как Новгород и Псков были одним из важнейших пограничных городов Русского государства, с середины XVI века в Новгороде появились воеводы сначала в качестве военачальников при наместниках. Однако к XVII веку в их руках сосредоточилась почти вся власть. Детинец Великого Новгорода и Псковский Кром теперь стали называться Кремлями.

Следствием завершения самостоятельности Пскова стало уничтожение военных складов в кремле, ведь они были собственностью независимой городской общины. В конце XVII века в Довмонтовом городе сосредоточилось не только церковное, но и гражданское управление. В 1693-1695 гг. были возведены Приказные палаты (государственные канцелярии, или здание местного управления). Известно, что «под крыльцом» Приказных палат было место «предварительного заключения», где сидели подследственные, рядом хранилось спорное имущество.

Основное гражданское строительство сосредоточилось в южной части Новгородского Кремля, территория околотка стала делиться между отдельными «дворами» московского великого князя.

зя — житным, пушечным, воеводским и т. д. Воеводский двор — типичный памятник московской архитектуры конца XVII века с использованием форм новгородского зодчества, который свидетельствует о постепенном превращении Новгородского Кремля из оборонительного комплекса в административный центр города.

В итоге хотелось бы отметить, что строительство и модернизация крепостных стен Псковского и Новгородского Детинцев занимали важное место в деятельности городских властей. История Детинцев-кремлей Северо-запада сопоставима с изменениями политической структуры города, ростом его территории, экономическими достижениями. В истории строительства Детинцев как в фокусе собраны основные изменения в политической жизни Великого Новгорода и Пскова на протяжении XI—XVII вв. Особенности той или иной исторической эпохи каждый раз накладывали неизгладимый отпечаток на облик всего Кремля.

Примечания

1. См.: Длужневская Г.В., Калинин В.А., Субботин А.В. Кремли России XV—XVII веков. — СПб.: Литера, 2006. С. 5.
2. См.: Власов А.С., Элькин Г.Н. Древнерусские крепости Северо-Запада — СПб.: Паритет, 2007. С. 5—6.
3. НПЛ. М.-Л., 1950. С. 181.
4. См.: Янин В.Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. № 1(11). Л., 1982. С. 81—82; Алешковский М. Х. Новгородский Детинец 1044—1430-х гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследство. № 14. М., 1962. С. 7; Гордиенко Э.А. Владычная палата Новгоодского кремля. Л., 1991. С. 11—12.
5. Трояновский С.В. Новгородский Детинец в X—XV вв. по археологическим данным.: Автореф. дис. ...канд. Ист. Наук. М., 2001. С. 12.
6. Трояновский С.В. Новгородский Детинец... С. 14.
7. См.: Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. М.-Л., 1956. С. 39—44; Он же. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв. М.-Л., 1961. С. 14—24; 40—41.
8. См.: Белецкий С.В. Начало Пскова. СПб., 1996. С. 54—56; Белецкий С.В., Скрынникова Е.В. Псковский Кремль: Археология, реставрация, музеефикация // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 1. СПб., 2000. С. 8; Плоткин К.М. Очерк истории Псковского края // Историко-этнографические очерки Псковского края. Псков. 1999. С. 12.
9. См.: Иванов Ю.Г. Великие крепости России. — Смоленск: Русич, 2004. С. 40.

10. Кирпичников А. Н. Кремли России и их изучение. // Кремли России. М., 2003. С. 45.
11. НПЛ. С. 20.
12. Кирпичников А. Н. Кремли России... Указ соч. С. 45.
13. Алешковский М.Х. Военно-оборонительные сооружения. // Достопримечательности Псковской области. Л.: Лениздат., 1997. С. 159.
14. См.: Алешковский М.Х. Начальные этапы каменного строительства Псковского крома // Древнерусское искусство. М., 1972. С. 336; Алешковский М.Х. Раскопки древнейших каменных башен Новгорода и Пскова. //Археологические открытия 1968 г., М., 1969. С.19-21.
15. Иванов Ю.Г. Указ. соч. С. 42.
16. М.Х. Алешковский Военно-оборонительные сооружения... С. 158.
17. ПЛ. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 87.
18. Кирпичников А. Н. Кремли России... Указ соч. С. 47.
19. М.Х. Алешковский Военно-оборонительные сооружения... С. 161.
20. М.Х. Алешковский Военно-оборонительные сооружения... С. 164.
21. М.Х. Алешковский Военно-оборонительные сооружения... С. 164.
22. См.: Троицкий С.В. Новгородский Детинец... С. 18 -21.
23. Янин В.Л. Расцвет и падение русской Венеции. Великий Новгород в XIII – XV веках. // Родина №12, 2003. С. 14.

*В. И. Поветкин
г. Великий Новгород*

С ПЕСНЯМИ ГЛИНЯНЫХ ПТИЦ ИЗ КРАЯ КУРСКОГО В ЗЕМЛЮ НОВГОРОДСКУЮ*

Из утоптанной, угнетённой долгими веками земли восстают образы, казалось, навсегда забытых вещей. Вещи вещают. За каждой — руки мастера, культурная традиция, материал, технология изготовления, местность, эпоха. Археология — наука чтения вещей. Одной вещи бывает достаточно, чтобы через неё узнать о главных событиях её времени. Такова написанная на воске Новгородская Псалтырь — ровесница официального Крещения Руси¹. Именно с разучивания псалмов русский человек, до того певший родные песни (колыбельные, игровые, обрядовые свадебные, празднично-календарные), узнавал для себя новую, воспринятую от Византии церковную певческую традицию. В других случаях вещи говорят о себе своим множеством. Таковы рассеянные в разных краях Руси бронзовые литые шумящие подвески и бубенцы — признак сопричастности славянских племён с большим финно-угорским миром. Разрозненные части исчезнувших было вещей вдруг находят одна другую. Словно перекликаются. То к берестяной грамоте, извлечённой из земли тридцать лет назад, отыщутся не читавшиеся до сих пор строки. То восполнится обрывок кожаной хари (маски) ряженого. То дощечка с парой отверстий объяснит устройство лопаточных (новгородских) трещоток. То невзрачный обломок заявит о себе как о принадлежности древнейшего типа гуслей — лирообразных. Не чудо

* Автор искренне признателен Г. Ю. Стародубцеву и его учёным коллегам Г. В. Дубоносу, А. В. Зорину, О. И. Семенихиной, А. Г. Шпилёву, А. В. Зубкову и всем без исключения сотрудникам Курского государственного областного музея археологии за терпеливую и безотказную помощь в данной работе.

ли, что к археологически открытому в Великом Новгороде в отложениях XIV века глиняному обломку печатного сосуда-водоуя, на котором частично уцелело клеймо с изображением гусляра, нашлось продолжение на селище Мякинино-1 — в Подмосковье! В результате явился исключительно важный документ, показывающий двоих гудцов: один сидя перебирает струны на псалтиревидных гуслях, как на арфе, другой, стоящий вблизи, играет на смычковом инструменте, похожем на виолончель. Документ всей Европе на раздумье². Наряду с предметами «читаемыми» из земли извлекается и множество вещей загадочных. Среди последних бывают те, облик которых вроде бы всем знаком. Но для понимания их происхождения, былого их места в жизни необходим сбор дополнительных сведений. Важным бывает простое действие: собрать и увидеть их в единстве. Обнаружить себя таковые могут в самом неожиданном месте. Если, конечно, любопытствующему повезёт. Одной разновидности таких предметов посвятим наше внимание.

В кладовой созданных человеком вещей встречаются такие, которым судьбою уготовано излучать только свет и ласку. Пресловутый диалектический закон — где плюс, там и минус — о них споткнулся, вместился в них, кажется, лишь на первую половину. Им всегда сопутствует наш детский, а потом и взрослый восторг.

Глиняные свистульки. Как просто! Думаем так, пока не прольём сорок потов, чтобы комочек глины хотя бы сипло отозвался на наши чаяния. Просто — это у тех, кого наследно вынесло на гребень трудной, бескорыстной и великой народной традиции.

В России сегодня пользуются славой многие центры по производству свистулек из глины. Слава у них разная, ибо работающие в них мастера по-разному понимают свои задачи. Одни гордятся авторскими достижениями, испытывая своё ремесло в море общечеловеческих фантазий. Другие, создавая самодеятельную продукцию, выдают её за некое продолжение национальной традиции. Третья делают звучащие игрушки, научившись от родителей, сохраняя не только ремесленную, но и мировоззренческую суть старого промысла своей местности.

Продукция последних ценна ещё и своей ремесленной родственной. Некоторые традиционные промыслы берут своё начало в XIX в., в XVIII в., а иные отмечаются и в более ранних веках. Установить связи, прямые или хотя бы косвенные, между поздними типами игрушек и средневековыми археологически выявленными

ными образцами чрезвычайно сложно, ибо все они — в устной летописи народного быта. Сложно определить и место производства многих древних типов звучащих игрушек: этот радостный товар незвестомыи нам путями достигал краёв подчас весьма удалённых от своих мастерских. Поэтому даже скопление в одном месте однотипных образцов не всегда указывает на их местное производство. Желательно выявить признаки самого производства, как, например, это удалось сделать А. В. Арциховскому в 1932 г. в Великом Новгороде. Здесь на Славне была открыта изба игрушечника, в которой в XIV веке изготавливались глиняные глазурованные птичи-погремушки³.

В связи с частым упоминанием новгородских древностей заметим следующее. Новгород в отличие от других крупных городов Руси не испытал всех тягот татаро-монгольского нашествия. Ход его истории был поступательным. От первой половины X в. по XV в. включительно во влажных культурных отложениях города прослеживаются прекрасной сохранности многоярусные мостовые, позволившие создать дендрохронологическую шкалу⁴. Датированные вещи древних новгородцев, в частности, роскошное археологическое собрание свидетельств музыкальной культуры, могут способствовать верному определению типа и возраста подобных находок в других местностях. В числе таковых и глиняные звучащие игрушки.

Узнаваемы традиционные глиняные свистульки — абаевские, жбанниковские, филимоновские, многие другие. Среди них — *свистульки, свистуны* кожлянские, то есть началом своего промысла обязанные селу Кожля Льговского уезда, ныне Курчатовского района, Курской губернии. На карте второй половины XIX века обозначено — Козля⁵. Так же его именует в своём письме от 9 марта 1976 г. горшечный мастер Е. Ф. Пашков⁶. Название Козля-Кожля происходит или от ручья того же имени, или от первопоселенца — Козлова⁷. Здесь, согласно работам потомственных мастерниц О. И. Дериглазовой, У. И. Ковкиной, В. В. Ковкиной и других местных жителей, игрушки-свистульки было принято лепить из глины, получавшей после обжига белый, розоватый, светло-охристый и другие оттенки, с анилиновой росписью в виде птиц, животных, всадников, троек⁸. Обычно у них два игровых отверстия, не считая обязательных отверстий свисткового устройства — окошка и дульца.

На примере поздних промыслов можно, пусть отчасти, представлять процесс изготовления древних игрушек. Т.Е. Скобли-

кова приводит очерёдность действий кожлянских мастериц: «Татьяна, Марфа, Ульяна рук не покладают. Сначала катают из сырой глины *кругляшок*. Потом разминают и делают *вареник*, точь в точь как из теста. Свисток, или вернее, то место, где должна быть дырочка, тщательно отглаживают, вытягивая его. Головки, ножки животных, рога баранов и оленей *вырастают* из другого комочека глины, который мастерицы прилепливают и приглаживают так, чтобы создавалось впечатление слитности. <...> *Колоть* — свисток, значит, делать». <...> Ольга Ивановна: «Игрушки один день в печь закладываем, другой палим, третий выбираем». И *красят*. Традиционно кожлянские мастерицы используют малиновый, фиолетовый, жёлтый, зелёный цвета. Как и прежде, в краску добавляют молоко и яйцо. Первое для сочности, второе — для прочности. Для блеска, если нет яйца, добавляли сахар. Ульяна *красит* игрушки тоже. Она привычно, на старый манер, гусиным пёрышком рисует *полоски и решётки*, на головки и шляпки краску кладёт кисточкой». Здесь же узнаём и о других деталях про мысла⁹.

Игрушки устойчивы, так как все они, в том числе и их птичьи разновидности в основании с двумя лапками — *лаписты*, иногда — *разлаписты*. Пример — свистулька конца 1970-х гг. совместной работы У. И. Ковкиной и О. И. Дериглазовой, которую для данной публикации любезно предложили сотрудники Курского краеведческого музея Т.Н. Брусьянина и Е.Д. Спасская (рис. 2: 5). Подобные игрушки более раннего времени, расписанные, надо полагать, натуральными красителями, из Кожли через базары и ярмарки достигали других мест, и теперь целиком или в виде обломков могут встретиться в культурных отложениях, например, в Курске. Возможно, именно такая свистулька, к сожалению, с отбитой головкой, найдена в 2004 г. близ Краеведческого музея на строительном участке Красной площади № 2/4 во время охранных раскопок, руководимых Н.А. Тихомировым. Покоилась свистулька в насыпном слое под домом, сооружённым в середине XIX века. Значит, этим временем, не позднее, её можно датировать. Она слеплена из глины, получившей после обжига не белый, а охристо-светло-серый оттенок, украшена косыми зелёными полосками, причём, по мнению реставратора А.В. Зубкова, находчика свистульки, полоски сделаны не анилиновым, а каким-то иным красителем. Игрушка снабжена двумя игровыми отверстиями и, как полагается, разлаписта, потому её удобно держать при игре (рис. 1: 13). Из неё

извлекаются три звука, которые с понятной долей условности можно переложить на европейский профессиональный нотный стан: *Си-бемоль* первой октавы, *Ми-бемоль* — *Соль* второй октавы*. Данную находку, быть может, следует признать самым ранним материальным свидетельством кожлянского игрушечного промысла.

Случайно или нет, для Курского края не характерна, отмечаемая среди филимоновских свистулек, фигурка птички на одной расширяющейся к основанию ножке. Правда, предположительные варианты в районном городе Судже Курской области созданы, их автор — Ю. С. Спесивцев. Но, к сожалению, в посвящённой глиняным промыслам книге Т.Е. Скобликовой «Связуя нить времён» не показано ни одного подтверждающего местную традицию обломка «пузатой, с поливой» свистульки¹⁰. В буклете «Народные промыслы Курской области. Суджанская народная керамика», текст которого в 1991 году составила Ф.Х.-А. Мазурова, о жителях слободы Гончаровки в Судже сказано как о специалистах, издавна занимавшихся разными видами гончарного производства, что игрушки здесь «в основном делались для своих детей и небольшими партиями на продажу, так как они были не основной статьёй дохода»¹¹.

Свидетельством активного производства глиняных свистулек в Старом Осколе — бывшем уездном городе Курской губернии — являются образцы начала XX века, обнаруженные при строительных работах на современной улице Пролетарской и в Казацкой слободе. Они экспонируются в Старооскольском краеведческом музее (ныне Белгородская область). На фотоснимках, которые сделаны в музее А.М. Косых, видно, что это белоглиняные — без росписи и без глазури, с двумя игровыми отверстиями — игрушки-свистульки двух разных мастерских. Те, что из Казацкой слободы, разные по величине обломки, составляют группу в виде животных о четырёх ногах — «собачек», «коников», среди них часть фигурки «всадника» в папахе. А найденные на Пролетарской улице свистульки — это четыре «курочки» и «петушок», маленькие, каждая с двумя растопыренными короткими ножками-лапками. Во всех этих находках, а также и более поздних — расписных образцах старооскольского игрушечного

* Здесь и далее огромную помощь в определении звуковых интервалов древних образцов глиняных свистулек оказала специалист по народной песенной культуре — сотрудник Центра музыкальных древностей в Великом Новгороде Н.Н. Попова.

промышлена — вплоть до 1980-х гг. не видно признаков птички с ножкой-подставкой.

Подобной птички не отмечено также среди расписных игрушек сделанных в 1933 г. неизвестным мастером из деревни Чернишино, Курского района, Курской области¹².

Не встречалась свистящая птичка на ножке и при плановых археологических раскопках в Курском крае. Обратим особое внимание на собрание таких находок и в меру возможности подготовим их к публикации.

Два обломка свистулек XVII века обнаружены во время раскопок, которыми руководил А.Н. Апальков в посёлке Верхнее Гутово Курского района. Один из обломков с отбитой головкой, имел вид птички-невелички с изогнутым туловом и двумя игровыми отверстиями (рис. 1: 1); прообразом могла послужить местная пепельничка-весничка или курский соловей¹³. Другой обломок — в виде бараньей (?) головки с закрученными рожками (рис. 1: 2). Обе находки не позволяют судить о полных своих формах, но ясно: ножкой снабжены не были.

Найденные под руководством А. И. Пузиковой на городище Переверзево-II в Золотухинском районе свистульки (семь свидетельств XVII века), типологически между собой близки: одна — светло-красно-коричневая, с головкой, у которой отбиты рога (?) (рис. 1: 5), другая — в виде обломка, имеет простые плавные обводы, похожа на «чистый» вареник (рис. 1: 6), не менее трёх образцов оформлены улиткообразным завершением. Все они с «дутым» вареникоподобным туловом, четырьмя игровыми отверстиями, без лап и, отметим, без ножки-подставки (рис. 1: 3-9)¹⁴.

Некоторые из перечисленных свистулек хорошо сохранились, значит, способны звучать. Но озвучить их пока что нет возможности, так как они закреплены на стенде в музейной экспозиции.

Две такого же типа свистульки с обломанными, вероятно, улиткообразными головками, как объяснил А.В. Зорин, с вещами XVII в. найдены в Курске в 2008 г. при раскопках жилого деревянного строения во дворе табачной фабрики на бывшей улице Благовещенской — ныне Гайдара, № 25. Обе свистульки озвучены. Одна из них, глина которой светло-коричневатая с блёстками, при последовательном открывании четырех её отверстий даёт примерный строй: *Cи-бемоль малой октавы — Ре — Фа — Соль — Ля* первой октавы; при другой последовательности открывания отверстий: *Cи-бемоль малой октавы — Ре-бемоль — Ми — Соль — Ля* первой октавы.

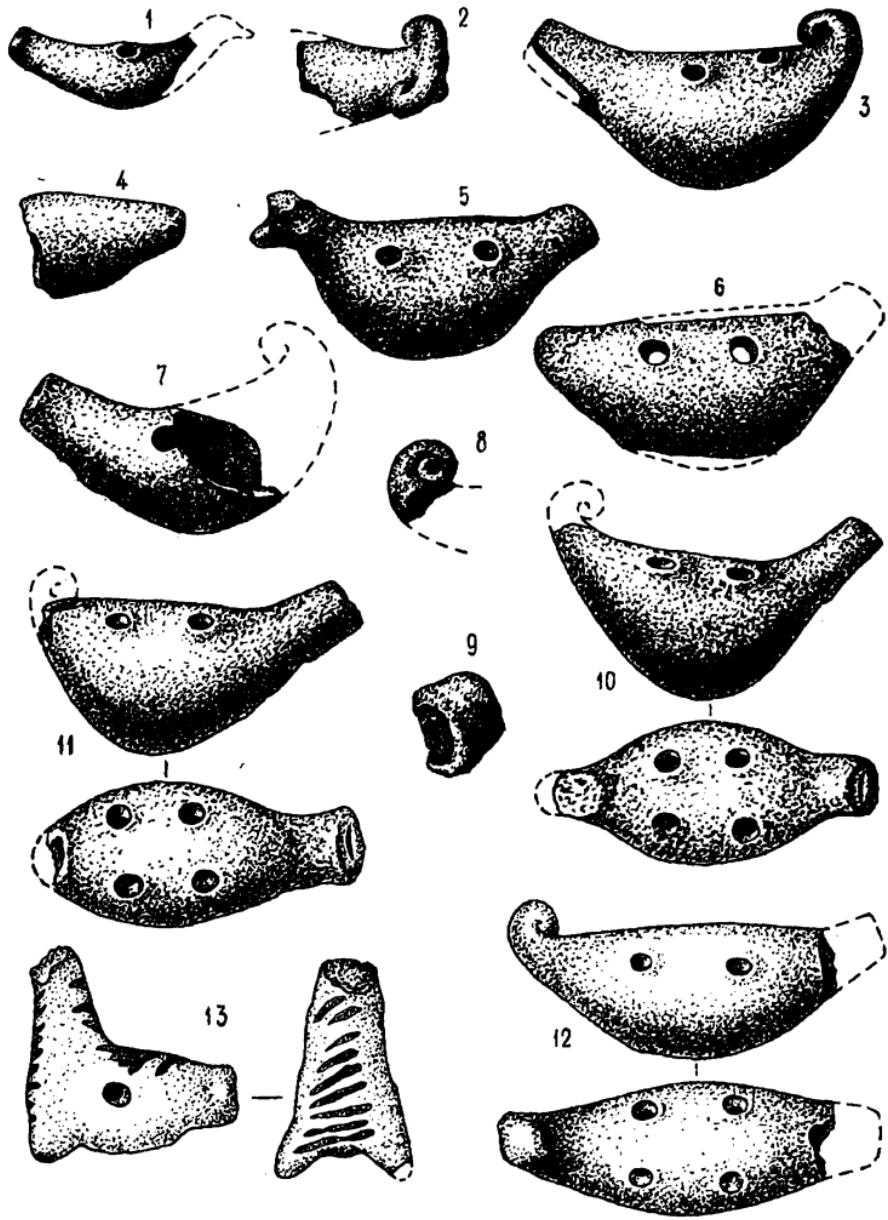

Рисунок 1. Глиняные свистульки, археологические образцы, найденные в Курском крае. 1-2 – пос. Верхнее Гутово, Курский р-н. Раскопки А. Н. Апалькова; 3-9 – городище Переверзево-II, Золотухинский р-н. Раскопки А. И. Пузиковой; 10-11 – г. Курск, ул. Гайдара № 25. Раскопки А. В. Зорина; 12 – дер. Вырки (близ Шуклинки), Курский р-н. Случ. находка А. В. Зубкова; 13 – г. Курск, Красная пл. № 2/4. Охранные раскопки Н.А. Тихомирова; 1-12 – XVII в.; 13 – XIX в.; 1-13 – Фонды Курского государственного областного музея археологии.

(рис. 1: 10). Другая свистулька, сероглиняная, окоптелая, скол у которой удалось залепить пластилином, звучит в интервалах: *Ля* малой октавы — *Ре* — *Фа* — *Соль* — *Ля* первой октавы; при иной последовательности перекрывания отверстий: *Ля* малой октавы — *До-дизз* — *Ми* — *Соль* — *Ля* первой октавы (рис. 1: 11).

Наконец, ещё один, повреждённый образец свистульки с улиткообразной головкой обнаружен А. В. Зубковым на огороде в деревне Вырки, близ Шуклинки, под Курском (рис. 1: 12). Восстановив посредством пластилина у этой находки свистковое устройство, извлекаем примерно следующие звуки: *До-дизз* — *Фа-дизз* — *Ля-дизз* первой октавы — *До-дизз* — *Ре-дизз* второй октавы; при другом перекрывании отверстий вместо *Фа-дизз* звучит *Соль*.

Глина перечисленных свистулек после обжига светло-коричнево-серая, а также упоминавшихся других оттенков, во всех случаях без росписи и без поливы. Подобные свистульки археологически встречаются и за пределами Курского края. Тип, достоин специального изучения.

Впрочем, уже и сейчас очевидно следующее: места археологического обнаружения ранних по времени свистулек в Курском крае не совпадают с местами известных ныне центров производства традиционной звучащей игрушки. Не наблюдается также совпадения в способах лепки, цвете глины после обжига, а также формах между свистульками XVII и XX веков. То есть группа свистулек XVII века составляла иной, возможно не один, промысел, отличный от кожлянского и прочих, появившихся не ранее чем в конце XVIII века.

Строго говоря, первое сведение, соотносимое с игрушечными промыслами в Курском крае, на что обратил внимание А. Н. Фрумкин, содержится в опубликованной в 1838 г. книге И. В. Снегирёва «Русские простонародные праздники и суеверные обряды»: по курскому обычаю к весеннему празднику Юрьева дня было принято изготавливать глиняных коровок и других животных¹⁵. Без указания на конкретное место производства свистульки в ряду прочих глиняных изделий упомянуты, отмечает Т. Е. Скобликова, в документе 1865 г. — «Из доклада распорядительного комитета по Курской выставке «О кустарных промыслах Курской губернии»¹⁶. Игрушки — без упоминания свистулек — из села Кожля участвовали в 1902 г. в выставке, приуроченной к проходившему в Харькове XII археологическому съезду¹⁷. Впервые прямо о кожлянских «свистунах» говорится в 1904 г. в «Материалах по иссле-

дованию кустарных промыслов в Курской губернии»: они вместе с другими игрушками расходились по многим городам южной России, доходя даже до Персии и Турции¹⁸. Подробнее об этих важных источниках сообщает А.Н. Фрумкин. Кстати, из его общения с В.В. Ковкиной узнаём: «Для изготовления свистулек в Кожле смешивали два сорта глины, которую брали в Дроняеве: «подонок — белый, как снег, и глею — жёлтую, как иволга». Смесь получалась мазкая, а после обжига в небольших горнушках выходил ослепительно белый звонкий черепок. Игрушки расписывали анилином или цветными чернилами, замешанными на яйце. Поверх росписи игрушки лачили сахарным сиропом на яйце «для пущего блеска и чтоб слаще свистеть». В письмах игрушечницы есть и такие строки: «Вся моя игрушка шла на государственные цели только! По деревням ездили сборщики на лошадях, возили мои игрушки. Дети несли за игрушки сборщику макулатуры тряпки старые, бумагу, железо, кости и т. д. Время было трудное, игрушек детям не было в магазинах»¹⁹. История промысла в XX веке полна драматизма. Изготовление свистулек, обменивавшихся на яйцо или картошку, было тяжёлым средством к существованию. По словам ещё одной кожлянской мастерицы А.Н. Петровой, в конце 1950 г. в течение трёх сезонов нужда её заставила слепить 90 тысяч игрушек-свистулек²⁰.

Глиняные свистульки в поздней традиции — большой труд для одних людей — взрослых, и забава для других — малышей.

Возвратимся к группе свистулек, бытовавших в Курском крае в XVII веке. Следов их производства пока что не выявлено, потому нет уверенности в том, что они производились местными мастерами. Хотя, понятно, скопление свистулек на древнем городище Переверзево-II Золотухинского района настраивает на поиск признаков, возможно, бывшего и угасшего здесь когда-то промысла. Стоит также принять к вниманию образ свистульки с головкой, оформленной закрученными рожками: не есть ли это раннее проявление упоминавшейся курской традиции весной к Юрьеву дню лепить из глины коровок и других животных?

Среди разновидностей свистулек в Курском крае не удалось выявить местного промыслового варианта звучащей птички на ножке. Это, конечно, не значит, что её здесь не могло быть, допустим, откуда-либо завезенной или изготовленной в единичных вариантах. Тем более нельзя знать, что ещё откроют археологи.

Неожиданный образец свистульки в виде глиняной птички на ножке появился в Курском музее археологии. По сообщению А.Г. Шпилёва, это недавний подарок музею от Светланы Алексеевны Ермаковой. Свистульку она нашла в 2000 г. в 300 метрах от левого берега реки Псёл на вновь распаханном целинном участке огорода в деревне Крупец Камышанского сельсовета Беловского района; на этом месте в древности, по-видимому, сваливали мусор. На головке птички, слепленной из глины, получившей после обжига телесный оттенок, без глазури и росписи, имеется выразительный, с наклоном вперёд, хохолок, глазки-лепёшечки, с правого боку туловища одно проколотое тонкой лучинкой игровое отверстие. Значит, кроме основного звука, перекрывая у этой птички единственное игровое отверстие, извлекался дополнительный голос; всего два звука, из которых можно было составлять трели. В свистковом устройстве нижняя стенка дульца ещё в древности была отколота, по этой причине замолчавшая свистулька оказалась на деревенской свалке вместе с множеством глиняных черепков самого разного времени. Вся она, ладная, выверенная в пропорциях, мастерски легко, почти шутя слепленная, коренасто покоятся на конусной короткой ножке. Снизу ножки имеется плавная линзообразная выемка — для устойчивости. Высота от хохолка до основания — 45 мм, длина от дульца до грудки — 37 мм. На обветренной, посеревшей поверхности, как и во всём облике игрушки, очевидна патина времени (рис. 2: 1). К неприхотливой и одинокой для здешних мест вещице возникает череда вопросов: где, когда и кем она была изготовлена? И вот о каких своих удивительных связях она поведала.

В статье «Музыкальное прошлое Великого Новгорода и его округи (открытия 2002 г.)» был описан замечательный сюжет¹¹. Представленные в нём глиняные звучащие игрушки, найденные в разных местах Новгородской земли, нашли себе абсолютное сходство в Курском крае.

В Новгородской области близ районного центра Любыйтино расположено древнее, ведущее свою историю от «хожения Ольги на ко Новугороду» — Княжее Село-1. Было время, село славилось своим промыслом глиняной игрушки-свистульки. В 1990 г. местные жители сказали, что промысла давно нет, не осталось ни мастеров, ни самих игрушек (знай наших). Мария Петровна Константинова обмолвилась, что как-то у себя на огороде нашла свистульку и отдала её внукам, те давно выросли. Спустя месяцы от неё

послание: «Вот вам свисточек, который я нашла — сохранился у внуков». Оказалась глиняная птичка на ножке с прилепленными глазками-лепёшечками и одним тонкой лучинкой проколотым в правом её боку игровым отверстием. Глина, из которой она была слеплена, словно слегка промасленная, после обжига имеет светлый, телесный оттенок, без глазури. Свистулька была украшена: на глазах-лепёшечках яркие красные точки и того же цвета одна косая полоска на грудке. Снизу в её конусной ножке имеется плавная вогнутость — для устойчивости. Верхняя часть головки откована. В остальном игрушка цела. Её длина от дульца до грудки — 34 мм, высота от основания до места излома 35, изначально, как выяснится, могла достигать 43 мм (рис. 2: 2). Из неё извлекаются чистые, звонкие трели, тяготеющие, пользуясь профессиональным музыкальным языком, к минорной терции — *Ре — Фа* второй октавы. Имела ли она отношение к местному промыслу или была привозной — никто подсказать не мог. Размышления по этому поводу возникли гораздо позднее, когда академик РАН В. Л. Янин подарил Новгородскому центру музыкальных древностей несколько свистулек, давно найденных в старой части Новгорода.

Одна свистулька, на которой прочитались паспортные данные, поразила своим сходством с описанной выше княжесельской и по форме, и по способу лепки, и по цвету глины. Она была найдена в 1972 году в древнем Славенском конце на Кировском (ныне — Славенском) раскопе в слое второй четверти XV века. У неё лишь нет следов красной краски и размер её несколько больший: от дульца до грудки 39 мм, высота 54 мм (рис. 2: 3). Потому и общее звучание её пониже: минорная терция — *Си-бемоль* первой октавы — *Ре-бемоль* второй октавы. В остальном сходство доходит до мельчайших подробностей: одинаковые глазки-лепёшечки, одним движением руки в глиняных птичках проделаны сначала дульце, то есть щёлочка для подачи воздуха в свистковое окошко, а затем одним проколом тонкой лучинки игровое отверстие в правом боку. Важно то, что у новгородской птички на головке сохранился выразительный в очертаниях хохолок, поэтому теперь легко представить целостный вид княжесельской находки. Кроме того, по новгородской *птичке-хохлатке* — так мы её изначально назвали — определяется время изготовления княжесельской игрушки — вторая четверть XV века. Для сельской местности, где возраст вещей трудноопределим, такой факт весьма ценен. Он обогащает историю одного из древнейших сёл Новгородской земли. При до-

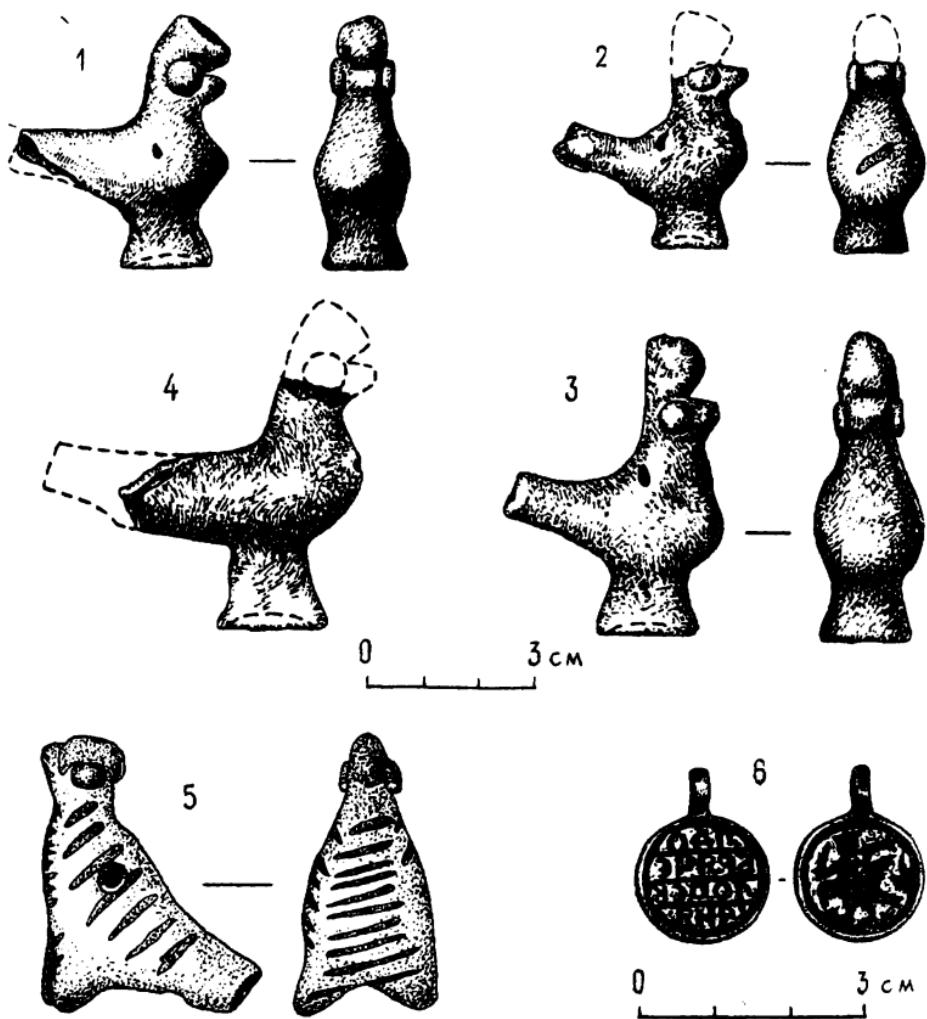

Рисунок 2. Глиняная свистулька «птичка-хохлатка» на ножке-подставке. Найдены в Курском крае и Новгородской земле.

1 — дер. Крупец, Камышанский с/с, Беловский р-н, Курская обл. Случ. находка С. А. Ермаковой; 2 — Княжее Село-1, Любыйтинский р-н, Новгородская обл. Случ. находка М. П. Константиновой; 3 — Кировский раскоп (пл. 14, кв. 17), Великий Новгород; 4 — Троицкий-ХII раскоп (пл. 1, кв. 1535), Великий Новгород; 5 — кожлянская свистулька-птичка-Мастерицы: У. И. Ковкина, О. И. Дериглазова; 6 — медальон-печать с надписью «ПДО БРЯЧЕ ЛОВЕК ЯНЯ» и изображением девы-птицы Алконоста с мечом и сигнальной трубой. Серебро, д. Липина, Октябрьский р-н, Курская обл.; 1-3 — вт. ч. XV в.; 4 — кон. XIV-п. пол. XV в.; 5 — конец 1970-х гг.; 6 — вт. п. XVI в.; 1 — Курский государственный областной музей археологии; 2-3 — Новгородский центр музыкальных древностей; 4 — Новгородский государственный областной музей-заповедник; 5 — Курский государственный областной краеведческий музей; 6 — частное собрание.

полнительных документах он мог бы быть зачтён как признак ушедшего в область преданий местного игрушечного промысла.

Глиняная птичка-хохлатка на ножке — этим названием пытаются выделить её в ряду многих глиняных игрушек, однообразно получающих имя — «петушок». И княжесельский, и новгородский её образцы были изготовлены если не одним мастером, то, несомненно, в одной мастерской по общим для мастеровых и подмастерьев правилам. Для полноты впечатления представим новгородскую птичку-хохлатку в окружении других бытовавших в Новгороде разновидностей свистулек.

Более тридцати свидетельств обнаружено при плановых раскопках в слоях XII-XVI вв. Несколько десятков разновременных, вплоть до XIX в., свистулек собрано местными любителями старины. Из них свыше пятидесяти хранятся в Центре музыкальных древностей.* Преобладающим оказывается древний тип неглазурованной свистульки каплевидной формы. Реже встречаются зооморфные разновидности. Изредка попадаются покрытые глазурью лапистые свистульки-коники, всадники, уточки и другие. Такое их разнообразие наблюдается и на Новгородском (Рюриковом) Городище-22. В целом для большинства свистулек характерны относительно крупные размеры, не одно, а два игровых отверстия; свистулек с четырьмя отверстиями здесь не встречалось. И почти полное отсутствие ножки. С птичкой-хохлаткой сравнима лишь ещё одна глиняная свистулька.

Она была найдена в Людине конце Новгорода в отложениях конца XIV — первой половины XV вв. Глина её после обжига — тёпло-телесного оттенка. Как и у птички-хохлатки, у неё имеется ножка, снизу ножки — линзовидная вогнутость. Игровое отверстие также всего лишь одно, но не сбоку, а на грудке. Обломаны головка и хвост со свистковым устройством. При мысленном восстановлении этих утрат получается несколько иной облик свистульки (рис. 2: 4), тем не менее, он типологически родственен птичке-хохлатке. Похоже, что они вышли из одной мастерской. Они близки ещё и по времени бытования — в первой половине XV века — факт, говорящий в пользу означенной датировки.

* С признательностью сообщаем, что большое число свистулек подано Центру музыкальных древностей новгородцами. Среди них: А. И. Зайцев, Ю. П. Коньков, С. А. Куликов, О. М. Олейников, А. Ф. Петров, С. И. Пустовойтов, В. Н. Суховаров, Е. В. и С. Е. Тороповы, А. С. Широков и другие.

С образцами птичек-хохлаток из Новгорода и Княжьего Села-Иво во всех подробностях совпадает глиняная птичка, найденная в Курском крае в деревне Крупец. Все эти игрушки, включая и четвёртую, новгородскую, у которой отбиты головка и хвост, были сделаны, вероятнее всего, в одной мастерской. Три из четырёх — едва ли не дело рук одного мастера. К сожалению, пока даже предположительно трудно сказать, где находилась мастерская по производству данного типа свистулек.

Среди известных промысловых вариантов игрушки в виде птички на ножке нет ни одного, который вполне унаследовал бы черты нашей птички-хохлатки. Допустим, замечательная филимоновская — Тульской области — свистулька-курица телесным цветом глины и наличием ножки являет некое напоминание. Но и росписью, и силуэтом, и способом лепки свистка вместе с полостью и игровыми отверстиями она другая²³. Пропорциями, наличием единственного бокового игрового отверстия и силуэтным сходством с птичкой-хохлаткой обладает игрушка, купленная А. М. Косых в Чернигове. Но и она, во-первых, красноглиняная, во-вторых, глазки-лепёшечки её дополнены проколами-зрачками, в-третьих, она с явно выраженными признаками петушка, у которого и гребешок, и бородка, и подобие крыльышек; в ней словно когда-то была, а теперь потеряна или специально в угоду современному покупателю устранена обаятельная условность, так присущая нашей птичке-хохлатке. Словом, какой-то из современных промыслов мог бы унаследовать отдельные признаки древней игрушки. Нужен поиск.

Датированными новгородскими находками равно определяется время бытования как княжесельской свистульки-птички, так теперь и крупецкой — вторая четверть XV в. Выходит, свистулька в виде птички с хохолком, найденная в деревне Крупец, на сегодняшний день самая древняя среди всех выявленных на территории Курского края свистящих глиняных игрушек. Она является собой замечательный образец ещё одного игрушечного промысла, отличного от тех, что обнаружат себя в Курском крае позднее — в XVII в. и XIX-XX вв. Время её бытования относится к периоду, когда Курский край ещё не был включён в состав централизованного Русского государства, когда селение, известное ныне как Крупец, находилось во владении Великого княжества Литовского. Обитателями здешних мест могли быть русские люди. О присутствии в последующее время в Курском крае русскоязычного насе-

ления сообщает найденный на городище Переверзево-II бронзовый нательный крестик XV – начала XVI вв., а также яркая находка, которая, вдобавок, имеет ещё и прямое отношение к музыкальным древностям. Это подвесная с ушком типа медальона круглая серебряная печать-матрица: с одной её стороны четырёхстрочная надпись «ПДО БРЯЧЕ ЛОВЕК ЯНЯ» – *Печать добрая человека Яня*, с другой – изображение воинствующей девы-птицы Алконоста, с мечом в правой руке и *сигнальной трубой* в левой – на отпечатке, следовательно, меч будет в левой руке, труба в правой (рис. 2: 6). Место находки – деревня Липина Октябрьского района²⁴. На непростой вопрос по поводу надписи на печати вскоре был получен ответ академика РАН А. А. Зализняка. По его оценке, это памятник XVI в., причём скорее 2-я половина: «В палеографических таблицах Трусевича самое раннее *я* вместо *я* отмечено под 1565 г., самое раннее – вместо *в* – под 1551 г. <...>. Замечу, что на печати написано не *добра*, а *добрая*, так что здесь смешение *ра* и *ря*. Вместе с написанием *человек* (с *е* вместо *э*) это производит впечатление чего-то белорусского или смоленского (что, впрочем, для этого времени одно и то же). Но, конечно, по одному слову решительно судить невозможно»²⁵.

Глиняная птичка, найденная в деревне Крупец Курского края, не тотчас позволила извлечь из неё звуки. Причина, как упоминалось, в повреждённости её свисткового устройства. Кроме того, после удаления из неё остатков земли выяснилось, что единственное её игровое отверстие очень слабо проколото тонюсенькой луchinкой, недоколото. Поэтому, когда наконец её удалось озвучить, интервал между её голосами оказался не в минорной терции – *Ре – Фа*, как, например, у княжесельской птички, а иным, хотя по-своему и вполне интересным: *Соль – Ля* второй октавы. Вот из каких звуков складывались трели, раздававшиеся пятьсот лет тому назад в деревне Крупец на юге Курского края.

Рассмотренные примеры показывают, что твёрдого звукового строя у свистулек не было. Это в целом соответствует нашим народным традициям. Звучащие глиняные игрушки делятся на группы лишь по самым общим признакам. Простейшее деление – по количеству извлекаемых звуков – пять, четыре, три, два, один. Звуковой строй промысловых игрушек от одной к другой мог повторяться в той мере, в какой оставались неизменны их формы и размеры. При изменении размеров строй мог быть близким по интервальным соотношениям, как у княжесельской и новгородской пти-

чек-хохлаток, с которыми, надо полагать, и крупецкая-курская птичка обладала бы сходным интервалом, если бы не недоколотое её игровое отверстие. При этом общая высота звучания у каждой из этих трёх разновеликих птичек была бы своя. Окажись они в условиях профессионального европейского музыкального ансамбля, они, понятно, своими звуками не способствовали бы гармонии.

Но, кстати, и нет необходимости помещать глиняные свистульки в ряд с настроенными симфоническими инструментами. В частности, простонародная свистулька — не то же, что итальянская окарина. Речь не о том, что какой-то из этих инструментов лучше или хуже другого: каждый хорош на своём месте. Это инструменты различных традиций. Окарина с её математически выверенным по европейской музыкальной шкале строем приспособлена к исполнению концертных мелодий. Свистулька же, сделанная наглазок, в праздничном народном обиходе призвана окликать цепочками коротких наигрышней-возгласов, трелей, узнаваемых примерно так, как узнаемы не привязанные к музыкальной шкале голоса тех или иных видов живых птиц. Даже разновидность свистульки с четырьмя игровыми отверстиями, значит с пятью, а то и шестью голосами, которую кто-то сравнит с окариной, практически более пригодна для исполнения трезвучных формульных наигрышней-возгласов: удобнее поочерёдно пользоваться той или иной парой отверстий; отсюда интонационные инструментальные возгласы могут проходить, соответственно, то на низких, то на верхних звуках. На двух-трёх звуках возможно исполнение весенних песенок-закличек.

Ежегодно 22 марта во время праздника Закликания птиц участники Хора Новгородского центра музыкальных древностей, взрослые и прежде всего дети, поют приуроченные к этому дню песни, подбрасывают в небо печёных из теста «жаворонков» и свистят в глиняные свистульки, подражая голосам птиц, призываю их на крыльях принести к нам тепло и Весну. Каждый на рукотворном глиняном конике, уточке, птичке выводит свою «песню». С позиций концертирующего музыканта — это хаос. Однако давно подмеченное селянами свойство глиняных свистулек таково, что «случайным» набором звуков они создают неповторимое по красоте многоголосье: будто весь мир наполнен голосами птиц; чем больше участников праздника, тем сильнее очарование. Не говоря о всеобщей в эти минуты радости, восторге и празднично играющем Солнце.

Роль глиняных свистулек в подобных праздниках замечательна тем, что они не просто отгоняют недобрых духов: они прежде всего обращаются к духам добра, каковыми предстают пернатые вестники Весны. Весенними свистулечными трелями закликают птиц, приманивают, вабят. «Этическая» роль свистулек возвышена и прямо противоположна действию охотничьих манков, которыми вроде бы тоже закликают, вабят, но цель последних коварна.

Предназначение глиняных свистулек в русском быту, как видим, не сводилось только к простым детским забавам. Свистульки находили место в серьёзных праздниках, причём с участием детей. История свистулек на самом деле загадочна и сложна. Название *свистулька* не встречается в ранних письменных источниках. Немецкий купец Тоннис Фенне в начале XVII в. или ранее записал от псковичей слово — *свистель*²⁶. До того в русских летописях говорилось о родственном *свистели* духовом ратном инструменте, именовавшемся — *посвистель*. О псковичах под 1348 г. говорится: «Они же оть Орешка в польдни поехаша, въструбивъ в трубы и удари въ бубны и в *посвистели*»²⁷. Тип глиняного свистка каплевидной формы в древнем Новгороде мог использоваться как сигнальный в хозяйственных целях; один образец XIV в. снабжён ушком для подвешивания, то есть постоянно находился при своём владельце, возможно, был корабельным свистком у кормчего. В Западной Европе известны боцманские свистки X в. — глиняные. Потом они чапце изготавливались из бронзы, а наградные — из серебра и золота.

Что касается курских находок глиняных свистулек, то среди них не видится тех, которые могли быть в хозяйственно-сигнальной роли. Уже ранняя из них — крупецкая — предназначалась, видимо, для забавы, для любования и восхищения её звонкими трелями. В то же время, надо полагать, это не мешало с нею участвовать в весенних праздниках. А это уже не просто забава.

Нам представился случай в образцах свистулек, бытовавших в Курском крае, увидеть игрушечные промыслы разных периодов. Не решая пока вопроса о местах расположения таких промыслов, можно заметить следующее: древние образцы тяготеют к классически выверенным формам. Они составляют устойчивый и легко узнаваемый в своих вариантах тип. Такова птичка-хохлатка. Она является блестящий пример традиционного народного мастерства, когда мастер в своих творческих — авторских — возможностях абсолютно не стеснён. Создав или унаследовав совершенный, типо-

вой вариант, он его не разнообразит в угоду чьей-то прихоти, а спокойно повторяя, без авторского эгоизма, отправляет на торги со здоровым чувством уверенности: его товар добротный и по крепости, и по удобству пользования, и по наружному обаянию, а в данном случае ещё и по звучанию. Так горшечники неизменно повторяют проверенные временем способы изготовления и принятые селянами формы местных *кашников*, *корчаг*, *черепушек* и прочих сосудов, находя их пригожими, при этом не чувствуя себя творчески ущемлёнными. С таким же отношением, не боясь повторяться, селяне из года в год, из века в век выращивали, мололи и выпекали в сущности одинаковый Хлеб. На таком ощущении прекрасного и понимании своего личного участия в общем трудовом и творческом процессе зиждется национальное — и оно же авторское — художественное лицо народа. В свою очередь, чем ярче, чем сохраннее такое традиционное лицо народа, тем в большей мере оно уважаемо другими народами и по праву занимает место в общемировом культурном соцветии.

Так же законченными, выверенными в способе изготовления, узнаваемыми в своих формах предстают свистульки, бытовавшие в Курском крае в XVII веке. Среди них типичен обтекаемый, без признаков лап или ножек, вареникоподобный вариант с объёмной, «дутой» полостью и улиткообразной головкой. Все они снабжены четырьмя игровыми отверстиями, значит, обладают пятью и более звуками. На них могли разыгрываться наигрыши-формулы праздничной народной традиции. Возможно, именно они или им подобные походили на коровок из глины и оглашали Курский край весной на Юрьев день — 23 апреля (по новому стилю — 6 мая). Вместе с тем они нуждаются в дальнейшем внимательном изучении.

Свистульки с двумя игровыми отверстиями, лапистые, характерны для традиционного промысла, официально возобновившегося в 1970-х гг. в селе Кожля. Среди игрушек — «Всадник», «Тройка», «Козёл», «Баран», «Индюк», «Кошка с гармошкой», «Царевна-лягушка», «Гусь», «Петушок», «Курочка» и ещё многие другие. Большой выбор игрушечного товара был продиктован спросом позднего рынка, вкусом мещан, а впоследствии и столичных заказчиков, связанных с миром коллекционеров, искусствоведов. При учительской опёке средств массовой информации список кожлянских игрушек пополнился, в него вошли, например, «Парданцующая», «Диван» и «Стол» О.И. Дериглазовой, «Перевёр-

тыши» и «Барыня» В.В. Ковкиной. Появились заморские образы — крокодил, обезьяна. Открылась дорога к усложнению форм, поиску «новых», авторских сюжетов и украшений. Похоже, что замечательных мастериц пытались вовлечь в игру, правил и целей которой им не сообщали. Дело в том, что спустя сорок лет после полного истребления в России народных промыслов, стало модным их возрождать и, что опаснее всего, искусственно развивать. Идеологическая программа «развития» сводилась, да и нередко сводится, к сожалению, к тому, чтобы к традиции подмешивать самодеятельность, и в конечном итоге самодеятельность выдать за традицию. Народная традиция и привнесённая из города клубная самодеятельность — мировоззренчески различные поля деятельности.

Итак, на основе различных свидетельств мы увидели основные типы бытовавших в Курском крае глиняных свистулек. Рассмотрели их известные на сегодняшний день археологические находки. Имели возможность сопоставить их с образцами поздних промыслов. Свистулькой середины XIX в. представили образец, близкий к истокам кожлянского игрушечного промысла. Свистулька на ножке в виде птички с хохолком среди прочих — древнейшая. Одинокая вещица, казалось, была обречена на молчание. Но, как выяснилось, она составляла единую группу с датированными новгородскими свистящими птичками-хохлатками. В хоре с ними обрела голос. И возраст. В первой половине XV в. из одной мастерской игрушечные птички-хохлатки «разлетелись» в разные края. Решению вопроса, где располагалась мастерская по их производству, могут способствовать новые находки как во время очередных сезонов раскопок, так и в уже имеющихся различных археологических коллекциях. И не только археологических. Если таким открытиям помогут собранные вместе глиняные птички из Новгородской земли и Курского края, скромная цель настоящей статьи будет достигнута.

Примечания

1. Янин В. Л. Древнейшая славянская книга // Чело. Великий Новгород, 2000. № 3. С. 4; Поветкин В. И. Обретение Новгородской Псалтыри // Чело. Великий Новгород, 2003. № 1 (26). С. 3–11.
2. Поветкин В. И. Кто они — гудцы на печатных глиняных водолеях XIV века? // Чело. Великий Новгород, 2008. № 2 (42). С. 28–35.
3. Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде // МИА СССР, № 11. М.-Л., 1949. С. 131–132; Поветкин В. И. Начало источниковой базы

музыкальной археологии в Великом Новгороде (музыкальные древности из раскопок А. В. Арциховского) // Новгородские археологические чтения-2. Материалы научной конференции, посвящённой 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Великий Новгород, 21-24 сентября 2002 г. Великий Новгород, 2004. С. 114–116.

4. Колчин Б. А. Дендрохронология Новгорода // МИА. 1963. № 117.

5. Деревня Козля – на карте Курской губернии издания А. Ильина, отпечатана в Картографическом заведении у Никольского моста, дом № 23, вторая половина XIX века. См.: Донченко Ю. В. Курская губерния на старой открытке. Курск, 2004. Приложение.

6. Народное гончарство России. Сохранившиеся центры. Пути возрождения. Каталог. Авторы вступительных статей: Фрумкин А. Н., Ямщиков С. В. М., 1987. См. раздел: Из писем народных мастеров. Письмо от Пашкова Е. Ф.

7. Скобликова Т. Е. Промысел кожлянской игрушки // Курский край. Научно-исторический журнал № 1-2 (76-77). Курск, 2006. С. 62.

8. Художники Курского края. Авт.-сост.: Брынцев Л. А., Заутренников М. М. Курск, 2006. С. 86, 123, 264, 277.

9 Скобликова Т. Е. Связуя нить времён. Курск, 2001. С. 54-56, 61-69; Обстоятельнее о том же: Скобликова Т. Е. Промысел кожлянской игрушки... С. 67-75.

10. Скобликова Т. Е. Связуя нить времён... С. 49-50.

11. Народные промыслы Курской области. Суджанская народная керамика. Букл. Изд.: Комитет по культуре и искусству администрации Курской обл.; Областной научно-методический центр народного творчества. (1991).

12. Соколова Г. Орловские барыни и соловьи из Курска // Антиквариат, № 6 (48). 2007. С. 53.

13. Большая Курская Энциклопедия. Том 3. Книга вторая: «Естественная история. Животный мир». Гл. ред. Ю. А. Бугров. Курск, 2007. С. 115, 128.

14. Зорин А. В., Стародубцев Г. Ю., Шпилёв А. Г., Щеглова О. А. Очерки истории Курского края с древнейших времён до XVII в. Курск, 2008. С. 441. Рис. 83: 5.

15. Народное гончарство России... Раздел: Курская обл., Курчатовский р-н, сёла Дроняево и Кожля; Снегирёв И. В. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. 1838. С. 136.

16. Скобликова Т. Е. Связуя нить времён... С. 59.

17. Златоверховников Н. И. Курская губерния на XII археологическом съезде в Харькове в 1902 году // Труды Курской губернской археологической комиссии. Вып. I. Курск, 1911. С. 41.

18. Материалы по исследованию кустарных промыслов Курской губернии. Курск, 1904. С. 187.

Изображения моржей на камне.

*Мужская голова.
Деревянная скульптура.*

ОВЧИННИКОВА Б.Б., ТРОФИМОВ Ф.В.

«...Чудь, народ, который обитал здесь прежде русских»

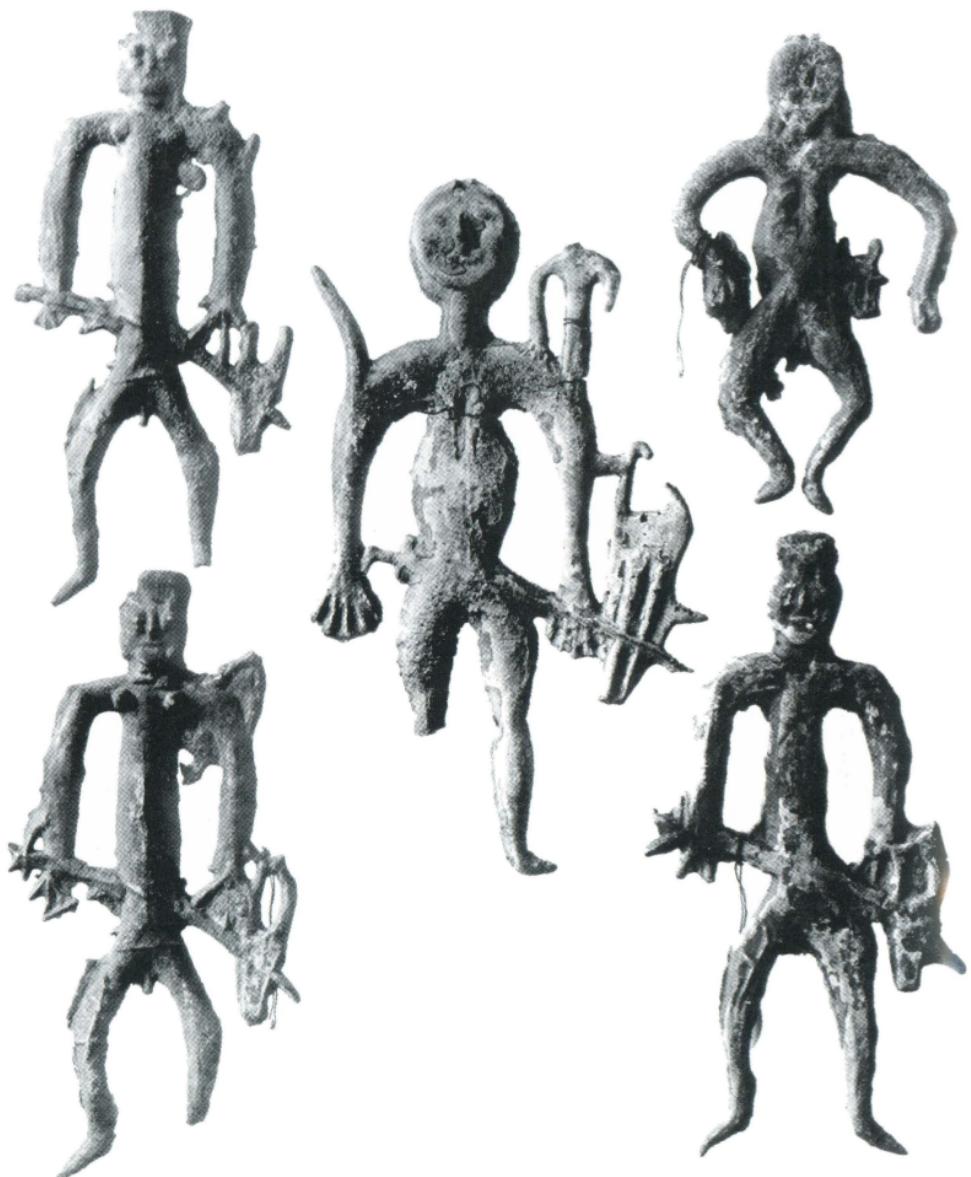

Рис. 2. «Чудские образки». Древности из бывш. Кунгурского уезда, бывши. Пермской губернии, 1903. Хранятся в Государственном Историческом Музее. Сп. Чистякова И.Ф. 1905. (по материалам Фотоархива ИИМК РАН г. Санкт-Петербург).

Рис.1 Клад из медных «чудских идолов». Деревня Большая Кызыловка, бывш. Екатеринбургский уезд, бывш. Пермской губернии. Найден в 1907 г. и доставлен В.Я. Толмачевым в 1911 г. Хранятся в Эрмитаже. Снимок Чистякова И.Ф. 1912. (по материалам Фотоархива ИИМК РАН г. Санкт-Петербург)

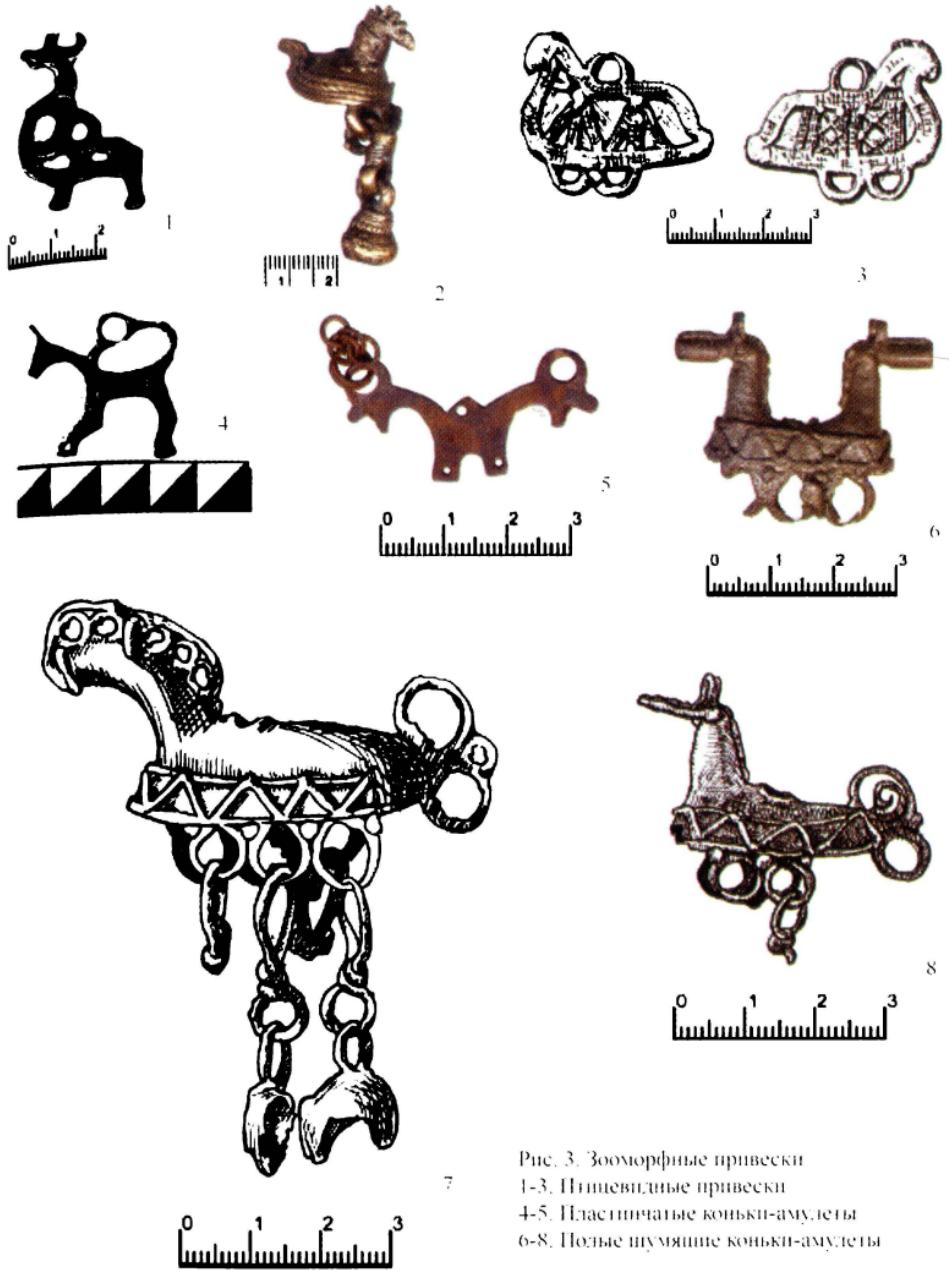

Рис. 3. Зооморфные привески
1-3. Пиневидные привески
4-5. Пластинчатые коньки-амулеты
6-8. Полые шумящие коньки-амулеты

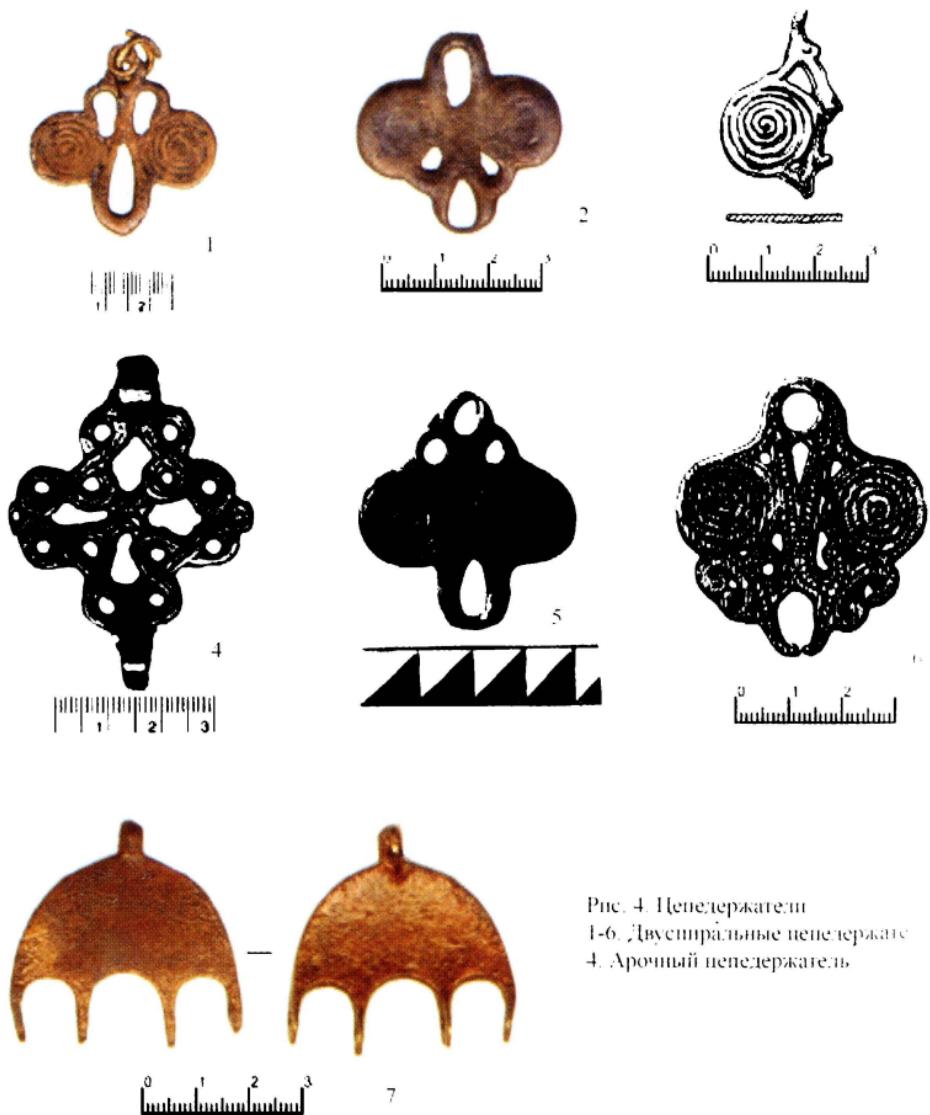

Рис. 4. Цепедержатели
1-6. Двусpirальные цепедержатели
4. Арочный цепедержатель

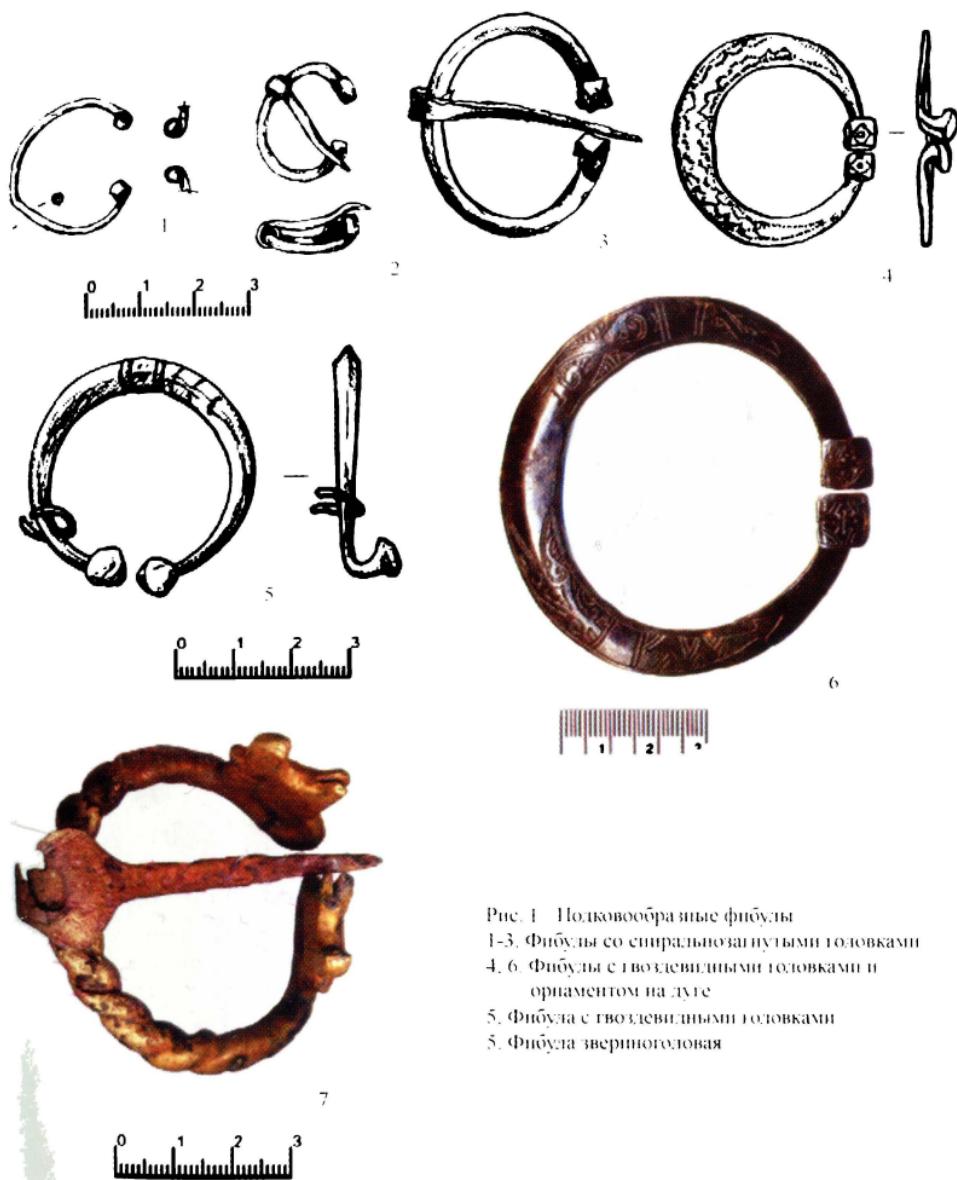

Рис. 1. Подковообразные фибулы
1-3. Фибулы со спирально загнутыми головками
4, 6. Фибулы с твоздевидными головками и
орнаментом на дуге
5. Фибула с твоздевидными головками
5. Фибула звериноголовая

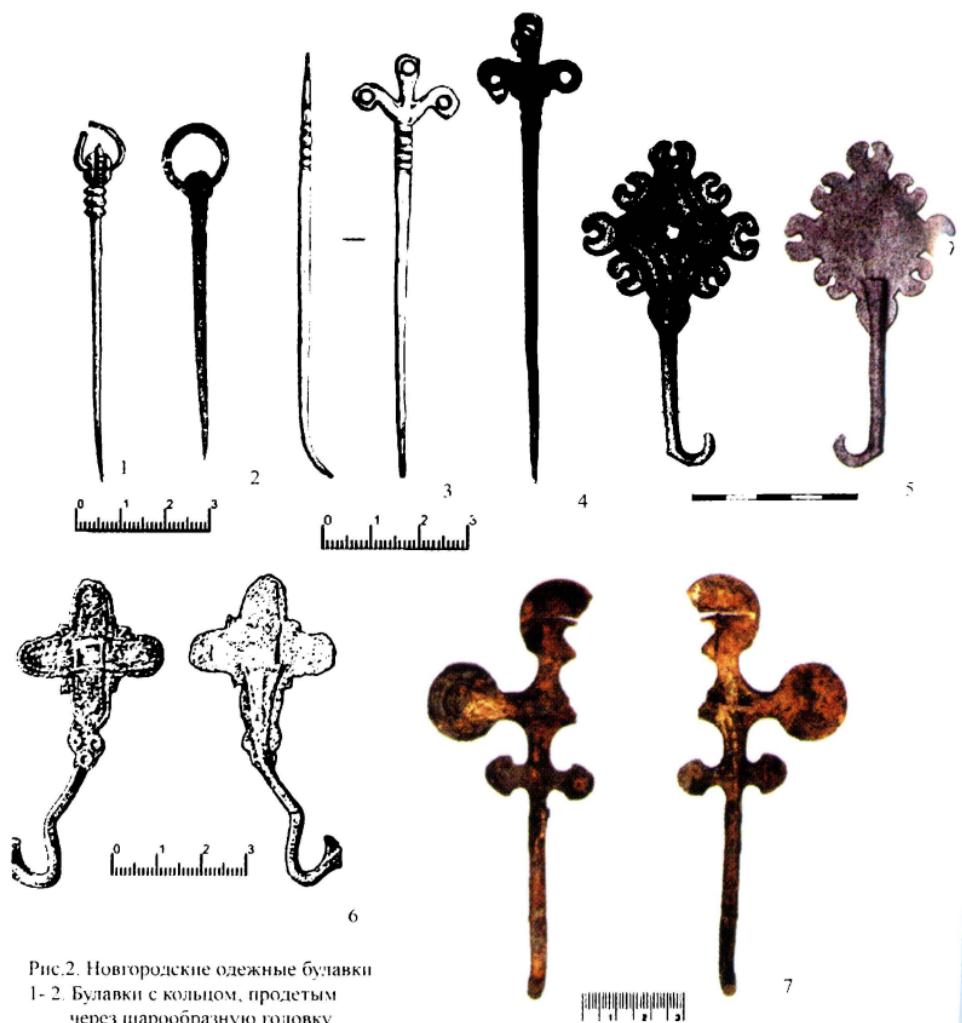

Рис.2. Новгородские одежные булавки

- 1- 2. Булавки с кольцом, продетым через шарообразную головку
- 3-4. Булавки с трехлопастными головками
- 5-6. Булавки с головками сложной формы
7. Булавка с крестообразной головкой

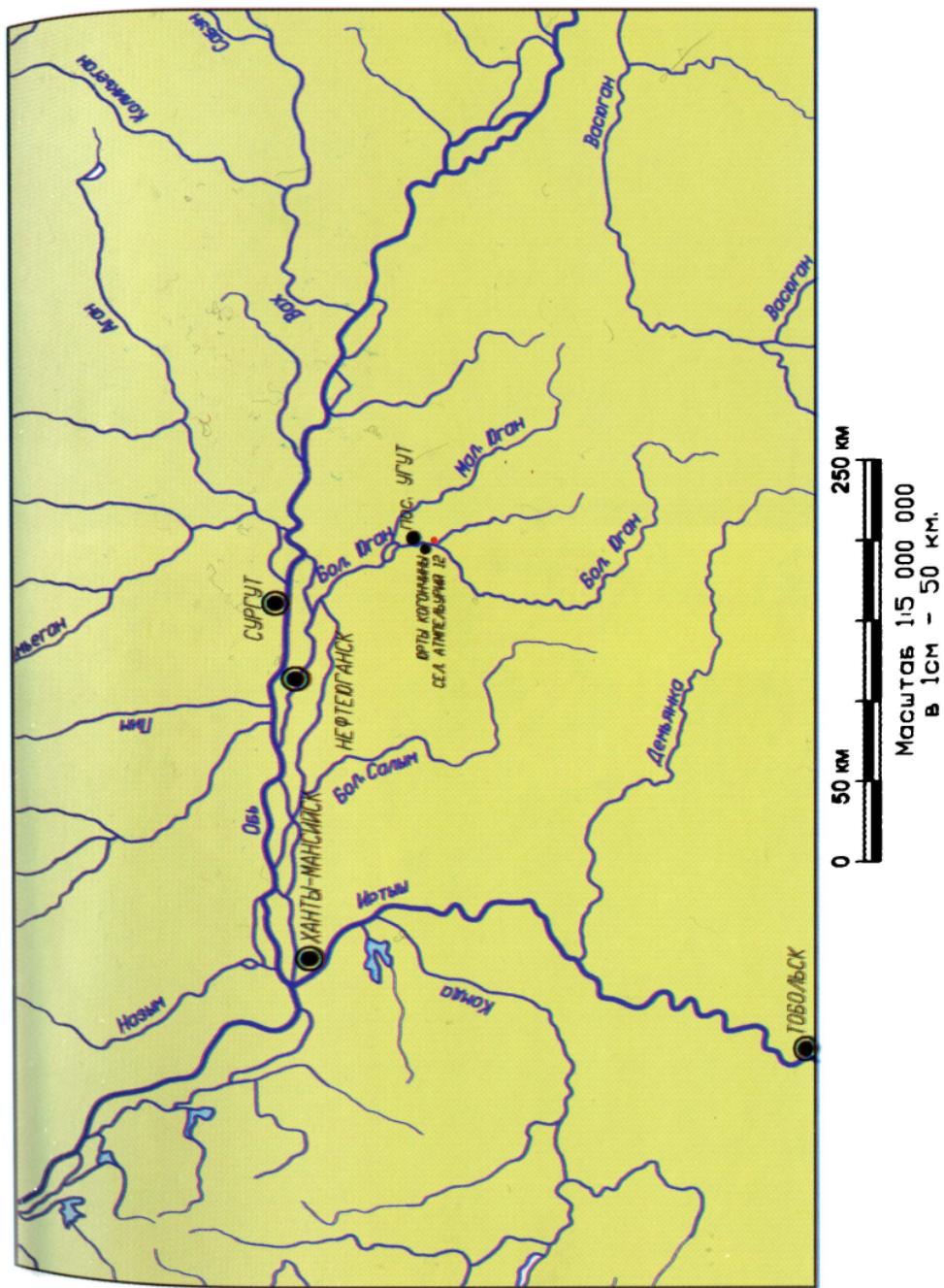

Рис. 1. Селище Аммелюрий 12. Расположение в границах Сургутского района. Обзорная схема.

Д Е Ж З И К Л М

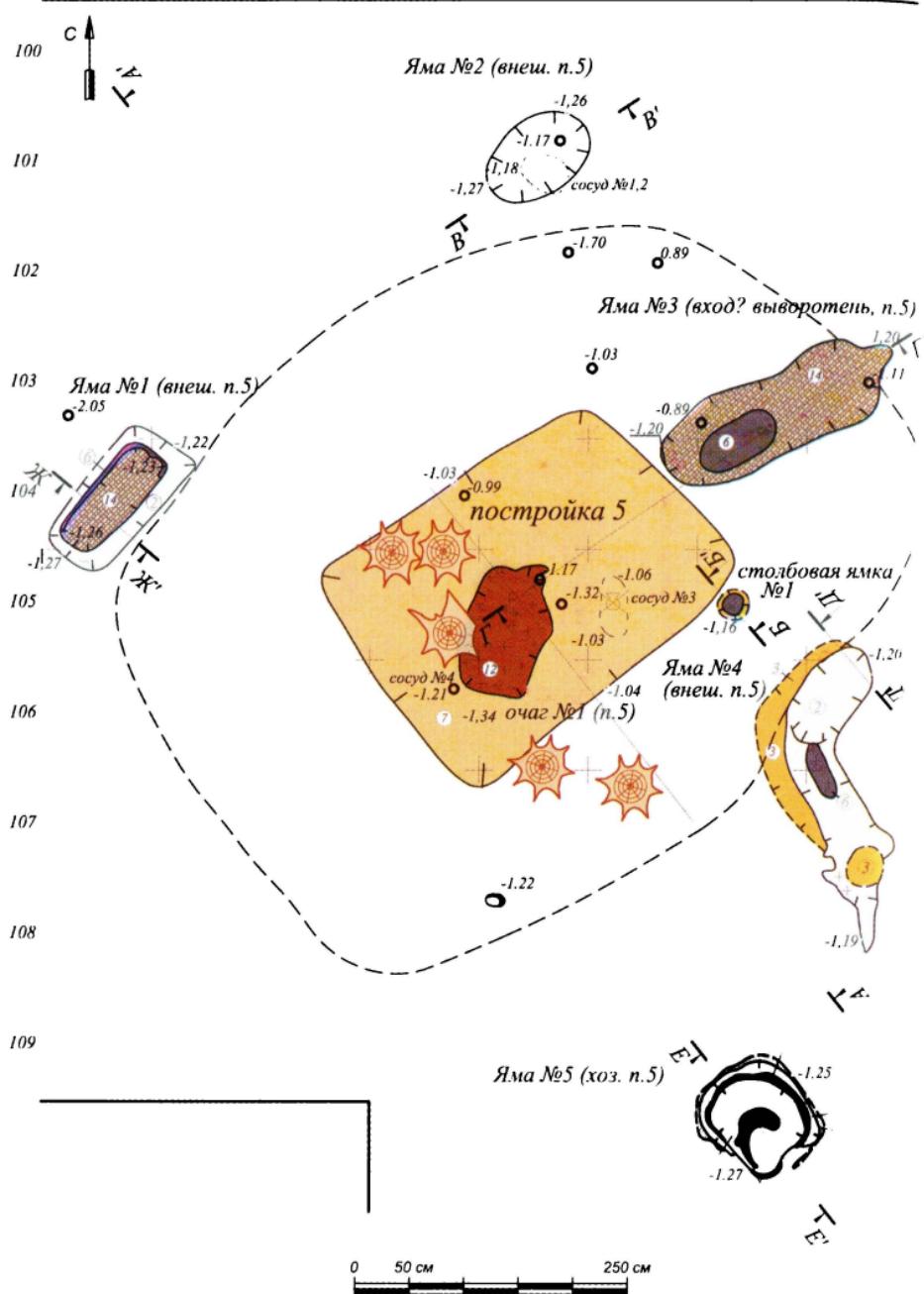

Рис. 2. Селище Атмпельурий 12. Фрагмент плана раскопа 1.
Объект 5. Котлован жилища № 5.

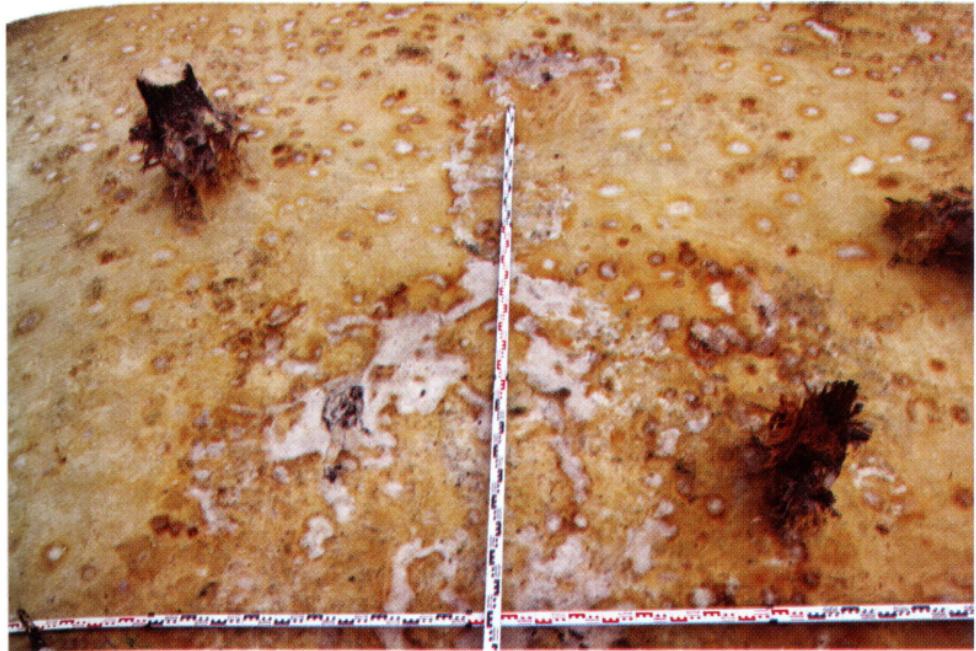

Рис.3. Селище Атмпельурий 12.

Раскоп 1. Объект 5 уровень 3 фиксации – 1,23 м. Общий вид с ЮЗ.

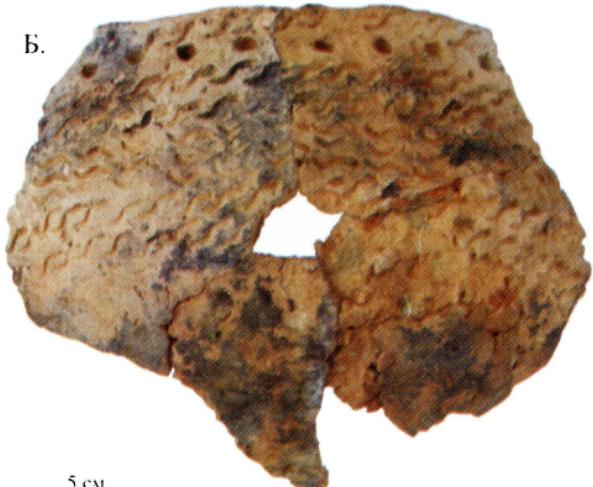
Рис. 4. Селище Атмпельурий 12. Раскоп 1. Объект 5.

Стратиграфический разрез котлована
жилища № 5 и очага № 1 по линии А-А'. Вид с СВ.

А.

Б.

0 1 см 5 см

В.

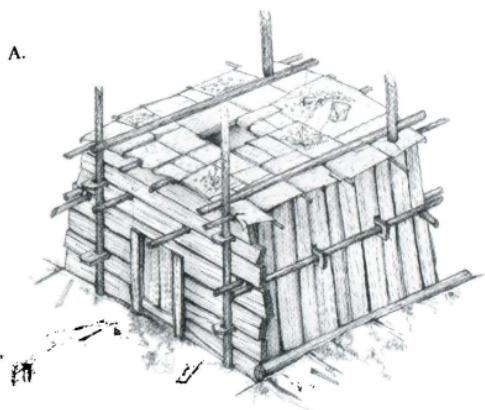

Г.

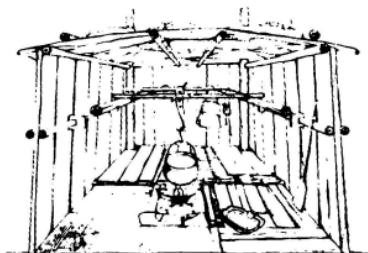

Рис. 5. Селище Атмельурий 12. Раскоп 1. Фрагменты керамических сосудов. А. - сосуд № 1, Б. - сосуд № 2, В. - сосуд № 3, Г. - сосуд № 4.

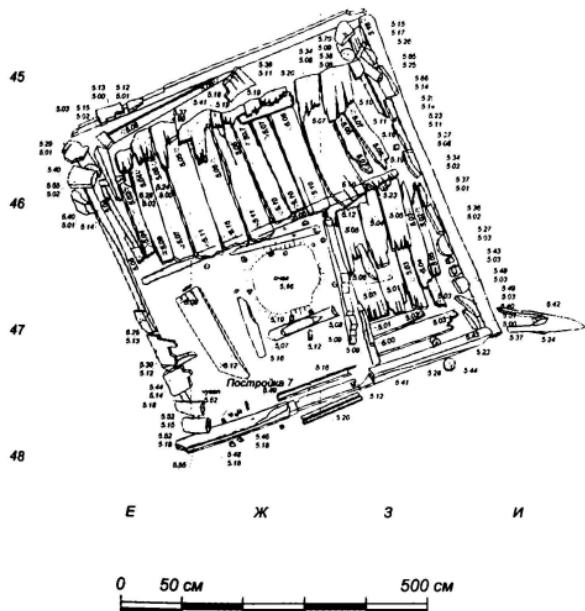
А.

Б.

В.

Г.

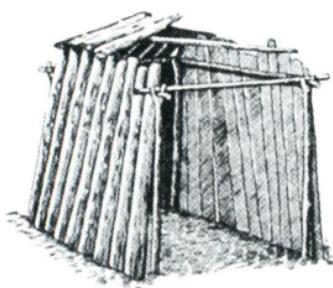

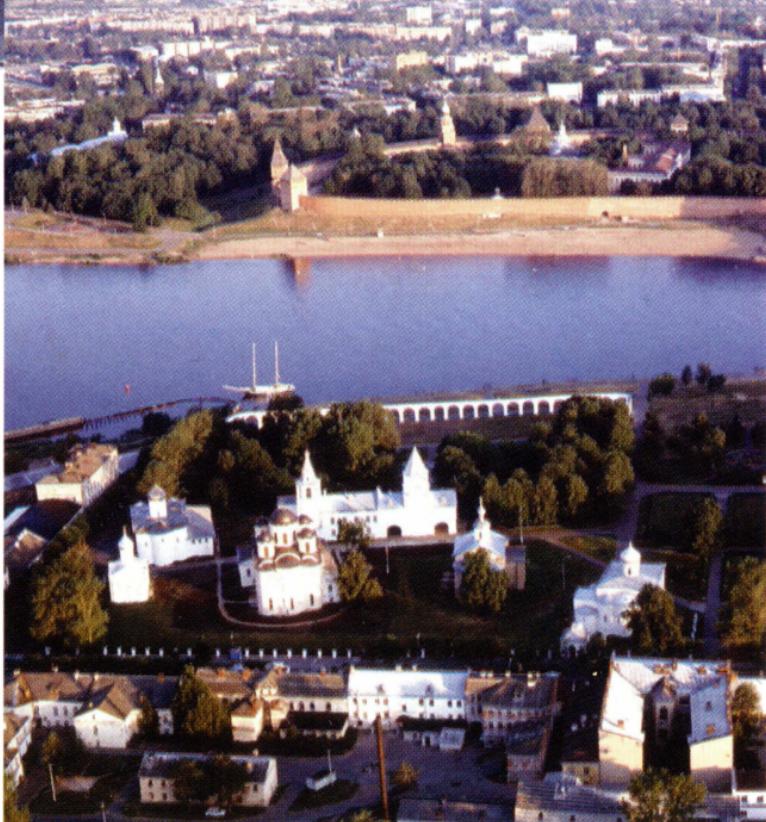
Рис. 6. Архитектурные аналогии малогабаритных архитектурных построек. А-В Надымский городок, западный «Остяцкий» квартал № 1, жилая постройка № 7. А – общий вид сер. XVII в (реконструкция), Б – интерьер постройки (реконструкция), В – фрагмент плана раскопа 2004 г. М1:50. Шалаш шортицев. Г – шалаш типа усеченной пирамиды (реконструкция по атласу).

ТРОЯНОВСКИЙ С.В. «Великий мост Новгородской республики. первые итоги археологического изучения»

Икона «Чудо от иконы Знамение Богородицы», изображающая битву новгородцев с суздальцами в 1170 году.
Сер. XV в.

*Водолазная станция-
понтон над местом
подводно-
археологических работ.
Февраль 2006 г.
Фото автора.*

*Вид на центр
Новгорода с
птичьего
полёта.*

*Деревянный
Великий мост
соединял
Летище и
Торг в правой
части снимка.*

*Фото
А.Орлова.*

**ТРОЯНОВСКИЙ С.В. «Великий мост Новгородской республики
первые итоги археологического изучения»**

*Трёхмерная реконструкция дна р. Волхов
и раскопанных мостовых опор. Автор С. Луций.*

*Фрагмент мостовой конструкции XIII-XIV вв.,
обнаруженный при раскопках зимой 2005-2006 гг.
Стоп-кадр видеосъёмки, оператор А.Степанов.*

ЯРЫШ В.И. «Об одном необычном украшении на бересте из раскопок в Новгороде»

*Рис. 1. Новгород. Неревский раскоп. XI век.
Фрагмент бересты с украшением.*

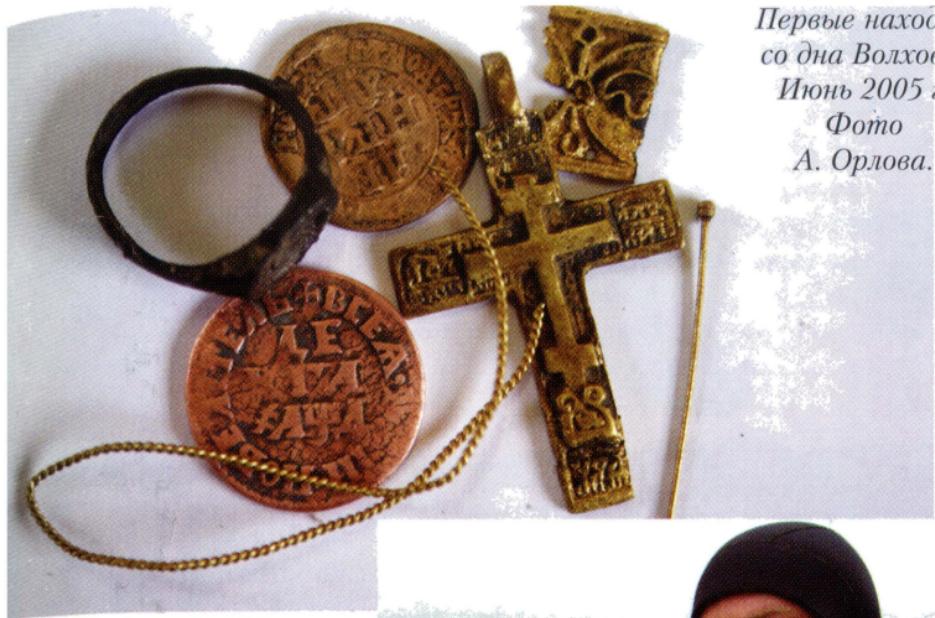
*Рис. 1. Новгород. Неревский раскоп. XIII век.
Сложносоставной фрагмент бересты с украшением.*

**МАРАКУЛИН В.А. «Знаки на предметах сетевого лова
в средневековом Новгороде...»**

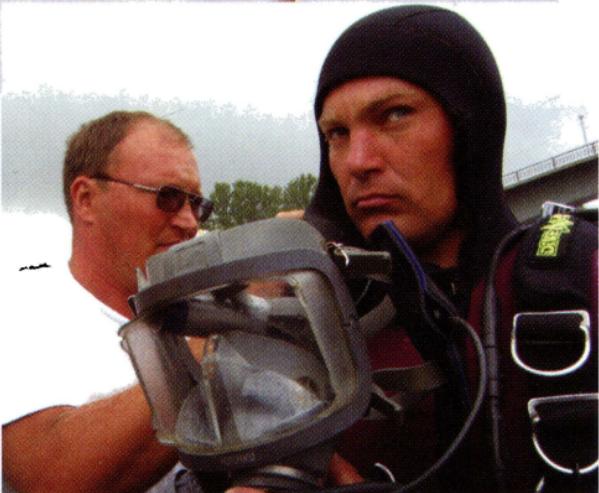

Рис. 3. Рыболовные снасти с поминками. Народная культура, Новгород, средневековье.

Первые находки
со дна Волхова.
Июнь 2005 г.
Фото
А. Орлова.

К погружению готовится
Андрей Страшнов.
Готовит водолаза
руководитель подводных
исследований
А.Степанов.
Июнь 2005 г.

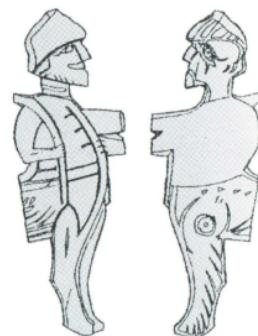
Монетная
коллекция
из подводных
раскопок
2005-2006 гг.
Фото
С.Луцая.

Печати новгородского тысяцкого Аврама.

А – половина печати из раскопок Великого моста, 2006 г.

Б – печать из Андреевского раскопа, 1995 г.

а) Фрагмент дубовой резной колонны от портала деревянной церкви. Новгород, Неревский раскоп. XI в.

б) Деталь цепи паникадила XV-XVI вв. Новгород, Софийский собор.

в) Обломок деревянной резной фигуры. Новгород, Троицкий раскоп. XI в.

Изображения кентавров-«китоврасов» на различных предметах из обихода новгородцев.

СИНГХ В.К. «Деревообрабатывающий инструментарий средневекового Новгорода»

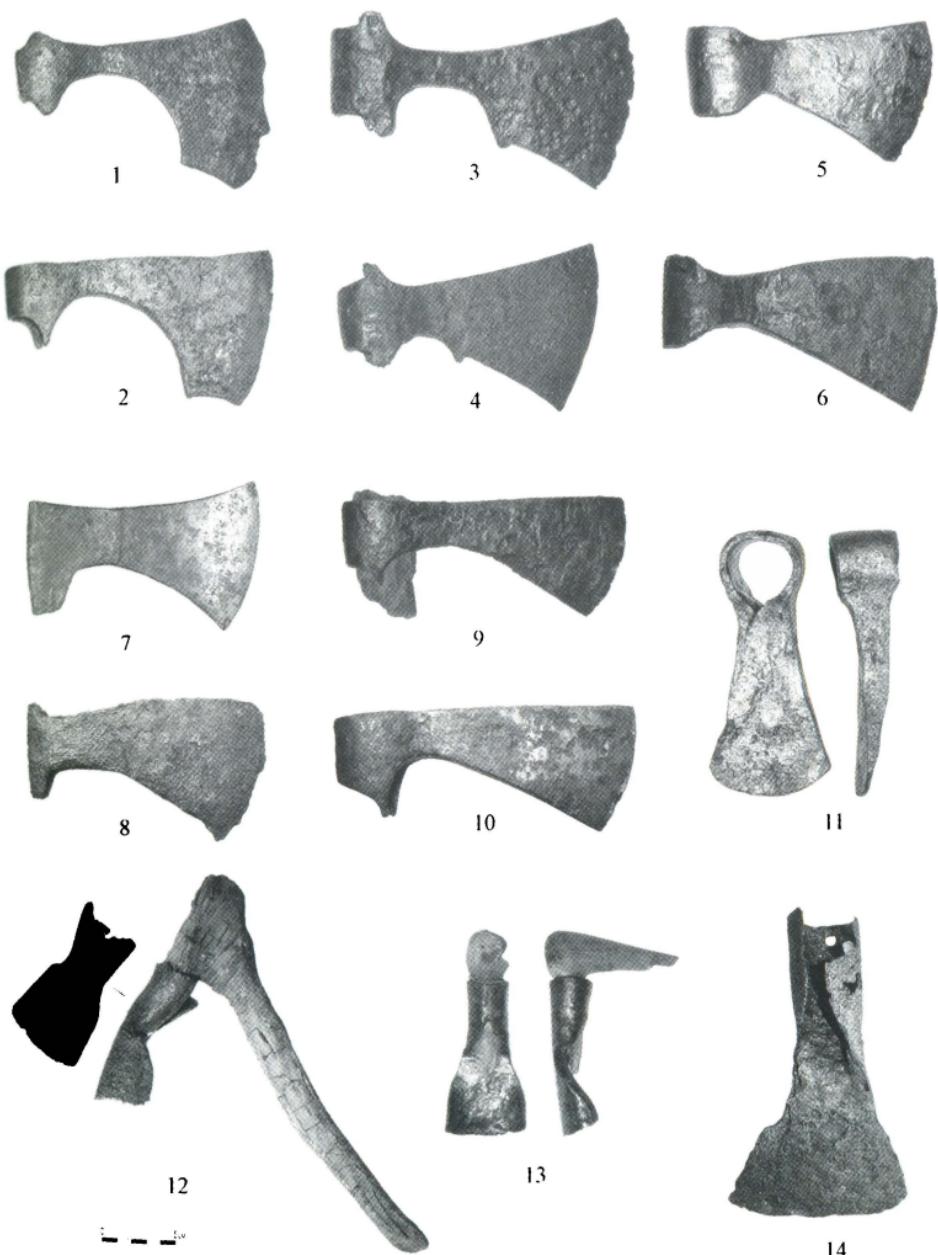

Рис. 1: 1, 2 – топоры I типа; 3, 4 – топоры переходного типа; 5, 6 – топоры II типа; 7, 8 – топоры III типа; 9, 10 – топоры индивидуальной формы; 11 – тесло I типа; 12, 13 – тёсла II типа; 14 – тесло III типа.

СИНГХ В.К. «Деревообрабатывающий инструментарий средневекового Новгорода»

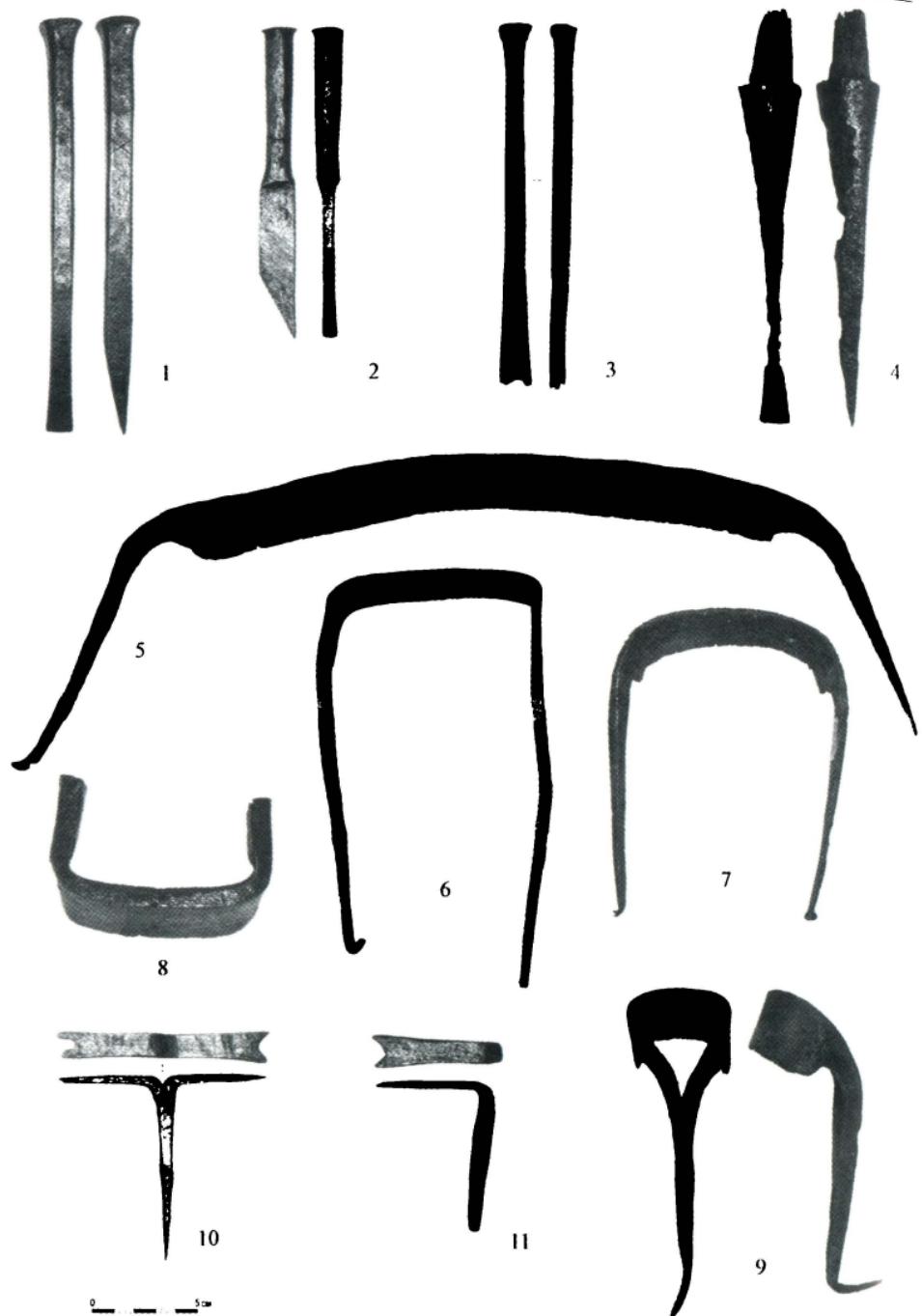

Рис. 2: 1, 2 – цельнометаллические долома; 3 – фигуриное доломо; 4 – втульчатое (шиповое) доломо с деревянной рукояткой; 5 – стригул; 6, 7 – скобели; 8 – наструг; 9 – скобелка; 10, 11 – разметки (черты кп).

Рис. 3. Миниатюра лицевого жития Сергия Радонежского с изображением деревообрабатывающих инструментов. XVI в.

СИНГХ В.К. «Деревообрабатывающий инструментарий средневекового Новгорода»

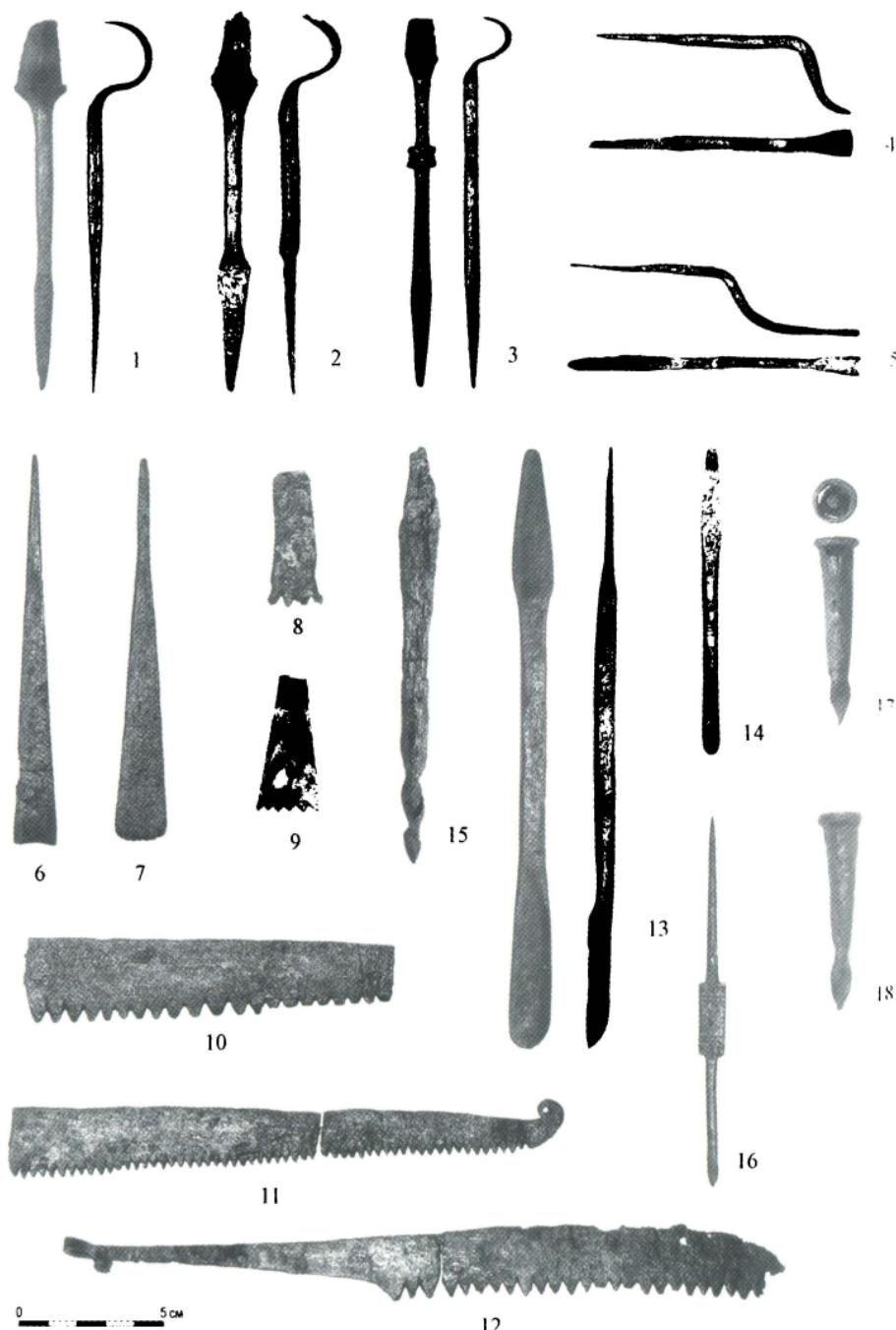

Рис. 4: 1, 2, 3 – ложкарные резцы; 4, 5 – фигурные резцы-ключки;
6, 7 – стамески; 8, 9 – узорные пилки; 10, 11, 12 – пилы;
13, 14 – первовидные (ложковидные) свёрла; 15 – спиральное сверло;
16 – лучковое сверло; 17, 18 – втульчатые спиральные свёрла.

19. Народное гончарство России... Раздел: Курская обл., Курчатовский р-н, сёла Дроняево и Кожля; Раздел: Из писем народных мастеров. Письмо от Ковкиной В. В.
20. Скобликова Т. Е. Промысел кожлянской игрушки... С. 66.
21. Поветкин В. И. Музыкальное прошлое Великого Новгорода и его округи (открытия 2002 г.) // ННЗ. Вып. 17. Великий Новгород, 2003. С. 117-121. Табл. 2: 10-12.
22. Поветкин В. И. Гудебный обиход Новгородского (Рюрикова) Городища // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. Материалы международной научной конференции 4-7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия. Санкт-Петербург, 2007. С. 189-192. Рис. 5: 1-18.
23. Богуславская И. Я. Русская глиняная игрушка. Л., 1975. Илл. 68, 78-79.
24. Зорин А. В., Стародубцев Г. Ю., Шпилёв А. Г., Щеглова О. А. Очерки истории Курского края... С. 370-371. Рис. 72: 1-2.
25. Письмо А. А. Зализняка, адресованное В.И. Поветкину 3 марта 2009 г.
26. Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607. Vol. 2. Copenhagen, 1970. P. 39.
27. Летопись Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. М., 2000. С. 80.

*Е.А. Тянина
г. Москва*

КАМЕННЫЕ АМУЛЕТЫ В ОПРАВЕ ИЗ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА

При археологических раскопках средневекового Новгорода неоднократно встречаются каменные орудия, относящиеся к древнейшим эпохам человечества. Эти орудия, найденные в новгородском культурном слое, в основном, относятся к трём категориям: каменные наконечники стрел или копий, каменные тёсла и проушные каменные топоры. В средневековый культурный слой они попадали не случайно. Согласно письменным источникам XIII–XVI вв., а также данным этнографии XIX в. они являлись предметами языческого культа. Орудия каменного века почитались божественным оружием Громовержца (Перуна), которое он метал в нечистую силу с небес во время грозы. В средневековых поучениях против язычества и этнографических материалах они постоянно именовались «громовыми» или «громными» стрелами, топорами и молотами, и почитались как сильнейшие апотропеи от болезней и злых духов [1].

Подавляющее большинство найденных в Новгороде каменных наконечников стрел, тёсел и проушных топоров, которые можно истолковать как «громовые» обереги, не имеют признаков вторичной обработки, в том числе и следов помещения в металлическую оправу для хранения или ношения. Это напрямую связано с характером магического использования этих орудий. Они применялись в лечебной и отгонной магии, причём, их употребление вней связано с определёнными приёмами. Из этнографии известны приёмы прикалывания, высекания искр, проливания водой и даже нагревания и варки «громовых» орудий [2]. Эти магические действия не только не предполагали наличие у оберегов металличес-

ких оправ, но такие оправы сильно затрудняли бы их практическое использование. В связи с этим каменные амулеты в оправе для культурного слоя Новгорода являются уникальными находками и требуют внимательного рассмотрения.

В культурном слое Новгорода найдено всего два каменных амулета в оправе. Один из них происходит с Неревского раскопа, второй — с Троицкого. Датировка находок, материал, из которого изготовлена оправа, её орнаментика, а также тип самих орудий существенно отличаются.

Найдка с Неревского раскопа (Рис. 1. 1) была сделана в 1953 г. и подробно описана в специально посвящённой ей статье М.В. Седовой: «Кремнёвый предмет представляет собой обломок, составляющий примерно 2/3 первоначальной длины двусторонне обработанного наконечника копья ромбовидной формы Излом древний; видимо, вторично предмет был использован в обломанном виде» [3]. На бронзовой оправе был выгравирован восьмиконечный процветший крест. В оправу вставлен заострённый конец ко-

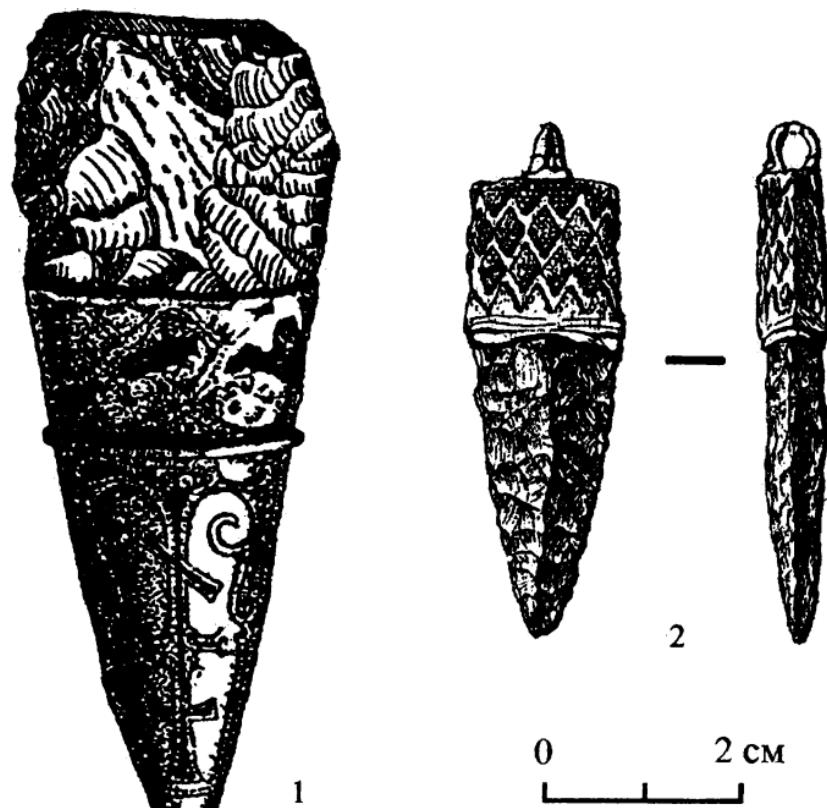

Рис. 1

пья, второй, обломанный в древности, остался снаружи. Ушко для подвешивания на амулете отсутствует. Наконечник был обнаружен на усадьбе Ж Неревского раскопа, в небольшом срубе, возведённом непосредственно на слое пожара 1311 г. и просуществовавшем до второй четверти XV века [4]. На эти же хронологические рамки указывает и тип процветшего креста, выгравированного на оправе амулета. Размеры постройки, в которой он был найден, и отсутствие в ней следов отопительных сооружений указывают, скорее, на её хозяйственное, а не жилое назначение. М.В. Седова определила находку как амулет — «громовую стрелу». При этом ею была полностью принята версия В.А. Городцова, основанная на одном из подмосковных преданий, о «громовых» стрелах как атрибуатах колдунов [5]. На основании этого она определила неревское каменное копьё как колдовской талисман, а сруб, в котором оно было найдено — как жилище колдуна. На это, по мнению автора, указывает и находка под полом сруба четырёх детских черепов, интерпретированных как строительная жертва [6].

То, что «громовые» орудия могли быть принадлежностью колдунов, не вызывает сомнения, так как именно колдунами и ведьмами в средневековой традиции считали знахарей, применявшими магию во врачевании болезней. Однако вряд ли можно утверждать подобную атрибутику для данного предмета, который явно не использовался владельцем по традиционному магическому назначению. Об этом говорит не только само наличие оправы, но и то, что в неё был вделан заострённый конец копья, наиболее функциональный в приёмах лечебной магии. В таком виде оберег вообще не мог никаким образом использоваться или носиться, он мог только храниться в помещении в качестве некоей домашней реликвии. Хранение его в хозяйственной постройке (возможно, амбаре или гумне), скорее всего, указывает на благопожелательное назначение этого оберега, которое, хоть и в слабой степени, но всё же прослежено в этнографической традиции. Заключение в оправу острого конца копья как бы лишало «громную» стрелу поражающего свойства, основного в лечебной и отгонно-поражающей магии, но сохраняло общую семантику самой вещи как предмета божественного, а значит, приносящего благо. Обращает на себя внимание и сочетание христианской символики на оправе с языческим характером самого «громового» оберега. Это, однако, очень хорошо согласуется с синкретическими представлениями о «громовых» орудиях, зафиксированных в позднем этнографическом материале.

Согласно позднейшей традиции, в качестве метателя «громных» топоров и стрел с небес часто выступает уже не Перун (имя которого в заговорах меняется на «Царь-Гром» или просто «Гром»), а заместивший его Илья Пророк или просто Бог. Уникальная находка с Неревского раскопа (более поздняя, чем основная масса «громовых» амулетов, найденных в Новгороде), может быть свидетельством складывания этих синcretических представлений уже в XIV-XV вв., несмотря на протесты церковных поучений, считавших «громовые» орудия, несомненно, «бесовскими» предметами. Отдельно следует сказать и по поводу детских останков, лежавших якобы под полом сруба. Наиболее вероятно связывать их с жертвами пожара 1311 г., на пепелище которого возникли сооружения вышележащего яруса, в том числе и сруб, в котором хранилось кремнёвое копьё. Принесение жертв, тем более человеческих, при возведении хозяйственного сооружения, выглядело бы нонсенсом для языческих представлений о «душе» дома, с которыми связывают практику строительных жертв. И уж тем более это выглядит неправдоподобным для начала XIV в..

Второй амулет в оправе происходит с Людина конца средневекового Новгорода (Рис. 1. 2). Он был найден в слое второй половины XII в. на территории усадьбы Е Троицкого, вне сооружений. Амулет представляет собой кремнёвую стрелу в оправе с ушком для подвешивания. Оправа в полевом отчёте была определена как свинцово-оловянная, однако произведённый в Новгородском музее-заповеднике анализ показал, что она изготовлена из серебра. Она была украшена с двух сторон зерненным орнаментом в виде нескольких рядов ромбов, образующих между собой имитации зигзагообразных линий. Такая орнаментация, несомненно, связана с семантикой молнии, что отвечает общему семантическому значению «громовой» стрелы как оружию Громовержца. Оправа имеет сильные следы изношенности с обеих сторон, что свидетельствует о длительном использовании. Ушко для подвешивания обломано, что, вероятно, и послужило причиной утраты амулета. Амулет, в отличие как от неревского копья, так и от остальной массы «громовых» оберегов, найденных в культурном слое Новгорода, явно предназначался для постоянного ношения на шее или на поясе, то есть применялся в качестве личного оберега.

Традиции ношения «громовых» стрел в качестве личного апотропея в русских средневековых письменных источниках не зафиксировано. Она в некоторой степени прослеживается только

на позднейшем материале. И. Е. Забелин, опираясь на позднесредневековые «травники», приводит предание о Перун-камне. В том, что именно под этим термином выступают «громовые» орудия, сомневаться не приходится, так как предание сообщает, что Перун-камень «падает и стреляет сверху от грома». Следуя указаниям Травника, из такого камня надлежит сделать вставку в перстень, отчего рука приобретёт сверхъестественную силу и станет способной поразить не только чародея или демона, но и любого другого врага: «Носящи его не убоится нежити и беды и одолеет супротивников своих». Точно также в том же Травнике говорится и о ношении при себе самой «громовой» стрелы: «Аще кто и стрелу громовую с собою носит, тот может одолеть всех силою своею и против него никто не устоит хотя бы сильнее его был николико» [7]. С этими же представлениями связаны и упоминания «громовых» стрел в заговорах на брань и против поражения «ратным орудием» [8]. В отличие от лечебного и отгонного свойства «громовых орудий» подобное их употребление не знает аналогий в средневековой русской традиции. Отгонные свойства «громовых» оберегов, отмечаемые в Новгородской Кормчей и в Домострое, касаются исключительно изгнания бесов и насыляемых ими болезней. «Громовые» обереги никогда не выступают в них в качестве амулетов на брань. В связи с этим, отмеченная И.Е. Забелиным традиция может показаться поздней и связанной с искажением представления о «громовых» орудиях. Но, между тем, именно эта семантика наиболее вероятна для троицкой «громовой» стрелы, так как, безусловно, предполагает личное ношение амулета. Вполне возможно, что и троицкий амулет, и сохранившиеся в отрывочном виде поздние представления «травников», следует изначально связывать со скандинавским поверью о т.н. «камнях победы», зафиксированных материалами некоторых саг [9]. Прямая связь этих представлений с орудиями каменного века не установлена, но семантика «камней победы» весьма схожа с той, что зафиксирована у И.Е. Забелина. Их также предполагалось носить на себе, и при их помощи можно было одолеть противника в бою или поединке, даже если он намного сильнее. Возможно, что человек, изготовивший троицкий амулет из «громовой» стрелы примерно в начале XII в. (с учётом его длительного использования), был знаком с этим скандинавским поверью и решил воспользоваться им.

Таким образом, подробный анализ как морфологии, так и семантического значения двух эксклюзивных предметов из раскоп-

пок средневекового Новгорода — кремнёвых амулетов в оправе — показал следующее. Изготовление таких амулетов не было характерно в целом для средневекового Новгорода, их использование не связано с какой-то устойчивой традицией. Напротив, их уникальность указывает на то, что они выбивались из общего ряда «громовых» орудий, использовавшихся в отгонно-поражающей и лечебной магии. Несмотря на один общий элемент — наличие оправы — эти предметы также не имели единой семантики. В то же время, в поздних этнографических материалах, а также некоторых представлениях соседних народов, можно найти указание на возможное магическое предназначение этих уникальных предметов.

Примечания

1. Тянина Е.А. Орудия каменного века в культурном слое средневекового Новгорода: предметы языческого культа или случайные вещи?// Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 22. Великий Новгород. 2008. с. 177–179.
2. Высоцкий Н.Ф. Очерки народной медицины// Записки Московского археологического общества. Т. 11. М. 1911. С. 146–149.
3. Седова М.В. Амулет из Древнего Новгорода //СА. 1957. № 4. С. 166–167.
4. Колчин Б.А. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА. М.; 1955. № 55; 777 заговоров и заклинаний русского народа. М., 1999. С. 67, 131.
5. Городцов В.А. Археология России. Каменный период. М., 1923. С. 77–78.
6. Седова М.В. Амулет из Древнего Новгорода //СА. 1957. № 4. С. 167.
7. Забелин И.Е. История русской жизни. Ч. 2. М., 1879. С. 510-511.
8. 777 заговоров и заклинаний русского народа. М., 1999. № 634. С. 362.
9. Уваров А.С. Археология России. Каменный период. М., 1881. С. 8-9.

*Т. С. Матехина,
Великий Новгород*

ЧЕХЛЫ «В ФОРМЕ ЛОЖКИ» ИЗ РАСКОПОК В НОВГОРОДЕ

При раскопках в Новгороде обнаружены кожаные чехлы для разных категорий предметов. Все они найдены пустыми. Кожа некоторых чехлов сохранила отчетливые отпечатки хранившихся в них вещей: ложек и ножниц. Остальные кожаные изделия были определены на основании близости формы, размеров и других признаков. Список категорий предметов, для которых предназначались рассматриваемые кожаные чехлы, можно расширить, добавив к ложкам и ножницам топоры (рабочая часть) и, возможно, копья (наконечники). Таким образом, кожаные чехлы стало возможным разделить на четыре группы. Анализ чехлов по группам выявляет их существенные особенности, которые в дальнейшем могут быть полезными для атрибуции кожаных находок.

Первая группа — чехлы для ложек. Одной из массовых находок в новгородском археологическом слое являются ложки. Это преимущественно деревянные ложки, среди которых выделены группа простых суповых ложек и группа более сложных ложек [1]. Найдены также ложки из рога, кости и цветных металлов. Дорогие ложки были предметом роскоши и служили признаком богатства. Одна ложка из свинцово-оловянного сплава с Троицкого раскопа отнесена к кругу пalomнических древностей [2].

В слоях Новгорода найдены также кожаные изделия, которые были определены как чехлы для ложек. Такое заключение сделано на основании отпечатков на коже, которые могли остаться от ложек, а также из-за близости формы и размеров чехлов и ложек. Сейчас известно 15 таких чехлов и их деталей. Есть упоминание о чехлах для ложек из раскопок в Кремле 1938 г. [3], но эти находки,

скорее всего, не сохранились. К чехлам для ложек можно отнести, вероятно, еще одну находку. Общая стратиграфическая датировка чехлов — вторая половина XII — первая четверть XV вв. Большинство их относится к XIV в.

Размеры сохранившихся чехлов для ложек следующие: длина 14,5–20 см и ширина 5,4–7,4 см. Первоначально они были несколько больше, поскольку мокрая археологическая кожа при высыхании дает усадку.

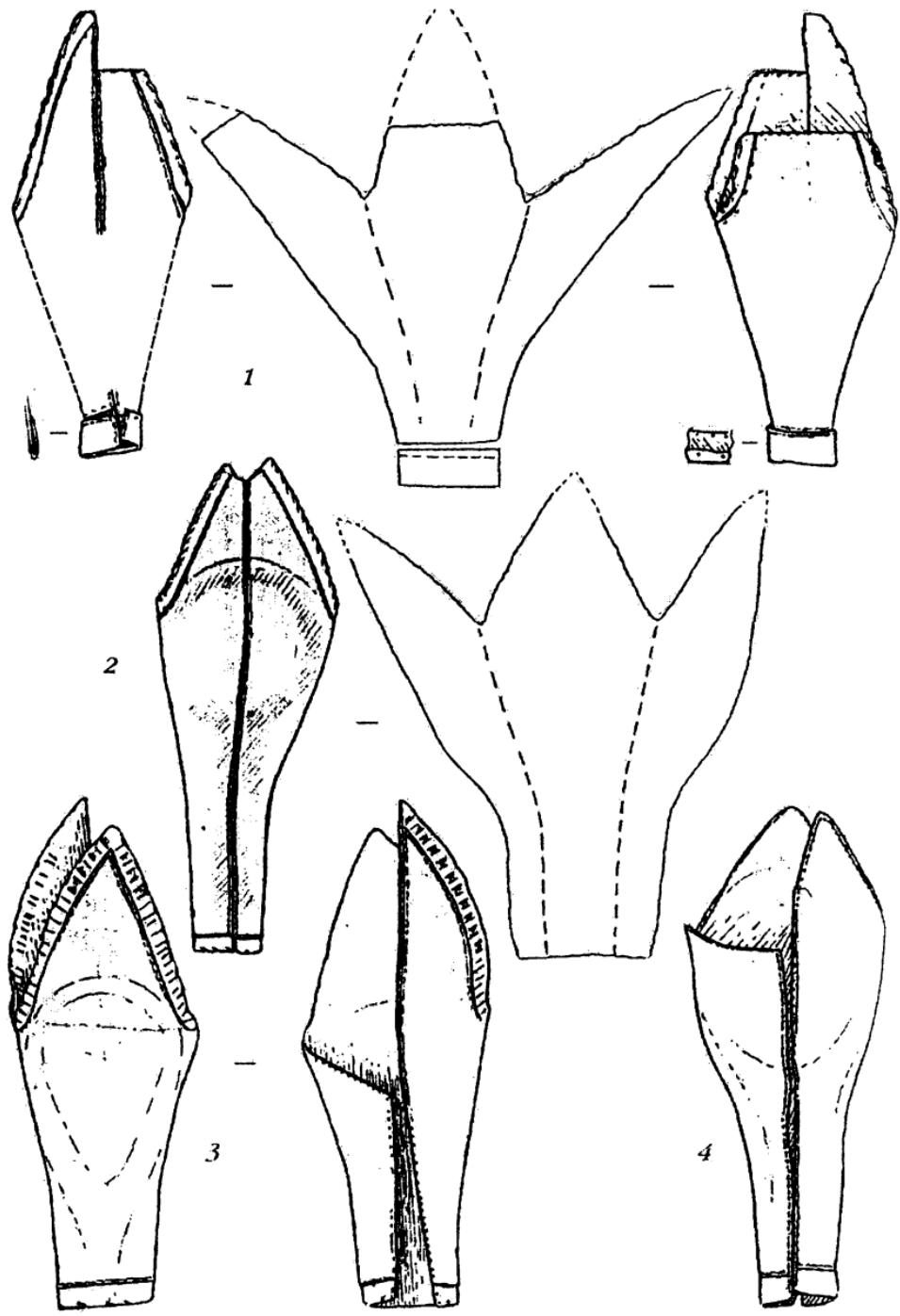
Новгородские чехлы для ложек изготовлены, в основном, из кожи мелкого рогатого скота. В трех случаях использована кожа крупного рогатого скота (телячья). Поверхность многих чехлов гладкая, возможно, из-за того, что кожу предварительно лошили.

Наиболее распространенный вариант кроя чехлов для ложек представлен с Неревского раскопа (рис.1; 1, 2) в развернутом виде. Выкройку сворачивали и шили. Шов при этом проходил вдоль осевой линии чехла со стороны донца ложки. Во всех случаях использован «тачной» шов (стык-в-стык) с маленькими отверстиями и ровными короткими стежками. Сшитое изделие не выворачивали и края шва оставались снаружи.

Тулово шести чехлов сделано цельнокроеным. Когда имеющиеся куска кожи не хватало целиком на всю выкройку, чехол составляли из кусочков, аккуратно шивая их тачным швом с бахтармянской стороны (внутренней стороны кожи). Края шва при этом оставались внутри чехла, и шов был менее заметным. Во всех таких случаях составным сделан верх чехла (рис.1; 3, 4).

Готовый чехол для ложки, судя по всему, имел форму более или менее правильного пятиугольника. Почти все чехлы несколько объемные и повторяют плавные изгибы ложки. У некоторых чехлов на месте донца ложки наблюдается выпуклость, которую, видимо, специально предусматривали в выкройке. Возможно также, что мастер делал посадку увлажненного чехла по определенной ложке. Указанное соответствие форм могло получиться и вследствие использования чехла.

У трех чехлов (рис.1; 8-10) отдельно выкроены вставки на месте лопасти ложки. Форма этих вставок, возможно, соответствует очертаниям края лопасти ложки. Во всех случаях вставки вшиты «тачным» швом, но на чехле (рис.1; 9) все швы выполнены с лицевой стороны, а чехол (рис.1; 8), шив с бахтармянской стороны, вывернули, и стачанные края оказались внутри него. Этот чехол с Дубощина раскопа имеет самую раннюю стратиграфическую дату и

0 1 3 см

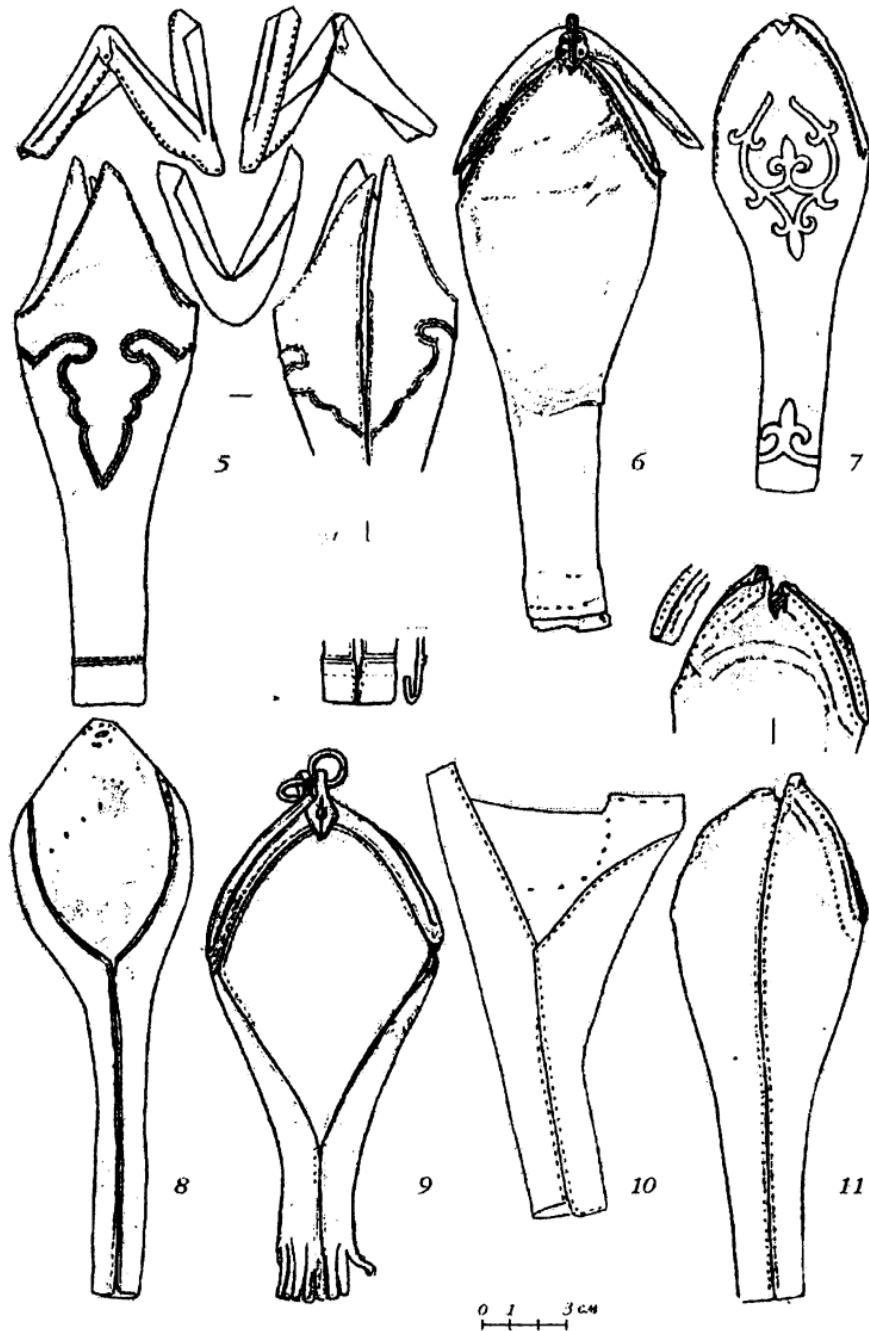

Рис. 1. Кожаные чехлы. Великий Новгород, раскопы: 1–4 — Готский;
5, 9 — Славенский/Кировский; 6 — Нутный; 7, 10 — Троицкий;
8 — Дубошин; 11 — Неревский

относится ко второй трети XIII века. В целом, вариант края с вставкой на месте лопасти, видимо, более ранний по отношению к цельнокроеным изделиям.

У большинства чехлов (10 экз.) края оторочены, т. е. обработаны кожаной полоской-«торочкой». Оторачивание делали, скорее всего, не только ради отделки, но и для того, чтобы не дать растянуться краям чехла. Преобладает довольно сложный способ оторачивания. Сначала края чехла и торочки соединяли встык швом «через край». Затем кожаную полоску отгибали наружу и пришивали на лицевой стороне чехла. Этот шов очень своеобразен. На лицевой поверхности чехла предварительно делали надрез вдоль верхнего края, отступя от него приблизительно 0,7 см (вероятно, учитывая усадку кожи). С полученным дополнительным краем стачивали отогнутый край торочки. Полоска-торочка обычно не сохраняется, но описанный способ отделки определяется по редким отверстиям шва «через край» и частым маленьким отверстиям шва «на надрезе». Следы такого стачивания есть у половины чехлов для ложек (рис. 1; 1-3, 13-15, 16 и, возможно, 6). У всех них оторочен верхний край, а у четырех из них также был отделан и нижний край (рис. 1; 1-3 и, возможно, 6). Полоска-торочка внизу при этом имела вид манжеты (рис. 1; 1).

Аналогичный вариант оторачивания края кожаных изделий помимо чехлов для ложек встречен и на нескольких других кожаных изделиях. Это, например, 4 детали голенища сапог, которые происходят с Нутного раскопа из слоев первой четверти XV в. При этом стоит принять во внимание, что голенище изготовлено из более толстой кожи крупного рогатого скота и полоска-торочка на нем была шире, чем на чехлах для ложек, поэтому отделывание чехлов для ложек было «ювелирным», возможно, более сложным. Стоит отметить, что подобным способом был окантован и верхний край у одних ножен, найденных на Готском раскопе. Найдки с Готского раскопа имеют западноевропейское происхождение, следовательно, этот способ отделки края и соответствующий ему технологический прием применялся и в Западной Европе.

Использование шва «на надрезе» характерно для находок с Неревского раскопа. Возможно, это связано с определенной местной производственной традицией, и указанные чехлы представляют собой один из ранних вариантов чехлов для ложек, датирующийся, главным образом, первой половиной XIV в.

Существовал и более простой способ оторачивания, когда к

верхнему краю туловища пришивали только один край полоски-торочки (рис. 1; 5 и 9). Чехол (рис. 1; 9) изготовлен из довольно толстой кожи, а у чехла (рис. 1; 5) верхний край полоски-торочки просто загнут вовнутрь. Как и в предыдущем варианте, соединительный тачной шов с мелкими изящными стежками выполняли с лицевой стороны чехла. Оба чехла, отороченные таким упрощенным способом, происходят со Славенского (Кировского) раскопа и относятся ко второй четверти и к концу XIV в.

Следы мелкого тачного шва идут вдоль устья еще двух чехлов (рис. 1; 4, 7). Они, вероятно, тоже были отделаны несохранившейся торочкой, но каким именно способом — определить невозможно. Когда шов делали «на надрезе», кожа на месте шва в последствии могла обломиться, и, если собственно край чехла не сохранился, то оставался только вторичный «край» со следами мелкого тачного шва.

Устье чехла (рис. 1; 11) обработано еще проще. Его верхний край загнут вовнутрь и прошит простым швом. В 7 мм от сгиба сделан еще один такой же шов, но не соединительный, а отделочный. На коже этого чехла сохранились нитки, вероятно, льняные. Стратиграфическая дата этого чехла — 40-60-е гг. XIV в.

Изделие (рис. 1; 10), вероятно, тоже является чехлом для ложки, но с утраченным верхом.

У двух чехлов для ложек в качестве отделки использовались чисто декоративные швы, возможно, имитирующие выше описанное оторачивание. Чехол (рис. 1; 5) конца XIV века украшен с помощью шва «на надрезе», но в данном случае края надреза стачаны друг с другом. В центральной части чехла этим искусно сделанным швом выполнена криновидная фигура; таким же швом отделан и его низ. Низ чехла (рис. 1; 4) отделан швом-рубчиком (с защипом мереи, но без надреза).

Криновидным орнаментом отделан и чехол (рис. 1; 7) (Троицкий раскоп, 90-е гг. XIV — начало 20-х гг. XV века)[4]. Как и в предыдущем случае, орнаментированы центральная часть чехла у лопасти ложки и его низ. Верхняя часть этой композиции представляет собой крин-росток, внизу — криновидный побег. Контур полосы крина выдавлен тупо заостренным инструментом. Оба чехла с криновидным орнаментом относятся к концу XIV — первой половине XV вв., что обычно для одновременных им кожаных изделий, в основном сумок. Не имеет отделки только один самый ранний чехол для ложки (рис. 1; 8) (Дубошин раскоп, 1235-1256 гг.). У готового чехла было два отверстия. Ложка вкладывалась через

широкое отверстие-устье вниз/вперед рукоятью. Устье чехлов, видимо, ничем специально не закрывалось, что и не требовалось.

У чехлов (рис. 1; 6, 9) вверху у устья на обеих сторонах сохранилось по паре металлических накладок с петельками, прикрепленных заклепками. На чехле (рис. 1; 9) в петельках есть колечки, в которые можно было продеть ремешок для подвешивания. У чехлов (рис. 1; 16, 18) вверху тоже сохранились остатки железных накладок. Судя по отпечаткам на коже, подобные накладки могли быть и у чехлов (рис. 1; 5, 7). Следы шва вокруг отверстия вверху чехла (рис. 1; 8) также указывают на существование какого-то приспособления для подвешивания. Необычно, что вдоль верхнего края чехла (рис. 1; 3) был продет ремешок, скрытый под полоской-торочкой. Не исключено, что этот ремешок служил для подвешивания чехла. Остальные чехлы также могли быть снабжены приспособлениями для подвешивания, поскольку у двух из них (рис. 1; 2 и 11) вверху вырван самый кончик, который мог быть утрачен вместе с несохранившейся накладкой. На основании всего изложенного можно предположить, что было обычным делом носить чехлы с ложками, подвешенными на поясном ремне. Этот вариант ношения упомянут у М.Г. Рабиновича [5]. Известно также, что в ложки носили заложенными за поясной ремень [6] и за голенищем сапога.

Можно попытаться выяснить, какого типа ложки носили в кожаных чехлах. Для этого нужно сравнить размеры и форму чехлов и одновременных им ложек XIII–XV вв. Кроме того, на коже большинства (10 экз.) чехлов остались довольно заметные отпечатки лопастей ложек. Судя по ним, лопасти всех этих ложек были округлыми вверху (не остроугольными), и пять из этих ложек с лопастями каплевидной формы явно были деревянными. Что касается деревянных ложек, то, как отмечает Б.Н. Колчин [1], в рассматриваемое время в Новгороде изготавливали простые суповые ложки, а с конца XIII в. дорожные ложки с укороченной рукоятью. Не связано ли с появлением этих дорожных ложек преобладание среди чехлов для ложек экземпляров XIV в.? У дорожных ложек длина короткой круглой рукояти приблизительно равна длине лопасти и не превышает 6-7 см. Такие ложки поместились бы в чехол полностью. У простых суповых ложек была довольно глубокая овальная в плане лопасть длиной 8-9 см шириной 6-7 см и длинная рукоять 15-17 см. У такой ложки, вложенной в чехол, рукоять оказалась бы закрытой лишь частично и выступала бы приблизительно на 6 см. Не исключено, что в рассматриваемых

кожаных чехлах хранили именно дорожные ложки с короткой рукоятью и округлой лопастью. В любом случае, отверстие внизу делало чехол несколько универсальным — так он подходил бы для ложек с рукоятью разной длины. Возможно также, что отдельные чехлы использовались для металлических ложек.

Чехол для ложки (4), происходящий с Готского раскопа, как и многие находки с территории Готского двора, мог быть неместного происхождения, хотя внешне он очень похож на остальные новгородские чехлы. Его вполне могли использовать и для ложки, подобной найденным на Готском раскопе деревянным ложкам. Эти ложки немного меньше и уже обычных новгородских ложек.

Рассмотренные чехлы для ложек конца XII — начала XV вв. в основном являются очень качественными изделиями. Тонкая, хорошо выделанная кожа, специальная выкройка, учитывавшая форму ложки, швы с крошечными отверстиями и короткими ровными стежками, своеобразные «швы на надрезе», требующие особых навыков и использования определенных инструментов дают возможность предположить, что перед нами изделия ремесленников-профессионалов. Судя по всему, это были довольно дорогие вещи, относившиеся к предметам роскоши.

При изучение топографии находок чехлов для ложек установлено, что: чехлы (рис. 1; 2, 16) происходят с усадьбы «Е» Неревского раскопа, принадлежавшей в это время богатому боярину, на территории которой жил также зависимый ремесленник; чехол (рис. 1; 17) был найден на территории усадьбы «А» Неревского раскопа, принадлежавшей богатому ювелиру; чехол (рис. 1; 9) — с территории усадьбы Славенского раскопа, где отмечен высокий культурный уровень жизни и следы деревообработки; изделие (рис. 1; 12) — с территории усадеб Троицкого раскопа, в месте обнаружения следов сапожного и сопутствующего производства.

Чехлы для ложек обнаружены также в средневековых слоях Твери [7] и Пскова [8]. Значительно более ранний чехол для ложки найден в тюркском погребении на Южном Алтае [9].

Известны европейские чехлы для ложек XIV в. Один из них происходит из Кельна [10], другой был найден в Стокгольме [11]. По своей конструкции они очень отличаются от новгородских находок. Западноевропейские чехлы сделаны из жесткой кожи, несколько похожи на коробочки и состоят из двух частей. Верхняя часть служила крышечкой и передвигалась по ремешку, концы которого были пропущены через пары попереч-

ных прорезей на обеих частях чехла. Размеры чехла из Столбогольма: 15 x 8 см. Длина закрытого чехла для ложки из Кельца — 10 см. Последний столь короткий потому, что он предназначался для складной серебряной ложки. Длина разобранной ложки была 17 см.

Среди средневековых кожаных находок встречаются изделия, по форме напоминающие чехлы для ложек, но не являющиеся ими, которые составляют вторую группу — чехол для ложки или для наконечника копья.

Из слоев второй половины XIV в. Троицкого раскопа происходит конусовидное изделие (рис. 2; 1), 14,5 x 6,7 см. Оно цельнокроеное и также сшито продольным тачным швом, только наружной в данном случае сделана бахтармая сторона. В отличие же от явных чехлов для ложек, верх этого вместилища собирался на ремешок, пропущенный через частые прорези вдоль верхнего края.

Не исключено, что это кожаное изделие могли использовать и как чехол для наконечника копья. А.Ф. Медведев упоминает кожный чехол для ромбического наконечника копья, найденный в слое XV в. А.Ф. Дубыниным при раскопках в Зарядье в Москве [12].

Третья группа — чехлы для ножниц. На чехлы для ложки внешне несколько похожи одновременные им чехлы для ножниц в раскрытом виде (рис. 2; 4, 5). Как чехлы для ножниц можно определить две новгородские находки. Они однотипны и сделаны из двух половинок, задняя половинка выкроена с клапаном для закрывания. Половинки чехла сшивали простым «накладным» швом, обычно огибая, оторачивая при этом кожаной полоской. Эти особенности указанных чехлов необходимо иметь в виду, поскольку в литературе встречается неправильное определение деталей чехлов для ножниц как чехлов для ложек.

Четвертая группа — чехлы на рабочую часть топора. Два кожаных изделия (рис. 2; 2, 3), по своей форме близких к чехлам для ложек, вероятнее всего, были чехлами (без клапана) на рабочую часть топора с опущенным лезвием. Оба они найдены на Троицком раскопе в слоях XI в. и рубежа XII—XIII вв. Они имеют подтреугольную форму, цельнокроеные и были сшиты так, что оставалось открытое место — этого достаточно, чтобы надеть изделие на лезвие топора. Это предположение, проверенное опытным путем. Соответственно, находки с Троицкого раскопа могут быть самыми ранними чехлами для топоров.

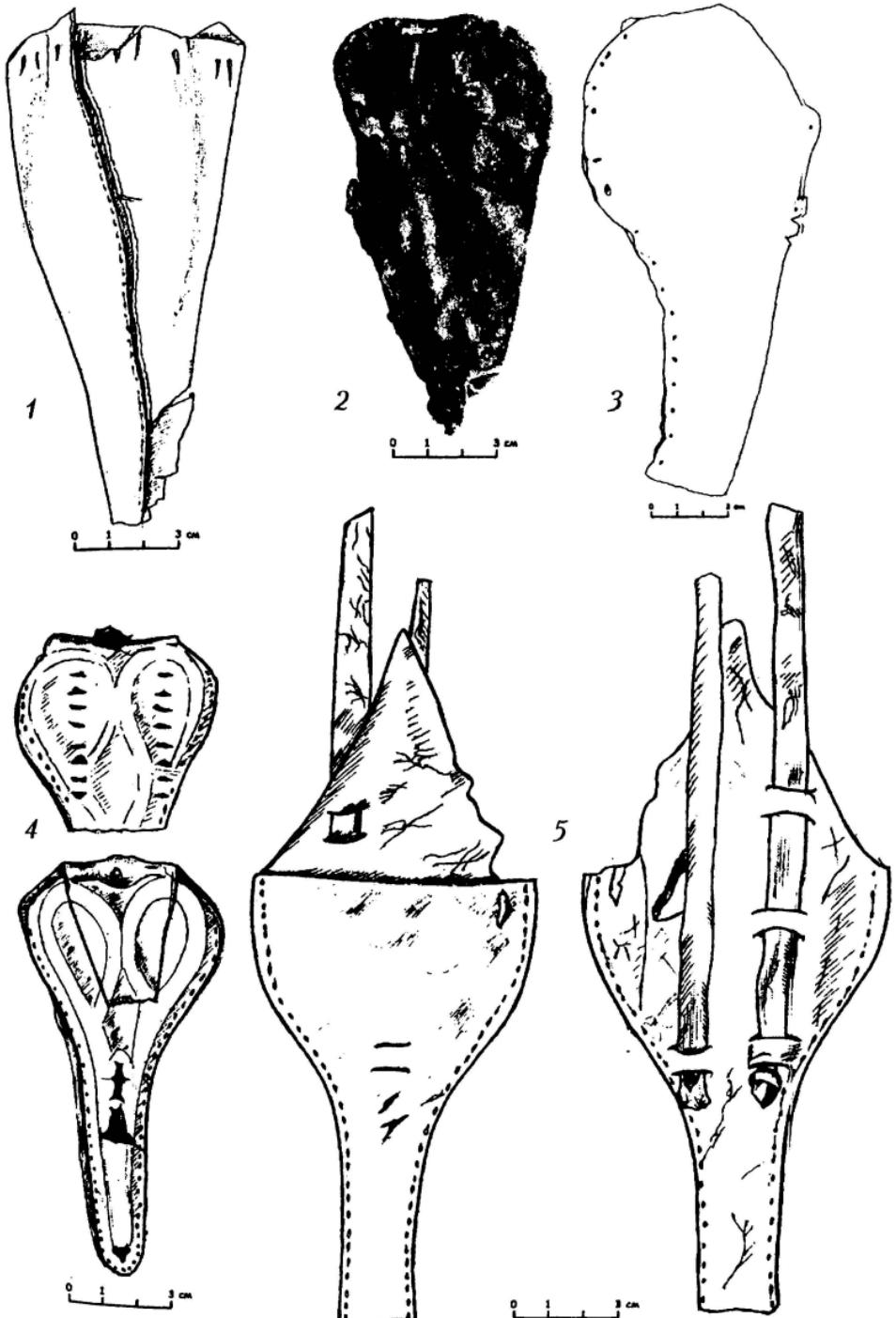

Рис. 2. Кожаные чехлы для ножниц
и на рабочую часть топора

В слоях XIII — XV вв. найдены чехлы для топоров, в которые покрывали уже весь топор и часть топорища и закрывались клапаном.

Таблица распределения кожаных чехлов из раскопов в Новгороде

№	Полевой паспорт: раскоп, (усадьба, ярус) пласт-квадрат пол. №	Музейный шифр	Дата
1.	Неревский ус. Е 10-1350		Первая треть XV в.
2.	Неревский ус. Б 9-1024 № 57		Последняя треть XIV в.
3.	Неревский ус. Е 9-1353		Конец XIV - первая четверть XV в.
4.	Готский 15-112 № 17	НГМ КП 25295/ А 13 – 199	XIV-XV вв.
5.	Славенский 16-21 № 1045, 1097	НГМ КП 25060/ А 19 – 501, 726	1385-1401 гг.
6.	Нутный 15-13 № 43	НГМ НВ 18792/ Пр.к А 72 – 477	1327-1356 гг.
7.	Троицкий +5-1189	НГМ КП 37583/ А 112 – 633	90-е гг. XIV – начало 20-х гг. XV в.
8.	Дубошин 27-13 № 170	НГМ КП 28081/ А 58 – 616	1235?–1256 гг.
9.	Славенский 20-79 № 40	НГМ КП 25060/ А 19 – 725	Вторая четверть XIV в.
10.	Троицкий +5-1051 погреб 1 № 66	НГМ КП 37583/ А 112 – 688	(90-е гг. XIV – начало 20-х гг. XV в.)?
11.	Неревский 13-1252 № 86		40-70-е гг. XIII в.
12.	Троицкий +1-1113. ус. И № 29	НГМ КП 37584/ А 116 – 1102	Вторая половина XIV в.
13.	Троицкий ус. И -3/-4 -1045 № 71	НГМ КП 37583/ А 112 – 1117	Вторая - последняя треть XIII в.
14.	Неревский ус. Б 8-7-983 № 14 (Изюмова С.А., 1959. Рис. 10, 26)		70-е гг. XIV в.
15.	Неревский ус. А 15-165 № 4		10-80 е гг. XIV в.
16.	Троицкий 5-1794 № 35	НГМ КП 44022/ А 195 – 539	90-е гг. XIII - 40-е гг. XIV в.

Примечания

1. Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия / Археология СССР. Свод археологических источников. Ред. Рыбаков Б.А. М., 1968. Вып. Е 1-55. С. 27-29.
2. Мусин А.Е., Степанов А.М. Ложка или лжица? Нахodka 2005 г. на Троицком раскопе в контексте европейской и византийской традиции / Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2007. Вып. 21. С. 107-124.
3. Колчин Б.А., Янин В.Л. Археологии Новгорода 50 лет / Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 84.
4. Похожий, но неорнаментированный чехол найден в Твери (ТАЭ-1985 р.1, уч.Б, пл.7, кв.11).
5. «К поясу, будь он ременной или золотой *привешивались*, как и в предыдущий период, разные необходимые вещи, в том числе нож в ножнах, ложка в чехле, иногда гребень и обязательно сумочки, заменявшие карман». См. Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С. 178.
6. Примечательно, что ложки в кожаных чехлах более ранних, но похожих на древнерусские происходят из погребений древних тюрок Алтая. См. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. С. 56. Рис. 21, 1-4.
- Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великороссского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1866. С. 66: «Чуга подпоясывалась поясом, за который *закладывались* нож и ложка, а на грудь привешивалась перевязь с дорожной сундуком. «...» Чуга — средняя одежда, приспособленная к путешествию и верховой езде. «...» У Флетчера при описании русской одежды она (чуга) поставлена третьим русским платьем; первое зипун, второе, или среднее, узкий кафтан с ножом и ложкой за поясом (под которым англичанин разумел чугу)».
7. ТАЭ-1985 р.1, уч. Б, пл.7, кв.11; ТВ Кр-93 р.9, уч. Г, кв.А-4, пл.29. пользуясь случаем выразить благодарность А.В. Курбатову и сотрудникам археологических фондов Тверского государственного музея за любезно предоставленный материал.
8. Ояцева Е.И. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова / Археологические сообщения Государственного Эрмитажа, Л., 1962. Вып. 4. С. 93. Рис.10, 6 (ПК-1230).
9. Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. Рис. 21, 1-4.
10. В наследии кельнского купца Германна фон Гоха (ум. 1398 г.) упомянута складная серебрянная ложка с кожаным чехлом, украшенным тисненым орнаментом. Поскольку «недавно возникло сомнение в действительной принадлежности предметов наследию Гоха», стоит расширить датировку этих вещей до XIV–XV вв. см. Die Hanse. Lebenswirklichkeit und Mytos. Hamburg, 1989. Bd.2. S. 204–205. Tb. 12. 5, i.
11. Zerpe B. Skor och andra laderforemal / Helgeandsholmen. 1000 ar i Stockholms strom. Stockholm, 1982. S.238. Fig. 209.
12. Медведев А. Ф. Оружие древнего Новгорода (Х–ХV вв.) // Труды НАЭ. Т. II. МИА № 65. М., 1959. С. 130.

*В.А. Маракулин,
г. Екатеринбург*

ЗНАКИ НА ПРЕДМЕТАХ СЕТЕВОГО ЛОВА В СРЕДНЕВЕКОВОМ НОВГОРОДЕ (по материалам Троицкого раскопа)

Поплавки и грузила, обнаруженные в слоях X—XV вв. на Троицком раскопе в Великом Новгороде, составляют принадлежность сетевого лова и относятся к группе рыболовного инвентаря. По мнению исследователей, находки связанные с рыболовством принято считать малоинформационными, поскольку их основной состав заведомо известен. Типологизации, помимо самой общей, они не поддаются и датирующего значения не имеют.¹ В связи с чем в настоящей работе предлагается обратить внимание на знаки, которые встречаются на предметах сетевого лова. Вероятно, это поможет привлечь использование данной группы рыболовного инвентаря в качестве определённого вида источника.

На территории Троицкого раскопа всего выявлено 393 каменных и 166 глиняных грузил, в том числе 12 грузил, на которых обнаружены знаки, из них — 11 каменных и 1 — глиняное. Каменные грузила, как правило, представлены в виде речных галек со сквозным отверстием (рис. 1). Определенная форма грузилу не придавалась, она совпадала с формой камня. Диаметр отверстий колеблется от 3,0 до 9,0 мм. Глиняное грузило имеет шарообразную форму диаметром 3,0 см со сквозным отверстием диаметром 6,0 мм (рис. 2). Все грузила происходят из стратиграфических слоев в хронологическом диапазоне XI—XV века. На территории усадеб, выявленных на Троицком раскопе, они расположены следующим

образом: три грузила обнаружены на усадьбе «А», по два экземпляра — на усадьбах «Е» и «П», по одному экземпляру — на усадьбах «Г», «З» и «С» и два грузила — на мостовой Пробойной улицы (рис. 8).

Кроме грузил к предметам сетевого лова относятся и поплавки. По материалам коллекции Троицкого раскопа изучено 543 поплавка из бересты, в том числе на 145 из них прочерчены знаки. В результате исследования стало очевидным, что на Троицком раскопе среди предметов, содержащих знаки, берестяные поплавки для сетей по количеству составляют наибольшую группу после гончарных изделий.

На площади раскопа поплавки со знаками распределились в нижеследующем порядке: подавляющее большинство обнаружено на усадьбе «В» — 36%, на усадьбе «А» — 11%, на усадьбе «П» — 9%, на усадьбе «Г» — 7%, на усадьбе «Ж» — 5%, на усадьбе «Е» — 4%, на усадьбах «М» и «К» — по 2%, на усадьбах «И», «Р», «О», — по 1% и 6% на мостовых улиц Пробойной и Черницыной. Большинство находок поплавков (93%) происходит из стратиграфических определимых слоев и только 7% не имеет строгой стратиграфической привязки, т.к. они были найдены в напластованиях верхнего перемешанного слоя.

По форме поплавки можно разделить на три типа. В первый тип вошли поплавки из сосновой коры в виде круглых или овальных дисков с отверстием посередине (рис. 3). Второй — составили берестяные скрученные в тугие цилиндры поплавки (83) (скорее всего, посредством термической обработки). Такого вида поплавки до сих пор используются рыбаками Карелии* (рис. 5 на цвет. вкл.). Поплавки третьего типа выполнены из бересты и представлены в форме овала или круга. С одного бока у каждого имелась дырочка для крепления к тетиве сетей. Круглый берестяной поплавок был наиболее распространен (460). Такого типа поплавок состоял из двух-пяти слоев бересты, прошитых лыком по краям и диаметру.² Диаметр круглого поплавка колеблется в среднем от 8,0 до 13,0 см, а размеры овального — от 14,0 x 11,0 до 10,0 x 9,0 см (рис. 4). Важно отметить то, что знаки, о которых мы будем говорить ниже, встречаются только на этом — третьем типе поплавков.

Однако прежде чем говорить о знаках, которые мы будем рассматривать, следует определить, какие вообще категории знаков выделяются исследователями. Как известно, «тамга» — весьма широкое понятие, под которым принято считать практически лю-

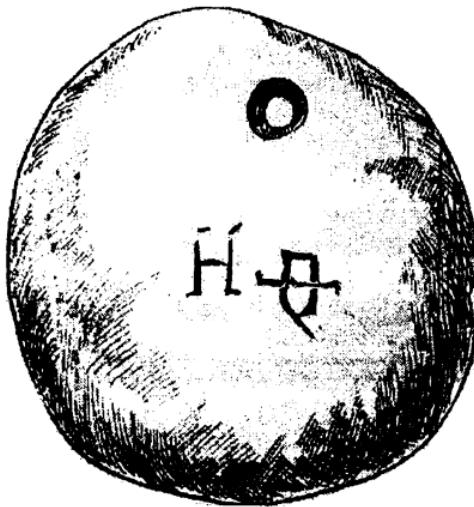

Рис. 1. Грузило (камень)

Рис. 2. Грузило (глина)

бой знак, поставленный на предмете. В частности В.С. Ольховский выделяет восемь функций, которые выполняла тамга, в том числе знак собственности, клеймо мастера, знак семейной принадлежности, оберег.³ В настоящей работе в применении к знакам с Троицкого раскопа в большей части мы будем использовать его в значении знака собственности. Так же дополнительно выделим группу знаков, которые имеют магическое значение.

Знаки на рассматриваемых поплавках по частоте встречаемости и возможности их интерпретации предлагаем разделить на три вида: 1 — повторяющиеся знаки (73), которые встречаются на артефактах два или более раз (рис. 6; 5—10). Они представляют наибольший интерес для исследования, так как по расположению их по усадьбам можно делать выводы о смысловом назначении знака. Таковыми являются, например, знаки Рюриковичей, буквы, знаки в форме пятиконечной звезды и другие; 2 — знаки индивидуальные (23), имеющие законченный характер. Они могут быть представлены правильными геометрическими фигурами, сложными фигурами (рис. 6; 2, 3); 3 — трудноопределимые знаки (49), которые трудно описывать порой из-за незаконченного характера: они находятся на обрывках поплавков и являются не полными, или не имеют четкой осмысленной формы (рис. 6; 4). Возможно, что некоторые из них не являются знаками собственности или

*Сведения получены у рыбака Карелии (Хорин В. Н.)

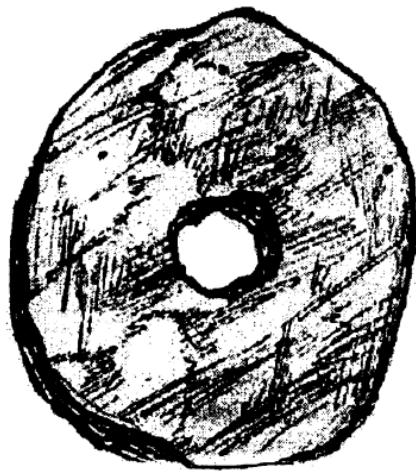

Рис. 3. Поплавок (дерево)

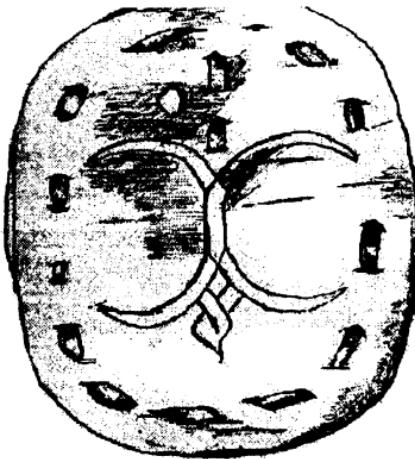

Рис. 4. Поплавок (береста)

имеющими магическое назначение, а всего лишь отметины, полученные вследствие обработки и использования поплавка. Рассмотрим знаки поплавков подробней.

К первому виду относятся поплавки со знаком, который многократно встречается в литературе как знак князей Рюриковичей.⁴ В слоях Троицкого раскопа изображение такого знака обнаружено на пяти поплавках. Во всех случаях знак представлен в виде двузубца. Три из них встречены на поплавках, которые найдены в слоях XV в., (рис. 6; 1 б), один — в слоях рубежа XII—XIII вв. (рис. 6; 1 в) и еще один — сер. 60-х – 70-х гг. XI в. (рис. 6; 1 а). Аналогию последнему знаку можно найти в археологическом комментарии В.Л.Янина к Русской Правде.⁵ По его мнению, подобный знак мог принадлежать Святополку Изяславичу. Данное предположение подтверждается и датировкой нашей находки, а как известно Святополк Изяславич правил в Новгороде именно в это время — 1078–1088 гг. Поплавки найдены соответственно на территории усадеб «П», «И», «А». Вероятно, в этих усадьбах проживали люди, занимавшиеся княжеским хозяйством. Не исключено, что эти поплавки, в равной степени, как и другие предметы с подобными знаками могли служить своего рода верительными грамотами, которые князья давали своим посадникам или пометкой собственности князя.⁶

Большой интерес в этом виде знаков на поплавках представляют условно обозначенный нами знак «лодка» (рис. 6; 5). На всех

поплавках он имеет один и тот же вид. При поисках аналогий выявлено, что пока этот знак встречен только на Троицком раскопе и только на территории усадеб «А» и «П». На усадьбе «А» поплавки с этим знаком датируются 10–60-ми годами XII в.. Что касается усадьбы «П», то поплавки с таким знаком были найдены в самых верхних слоях. Интересно, что знак «лодка» присутствует именно в тех усадьбах, в которых были обнаружены княжеские знаки. На усадьбе «П» они практически совпадают хронологически. Отсутствие данного знака в других усадьбах указывает на то, что он является именно знаком собственности.

Знак, обозначенный нами условно как «песочные часы» (рис. 6; 6) имеет три варианта: исходный (рис. 6; 6 а), с включением «У» (рис. 6; 6 б) и с добавлением внутри него ромба (рис. 6; 6 в). Важно отметить, что данный знак на поплавках встречается не только на Троицком раскопе. Так, на Неревском раскопе он изображен на поплавке с дополнительной чертой посередине.⁷ Поплавок с «песочными часами» (исходный вариант) содержится в экспозиции Старорусского музея (2008 г.). Кроме того, его можно встретить на монете из Тимревского клада в надписи «Бог».⁸ Возможно, встречаемость такого знака на других территориях свидетельствует о том, что он скорее выполняет роль магического действия, нежели знака собственности.

Магической функцией, на наш взгляд, обладает и следующий знак, условно именуемый нами как «пятиконечная звезда». Поплавков с этим символом на Троицком раскопе найдено восемь экземпляров. Распространение его в Новгороде и Новгородской земле достаточно широко. Встречаются они и на других раскопах Новгорода.⁹ Поплавок с «пятиконечной звездой» также можно встретить и в экспозиции Старорусского музея (2008 г.).

Пожалуй, самым популярным знаком является знак «N» или «И» — знак имеет и то, и другое начертание. Восемь поплавков с начертанием «N» и пять с начертанием «И». Такой знак можно встретить не только на поплавках, но и на предметах различных по функциональной значимости, выполненных из бересты, дерева, глины, железа, встреченных, практически, на всех усадьбах Троицкого раскопа. Кроме того, эти знаки присутствуют и на грунзилах. Не исключается факт того, что этот знак является первой буквой имени самого популярного святого в Новгороде — Николая и призван быть защитным знаком (оберегом).

Все рассмотренные выше знаки встречаются в достаточно большом количестве, но есть знаки, которые повторяются лишь 2-3 раза.

К ним относится знак «Z» (рис. 6; 7), который встречается в расположенных по соседству усадьбах «З» и «М». Возможно, данный знак является знаком собственности для названных усадеб. Вполне вероятно, что сообщество живущих на соседних усадьбах людей было не родственным, а соседским. Соседи были связаны единым хозяйственным интересом.

Определенный интерес представляет знак, напоминающий «птицу» (рис. 6; 8). Поплавки с этим знаком расположены в усадьбах: «А», «В», «К», «М». Заметим, что усадьбы «А» и «В», также как и усадьбы «К» и «М» могли быть связаны между собой соседскими узами, на что указывает присутствие именно в этих парах усадеб одинакового знака в виде «птицы» на поплавках. Вместе с тем внешний вид знака все же позволяет думать, что он мог привлекаться и как магический.

Условно обозначенный знак «птичья лапа» (рис. 6; 9) встречается на территории усадеб «К» и «М», а также при раскопках мостовой на Пробойной улице. Если говорить о поплавках на усадьбах, то артефакты с данным знаком, видимо, принадлежат к вещественному комплексу только этих усадеб. Усадьбы находятся по соседству и возможность родства между ними очень велика. Скорее всего, данный знак можно охарактеризовать как знак собственности владельцев усадеб «М» и «К».

Условно названный знак «крючки» найден на территории усадьбы «Г» (рис. 6; 10), где обнаружено три поплавка с данными знаками. Их уникальность состоит в том, что они присутствуют только на этой усадьбе и более нигде не встречаются. В связи с чем, их можно интерпретировать как знак собственности владельцев этой усадьбы. Обращает на себя внимание еще один факт. Усадьба «Г» не имеет общих с другими усадьбами знаков на поплавках, вскрытых на Троицком раскопе. Более того, здесь был найден поплавок, помеченный восьмиконечной звездой, встреченный только на этой усадьбе. Вероятно, ее жители не принадлежали к родственной, соседской или профессиональной группе жившей на соседних усадьбах.

Небезынтересным являются поплавки, помеченные одной или несколькими буквами. Таких поплавков найдено пять, все они локализованы в пределах усадьбы «А». На трех из них прочерчена буква «М». На одном из них к этой букве добавляется еще одна — «В». Отметим, что хронологически эти находки совпадают со временем проживания на этой территории клана Мирошкиничей (ко-

нец XII — первое десятилетие XIII вв.).¹⁰ Возможно буква «М» как раз и указывает на принадлежность данных вещей кому-то из этого клана.

Усадьба «В» практически не была задета раскопками, но, тем не менее, принесла весьма внушительный по количеству материал. Только на двух квадратах Троицкого IV было найдено 43 поплавка со знаками, причем среди них встречаются практически все вышеперечисленные повторяющиеся знаки. Почему такая встречаемость? Можно предположить два варианта: либо в данное время (10-е — 90-е гг. XIII в.) здесь находилась свалка, куда выбрасывались поплавки со всех ближайших усадеб. Либо эта усадьба использовалась как единая производственная площадка, где поплавки производились, и где хранились все сети, либо это было место мастера-профессионала, который занимался починкой и переоснасткой сетей.

Хотелось бы вернуться к тому, что большая часть поплавков со знаками составляет третий тип берестяных поплавков с дырочкой для крепления к тетиве сетей. Можно предположить, что предметы данного типа могли выполнять функции не только поплавка, но и служить бирками для пометки сетей. Такие бирки сохранились до сих пор и используются рыбаками Карелии. Однако в последнее время вместо бересты используются более долговечные синтетические материалы.

В отличие от знаков на поплавках знаки на грузилах можно разделить на два вида: повторяющиеся и индивидуальные.

К первому виду относятся грузила со знаком «Н» «И» по одному с первым и вторым начертанием. Они найдены на усадьбах «С» и «Е» соответственно.

На территории усадеб «А» и «П» были найдены грузила с процарапанной кириллической «Н». На грузиле с усадьбы «А» к «Н» добавляется Фита (рис. 7; 1).

К повторяющимся знакам можно также отнести знак в виде креста. На рассматриваемых артефактах он встречается 4 раза и имеет 2 варианта: «прочерченный крест» (рис. 7; 2) и «объемный крест» (рис. 7; 3). Грузило с «объемным крестом» найдено на мостовой Пробойной улицы. Грузила с «прочерченным крестом» обнаружены на территории усадеб «А», «Е», «П», причем в случае с грузилом с усадьбы «А» крест вписан в «особую систему знаков».

Ко второму виду мы можем отнести грузило с усадьбы «Г» со знаком, изображающим рыбу (рис. 7; 4), имеющим магический ха-

рактер; скорее всего начертание его должно привлечь рыбу в сеть, на которой было привешено грузило.

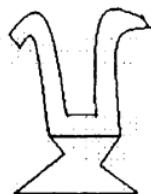
Грузило со знаком в виде «якоря» (рис. 7; 5) так же встречается один раз: на территории усадьбы «А». Интересно, что подобный знак не был встречен ни разу на поплавках с данной усадьбы.

На мостовой Пробойной улицы было найдено грузило со знаком в виде «стрелы» (рис. 7; 6). Из-за одиночного характера находки, а так же невозможности отнести его к знаковой системе той или иной усадьбы трудно говорить об его смысловом назначении.

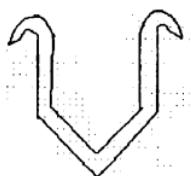
К категории индивидуальных знаков можно так же отнести грузило со знаком в виде буквы «П», однако по характеру начертания знака нельзя однозначно сказать, что он имеет значение именно буквы.

Обилие поплавков для сетей, а так же находки грузил на Троицком раскопе, естественно подчеркивает важную роль в хозяйстве средневековых новгородцев такой отрасли, как рыболовство. Наличие же знаков на предметах сетевого лова свидетельствует об имущественной дифференциации отдельных групп населения и стремлении индивидуализировать принадлежащие им вещи. На основе рассмотренных знаков, мы можем говорить, что на территории соседних усадеб проживали люди князя и боярский клан. В тоже время нахождение поплавков с одинаковыми знаками в различных усадьбах еще раз доказывает несомненное родство их владельцев. Знаки на поплавках с усадьбы «В» позволяют сделать вывод, что большинство вскрытых на Троицком раскопе усадеб объединялись в единую общину. То, что знаки, встретившиеся на поплавках из усадьбы «Г», не имеют аналогий со знаками других усадеб, указывает на ее оторванность от данной общины.

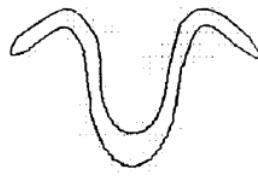
Рассмотрев знаки на берестяных поплавках из Троицкого раскопа Новгорода, мы можем сказать, что данные многочисленные находки могут выступать в качестве вспомогательного источника по изучению истории древнего Новгорода.

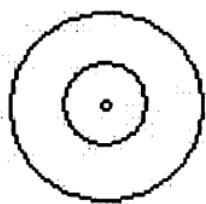
1а

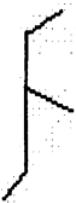
1б

1в

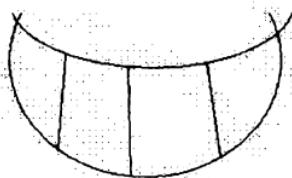
2

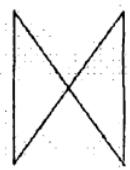
3

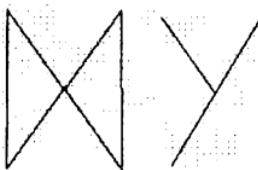
4

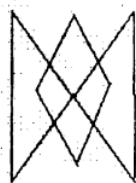
5

6а

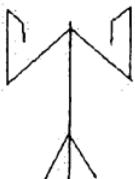
6б

6в

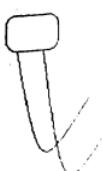
7

8

9

10

Рис. 6. Знаки на поплавках

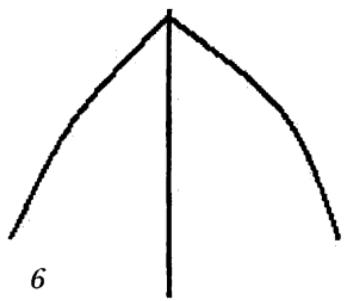
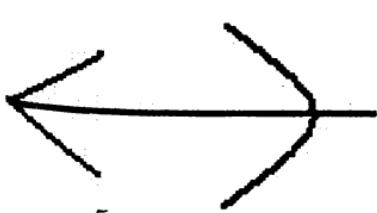
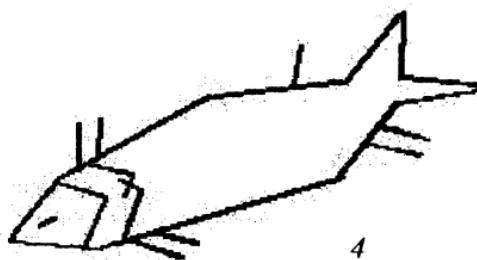
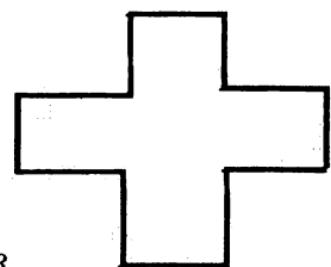
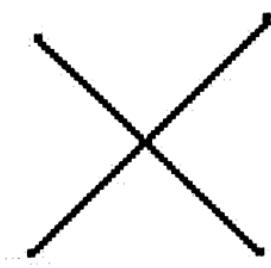

Рис. 7. Знаки на грузилах

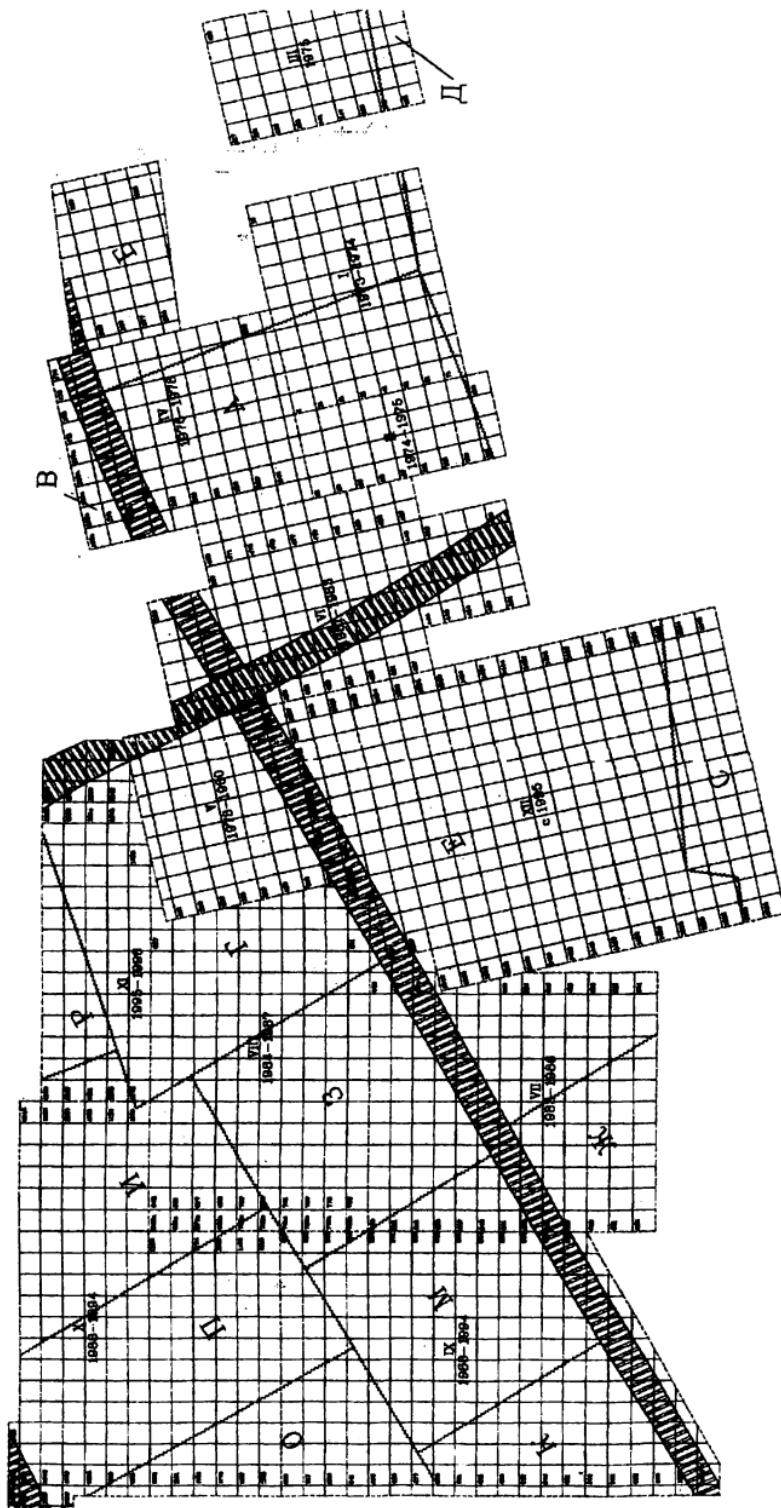

Рис. 8. План Троицкого раскопа (I-XII)

Примечания

1. Салмина Е.В. Возможности реконструкции экологической ситуации по комплексам рыболовного инвентаря (на материалах раскопок в Пскове и Псковской земле) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. 1996. С.194.
2. Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968. С.22.
3. Ольховский В.С. Тамга (к функции знака). Историко-археологический альманах. № 7. Армавир. 2001. С. 85-86.
4. Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X—XVвв.
5. Янин В.Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник 50 лет раскопок Новгорода. Новгород. 1982. С. 151. Рис. 9.
6. Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. С.А. 1940. VI. с. 239.
7. Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968. рис. 13.
8. Седых В.Н. Монетные находки в Тимерево в контексте нумизматических данных территории Северной Руси // Труды по русской истории. Сборник статей в память о шестидесятилетии Игоря Васильевича Дубова. М. 2007. С.243. рис. 7—9; рис 8; С. 251. рис. 10.
9. Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968. рис. 13
10. Тихомиров М.Н., Древнерусские города, М., 1956. с. 163—164.

*В.К. Синх
г. Москва*

ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА

Плотницкое ремесло известно с древнейших времен. Археологические находки и историко-архивные исследования показывают, что комплект инструментов для этих работ по своему набору, внешнему виду и назначению сохранялся до наших дней с незначительными изменениями. Происходило усовершенствование формы, материала, из которого он выполнен, расширялся их перечень.

Производственных комплексов в виде мастерских раскопано слишком мало. По наблюдениям Б.А. Колчина на Неревском раскопе были открыты мастерские токарей по дереву, бондарей, гребенников, ложкарей, резчиков посуды [1]. Кроме того, изготовление многих бытовых предметов из дерева, несомненно, имело место на большинстве усадеб.

Деревообрабатывающий инструментарий в новгородской археологической коллекции представлен всеми видами режущего и рубящего инструмента всех веков. Специализированные кузнецы изготавливали для плотников, столяров, токарей и других ремесленников по дереву высококачественные стальные инструменты. В новгородской коллекции инструментария представлены: топоры, тесла, пилы, долота, сверла, скобели, стамески, резцы токарные, резцы для художественной резьбы и другие инструменты.

Топоры. Топор был основным орудием производства плотника во все времена. В архивных документах встречаются следующие названия и характеристики топоров: широкий топор, топоры мастеровые, древосечные топоры, топоры большой руки, средние топоры, одноручные добрые, топоры ручные маленькие острые [2].

Топоры мастеровые использовались для мелких отделочных работ. Древесечные топоры употреблялись на сечку или рубку дров. По размеру топоры делились на большой, средней и малой руки, по форме же они были близки друг другу.

Топор состоит из клинообразного куска железа со стальной на-варкой в нижней колющщей части, называемой лезвием. Верхняя часть топора — обух — делался массивным и имел круглую или треугольную проушину, в которую плотно насаживалась деревянная рукоять — топорище. Лезвие заострялось под тупым углом (для увеличения колющщей силы инструмента). Топор применяли не только профессионалы-ремесленники и строители, им широко пользовался почти каждый житель города и деревни. Нередко топор служил и боевым оружием. Рабочий топор имел большое разнообразие форм и размеров. Нет единого мнения среди исследователей, интерпретирующих назначение различных типов топоров. Вероятно, все типы топоров употреблялись для разных видов работ: массивные топоры можно считать лесорубными и плотницкими, а более легкие топоры меньших размеров — столярными и бондарными.

Топоры в новгородской коллекции являются одной из самых массовых категорий инструментов и насчитывают более 350 экземпляров. Некоторые из них имеют деревянные рукояти. Большая часть топоров найдена во фрагментированном виде. Все топоры можно разделить на три основных типа, их переходные, а также индивидуальные формы по типологии Б.А. Колчина [3].

Первый, самый ранний тип топора, имеет массивное широкое опущенное лезвие с выемкой и проушной обух с одним внутренним выступом. Для тонких бондарных, токарных и столярных работ делались более легкие топоры этого же типа, но с меньшим лезвием. Существует 2 варианта топоров данного типа: с выгнутой (рис. 1-1) и прямой спинкой (рис. 1-2). Топоры первого типа применялись в X и XI вв. и дожили до середины XII в.

Во второй половине XII в. возникли две переходные формы топора. У одной из них, продолжавшей конфигурацию первого типа, выем в лезвии значительно уменьшился и внизу выема появился бородок (рис. 1-3,4). Топоры другой переходной формы имеют симметричные лезвия и облегченный обух. Этот вид топора стал основой для формирования второго типа топоров, широко бытовавших в XIII—XI вв.

У топоров второго типа было симметричное лезвие, более легкое и узкое, чем у топора первого типа, и облегченный круглый

обух (рис. 1-6). Топоры данного типа появились в XIII в. и бытовали до конца XIV в. Среди этих топоров было выявлено два экземпляра, на лезвиях которых были зафиксированы клейма. На обеих сторонах лезвия одного топора имеются клейма в виде буквы «N» (рис. 1-5), на втором — две параллельно загнутые спирали в виде буквы «S». Оба топора найдены в слое конца XII в.

Во второй половине XIV в. топоры второго типа заметно утяжелились, лезвия стали более асимметричными, обух — массивнее, и на нем появилась плоская (или приближающаяся к плоской) верхняя площадка, но само лезвие топора сделалось меньшее. Эта форма топора выделяется в третий тип (рис. 1-7, 8).

Кроме топоров перечисленных типов, найдены 3 топора индивидуальных форм. В слое конца первой половины XI в. обнаружено 2 топора, тип которых иногда встречается в дружиных курганах IX—X вв. (рис. 1-9, 10). Это топоры удлиненной формы, с узким лезвием и щекавицами на обухе. В слое первой половины XIII в. встречено несколько топоров II типа с гранёным обухом.

Интересными являются три обломка лезвийной части топора, которые были использованы вторично и имеют следы обивки в месте облома лезвия. Они найдены в слое второй половины XIII в. Вероятно, эти обломки топоров могли использоваться в качестве зубил или клиньев.

Топорища (рукоятки) — длинные и прямые (а не изогнутые, как современные), на конце утолщённые, чтобы не выскакивали из рук. Для топорища выбирали прямую берёзовую плаху без сучков. Длина топорища была различной, потому что зависела от роста плотника: плотник, поставив топор на землю вертикально около своей ноги, свободно опущенной рукой мог взять в кулак утолщённый конец топорища. Длинное топорище, являясь, по сути, рычагом, позволяло плотнику тратить меньше сил.

На книжных миниатюрах и иконах XVI—XVIII вв., фрагментарно изображающих сцены строительства, топоры показаны именно такие: лезвие короткое, дугообразное, а топорище длинное и прямое (рис. 3) [4].

Тёсла. Вторым по значению универсальным орудием для обработки древесины было тесло. Плотники употребляли его для выдалбливания желобов, пазов и вытеснения всевозможных выемок в бревнах. Тесло незаменимо при изготовлении долблёной посуды: корыт, братин, ковшей. Бондари использовали его при чёрновой обработке вогнутых поверхностей клепок [5].

В Новгороде бытовало три типа тёсёл — большие проушные с горизонтальной втулкой и широким лезвием (*тип I*); втульчатые с коленчатой рукояткой для изготовления долблённой и резной посуды (*тип II*) и широкие массивные втульчатые тёсла, насаживаемые на длинную прямую рукоятку для изготовления кадок-долблёнок, корыт, колод и т.д. (*тип III*).

Тёсла *I типа* всегда имели массивные размеры и использовались для трудоёмких работ (рис. 1-11). Они насаживались на длинную прямую рукоять. Исследователи отмечали сложность разделения орудий этого типа на почво- и деревообрабатывающие, но по отдельным признакам в большинстве случаев это можно сделать с достаточной долей уверенности. Так, орудия, предназначенные для тёски и выдалбливания разнообразных выемов, как правило, имеют лезвие, отходящее к рукояти под острым углом к её оси. Проушные тёсла представлены тремя экземплярами, найденными в слое XIII в.

Втульчатые тёсла *II типа* предназначались для мелких работ, были более лёгкими и очень часто делались с фигурным лезвием (рис. 1-12, 13). Как правило, такие лезвия закреплялись на коленчатой рукояти и использовались для изготовления долблёной и резной посуды, ложек и подобных изделий. Все тёсла конструктивно одинаковы и имеют в верхней части цилиндрическую или коническую втулку, в которую вставлялась рукоять, а в нижней рабочей части — прямое или загнутое лезвие, всегда заточенное с внутренней стороны. У большинства тёсёл этого типа лезвия имеют специальные бортики для выборки пазов определенных размеров. Некоторые тёсла имеют коленчатые деревянные рукоятки. Длина тесел колеблется в значительных интервалах — от 6 до 18 см. Ширина лезвия — от 3 до 7 см. Режущие лезвия этих тесел в зависимости от объектов обработки изготавливались прямолинейными, полуovalьными и полукруглыми. Время бытования данного типа тёсёл довольно широкое и охватывает период со второй половины X в. до XV в.

Втульчатые тёсла *III типа* были массивными, как правило, с прямым лезвием и насаживались на прямую рукоятку (рис. 1-14). Теслом с прямым лезвием можно выполнять те же операции, что и топором. Но в отличие от топора им можно тесать древесину в малодоступных местах: во всевозможных углублениях и впадинах. Удар, наносимый теслом, бывает зачастую точнее, чем топором, но сила его значительно слабее.

Долота. Долото — инструмент для долбления пазов и разных выемов в дереве. Основным типом долота, бытовавшим в Новгороде в X—XV вв., являлось цельнометаллическое долото (рис. 2-1). Их насчитывается 114 экземпляров. Оно представляло собой металлический четырехгранный стержень с лезвием на одном конце и обухом на другом. Конструкция лезвий у всех древнерусских долот абсолютно аналогична современному долоту. Вытянутое лезвие со скошенным углом и немного оттянутой режущей гранью было конструктивно наиболее рациональным для долбления дерева. По долоту ударяли деревянным чекмарем или деревянной киянкой.

Среди цельнометаллических долот можно выделить несколько индивидуальных форм. У одного из них в верхней обушковой части четырехгранный стержень переходил в круглый цилиндр (вторая половина XII в.) (рис. 2-2), а у другого — в восьмигранник (вторая половина XIV в.). Кроме того, в слое второй половины XII в. было найдено 2 фигурных долота (рис. 2-3). Одно из них представляло собой длинный (47,6 см), тонкий, круглый в сечении стержень, имеющий на рабочем крае лезвие с загнутыми бортиками.

Помимо цельнометаллических, в Новгороде было найдено 3 так называемых шиповых втульчатых долота (рис. 2-4). Верхняя часть долота имеет форму трубки, в которую вставлялась деревянная рукоятка с железным кольцом в верхнем конце. Форма лезвия аналогична долотам I типа.

Скобели. В плотницком деле скобели применяют для строгания бревен после обработки их топором и теслом, а также для снятия с бревен остатков коры после черновой окорки (обдирки) ее топором. В бондарном деле скобели используют для продольного строгания клепок [6]. Они сменяют топор и тесло после того, как исчерпываются их возможности. Поверхность древесины после ее обработки скобелем отличается достаточно высокой чистотой.

Скобелем также убирали с тёсаной поверхности оставшиеся после обработки топором и теслом волны и доводили поверхность до идеально гладкой. Выскабливали стены, кровельный тёс, дверные и оконные косяки, полотна дверей и ставен. Прямые поверхности скобили прямым скобелем, круглые углы в интерьере — круглым. Косяки дверных и оконных проёмов, дверные полотна, доски и т.д. выскабливали вдоль волокон древесины, стены же — под углом около 60° к оси бревна. В связи с тем, что брёвна стен

имели в той или иной мере наклон волокон, их скобили в две стороны: полбревна — в одну сторону, полбревна — в другую [7].

Скобели, представлявшие собой дугообразные ножевидные лезвия с двумя поперечными ручками на концах, конструктивно все были однотипными и различались лишь размерами. Режущая часть скобеля изготавлялась с дугообразным (рис. 2-7) или прямолинейным (рис. 2-6) лезвием, у большинства скобелей режущее лезвие было дугообразным. Такая конструкция скобеля, появившаяся в IX в., дожила без каких-либо изменений до современности. Ширина дуги скобеля колебалась в пределах от маленьких в 5 см до больших, размером в 15 см. Тонкие стальные лезвия имели очень маленький угол резания, 8–10°, что обеспечивало инструменту при надлежащей заточке большую остроту [8]. Три скобеля, найденных в Новгороде, имели деревянные рукоятки. На одном из них у деревянных ручек в нижней внутренней части имелся небольшой полукруглый выем для указательного пальца руки [9]. Датируются они широким хронологическим периодом со второй половины X в. до второй половины XIV в.

Среди скобелей выделяется один экземпляр, имеющий несхожую с другими форму. Он представляет собой дугообразную заостренную пластину одинаковой ширины без отходящих от неё членков. С одной стороны пластина имеет круглое отверстие. Судя по всему, этот инструмент стал скобелем в результате вторичного использования.

Среди изобразительных источников существует единственный рисунок данного инструмента. Это миниатюра из жития Сергия Радонежского конца XVI в. Плотник сидит верхом на обрабатываемом бревне и держит скобель за обе ручки (рис. 3) [10].

Струги. Для строгания больших широких площадей применялись специальные инструменты — струги (рис. 2-5). Они представляли собой длинные прямолинейные лезвия длиной в 30–35 см с рукоятками по краям, как у скобеля. Ширина лезвия стругов колебалась в пределах 3 см, толщина не превышала 0,3 см.

Бондарные скобелки. Для выравнивания внутренних поверхностей бондарной посуды, особенно в стыках клепок, бондари применяют специальные бондарные скобелки. В отличие от скобеля, скобелка имеет одну ручку. Благодаря этому ею можно снимать тончайшую стружку в малодоступных местах внутри узкой бондарной посуды. При раскопках в Новгороде найден всего один подобный инструмент в слое конца XIV в. (рис. 2-9).

Наструги. Инструменты с деревянной колодкой для более чистого строгания (рис. 2-8). Их найдено 2 экземпляра в слое первой половины XIII в. Лезвие наструга похоже на маленький прямо-лезвийный скобель с отходящими вверх ручками. Это лезвие вставлялось ручками в деревянную колодку и закреплялось клиньями, фиксируя, таким образом, необходимую толщину стружки.

Разметка (чертилка). Разметка — самый распространённый инструмент для прочерчивания на поверхности древесины параллельных прямых или кривых линий с целью последующей отёски или распиловки брёвен и строительных деталей. Для этого аккуратно, по нитке, отёсывали кромку одной доски. Прикладывали к этой кромке следующую доску и, плотно прижимая черту к выпрямленной кромке, процарапывали, прочерчивали металлическим остриём глубокую параллельную царапину на прилегающей доске или примыкающей конструкции. По этой царапине-чертёже отёсывали примыкающую кромку. Чертой прicherчивали брёвна для выборки продольного паза, чтобы добиться плотного примыкания брёвен в стенах, чашу в брёвнах перед её чистовой обработкой. Чертой отмечали места соединения элементов и делали другие пометы, которые теперь плотники отмечают карандашом.

Рабочие края инструмента заканчивались двумя острыми зубьями, шаг которых на разных сторонах был неодинаковым [11]. В Новгороде встречены чертилки как с одним (рис. 2-10), так и с двумя (рис. 2-11) рабочими краями. Одна разметка имеет деревянную рукоятку. Разметки встречены в слоях второй половины XII в. — второй половины XIV в.

Ложкарные резцы. Этот инструмент использовался для обработки объёмных изделий, в частности для изготовления ложек (рис. 4-1,2,3). При раскопках в Новгороде найдено 32 таких резца. Они имеют разные размеры, колеблющиеся от 13,2 до 20,5 см, но однотипны по своей конструкции. Инструмент имеет закруглённую рабочую часть, заточенную с обеих сторон. Стержень резца переходит, как правило, в широко расплющенный черенок, завершающийся иногда ромбовидным острием, на который насаживалась деревянная рукоять.

Основная часть ложка концентрируется в слоях второй половины XII в. — второй половины XIII в. Один ложкарный резец найден в слое второй половины X в. и отличается мощной рукояткой и сравнительно маленьким лезвием. Исключительным является ложкарный резец, найденный в слое первой половины XI в.,

отличающийся от остальных квадратным щитком в центре рукоятки и крестовыми орнаментами, которые покрывают рукоять (рис. 4-3).

Фигурные резцы. Фигурные ручные резцы типа клюкарзы использовались для резьбы по дереву (рис. 4-4,5). Клюкарза – это резцы с изогнутыми полотнами с короткой частью на конце. Рабочая часть клюкарз была разной ширины и формы. Они применялись для выполнения горельефной, барельефной и объемной резьбы, для выемки древесины в труднодоступных местах и для зачистки фона в рельефной резьбе [12]. Такая форма резца была очень функциональна и сохранилась без особых изменений у современных клюкарз. Основная часть этих инструментов концентрируется в слоях первой половины XI–XII вв. В связи с этим необходимо отметить, что именно в этот период встречено наибольшее количество деревянных предметов, покрытых разнообразными резными узорами и орнаментами.

Стамески. Стамеска – ручной режущий инструмент (рис. 4-6, 7). Используется для выборки небольших углублений в древесине, зачистки пазов, снятия фасок. Стамеска состоит из лезвия и ручки, иногда снабженной колпачком для предохранения от раскалывания при ударах. По назначению стамески делятся на столярные и стамески для резных и токарных работ. Первые бывают прямыми и полуциркульными, вторые – также фигурными. Они представляют собой плоское небольшое лезвие, переходящее в черенок для деревянной рукояти. Длина стамесок 14,5 см, ширина лезвий – 1,8 и 2,2 см. Лезвия заточены с одной стороны. Стамески найдены в слое второй половины XII века.

Уторники. Специализированный бондарный инструмент (рис. 4-8, 9). Уторник – инструмент для нарезки узоров – узких желобков на внутренней поверхности бондарной посуды, в которые вставляют днища.

В бондарном производстве, широко распространенном в Новгороде, имеется специализированный инструмент – уторная пилка – для изготовления узоров (пазов) в клёпках, в которые вставляются днища. Всего в Новгороде найдено 3 таких инструмента. Их главной рабочей деталью является небольшое лезвие – пилка, которая и вырезает узоры.

Пилы. С античных времен в Европе пила являлась одним из главных плотницких инструментов. В России же, особенно в ее северных областях, богатых лесом, пила, вплоть до XVII в., была,

скорее, вспомогательным инструментом, применяясь только для столярных и мелких плотницких работ. Дело в том, что пила, разлохмачивая волокна древесины, значительно снижает долговечность постройки. Поэтому большинство наиболее значительных деревянных построек на Руси было создано без использования пилы.

Все это не значит, что средневековая Русь вообще не знала пилы. При раскопках на многих древнерусских поселениях были найдены обломки разнообразных пил: одноручных, типа ножовок, и двухручных лучковых. Разница между этими пилами заключается том, что у пил-ножовок вытягивался черенок, на которую насаживалась рукоять, а у лучковых пил на концах полотна загибались петли для крепления к раме. Полотно такой пилы могло использоваться только натянутым на деревянной раме (иначе оно бы просто сломалось), однако деревянные детали лучковых пил до наших дней, к сожалению, не сохранились.

Новгородская коллекция пил является самой многочисленной (34 экз.) и представлена всеми известными типами. Наиболее распространённым типом является одноручная ножовка (рис. 4-10, 12). Их в Новгороде насчитывается 32 экз. И всего 2 пилы относятся к типу лучковых (рис. 4-11). Самая ранняя пила была найдена в слое конца X в., а самая поздняя относится к концу XIV в. Но наибольшее количество пил всё же сконцентрировано в напластованиях домонгольского периода.

Свёрла. Для изготовления круглых отверстий в дереве, а также в других материалах в Древней Руси широко применялись свёрла. Одновременно существовали и применялись два типа свёрел. Основной тип — это перовидные свёрла (рис. 4-13, 14) и другой тип — спиральные (рис. 4-15). Свои наименования они получили по названиям современных типов свёрел использующихся в первую очередь в деревообработке.

Коллекция свёрел, собранных при раскопках в Новгороде, является самой многочисленной и наиболее представительной на территории Древней Руси. В каждом сверле различают стержень, хвостовик и рабочую часть. Стержень может иметь разную длину; от его длины зависит возможная глубина сверления. Практически у всех свёрел стержень имеет круглое сечение. Очень редко встречаются свёрла с четырехгранными стержнями. Хвостовиком называется верхняя, обычно уплощенная часть стержня прямоугольной, квадратной или пирамидальной формы, которой сверло

закреплялось в деревянной или костяной рукоятки. Для свёрел с таким типом крепления рукоятки чаще всего использовали естественную конфигурацию дерева с отходящим сучком. Такие рукоятки найдены при раскопках в Новгороде [13]. Кроме хвостовиков с вертикальным типом крепления, иногда встречаются петлевидные хвостовики для горизонтальной рукоятки.

Рабочая часть первовидного сверла имеет вид удлиненного корытца с острыми краями, оканчивающегося заостренным жалом. При помощи жала сверло внедряется вглубь древесины и, кроме того, центрируется. Однако иногда встречаются первовидные свёрла, у которых край не заострен, а имеет округлое завершение (ложковидные свёрла). Обе кромки желобка заточены на всю длину, но, как правило, одна сторона является режущей, а вторая кромка служит направляющей [14]. Такое сверло работает при вращении в одну сторону. Ложечное сверло работает при нажиме на него сверху. Оно не приспособлено для выбрасывания стружек, и для очистки от стружек приходится вынимать сверло из отверстия. От этого снижается производительность резания. Ложечное сверло применяют для высверливания отверстий под нагели. Недостатком первового сверла является отсутствие направляющего центра.

По длине сверла колебались в широких пределах — от маленьких в 10 см до массивных в 40 см. Угол заточки лезвия пера равнялся в среднем 30° [15]. Первовидные свёрла бытуют на территории Новгорода со второй половины X в. до начала XV в., не претерпевая особых изменений в форме.

К первовидным относятся и маленькие свёрла-дрели с лучковым приводом (рис. 2-15). Такие инструменты использовались для получения отверстий малого диаметра (1-4 мм). Эти свёрла представляют собой небольшой тонкий стержень с плоским щитком в середине. Очень часто в верхней и нижней части щитка прочерчен линейный орнамент, а между ними помещался знак в виде буквы «Х». На щиток надевалась приводная катушка, которая, в свою очередь, соединялась со струной маленького лука [16].

Сpirальные сверла более совершенны по своей конструкции. У них вместо ложковидного лезвия делалась спираль в один или несколько оборотов с острой режущей гранью. Такая конструкция лезвия предусматривает вывод стружки, в результате чего отверстие не забивается при сверлении стружкой и имеет чистые ровные стенки. Все сверла имеют правую спираль режущего лезвия,

т.е. при сверлении мастер вращал сверло по часовой стрелке (как и в настоящее время).

Стоит отметить, что многие древнерусские молотки-гвоздодёры на концах металлических рукояток имеют спиральное сверло, также имеющее режущую грань. По всей видимости, их также могли использовать в качестве свёрел, а рабочая часть молотка выполняла роль горизонтальной рукоятки.

Все перечисленные выше типы свёрел в большом количестве встречаются при археологических раскопках на самых разных памятниках Древней Руси, Западной и Северной Европы. Однако при раскопках в Новгороде было найдено несколько экземпляров спиральных свёрел, аналогий которым пока не обнаружено. Они отличаются от всех прочих типов свёрел способом крепления рукояти. Если у большинства инструментов он является черешковым, то 4 сверла, происходящие из Новгорода, имеют втульчатое крепление (рис. 4-16, 17). Три из них были найдены на Готском раскопе в слое XV в. и одно на Торговом раскопе в слое второй половины XIV в. Они представляют собой полый внутри стержень с закрученным в один оборот спиральным лезвием с одной стороны, и круглой втулкой — с другой. Длина этих свёрел варьирует от 5,7 до 10,3 см. У двух экземпляров в центре втулки имеется круглый стержень, вероятно для более прочного соединения с рукояткой.

Любопытно, что более на территории Новгорода таких инструментов обнаружено не было. Скорее всего, это объясняется импортным происхождением этих свёрел. Более того, три из них были найдены на Готском раскопе, где в древности располагался Готский двор.

Информацию о развитии древнерусской деревообработки и её месте в истории средневекового Новгорода можно почерпнуть из ряда источников: летописей, писцовых книг и т.д. Однако эти источники не дают чёткого представления о наборе инструментария, которым пользовался мастер. Более полную картину даёт именно археологический материал.

Несомненным является высокий уровень мастерства новгородских ремесленников, о котором можно судить как по ассортименту производимых ими изделий, так и по обширному набору инструментов, которые они использовали в своей работе.

Примечания:

1. Колчин. Б.А. Ремесло // Археология СССР. Древняя Русь: город, замок, село. С. 255.
2. Даль В.Л. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1990. С. 417.
3. Колчин. Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА №65. М., 1959. С. 25-29.
4. Житие Сергия Радонежского, 128 л. Рубка леса // Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 185, рис. 49.
5. Федотов Г.Я. Секреты бондарного ремесла. М., 1991. С. 49.
6. Федотов Г.Я. Секреты бондарного ремесла. М., 1991. С. 51.
7. Попов А.В., Шургин И.Н. О воссоздании русской плотничной технологии XVII-XVIII вв. М., 1993.
8. Колчин. Б.А. Ремесло // Археология СССР. Древняя Русь: город, замок, село. С. 257.
9. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология). // Материалы и исследования по археологии СССР. № 65. М., 1959. С. 40.
10. Житие Сергия Радонежского, 128 л. // Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 185, рис. 49.
11. Колчин. Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. С. 258.
12. Жильцов Ф.В., Шалин А.Б. Художественная резьба по дереву. Новосибирск. 2002. С. 37.
13. Колчин. Б.А. Ремесло // Археология СССР. Древняя Русь: город, замок, село. С. 257.
14. Колчин. Б.А. Ремесло // Археология СССР. Древняя Русь: город, замок, село. С. 257.
15. Там же. С. 257.
16. Там же. С. 271.

В.И. Ярыц,
г. Великий Новгород

ОБ ОДНОМ НЕОБЫЧНОМ УКРАШЕНИИ НА БЕРЕСТЕ

В археологическом отделе Новгородского государственного музея-заповедника хранятся десять фрагментов бересты с непонятным видом тиснения, обнаруженные в результате раскопок в Новгороде. Они найдены в слоях XI—XIV вв. на Неревском, Ильинском и Нутном раскопах. Ни один из известных нам способов украшения бересты при помощи штампов, шильев, пробойников и т. д. не подошёл для объяснения этого способа украшения коры. В музейном реестре фрагменты значатся как «деталь берестяная с выдавленными линиями (орнаментом)».

Подробно рассмотрим два фрагмента с Неревского раскопа из общей коллекции.

Первый фрагмент представлен берестяной полоской размерами 50x275мм, толщиной 1мм. Он был извлечен из слоев XI в. На фрагменте сохранилось «украшение» в виде 13 поперечных слегка наклонных линий, выполненных в необычной технике. По краям берестяного фрагмента присутствуют небольшие отверстия, проделанные шилом. Похоже, полоска была к чему-то пришита. Фрагмент хорошей сохранности и с отчётливой рельефностью выполненного рисунка (рис. 1).

Второй фрагмент состоит из нескольких частей (рис. 2). Прежде всего, общий вид его напоминает верхнюю часть крышки небольшого туеска диаметром 9 см. Со следами прошивки по окружности. Сверху основу крышки крест на крест перекрывают две полоски из коры размером 38x95мм и 32x95мм, толщиной 0,5мм. На каждой из них присутствуют «украшения» в виде двух зигзагообразных линий, выполненных в такой же технике, что и на первом фрагменте. Чечевички (удлинённые чёрточки на коре), рассто-

жены вдоль фрагментов. Продольные края полосок неровные. На дегалях, составляющих второй фрагмент как на основе крышки, так и на полосках, по окружности остался пришивной материал и следы от некогда пришитой снизу обечайки. Данная часть туеска, несомненно, была сделана в Древнем Новгороде. На это указывают её конструктивные особенности. Обнаружен данный фрагмент в слоях XIII в. Данный фрагмент представляет комплекс фрагментов крышки туеска, поддающейся реконструкции. Крышки с двумя полосами коры крест-накрест в верхней её части выполнялись в древнем Новгороде достаточно часто, но полоски, образующие крест, чаще всего были без всякого украшения.. Опыт реконструкции туеска, выполненный при помощи сшивания всех частей изделия лыковыми бечёвками, выполнен автором статьи и детально описан.¹

При детальном рассмотрении первого фрагмента можно сделать вывод, что линии «украшения» выполнены в совершенно необычной технике, похожей на штампы. Каждая линия имеет свой характерный несимметричный рисунок, не повторяющийся в других линиях. Различаются и размеры линий не только между собой, но и в отдельных частях нескольких линий. Линии также не выдержаны в строгой параллельности, и это показывает, что каждая была выполнена отдельно в достаточно спонтанном пространственном решении (рис. 1).

Менее отчётливо, но также наблюдается вышеизложенное и на двух полосах коры на фрагменте от крышки туеска. Разница лишь в орнаменте: линии на полосках фрагмента крышки туеска выполнены зигзаговыми линиями (рис. 2).

Известно, что основные способы внешнего оформления берестяных изделий наших дней, такие как прочерчивание шилом орнамента, сквозная прорезка орнамента ножом, роспись красками были знакомы еще древним новгородцам. Мы так же знаем, что отдельные технические приёмы при изготовлении берестяных изделий, использовавшиеся мастерами в Древнем Новгороде, в наше время утрачены. Например, сложные системы швов, при помощи которых лыковыми бечевками пришивались когда-то берестяные доны к корпусам туесов.

Но в данном случае мы столкнулись с какой-то новой техникой украшения бересты, никем еще не объяснённой, а потому чрезвычайно интересной. Данный тип декорирования берестяных изделий, встреченный на берестяных изделиях в Древнем Новгороде, впервые

де, возможно, завезённый когда-то в эти края, также был со временем утрачен. Это очевидно.

В начале исследования у нас возникли следующие вопросы:

— где и кто изобрёл эту удивительную технику украшения, и что означают эти орнаменты?

— если это не местное достижение, то откуда пришло оно в Древний Новгород?

— почему был утрачен, а если нет, то где можно найти его в наше время?

Подступиться к возможной разгадке этой необычной техники украшения берестяных изделий помог более широкий взгляд на берестяное творчество, далеко выходящий за рамки восточно-европейского региона. Наше внимание привлекло творчество североамериканских индейцев, в наследии которого встречается весьма оригинальная техника выполнения орнаментов на бересте — *при помощи зубов*.

Однако заметим, что использование «зубной» техники в берестяном творчестве нам было достаточно хорошо известно по якутским туесам, при изготовлении которых применялась зубная мускульная сила. Пришивая берестяное дно к корпусу берестяного туеска, якутские мастерицы прикусывали будущую кромку прошивки, чтобы плотнее приладить донышко к корпусу².

Специального обобщающего труда об этом уникальном виде творчества, уходящем корнями в седую старину, ни у нас, ни в США до сих пор нет. Но всё же ряд публикаций, музеиных образцов, а так же наличие нескольких специалистов, интересовавшихся этой темой, позволяют нарисовать определенную картину. Говорят, даже можно найти отдельных мастерниц, которые ещё умеют выполнять орнаменты в этой замечательной манере. Но, в общем, это искусство далёких дней.

Американская исследовательница Френсис Денсмор повествует, что одной из примитивных форм искусства индейцев Чиппева (Chippewa) является такая, где материалом служит кусочек бересты, а инструментами — человеческие зубы и проворные пальцы.³ Лист бересты сгибается, и вдоль этого изгиба методом «покусывания» наносится рисунок в соответствии с детально разработанным дизайном. Зуб оставляет метки на коре, что, собственно, и считается изготовлением орнамента.

Развернув такой лист бересты, можно сразу увидеть рисунок, который будет иметь симметричную форму. Для более детально

разработанных рисунков применялись дополнительные изгибы коры. Часто кора сгибалась крестообразно или крестообразно с дополнительным диагональным изгибом. Если рисунок заключался в четырёх, пяти и т. д. угольник, то для такого изготовления требовались дополнительные изгибы и «покусывания» коры после того, как основной рисунок уже был закончен. Усложнённые рисунки требовали иной раз несколько сгибаний, и в результате количество слоёв, которые приходилось покусывать, могло доходить до 24.⁴

Сложенную в несколько раз, в зависимости от исполняемого рисунка, кору вставляли в рот и при помощи языка и рук, а иногда используя только язык, умело поворачивали во рту. При каждом повороте или изменении направления кору покусывали вдоль очередной складки.⁵

Для «оттисков» на бересте использовались обычно «глазные» или боковые зубы. Зубы оставляли разные метки на согнутой коре: от острых, аналогичных шилу, до широких, выполненных при помощи покручивания бересты между зубами. Френсис Денсмор собрала более 200 таких рисунков, лучшие из которых были выполнены женщиной, у которой был всего один зуб!⁶ Наиболее изящные оттиски шли от передних зубов и клыков (глазных зубов). Более грубые – делались малыми коренными зубами и коренными. Варьированием силой покусывания можно было добиться оттенков в рисунке. Для изготовления более сложных рисунков надо было позаботиться, чтобы при следующем сворачивании бересты и дальнейших покусованиях рисунок не нарушил своей сюжетной целостности⁷.

Перед «покусыванием» кору слегка нагревали, чтобы сделать её более уступчивой⁸. Сгибание и разгибание коры тоже было важной частью техники. Мастерица держала рисунок в голове и не разворачивала бересту во время процесса «покусывания» до полного окончания работы. Рисунок был уже готов, то есть «выполнен» в сознании мастерицы до начала покусывания. Мастерица никогда при этом не запиналась. Так же каждый следующий рисунок не копировался⁹.

Интересно то, что различные этнические группы индейцев определяют этот вид искусства по-разному: у индейцев Пенобскот (Penobscot) – это «прорезание коры зубами»; у индейцев Чиппева (Chippewa) – «я делаю метки на коре»; у Алгонкин (Algonquin) – «покусывание рисунка»; у Монтанье (Montagnais) – «покусы-

вание украшения»; у Кри (Cree) — «покусывание». Что касается авторов, которые не являются индейцами, то у них, как правило, эта техника обозначена такими терминами, как «покусанная работа», «прозрачность коры», «зубная пиктография», «зубная резьба», «жевание». Но все они относятся к единственной форме искусства на тонких слоях коры бумажной берёзы *Betula papyrifera*¹⁰ (лат.).

Рисунки на коре выполнялись в виде геометрического орнамента, цветов, листков растений, звёзд, людей и их жилищ, а также в виде животных и насекомых. Элементы орнамента часто заключались в рамки круга, квадрата, пятиугольника, шестиугольника, восьмиугольника, выглядели как трилистник и четырёхлистник¹¹. Но были и мастера, которым давались и невероятно сложные рисунки. Авторы данного источника приводят следующее свидетельство одного торговца: «Джордж был единственным человеком, кого я знал, и кто действительно понимал, как жевать кору. Он был настолько искусен в этой технике, что мог «выживать» на картинке человека, стоящего в каноэ»¹². Судя по всему, это было уже в позднейшие времена, когда искусство «покусывания» коры стало просто развлечением.

Ареал распространения такого вида искусства среди американских индейцев, как мы уже отмечали выше, достаточно широк.¹³ К слову надо заметить, что Френсис Денсмор упоминает и об использовании аналогичной техники индейцами на широких листьях одного из растений в районе озера Верхнее (Lake Superior). Таким растением бала *Clintonia borealis*¹⁴ (лат.). Но всё же большее это искусство было распространено у индейцев Алgonкин.

Характерной особенностью техники покусывания в подавляющем большинстве случаев является симметричность рисунка, так как, чтобы его выполнить, необходимо кору сложить вдвое, втрое и т. д. Развернув кору, мы получаем симметричный рисунок по обе стороны изгиба. Идеалом рисунков индейцев Алгонкин является двусторонний симметричный рисунок. Он присутствует во всех декоративных техниках. Такой тип рисунка у Алгонкин специалисты назвали «двойными изогнутыми фигурами». Он очень близок к тому, что получается после покусывания коры зубами. Американский этнограф Фрэнк Спек (Frank Speck) пишет: «Пунктирные (покусанные зубами — Ф.С.) линии, распознаются как листья, цветки, завитки и стебельки, которые походят на «двойные изогнутые фигурки» так сильно, что если бы последние действи-

тельно не происходили от них, то могли бы быть благополучно рассмотрены как исторически близкие к ним».¹⁵ Возможно, ввиду схожести рисунков, получаемых от покусывания коры с художественным идеалом индейцев данного племени, эта техника больше всего получила распространение именно у индейцев Алgonкин.

Вообще, Френсис Денсмор считает, что происхождение этого искусства неизвестно, и появилось оно как-то случайно. Она даёт следующую версию случившемуся: «Женщина, сидящая на земле или в вигваме могла взять кусочек коры, сложить его, нанести зубами несколько линий на нём, развернуть его обратно и посмотреть на рисунок. Так как результат оказывался приятным, она могла поискать способ, как улучшить свою первую работу, а другие женщины могли попытаться сделать копию или превзойти её результат. Также могли быть быстро подобраны подходящие для такой работы листы растений. Путём проб могло быть найдено, что бересту можно сложить и «покусать» лучше, если она подогрета перед этим на костре, и также выяснить, что детально разработанные изгибы бересты могли дать более интересный рисунок»¹⁶. По предположению автора, это искусство могло появиться под влиянием белой расы. Оно могло быть связано с искусством текстиля или керамики, или быть просто своеобразной «выкройкой», шаблоном для работ по бисеру. И уж точно его появление не могло быть связано с индейскими обрядами и символикой, так как невозможно представить, чтобы символы мечтаний и сновидений могли быть запечатлены при помощи покусывания и использоваться как трафареты для рисунков в работе с бисером¹⁷.

В большей степени этот вид искусства считался одной из форм развлечения и увеселения среди индейцев. Чаще всего это происходило, когда они собирались в весенне-летние лагеря для заготовки кленового сиропа¹⁸, из которого делался сахар. Именно в этот период было достаточно свежезаготовленной, мягкой бересты (из которой индейцы делали посуду для сбора кленового сока). Занимались этим творчеством молодые люди также и долгими зимними вечерами, сидя в вигвамах у костра, когда такой вид художественной деятельности был единственным доступным¹⁹.

У этого искусства было два предназначения: первое – развлечение, изготовление для удовольствия. Такими рисунками дрожали, ими обменивались, их использовали как трафареты для работ по бисеру, вышивке и т. д. В этот период изготавливались художественно оправданные сюжеты, создавались формы, которые

давали некоторое представление о жизни людей. Вторая ветвь была связана с периодом, когда утончённость старого восприятия ушла навсегда. Кора стала толще, рисунки примитивнее. После изготовления образец вырезался и приклеивался к одежде, а его края оторачивались бисером²⁰.

У индейцев Пенобскот, например, «ещё не так давно мальчики и девочки проводили свои вечера в деревнях, играя в игры, в которых они делились на команды, чтобы посмотреть, какая команда создаст более изящный рисунок»²¹.

Авторы уже упомянутой статьи — Николас Смит и Кэт Оберхольцер — дают более глубокое толкование этого вида творчества, относя его к тем временам, когда в производстве очаровательных рисунков на бересте участвовали божества, объясняя тем самым, почему покусывание бересты было не чуждо и мужчинам. В статье приводится пример из рассказа одной женщины, которая утверждала, что её отец во время зимних вечеров часто играл со своими детьми в следующую игру. «Покусав один из «стереотипных» рисунков в согнутой бересте, он обычно просил детей «использовать их воображение в интерпретации образцов и поощрял их рассказывать истории на основе воображенных фигур»²². Часть этих покусанных образцов была связана с охотниччьими сюжетами — тропы, деревья, шалаши — и как-то выполняла роль передачи сведений полезных или даже необходимых в повседневной охотничьей жизни. Авторы задаются вопросом, не является ли эта игра своеобразным упражнением в подготовке детей к «чтению» «знакоў», относящихся к снам и охоте, и не являются ли эти образы продуктом духов или посетителей снов²³? Показывая такую ситуацию, авторы как раз и объясняют, почему происходит использование покусанных образцов в декорировании элементов одежды.

Другая женщина утверждала, что «все её рисунки на мокасинах получены от покусываний её отца»²⁴. Какой более лучший способ мог бы быть найден мужчинами для передачи своих невыразимых образов, «рождающихся в снах, которые его жена или дочь могли бы использовать как путеводитель в переводе этих образов в декоративные элементы на сумках, одеждах и особенно накидках»²⁵. Это был способ прямого выражения в материальной форме женской мечтаний мужчины, его обязанностей по отношению к посетителям снов. Поэтому авторы приходят к выводу о том, что нельзя считать участие мужчин в покусывании коры просто одной из форм развлечений²⁶.

Но напрямую с духами, как предполагает Николас Смит, могли общаться не только мужчины, но и женщины. В письмах к автору данной статьи он сообщил, что женщины, которые были, вероятно, шаманами, могли в своих снах увидеть магический рисунок и, проснувшись, через какое-то время покусаться на тонком берестяном листке инспирированный духами образец. Имея такой рисунок, женщина-шаман могла скопировать его красками или выскоблить на бересте. Могла вышить его на охотничьей одежде, таким образом, осуществив своё женское влияние на то, чтобы охотник смог найти животное. Он мог так же заключать в себе тайный смысл, указывающий направление движения, время, когда надо что-то делать, предсказывать те или иные события или, возможно, одухотворять пребывание в том или другом месте. Вполне вероятно, что время, место и охотничьи удачи могли быть предсказаны подобным образом. Также могло быть, что рисунок, данный божеством женщине, мог быть более могущественным, чем точно такой же, данный мужчине. Выходит, что перенос покусанных рисунков в другую декоративную технику уже нёс охранительную нагрузку, выполнял функцию оберега.

Причиной упадка этого удивительного искусства Френсис Денсмор называет вмешательство правительственные школ в общеобразовательный процесс индейцев, когда последних стали учить копировать лучшие образцы, и сразу же на смену периоду «интерпретации», в течение которого мастера создавали лучшие образцы по вдохновению, пришёл период «имитации», то есть простого копирования того или иного образца²⁷.

Френсис Денсмор приводит потрясающую новеллу, красноречиво показывающую смену идеалов во взглядах индейцев на окружающую среду, произошедшую со времени поэтического взрения на природу, когда люди не знали, что такое время и товарищено-денежные отношения, то есть всего того, что появилось после прихода «цивилизации» в эти края: «Один молодой человек жил со своими родителями. Однажды во время изготовления кленового сахара он вдруг заметил, что родители стали старыми и не в состоянии более выполнять трудную работу. Поэтому он решил привести в дом жену, чтобы помочь им. Семья в это время как раз была в лагере, где заготовляла кленовый сироп, и он послал жену принести немного бересты для изготовления чашек под сахар, как это делали другие женщины. Жена взяла топор и ушла в лес на целый день. Возвратилась она домой к ночи и принесла с собой на спине

огромный рулон коры. Это обрадовало мужа, так как он подумал, что жена, должно быть, очень трудолюбивая. Женщина развернула рулон береты и сказала: «Посмотри, что я делала целый день». Затем она показала ему множество образцов и рисунков, «накусанных» на берёзовой коре. Её рулон был полон ими. Она «зазубривала» эти рисунки весь день вместо того, чтобы делать чашки. Мужчине стало так стыдно, что он сник и умер. Он не мог допустить того, что люди скажут, что он привёл в дом никчёмную жену»²⁸.

Но если всё-таки посмотреть в глубинную суть этого творчества, представляя, что таким способом индейцы «кодировали» информацию, связанную с охотничим ремеслом, передавая её из поколения к поколению, то понятно, что с приходом товарно-денежных отношений такая практика им была уже не нужна, что и привело к упадку поэтически одухотворенного рисунка внешне и глубинного смысла своеобразного охотничьего оберега. «Для современных индейцев старый способ жизни с его зависимостью от самодостаточности и выживания, основанного на охоте, использовании ловушек и рыболовстве в зарослях фактически закончился... Всё это способствовало кончине истинного искусства аборигенов с его многослойным значением»²⁹.

Теперь только с сожалением можно сказать, что совсем недавно ещё были пожилые люди в Северной Америке, которые могли с полным правом сказать: «Я последний, кто действительно делает это», потому что ныне только коммерческий рынок является «продолжателем» этого некогда удивительного в своём единстве с природой творчества.

Однако заметим, что использование «зубной» техники в берестяном творчестве нам было достаточно хорошо известно не только в США, но и у нас в России: это и якутские туеса, при изготовлении которых применялась зубная мускульная сила. Пришивая берестяное дно к корпусу берестяного туеска, якутские мастера-цы прикусывали будущую кромку прошивки, чтобы плотнее прilадить донышко к корпусу³⁰. Техника «покусывания», сходная с североамериканской, была найдена у Обских угров (Ханты и Манси)³¹. Причём, рисунки, полученные от покусывания, весьма напоминают творчество индейцев, и в этом можно усмотреть если не единство, то схожесть традиций. Возможно, в Сибири данная техника была распространена достаточно широко и на тех же основаниях, что и в Северной Америке.

Но Великий Новгород... Обнаруженные при раскопках фрагменты бересты с нанесением на них украшений в технике «покусывания» все же несколько отличаются от тех, которые были описаны выше. У всех новгородских фрагментов линии покусывания не вырисовывались в какой-то сюжет — цветка, орнамента и проще, а были выполнены просто в виде параллельных или загзагообразных линий. По мнению Николаса Смита, такие линии встречаются в самых ранних образцах покусывания и у индейцев, и отражают их представление о природе. Это даёт нам возможность предполагать, что новгородские образцы относятся к более раннему периоду «развитости» данной техники. И если иметь ввиду то, что до настоящего времени в Великом Новгороде исследовано только немногим более двух процентов территории города, подлежащей археологическому исследованию, то можно надеяться на серьёзные находки в этой технике и в более развитой стадии технического и художественного осуществления.

По фрагменту крышки с «покусанными» линиями и, используя находки других частей туесков из тех же хронологических слоев при раскопках Великого Новгорода, можно реконструировать туесок XIII в. полностью. Можно обратиться к аналогиям — и вновь к североамериканским. Именно там встречаются берестяные коробки, украшенные этой техникой. Так в провинции Квебек (Канада) была найдена берестяная коробка, изготовленная до 1841 г., украшенная, по мнению экспертов, методом покусывания коры.³² Получается, что наше предположение о применении такого дизайна для украшения древненовгородских изделий из бересты — факт не единичного использования этого вида украшения именно берестяных изделий в мировой практике. Это еще раз подтверждает нашу версию о том, что необычные линии на новгородских археологических берестяных фрагментах были выполнены именно зубами.

К сожалению, мы не располагаем пока достаточными сведениями, которые позволили бы нам объяснить появление этой техники в древнем Новгороде. Была ли она изобретена здесь? Была ли она завезена сюда из Сибири, что вполне вероятно, ибо известны давние торговые связи Новгорода с обскими уграми. Имеет ли она связь, кроме способа изготовления, с тем очаровательным искусством, которое некогда было так развито и в настоящее время достаточно изучено в Северной Америке? Одно можно сказать точно — эта техника присутствовала в древнем Новгороде в период с

XI по XV вв., так как тому мы имеем неопровергимые доказательства в виде этих 10 берестяных фрагментов с «покусанными» линиями.

Североамериканские индейцы, обские угры в Сибири, древние новгородцы на северо-западе России — картина распространения этого искусства получается довольно широкой! Потребуются дополнительные изыскания, чтобы окончательно утвердиться в технологии изготовления данных новгородских орнаментов, определить более точные границы бытования этой техники, взаимовлияния, способы использования её в декорировании изделий.

Даже если фрагменты бересты, добытые из новгородской почвы, были когда-то откуда-то привезены, что мало вероятно, то очарование от подобной техники работы с берестой, до этого почти неизвестной у нас таково, что не оставляет нам права быть в стороне от возможного её воскрешения из небытия.

Примечания

1. Ярыш, В. И. Древнее ремесло в древнем Новгороде / В. И. Ярыш // Чело / Альманах НовГУ им. Ярослава Мудрого. — 2003. № 1. С. 100—112.
2. Иванова — Унарова З. ...Из бересты. Приложение к журналу Сельская Новь. — 1989. №1. С. 33.
- См. также Савинов А. Береста и конский волос. Журнал Северные просторы. — 1988. № 2. С. 44.
3. Densmore Frances. "How Indians Use Wild Plants for Food, Medicine & Crafts". Reprint of 1928 ed., Dover Publications, Inc. New York. 1974. P. 390.
4. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. "I'm the Last One Who Does Do It: Birch Bark Biting, an Almost Lost Art". Papers of the Twenty-sixth Algonquian Conference. University of Manitoba/ Winnipeg 1995. P. 309.
5. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 309-310.
6. Densmore Frances. P. 391.
7. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 310.
8. Densmore Frances. Там же. P. 391.
9. Densmore Frances. P. 393.
10. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 308.
11. Densmore Frances. P. 393.
12. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 310.
13. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 311-312.
14. Densmore Frances. P. 393.
15. Frank Speck. Symbolism in Penobscot Art. Reprint of 1927 ed.. Tucquan Publishing, Hummelstown, PA, 2001. P. 77.
16. Frances Densmore. P. 391.
17. Frances Densmore. P. 391.

18. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 312.
19. Frances Densmore. P. 391.
20. Frances Densmore. P. 391-392.
21. Frank Speck. Symbolism in Penobscot Art. P. 77.
22. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 312.
23. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 313.
24. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 314.
25. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 314.
26. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 314.
27. Frances Densmore. P. 392.
28. Frances Densmore. P. 396.
29. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 316.
30. Selwyn Dewdney. *The sacred Scrolls of the Southern Ojibway*. University of Toronto Press 1975. P. 15.
31. Cath Oberholtzer, Nicholas N. Smith. P. 306.

*А.В. Головнёв,
г. Екатеринбург*

НОРДИЗМ И ОРДИЗМ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

В древней geopolитике Северной Евразии ключевую роль играли магистральные культуры кочевников суши и моря, охватывавшие своим движением большие пространства и связывавшие локальные культуры в так называемые кочевые империи. В отличие от локальной культуры, основанной на экoadаптации (освоении биоресурсов), магистральная строится на экосоциоадаптации — освоении социокультурных ресурсов локальных культур. Магистральная культура выступает для локальных групп выгодным торгово-экономическим посредником, военным союзником, политическим организатором, культуртрегером. Она не просто связывает локальные культуры и использует их ресурсы, но и создает качественно новые виды деятельности, прежде всего посреднические и управленческие, тем самым обновляя и иногда существенно изменяя локальные традиции. С эпохи бронзы магистральные культуры «коне-людей» и «море-людей» генерировали политическую элиту для многих локальных культур Евразии. На рубеже эр черноморский перекресток степных и морских кочевий стал маятником евразийской geopolитики. Магистральные культуры Балто-Понтийского междуречья и Великой степи охватывали пространство Северной Евразии в ритме попереенного господства кочевников моря и суши. Главным мотивом-действием масштабных передвижений была война как регулярный промысел и конкуренция за власть, в которой верх одерживали наиболее подвижные и боеспособные группы. Как готовы в III в. подчинили пространство Балто-Понтийского междуречья, так их потомки норманны в IX в. охватили своими походами Восточный путь (*Austrvegr*), прежде всего «верхних» славян (110).

рекам балтийского стока). Как в IV в. гунны разбили готскую державу Германариха и надолго установили зависимость «нижних» славян (по рекам pontийского стока) от тюркских каганатов, так по сходному сценарию в XIII в. монголы Чингисхана покорили русские княжества. В треугольнике «северные мореходы — речные славяне — степные коневоды» разворачивались основные события древнерусского этнополитогенеза.¹

Историографический стереотип, опирающийся на версию дунайского (южного) происхождения славян, звание Киева «мати градом русьским» и византийские истоки православия, настраивает на восприятие общего хода становления Руси в направлении с юга на север. Той же цели служит историографический конструкт «Киевская Русь» (вместо «Русь») и упорное неприятие норманнского участия, вплоть до обозначения Рюрика и руси славянами. Даже путь «из варяг в греки», на котором сложилась Русь, некоторые исследователи предпочитают представлять как путь «из грек в варяги». По мнению Б. А. Рыбакова, «восточнославянская государственность вызревала на юге, в богатой и плодородной лесостепной полосе Среднего Поднепровья. Темп исторического развития здесь, на юге, был значительно более быстрым, чем на лесном и болотистом севере с его тощими песчаными почвами».² В последние годы позиции югоцентризма пошатнулись под давлением новых археологических данных: «...представление о новгородском севере как о политической периферии, изначально зависимой от Киева, далеки от действительности».³ Сегодня принято рассматривать становление древнерусского государства как итог объединения двух государственных образований с центрами в Приильменье и Среднем Поднепровье.⁴

Ряд обстоятельств — направленность пути «из варяг», ранняя русь на Ладоге, Валдайский узел движения⁵ — еще определенное связывает рождение Руси с севером. Немаловажную роль в этом сценарии играет факт относительно позднего включения Днепровского пути, в том числе киевского форпоста, в общую сеть движения. Решающим аргументом выступает археологическая хронология, свидетельствующая о том, что исходной точкой пути и главным перекрестком в пространстве будущей Руси с 750-х гг. была Старая Ладога (Альдейгьюборг), а первой восточной магистралью норманнского движения — Балто-Каспийский (Волжский) путь «из варяг в арабы» (начало IX в.).⁶

Будучи норманнской колонией, Старая Ладога оказалась оча-

гом распространения культуры *руси* (восточных норманнов)⁷ и их связей со славянами и финнами. Контакт славян, финнов и скандинавов в Ладоге обычно рисуется как столкновение пришельцев и туземцев (роли меняются в зависимости от предпочтений авторов). Исследования последних лет, прежде всего археологии Ладоги и Рюрикова Городища, показывают, что норманны не встретились со словенами и финнами на Волхове, а пришли вместе с ними с Балтики. Ладога предстает очередным узлом их давнего взаимодействия на обширном фенно-скандо-вендо-балтском пространстве.

Многие славянские элементы культуры, обнаруженные в Старой Ладоге (VIII в.) и на Рюриковом Городище (IX в.), находят параллели на западе — в археологии балтийских славян. Таковы наружные хлебные печи, керамика, двушипные наконечники стрел — «прямое археологическое свидетельство культурных связей поморских славян и населения истока р. Волхова».⁸ Укрепления мысового городища Любша середины VIII в. в низовьях Волхова (напротив Старой Ладоги) выстроены в свойственной балтийским ободритам панцирной технике; в середине VIII в. «здесь осела популяция, связанная по происхождению с западными славянами».⁹ Лингвистический анализ новгородских берестяных грамот показал связь по ряду изоглосс древненовгородского и западнославянских, особенно северолехитских, диалектов.¹⁰ Совпадения в новгородском и западнославянском именослове, топонимике, составе монетных находок свидетельствуют об образовании основного массива населения русского Северо-Запада за счет притока славян из южной Прибалтики, а не с берегов Днепра.¹¹ Биоантропологические данные позволяют видеть в новгородских словенах «переселенцев с южного побережья Балтийского моря, впоследствии смешавшихся уже на новой территории их обитания с финно-угорским населением Приильменья».¹² По мнению Й. Херрманна, балтийские славяне с берегов Финского залива «расселялись на восток по землям финно-угров, достигнув территории Чудского, Ладожского, Онежского озер, и распространились дальше на северо-восток».¹³ Верхнерусскую археологическую культуру VIII–X вв., сложившуюся во взаимодействии балтийских славян с балтами, финнами и скандинавами можно рассматривать как часть единой «северославянской культурно-исторической зоны».¹⁴ При этом обособление северной группы восточных славян от южной в течение VIII–IX вв. нарастает, и верхнерусская культура обнаруживает столь существенные связи с культурами прибалтий-

ских славян, что можно говорить даже не о миграции славян с берегов Балтики в район Новгорода и Ладоги, а «постепенном развитии и распространении общих инноваций в пределах единой, непрерывной культурно-исторической области».¹⁵

Движение на восток балтийских славян и норманнов началось в VIII в. Вероятно, путь прокладывался двумя культурами, будто двумя ногами: норманны пробивали его войной, славяне — осваивали трудом, норманны умели побеждать, славяне — выживать, норманны контролировали магистрали, славяне — локальные ниши. Две культуры шли бок о бок, и не случайно длинные скандинавские дома и славянские печи стояли по соседству в Старой Ладоге. Походы норманнов на северо-востоке Европы без участия славян не породили бы колоний. По Повести временных лет, не-разлучной парой во многих походах выступали русь и словене.

Движение руси с севера на юг сопровождалось созданием цепи колоний — подобий Ладоги — перевалочных баз, превращавшихся в гарды (сканд. *garðr*). Первая цепь гардов возникла не на Днепре, а по Волхову и Верхней Волге: Рюриково Городище (Приильменье), Сарское городище (у оз. Неро), Михайловское и Тимерёво (под Ярославлем). Вещи скандинавского происхождения и клады восточных monet на Сарском городище датируются началом IX в., на Рюриковом городище и в Тимерёво — в пределах IX в.¹⁶ Основательность гардов и внушительность могильников свидетельствует о долговременности этих резиденций руси. Высокие курганы Михайловского, Тимерёвского, Петровского некрополей под Ярославлем IX–X вв. содержат скандинавские вещи, в том числе элементы «триады викингов» (мечи, весовые гирьки). Каждый десятый похороненный в Ярославских могильниках — воин с мечом (рус.). Как отмечает И. В. Дубов, это не какие-то «феодалы» или «бояре», а предводители скандинавских военно-торговых отрядов; следовательно, Михайловское и Тимерёво были полиэтническими торгово-ремесленными протогородскими центрами на Волжском пути.¹⁷

Вместе с русью в Ростовскую землю, Ярославское и Костромское Поволжье в IX в. двигались ладожско-ильменские славяне и финны.¹⁸ «Земля мери (Ростов) была, по-видимому, покорена или колонизована словенами», — полагал А. А. Шахматов, указывая на наименование Ростово-Сузdalского края в IV Новгородской летописи «Словенской землей».¹⁹ Как видно, колонизация Верхнего Поволжья проходила по той же схеме русо-славяно-финского движения, что и освоение Ладоги и Ильменя из Балтии: русь выс-

тупала военно-торговым ядром, славяне и финны — сподвижниками, заселявшими и осваивавшими локальные ниши.

Балто-Каспийский путь был двусторонним, но контролировался с севера. Арабский географ Ибн Хаукаль сообщал, что мусульманские купцы не проникали севернее Булгара, тогда как русы углублялись далеко на юг в булгарские, хазарские и арабские земли. Иногда они оставляли свои корабли и двигались с товарами на верблюдах в Багдад, Балх, Мавераннахр к кочевьям токузов и в Китай.²⁰ Согласно ал-Истахри (930–933 гг.), арабы избегали визитов к русам Арты, поскольку те «убивают всякого иноземца, вступившего на их землю. Они отправляются вниз по воде и ведут торги, но ничего не рассказывают про свои дела и товары и не допускают никого провожать их и вступать в их страну. Из Арты вывозят черных соболей и свинец».²¹ А. П. Новосельцев соотносил Арсы (Арту) с Сарским городищем на оз. Неро под Ростовом или Белоозером.²²

Освоение Волжско-Каспийской магистрали и Волго-Доно-Азовско-Черноморского хода в первой половине IX в. подготовило открытие Днепровского пути. Скорее всего, русы сначала обследовали его южный конец, пройдя с Дона по Черному морю до устья Днепра, а затем замкнули весь ход от Волховских порогов до Днепровских. Открытие прямого пути «в греки» пришлось на вторую половину IX в., когда возник варяжский форпост в Киеве. Не исключено, что экспедиция Аскольда и Дира была не авантюрой, а продуманной попыткой замкнуть Днепровский ход. Пока Волжская дорога была единственной, норманны были скованы в маневрах и предпочитали стиль мирных купцов. Как только они установили контроль над всем Каспийско-Черноморским пространством, они тут же поменяли приоритеты в «викингской триаде» и вместо весов достали мечи — на вторую половину IX в. пришелся военный натиск руси на южные моря. Значимую роль в этой кампании сыграл форпост в Киеве. Примечательно совпадение дат: по свидетельству патриарха Фотия, в 860 г. русь на 200 или 360 кораблях угрожает Константинополю; в 862 г. Аскольд и Дир занимают Киев; в 864–884 гг. русы выходят в рейды по Каспию; в 866 г. Аскольд и Дир совершают поход «в греки». В дальнейшем натиск русов на южные моря усиливается: в 907 г. Олег на 2000 судах громит греков и подступает к Константинополю, в 909 г. русы нападают на каспийский порт Абаскун и уничтожают его торговый флот, в 910 г. они захватывают город Сари, в 913 г. на 500 кораблях идут по волго-донскому ходу из Черного моря в Каспийское и грабят прибреж-

ные города и острова. Последний хазарский царь Иосиф писал единоверцу в Кордову, что только хазарам удается сдерживать русов: «Если бы я оставил их на один час, они уничтожили бы всю страну измаильян до Багдада». Вскоре и эта преграда рухнула — в 965 г. Хазария была повержена Святославом.²³

На южном от волховских гардов направлении ключевая роль принадлежала Гнёздово. При сохранении исходной «ладожской схемы» каждый гард был очередным шагом адаптации: в отличие от морского порта Альдейгьюборга, Новгород был узлом речных магистралей, Гнёздово — волоков в верховьях крупных рек. Археологический комплекс Гнёздово, включающий крупнейший в Восточной Европе варяжский некрополь и открытое поселение типа скандинавского вика начала IX в., представляет ключевой гард на перекрестке Ловать-Волховского, Двинского и Днепровского путей. Основательность скандинавской колонии в верховьях Днепра определяется двумя «ладожскими» признаками: могильником с «аристократическими» курганами (сожжениями в ладье) и значительной долей женщин-скандинавок. Сочетание локальных (металлообработка, судостроение) и магистральных (международная торговля, военное дело) функций, равно как устойчивый контакт пришлых скандинавов и местных кривичей, позволяет видеть в Гнёздове крупнейшее «гнездо» руси на пути «из варяг в греки». Не случайно кривичи были участниками призыва Рюрика и союзниками Олега в его походе. В отличие от Ладоги, которая изначально была скандинавским форпостом в финской земле, Гнёздовский гард, наряду с Рюриковым городищем (ранним Новгородом), стал колыбелью новой славяноязычной верхнерусской культуры. По расположению и окружению Гнёздово — летняя застава и зимнее убежище, «остров» викингов в кривичской глухи, на волоках, у начал дорог на север, восток, запад и юг. Гнёздово с окружающими поселениями можно считать средой, где в течение долгих лет (судя по представительности некрополя) скандинавы превращались из «находников» в местных жителей, где рождалась и росла славяноязычная русь. В Гнёздове традиции скандинавов и славян сплавлялись в синтетическую культуру и рождали новые традиции. Расцвет Гнёздова, как и волжских гардов, пришелся на X в., а закат — на середину XI в., когда неподалеку от него поднялся славяно-русский Смоленск.²⁴

Гнёздовский гард старше Киевского примерно на полвека: в верховьях Днепра варяги расположились в начале, в среднем те-

чении — во второй половине IX в. Прежде, в V–VIII вв., на Горах Киевских существовали разрозненные поселения, центральным из которых было городище на Старокиевской горе. Во второй половине IX в., в соответствии с летописными событиями, начался рост киевского посада на Подоле, а к концу века в Киевском некрополе появились традиционные для скандинавов большие курганы и погребения воинов с конем и оружием (Лебедев 2005:549, 561). Два поколения (если считать поколение за четверть века) понадобилось варягам для продвижения от волховских порогов к днепровским, еще поколение — чтобы возвести курганы. Как резиденция варягов Киев сложился значительно позже верхнерусских (волховских, верхнеднепровских, верхневолжских) гардов и по возрасту никак не мог быть их «матерью», как бы завораживающе ни звучала известная метафора Олега. Киев обязан своим укрупнением Игорю, которого Олег оставлял на время походов и который был более удачлив в сидении, чем в движении, а особенно Ольге, превратившей город в семейное гнездо и очаг христианства.

Кiev расцветал, когда увядали многие «верхние» гарды — в X–XI вв. Археология второй половины X в. показывает резкое сокращение скандинавских вещей в Ярославском Поволжье. В XI в. на Волхове и Волге по соседству с варяго-русскими гардами поднялись славяно-русские грады: рядом с Рюриковым городищем вырос Новгород, рядом с Сарским городищем — Ростов, на противоположной от городища Крутик стороне Белого озера — Белоозеро.²⁵ Так происходило и с недавно возникшими гардами: появившийся в середине X в. гард на Оке (Чаадаевское городище) уже в начале XI в. опустел, а соседний Муром быстро развивался.²⁶ В памятниках конца XI в. скандинавских следов почти нет, как и свидетельств международной торговли: «внешние связи ушли на второй план, норманнский этнический компонент утратил свои прежние роли, варяги превратились в простых наемников русских князей».²⁷

За три века движения руси на Восточном пути, с 750-х по 1050-е гг., варяжские князья постоянно утверждали свою власть походами с севера на юг: (1) Рюрик, прибыв из-за моря, двинулся с севера (Ладоги) на юг (Ильмень); (2) Аскольд и Дир, отпросившись у Рюрика в Царьград, прошли с севера на юг и овладели селением под названием Киев; (3) Олег походом с севера на юг захватил пространство от Ладоги до Киева; (4) Святослав в отрочестве княжил в Новгороде, затем отправился воевать на юг; (5) Владимир походом с севера на юг захватил власть, одолев братьев с помо-

шью варягов; (6) Ярослав с помощью варягов походами с севера на юг трижды захватывал и утверждал свою власть.

На этом история сложения Руси завершилась и началась история ее распада, так называемой «феодальной раздробленности». Во всех эпизодах Новгород «воссоединялся» с Киевом путем его военного захвата, причем все рейды проходили по одному сценарию с участием варяжской дружины. Как видно, на пути «из варяг в греки» власть шла с севера на юг — Новгород ни разу не был завоеван из Киева (если не считать погрома, учиненного во время крещения Добрыней и Путятой). Власть рождалась не там, где хорошо росло просо, а на «тощих песчаных почвах» (по выражению Б. А. Рыбакова). Как подметил С. М. Соловьев, «в борьбе северных князей с южными варяги нанимались первыми, печенеги — вторыми, следовательно, первым помогала Европа, вторым — Азия... Печенеги ни разу не дали победы князьям, нанимавшим их».²⁸ Среди своих братьев-князей Владимир и Ярослав стали избранныками истории во многом благодаря опоре на Север.

Подобная «иерархия» севера и юга Руси перекликается с представлениями скандинавов, для которых, судя по частоте упоминаний в королевских сагах, первостепенное значение в Гардах имели два города — Ладога (*Aldeigjuborg*) и Новгород (*Hólmgarðr*). Лишь по два раза в том же корпусе источников названы Киев (*Kænugardr*), Полоцк (*Palteskia*) и Сузdal' (*Sudrdalaríki*).²⁹ Для Руси этот взгляд значим, поскольку именно варяжская позиция была определяющей на магистрали власти. Сила руси, генерируемая на севере, в Ладоге и Новгороде, долгое время сплавлялась по Волге, а затем прошла по Днепру, достигла степей и подавила мощь Хазарии и Дунайской Болгарии.

Святослава и Ярослава разделяет поколение, но за это время изменился ритм жизни князей: подвижная воинственная *русь* остановилась и осела, превратившись в государство Русь. Ярославу не передалась легкая походка его деда. На Царьград он не ходил, завоеваниям предпочитал матримониальную международную политику, «любил церковный устав» и книги, строил города и храмы, в том числе заложил в 1037 г. «город великий Киев» со златыми вратами и храмом Софии.

Исследователям видится целый ряд объяснений спада экспансии норманнов в XI в., в частности на исходном, Балто-Каспийском, пути «из варяг в арабы»: ассимиляция варягов «в составе государственного аппарата в качестве наемной военной силы»; пе-

реориентация торговых связей на Днепр и другие водные магистрали Руси; сокращение поступлений арабского серебра по Волжскому пути с последних десятилетий X в.; замещение в денежном обращении арабских дирхемов западными денариями (за счет английского серебра, поступавшего из Британии в виде «датских денег» с 991 по 1018 гг.).³⁰ В свою очередь «серебряный кризис» объясняется истощением рудников в начале XI в. (последняя мусульманская монета, найденная в России, датирована 1015 г.), разработками Раммельсбергских рудников, дававших с 964 г. высококачественное серебро для германского денария, а также ударами русов по Булгарии и Хазарии — вслед за их походами торговые потоки были переориентированы с Волжского пути на Днепровско-Волховский.³¹ За упадком пути последовал международный по тем временам финансовый кризис, вызвавший крах торговых столиц северной Европы — шведской Бирки и датского Хедебю.

В поиске причин или виновников этих потрясений часто звучит имя Святослава, сокрушившего Хазарию и заодно всю волжскую торговлю: «...дружины Святослава подрубили устои “серебряного моста”, связывавшего Север Европы с Востоком... Варяги, участвовавшие в походах Святослава, можно сказать, своими руками уничтожили основу процветания Бирки».³² Однако дело не в том, что неразумный русский князь одним набегом пресек двухвековую торговлю, и не в том, что у арабов кончилось серебро³³. Путь умер потому, что иссякло породившее его движение, сменились схемы мотивов-действий. Существенную роль в смене мотиваций и остановке движения норманнов сыграло христианство, «осадившее» северных воинов-торговцев и изменившее их отношение к южным землям и народам. На Руси сменился вектор движения — оно пошло в противоположную сторону, с юга на север. Его генератором стал Киев, а мотивационно-деятельностной основой — христианство как государственная идеология. Первые образцы этой схемы привезла из Византии Ольга; Владимир с Добрыней доставили их из Киева в Новгород; Ярослав возвел для них храмы св. Софии. Распространению христианства способствовал рост славяно-русских градов, возникших по соседству с варяго-русскими гардами. В отличие от гардов, служивших станциями пути, грады стали очагами оседлости. Так называемая феодальная раздробленность, приписываемая не то дурному нраву знати, не то законам всемирно-исторического развития, была следствием остановки пути. Варяги осели, и замер путь «из варяг»; дина-

мичная прежде Русь распалась на статичные локальные княжества. Например, Владимиро-Сузdalльская земля после смерти Всеволода Большое Гнездо разделилась на 5, при его внуках — на 12, при правнуков — на 100 удельных княжеств.

Единственным очагом, сохранившим и развивавшим магистральность, была Новгородская земля, которая не только сохранила целостность, но и расширила свои пределы за счет военно-торговой колонизации; к XIII в. новгородские владения простирались от Ботнии на западе до Урала на востоке и от Арктики на севере до Верхней Волги на юге. До появления монголов на Руси только новгородская (верхнерусская, северорусская) культура, наследница варяго-русской культуры, обладала магистральностью. Альянс русо-скандинавов и славян (словен и кривичей) сложился в длительном взаимодействии, начавшемся с совместного движения от Балтики к Волхову в VIII в. и продолжавшемся до последних варяжских походов XI в. Это взаимодействие, сопровождавшееся смешанными браками и перекрестными заимствованиями мотивационно-деятельностных схем, породило качественно новую культуру, вобравшую в себя скандинавскую магистральность и славянскую локальность. Переход Рюрика через Волховские пороги из Ладоги в Новгород (Городище) имел эпохальные последствия, поскольку привел к сложению речной магистральной славяно-русской культуры на основе морской скандинавской и лесной славянской. Механизм социальных мим-адаптаций преобразил скандинавский тинг в русское вече, норманнский лангskip в новгородский ушкуй, длинный варяжский дом в северорусские хоромы, торговую хватку викингов в купеческий стиль новгородцев. Сходным образом достоянием верхнерусской культуры стали славянские традиции в языке, промыслах, ремесле, искусстве, экологических знаниях.

Новгородские ушкуйники унаследовали военно-разбойный стиль викингов, но перенесли его с моря на реку; и в целом северорусская культура принадлежала уже не морским, а речным людям (хотя поморы сохранили морские привязанности норманнов). Если Ладога была восточной гаванью «морских кочевников», то Новгород стал столицей «речных кочевников». Расцвет Новгорода и северорусской культуры был обусловлен динамикой нордизма, ярко проявившейся в разбоях ушкуйников, путешествиях купцов и создании сети колоний на пространствах Севера, Урала и Сибири. Позднее норд-русский стиль движения выразился в деятельностиной схеме поморов с их вечевым нравом и тягой к охвату

больших пространств, торгово-промышленной предприимчивостью и поразительной адаптивностью (сочетанием роскошных хором и походных веж), протяженными и длительными плаваниями по Северному морскому пути от Атлантики до Пацифики.

В XIII в. маятник евразийской истории качнулся, и на смену осевшим кочевникам моря вновь пришли степняки. Впрочем, к Улу-су Чжути отошла лишь Нижняя Русь — область рек южного стока, некогда принадлежавшая хазарам. Верхняя Русь по рекам балтийского стока оставалась независимой еще более двух столетий, пока не была завоевана Москвой. Подобно викингам на море, монголы в степи развернули гигантскую социальную сеть, основанную на той же триаде «война–дань–торг», только доля торговли в ней была ничтожна в сравнении с военно-даническим промыслом. Монгольская культура больших пространств пересекла своими магистралями всю срединную Евразию, захватив на окраинном западе Нижнюю Русь в качестве локальной культуры. На стыке монгольской (ордынской) и нижнерусской культур сформировалась орд-русская или московская (по названию ее форпоста) культура, основанная на жестком централизме власти и военно-даническом промысле. Москва, как показали исследователи евразийской школы, унаследовала от Орды методы управления (русский лексикон пополнился монголо-турецкими понятиями «деньги», «казна», «таможня», «ярлык», «ясак») и к XVI в. превзошла по социально-политическому потенциалу рассыпавшуюся на части Орду. В целом верно, хотя и не лишено гротеска, замечание кн. Трубецкого: «Московское государство возникло благодаря татарскому игу... “Свержение татарского ига” свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву».³⁴

В отличие от быстро расцветающих в войне и гибнущих в мире степных кочевых империй, Московское царство укоренилось на нижнерусской локальности, впитав ордынскую магистральность. По устойчивости московская культура не уступала новгородской, а по военно-промышленному потенциалу, при остаточной поддержке Орды, значительно ее превосходила. Исход поединка царя и веча был предрешен, и в течение столетия, с 1471 по 1570 гг., усилиями двух «грозных» Иванов очаг верхнерусской культуры был уничтожен. Дуэль Москвы и Новгорода, трактуемая официальной историографией как борьба централизма с сепаратизмом, в действительности была эпохальным столкновением двух различных евразийских традиций — орд-русской и норд-русской.

В соответствии с хронологией появления двух магистральных культур — норд-русской в XI в. и орд-русской в XV—XVI вв. — разворачивались новгородская и московская колонизации. Интервал в полтысячелетия разделяет, например, первые рейды на/за Урал новгородцев и московских воевод. Северорусско-сибирские отношения вдвое старше московско-сибирских: новгородцы путешествовали в Югру и Самоедь уже в XI в. (возможно и раньше), московские рати добрались до Сибири в XV—XVI вв. Северорусское (новгородско-поморское) проникновение за Урал имело торгово-промышленный характер, московское — военно-административный. Экспансия норд-русской культуры выражалась в создании сети коммуникаций и колоний — городков, торжищ, промышленных станов в Балтии, Поморье, на Урале, в Поволжье — малых копий Новгорода с его размахом торговли и свободой веча. Их зависимость от метрополии была условной (например, двинские бояре и хлыновцы нередко расходились в политических предпочтениях с новгородцами) и, по большей части, основанной на корпоративно-торговых и личных связях. Деятельностная схема орд-русской традиции, немыслимая без мощного центра и основанная на административно-налоговом промысле, реализовалась в создании иерархической структуры «малых копий» Москвы, бюрократически централизованном управлении и политически окрашенной христианизации.

Противостояние этих традиций — нордизма и ордизма — до сих пор отзыается в конфликтах российского гражданства и русской этничности, централизма и регионализма. Впрочем, можно вести речь и об их срастании в синтетическую русскую культуру в широком спектре ее вариаций от одержимого старовера и покладистого крестьянина до разудалого купца и властолюбивого чиновника. Именно сдвоенная магистральность русской культуры, вобравшей в себя традиции нордизма и ордизма, а также славянскую локальную адаптивность, стала двигателем эпохальной экспансии, приведшей к образованию России на обширных пространствах Северной Евразии.

Примечания:

- Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН, 2009.
- Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XI—XIII вв. М.: Наука, 1982. С. 284, 294.

3. Макаров Н. А. Север и Юг Древней Руси в X – первой половине XIII века: факторы консолидации и обособления // Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 5.
4. Носов Е. Н. Происхождение первых городов Северной Руси // Исторические записки. Вып. 5 (123). М., 2002; Седов В. В. Становление первых городов в Северной Руси и варяги // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 206–210; Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М.: Наука, 2004.
5. По ПВЛ, из «Волковского леса» расходились пути на все четыре стороны по рекам, текущим с Валдая: по Днепру на юг, по рекам Ильменя на север, по Волге на восток, по Западной Двине на запад.
6. Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. С. 200–201; Носов Е. Н. Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 160.
7. В ПВЛ сквозным и устойчивым значением слова *русь* является «рать, элита войска», используемое от начала русской истории до XI в. Это соответствует толкованию названия *русь* из староскандинавского круга значений *rodr* 'гребной ход', *rofs* (др.-исл.), *тиф* (рун.) 'войско, дружина' (см.: Брим В. А. Происхождение термина Русь // Россия и Запад. Ч. 1. Пг., 1923. С. 7–10; Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977. С. 82, 106, 214; Петрухин В. Я. О начальных этапах формирования древнерусской народности в свете данных погребального обряда // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. Тез. докл. М., 1985. С. 63–64; Wilson D. M. The Vikings and Their Origins. Scandinavia in the First Millennium. London: Thames&Hudson, 1996. Р. 104).
8. Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. С. 164, 166.
9. Рябинин Е. А., Дубашинский А. В. Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 202–203.
10. Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 годов). М., 1985. С. 217–218.
11. Янин В. Л. Средневековый Новгород. С. 11.
12. Алексеева Т. И. 1999. Антропологическая характеристика восточных славян эпохи средневековья в сравнительном освещении // Восточные славяне: Антропологическая и этническая история. М., 1999. С. 168–169.
13. Herrmann J. Byzanz und die Slawen am "aussersten Ende des westlichen Ozeans" // Klio. Bd. 54. 1972. S. 309–320.
14. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 44–48.
15. Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги. С. 200.

16. Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.; 1982. С. 124–187; Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) Городище. С. 188–189; Леонтьев А. Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М. 1996. С. 68–192.
17. Дубов И. В. Погребения с мечами в Ярославских могильниках (к этнической и социальной оценке) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 33.
18. Седов В. В. К палеоантропологии восточных славян // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977. С. 151–154; Дубов И. В. Северо-Восточная Русь. С. 33–45; Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги. С. 216.
19. Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. IX. СПб., 1904. С. 66.
20. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1. М.: Вост. литература, 1962. С. 31–32.
21. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 276–277.
22. Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–XI вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 418–419.
23. См.: Гаркави А. Я. Указ. соч. С. 130–133; Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 83–84, 102; Заходер Б. Н. Указ. соч. С. 24; Артамонов М. И. История хазар. 2-е изд. СПб.: «Лань», 2001. С. 492–494, 497–499.
24. См.: Авдусин Д. А. Гнездовская экспедиция // КСИИМК. № 44. 1952. С. 320–321; Седов В. В. Становление первых городов в Северной Руси. С. 209; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. С. 227, 481, 482.
25. Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги. С. 212; Седов В. В. Становление первых городов в Северной Руси. С. 208–209.
26. Пушкина Т. А. Скандинавские находки из окрестностей Мурома // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М. 1988. С. 162–169.
27. Седов В. В. Становление первых городов в Северной Руси. С. 210.
28. Соловьев С. М. Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. I, тт. 1–2. М.: Мысль, 1988. С. 223.
29. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории древней Руси и ее соседей. X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. М.: Наука, 1991. С. 119, 145.
30. Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги. С. 216.
31. Сойер П. Эпоха викингов. СПб.: Евразия, 2002. С. 171; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. С. 256.
32. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. С. 574.
33. По свидетельству Ибн Хаукаля, после походов росов «прилив торговли» не уменьшился (см.: Заходер Б. Н. Указ. соч. С. 168).
34. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 157.

НОВГОРОД В ПИСЬМЕННОСТИ И ФОЛЬКЛОРЕ

И.В. 1 Пьянков,
г. Великий Новгород

ЗНАЛ ЛИ ГЕРОДОТ О СЕВЕРНОМ ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ?

Доходили ли до «отца истории» сведения о Северном Ледовитом океане?¹ Наиболее вероятным каналом, по которому эти сведения могли бы дойти до Геродота являются поведанные ему в Ольвии — греческой колонии Северного Причерноморья — рассказы эллинов о скифском торговом пути к аргиппейям и исседонаам. Путь этот вел от Ольвии на далекий северо-восток, в леса Урала и лесостепи Зауралья. Аргиппейям соответствует гамаюнская археологическая культура Южного и Среднего Урала, простирающаяся на север примерно до широты Серова, пришедшая на Урал, видимо, из Нижнего Приобья. Правда, далее на север, за пределы земли аргиппеев, скифы не ходили, но сами аргиппейи рассказывали скифам, что выше них, в горах, живут козлоногие люди, а за ними — люди, спящие по шесть месяцев в году (Hdt. IV, 25), — имелись в виде охотники в сапогах из ножных шкур горных козлов, на лыжах, подбитых мехом, и жители тундры, где полярная ночь длится полгода.² Казалось бы, здесь мы и должны встретить упоминание о Северном Ледовитом океане. Тем не менее, Геродот о нем не упоминает. Чем объяснить это умолчание?

Ко времени Геродота самые распространенные, обычные («школьные») представления греков о Севере, сформировавшиеся еще во времена расцвета ионийской науки, сводились к следующему: северная половина «Земного круга» окаймлена в высоким непроходимым хребтом — Рипеями, с которого дует свирепый северный ветер — Борей; сам круг омывается космической рекой

Океан, смыкающейся с небесным сводом, а между Рипеями и Океаном живет блаженный народ гипербореев (“живущих за Бореем”). Все новые сведения об окраинах ойкумены, поступавшие тогда к грекам, так или иначе привязывались к этой схеме: всякий значительный горный хребет на севере считался частью Рипеев, а обитавшие за ним люди признавались гипербореями, особенно если они примыкали к большому водному пространству, в котором греки, естественно, видели Океан.

К такому способу истолкования новых сведений о Севере, поступавших к грекам от скифов, ходивших к аргиппейям как во времена Геродота так и до него, и прибегали версии, независимые от Геродота. “Отец истории” знал о них, но принципиально не соглашался с выраженным в них общегеографическими представлениями. Он вообще отвергал ионийскую схему “Земного круга”. Он смеялся над картами, на которых земля, обтекаемая Океаном, “кругла, будто очерчена циркулем” (IV, 36), он отрицал и само существование Океана (II, 21, 23; IV, 8), не верил в существование гипербореев (IV, 36), справедливо отмечая, что о них ничего не говорят скифы, и сомневаясь, что о них могли говорить исседоны (IV, 32; здесь он полемизирует с Аристеевой картиной Севера).

Все эти моменты необходимо учитывать, анализируя сведения Геродота о Крайнем Севере, связанные со скифским торговым путем. Говоря о горах аргиппеев, т.е. об отрогах Уральского хребта, которые для независимых версий были, конечно, Рипеями, Геродот не приводит их название (Рипеи он вообще ни разу не упомянул в своем сочинении). В то же время, его описание гор аргиппев выдает знакомство “отца истории” с независимыми версиями. В этом описании явственно проступает образ Рипейских гор, мало соответствующий Уральским горам: горы аргиппеев очень высокие и неприступные (IV, 23, 25), к тому же представлены тянущимися в широтном направлении (IV, 25). Людей, спящих шесть месяцев, он тоже гипербореями не называет, точно зная, что скифы ни о каких гипербореях не ведали (IV, 32). Видимо, то же произошло и со сведениями независимых версий о Северном Ледовитом океане, у берегов которого обитали эти люди. Геродот, надо думать, решил совсем уж несерьезным упоминать о несуществующем для него Океане (II, 23; IV, 8), считая слухи о нем целиком домыслами его соотечественников (II, 23). А относительно того, омывается ли Европа морем с севера и востока, как считал Геродот, вообще ни-

кому ничего достоверно не известно (IV, 45; здесь под Европой понимается вся северная половина ойкумены).

Что же говорилось о Северном Ледовитом океане в независимых версиях? К сожалению, эти версии дошли до нас в очень фрагментарном виде, в передаче значительно более поздних авторов. Одна из таких версий передана римскими авторами Помпонием Мелой и Плинием Старшим. Продолжая описание земель вдоль скифского пути к аримфеям (= аргиппейям), живущим у Рипейских гор, они сообщают: по ту сторону Рипейских гор лежит побережье, обращенное к Океану; узкую полосу земли между горами и Океаном занимают счастливые и справедливые гипербореи, день и ночь у них делятся по шесть месяцев в году, а живут они близ мировой оси небесной сферы (Mela, I, 117; III, 36-37; Plin., IV, 89-90), под созвездием “гипербoreйской Медведицы” (Lucan, V, 23).

Сам Океан этой версии именовался Скифским и считался северной частью водного пространства, омывающего сушу восточнее “устья” Каспийского моря; берега его населяли “скифские” народы, начиная с гипербореев, обитавших по северную сторону от Аквилона (Борея) и Рипейских гор, — за исключением тех мест на этих берегах, где “царствует вечная зима и невыносимый холод” (Mela, I, 9, 11; III, 36-38, 44-45; Plin., VI, 33, 36-37, 53). Согласно другой версии северная часть единого Океана, за “устем” Каспийского моря (там, где живут “сыны аrimаспов”), называется Ледовитым и Кронийским морем; солнце “редко светит над этим морем и всегда плотно скрывается в мрачных облаках” (Dion. Reg., 30-35, 728-729). Упоминание аrimаспов свидетельствует, что и эти известия восходят к рассказу о скифском пути к аргиппейям. Наконец, согласно еще одной версии, Северный Океан (там, где он “омывает Скифию”), называется Амалхийским, что “на языке того народа значит Ледовитый” (Plin., IV, 94). Удачная конъектура *amaechium* вместо *amalchium* (предполагающая в греческом оригинале чтение *ΑΜΑΙΧΙΟΣ*) подтверждает скифское происхождение этого слова: древнеиранский (в данном случае скифский) его оригинал реконструируется как **ham-aīxa*, где *aīxa* = новоперс.-таджик. *яҳ* — “лед”.³ Тем самым подтверждается и то, что сведения о Северном Ледовитом океане в версиях рассказа о скифском пути, параллельных Геродотовской версии, — не домыслы греков, а подлинная часть скифского рассказа.

Надо отметить, что поздние античные авторы римского времени стали путать этот Ледовитый Океан с Мертвым морем, под ко-

торым имели в виду замерзшее зимой Балтийское море. Об этом море римляне узнали впервые во время морской экспедиции Августа — Тиберия и стали подозревать о его протяженности до скифских берегов (Plin., II, 167; ср. IV, 95). Тем не менее, у названий моря “Кронийское” и “Мертвое” прослеживается какая-то изначальная связь: ведь согласно представлениям древних греков Крон царствует на островах блаженных в Океане, которые ассоциировались с потусторонним миром.

Таким образом, независимые от Геродота, но известные ему версии рассказа о скифском торговом пути к аргиппеям на Урал, содержали и сведения об Океане, именуемом Ледовитым и Кронийским. Все версии названного рассказа основаны на подлинной скифской информации, поданной, однако, в греческой обработке. Последняя, конечно, внесла многое от себя — например, образ блаженных гипербореев.⁴ Но сведения об Океане и приполярных явлениях принадлежат скифским торговцам. Однако сами скифы до Северного Ледовитого океана не доходили. В данном случае они, в свою очередь, получали информацию от местного населения Южного и Среднего Урала, народа аргиппеев, состоявшего, как я пытался показать в указанных выше работах, из самодийских и угорских племен. Насколько соответствует эта информация современным мифо-географическим представлениям коренных народов приполярного Урала и Западной Сибири?

Оказывается, им знакома даже общая схема вселенной, лежащая в основе рассказа о скифском пути: земля как плоский диск, окруженный морями и прикрытый сверху небесным сводом. Север, где находятся устья великих рек, впадающих в Ледовитый океан, и сам океан — это мрачный и холодный Нижний мир, мир мертвых, где находится “Мертвый остров”; мертвецы или их души плывут туда в кедровых колодах вниз по реке. Созвездиям Большой и Малой Медведицы придавалось особое значение, особенно созвездию Малой Медведицы (как главному ориентиру), а находящаяся в ней Полярная звезда считалась “пупом середины неба” (так восприниматься она могла лишь в приполярной зоне), служа осью небесной сферы.⁵

Следовательно, скифы действительно передавали подлинные рассказы аргиппеев о Крайнем Севере. Это не удивительно, так как еще за несколько веков до Геродота примерно тем же путем те же сведения о Крайнем Севере доходили и до древних арьев — предков индоарийских народов и дальних родичей скифов. Эти ари-

обитали тогда еще, как позднее и скифы, в степной полосе Евразии. И до них доходили слухи о Молочном океане на далеком Севере, о Белом острове в нем как обители безгрешных героев, о длящейся шесть месяцев ночи и Полярной звезде как небесной оси.⁶

О чудесах Крайнего Севера рассказывали и много веков спустя после Геродота. Тогда к уграм (югра русских летописей и йура арабских авторов) за пушниной ходили купцы Новгорода и Булгара. Тем и другим угры рассказывали о загадочном народе, с которым на краю света они вели меновую торговлю. В их рассказах еще заметны отзвуки сообщений аргиппееев о Крайнем Севере. Новгородцам они поведали о горах до неба, тянущихся до Лукоморья (океана), где они лишь через малое оконце, прорубленное в хребте, могли общаться с помощью жестов со своими торговыми партнерами. Булгарам говорили о стране у моря Мраков, где они производили заочный немой обмен с неизвестными людьми.⁷

Очевидно, что сведения о Северном Ледовитом океане на протяжении многих веков являлись органической частью общих представлений о Крайнем Севере, и Геродот, любознательность которого простиравалась и на эту отдаленную окраину ойкумены, знакомый не с одной версией рассказов о ней, конечно, не мог не знать о великом водном пространстве Севера, но в силу своих теоретических убеждений не считал слухи о нем достоверными и достойными упоминания.

Примечания:

1. В науке обычно считают, что Античный мир не знал Северного Ледовитого океана, а упоминание его в античных сочинениях и на картах рассматривают как чисто умозрительную конструкцию, обусловленную теоретическим постулатом об Океане, омывающем со всех сторон сушу, см.: Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 29.

2. Обо всем этом более подробно см. в моих работах о скифском пути к аргиппеям: Пьянков И.В. Аргиппей — загадочный народ древнего Урала. // Очерки истории Урала. Вып. 50. Екатеринбург, 2009. С. 13–30; он же. Путь к аргиппеям. (Древние пути на Урал). // Вестник Новгородского гос. университета. Серия “Гуманитарные науки”. Новгород, 1998. № 9. С. 48-55.

3. Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Heft II. Leipzig, 1905. S. 84, 94.

4. Здесь я не говорю о происхождении самих греческих представлений о блаженных гипербореях, неприступных Рипейских горах и реке Океан. Это отдельная тема.

5. Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 76, 85, 90–91, 112–113.
6. Бонгард-Левин М.Н., Грантовский Г.А. От Скифии до Индии. 2-е изд. М., 1983. С. 7–19, 38–53.
7. Петрухин В.Я. Югра в контексте начальной русской истории. // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008. С. 452–457.

*В.П. Степаненко,
г. Екатеринбург*

ОЛИСЕЙ ГРЕЧИН МЕЖДУ НОВГОРОДОМ И АСКАЛОНОМ

В 1973—1977 гг. в Новгороде была раскопана усадьба, судя по найденным в ней грамотам, принадлежавшая Олесею Гречину. В 1981 г. памятник был издан Б.В. Колчина, А.С. Хорошевым и В.Л. Яниным [1]. Анализируя найденные на территории усадьбы весьма неординарные материалы, исследователи констатировали, что ее владелец был художником-греком, который был близок к новгородской элите, имел контакты с Киевом и, возможно, Константино-полем и, наконец, участвовал в росписи ц. Спаса на Нередице.

Позже В.Л. Янин признал Гречина русским и реконструировал его биографию как представителя новгородской верхушки, предположив, что в 1193 г. Олисей Гречин Петрович был кандидатом в новгородские архиепископы, в 1196 г. участвовал в росписи церкви Положения Ризы в кремле, в 1199 г. возглавил работы по росписи ц. Спаса на Нередице, в начале 1220 г. был священником ц. Константина и Елены, в 1226 г. был избран игуменом Юрьева монастыря, умер в 1230 г. [2].

Обратившийся к данному вопросу А.А. Гиппиус отметил слабые стороны реконструкции В.Л. Янина и предложил свой вариант биографии Гречина, оговорив его гипотетичность [3]. По его мнению, Олисей принадлежал к известной боярской семье, будучи сыном Петра Михалковича, выдавшего в 1156 г. дочь за новгородского князя Мстислава Юрьевича, сына Юрия Долгорукого от второго брака с некой Грекыней. Сам князь весной 1157 г. был изгнан из Новгорода, а в 1162 г. вместе с братьями Василько и Все-

володом и матерью был изгнан Андреем Боголюбским откуда-то из Северо-Западной Руси и бежал в Византию, «где был милостию встречен императором Мануилом, который дал Васильку четыре города на Дунае, а Мстиславу «волость Отскалана», отождествляемую предположительно с палестинским Аскалоном». «Надо думать, — продолжает автор, — что судьбу князя Мстислава разделила его жена». Олисею Петровичу, если верно его отождествление с умершим в 1230 г. игуменом Юрьева монастыря Саввой Гречиным, могло быть тогда не более пяти-семи лет. Таким образом, в то время, когда будущий Гречин должен был получать начальное образование, а затем осваивать профессию церковного художника, его сестра находилась в Константинополе, а впоследствии, вероятно, в Палестине. Так что сын Петра Михалковича, как никакой другой его сверстник-новгородец, имел возможность непосредственно познакомиться с Византией, усвоить из первых рук школу восточнохристианского искусства (скорее всего, в провинциальной ближневосточной рецензии), приобрести приличное знание греческого языка, а вместе со всем этим, вернувшись через некоторое время в родной город, и прозвище Гречин» [4].

Отмечая, что факты отправки детей в Византию для обучения иконописи, неизвестны, А.А. Гиппиус аргументирует свое предположение тем, что ранее не были известны и ситуации типа «дочь новгородского боярина замужем за русским князем в Византии», не замечая, что все это — его собственная весьма шаткая гипотеза, основанная на том, что «надо думать, что судьбу Мстислава Юрьевича разделила его жена». Соглашаясь с гипотезой В.Л. Янина об участии Гречина в росписи Нередицы и констатируя, что «представление о высоком положении художника Олисей Гречин мог вынести из Византии», в качестве рядового свидетельства оного он приводит достаточно уникальную ктиторскую надпись в ц. Рождества в Вифлееме, датированную правлением Мануила Комнина и короля Иерусалима Амори и упоминающую мозаичиста Ефраима, чье византийское происхождение сугубо гипотетично.

Основываясь на изысканиях А.А. Гиппиуса и принимая, несмотря на сделанные оговорки, их как аксиому, О.Е. Этингоф идет дальше, реконструируя уже пребывание Гречина в Византии и в Палестине [5]. Она полагает, что Отскалан Ипатьевской летописи — это Аскalon в Палестине и, как следствие, пытается обосновать пребывание Гречина на востоке анализом находок в его усадьбе в Новгороде. Здесь были найдены фрагменты импортных автор, по мень-

шей мере одна из которых сугубо предположительно связывается автором с Иерусалимским королевством, восемь фрагментов сирийского расписного стекла, перламутровые крестики и фрагменты смальты, цера, золотой перстень, «связанный с византийскими ремесленными традициями», фрагменты окладов икон и деревянные заготовки для них. Найденная уникальной берестяной грамоты № 552 с греческим текстом трактуется как свидетельство контактов хозяина усадьбы с греками. Отметим, что печать протопрея Евстафия, найденная здесь же, вопреки мнению исследовательницы, никакого отношения к Византии и тем более к Палестине не имеет. Она датируется концом XI — началом XII вв., приписывается кому-то из новгородских функционеров [6] и, как следствие, аргументом в пользу пребывания Гречина в Палестине не является.

Анализируя сообщение Ипатьевской летописи о даровании императором Мстиславу Юрьевичу волости Отскалана, исследовательница исходит из утверждавшейся в отечественной историографии с середины XIX в. гипотезы, впоследствии ставшей аксиомой, о родстве второй жены Юрия Долгорукого, матери Мстислава, Василько и Всеялода, с Комнинами. Но, как показал А.П. Каждан, оснований для данного утверждения нет, так как источники сообщают лишь о том, что княгиня была «грекиней» и не более того. Все остальное — домыслы исследователей XIX столетия [7].

К сожалению, исторический экскурс О.Е. Этингhoff относительно византийско-иерусалимских отношений данного периода излишне краток, неточен, и ссылка на работу А.В. Назаренко вряд ли спасает положение. Аскalon был завоеван в 1153 г. и вошел в состав королевского домена, будучи передан в 1154 г. брату Бадуэна III Амори как графу Яффы и Аскалона, а затем, после вступления Амори на престол, стал частью королевского домена [8]. Если король и признал сюзеренитет Мануила Комнина, это свидетельствует не об усилении позиций Византии в регионе, но о том, что государства крестоносцев нуждались в военной поддержке империи в борьбе с атабеком Алеппо и Дамаска Нур ад дином. Отсюда частичные уступки короля в религиозной сфере — возвращение в Иерусалим греческого патриарха в 1163 г., и реставрация мозаик ц. Рождества в Вифлееме. (Вряд ли можно утверждать, что работавшие здесь мастера, тот же Ефраим, были греками — В.С.) [9]. «Мануил восстановил греческий православный причт в ц. Гроба Господня в Иерусалиме, восстановил православную архиепископскую кафедру в Газе, будучи одним из главных ктиторов, принимал участие в по-

новлении и украшении храмов в Иерусалиме, Вифлееме, Абу Гоше и др. Это означает, что полномочия Мануила в Иерусалимским королевстве простирались сравнительно далеко»[10].

В то же время исследовательница сомневается в том, что «Мануил жаловал русскому князю земли в Палестине», так как «эти сведения, кажется, не подкреплены сообщениями греческих источников. Имел ли византийский император владения в святой Земле и полномочен ли был их дарить, мы не знаем». Рассуждения о том, что именно в 60-е — первую половину 70-х гг. XII в. «православные имели возможность совершать паломничества в Палестину», вопреки мнению О.Е. Этингофф, не свидетельствуют о том, что «Мстислав Юрьевич мог получить в 1163 г. земельные владения в палестинском Аскалоне или имел возможность пребывать там в благоприятных условиях». Тем более, что условия этой инфеодации, а иного варианта быть не могло, не предполагали передачу феода схизматику, коим князь и являлся для латинян.

Возвращаясь к анализу находок в мастерской Гречина, исследовательница полагает, что они свидетельствуют о проживании здесь кого-то из греков, работавших в мастерской Олисея. Фрагмент амфоры с неопределенным клеймом стал «фрагментами» и уверенно приписывается мастерским Иерусалимского королевства: «сирийское стекло с арабской надписью, перламутровые крестики и могут быть прямым указанием на контакты хозяина новгородской мастерской с Палестиной». В пользу этого, по мнению О.Е. Этингофф, свидетельствует и история Аскалона.

Но приведенный ею экскурс в историю города не полон и не точен. Пребывавший здесь «в благоприятных условиях» князь Мстислав выехал на Русь, как она считает, накануне взятия Иерусалима Салах ад дином, т.е. накануне 1187 г. С ним, нужно полагать, вернулся в Новгород обогащенный палестинскими впечатлениями Гречин, привезя с собой греков и православных палестинцев. Предложенная исследовательницей дата возвращения не случайна, так как в Новгороде он впервые упоминается в 1193 г. Закономерен и ее вывод о том, что «многочисленные находки привозных византийских и палестинских предметов на усадьбе художника и других местах Новгорода могут свидетельствовать не только о паломничестве новгородцев в Святую землю, но и о существенном импорте»[11].

Первый вывод вполне приемлем. Находки на усадьбе могут быть трактованы как паломнический комплекс (те же перламут-

ровые крестики, кои продолжают привозить из Палестины и в наши дни) [12]. Что до констатации наличия «существенного импорта», то, по мнению издателей комплекса усадьбы, «за тридцать лет работы археологических раскопок в Новгороде собрано немногим более 700 фрагментов привозных (южных или иных амфор). На нашей усадьбе только в слоях второй половины XII в. их обнаружено более 130. Этот факт говорит о чрезвычайно интенсивных связях владельца или владельцев усадьбы с южными областями» [13]. Как следствие, ни о каком «существенном импорте» в Новгород из Палестины и речи быть не может. Мы опять возвращаемся к единовременному привозу хозяином или хозяевами усадьбы сувениров (перламутровые крестики, сирийское стекло, византийские евлогии [14]), напитки (амфоры) и, возможно, ладан из паломничества в Палестину через Константинополь, что хорошо вписывается в картину всплеска паломнической активности именно в данный период [15], что и отмечает О.Е. Этингоф. Приведем в качестве примера свинцовую иконку с изображением Гроба Господня, серебряный реликварий с частицами мощей св. Стефана и Креста распятия, оба с латинскими надписями, и морскую раковину как атрибут паломничества из раскопок М.К. Каргера в Изяславле [16]. Так что для приобретения палестинских впечатлений младенцу Гречину не было необходимости бежать с сестрой в Византию, и даже в Святую землю, и сидеть там более двадцати лет. Много проще было совершить паломничество или паломничества в 60—70 гг. XII в. и вернуться не только с сувенирами, но и с мастерами греками, сирийцами или пулланами [17].

В этой связи обратимся к фактам. После смерти великого князя Юрия Долгорукого в 1157 г. его преемником стал старший сын от первого брака с половчанкой — Андрей Боголюбский. Сыновья от второго брака — Мстислав и Василько сидели на уделах. Мстислав в Новгороде, Василько, как кажется, в Суздале. Хронология событий 1157—1162 гг. вся смутна и противоречива. В русской историографии сложилось представление о том, что Андрей Боголюбский после прихода к власти изгнал из страны мачеху и ее сыновей, своих сводных братьев Мстислава, Василько, Всеволода и племянников-Ростиславовичей. Однако произошло это много позже, в 1162 г. Русский летописец сообщает: «В том же году выгнал Андрей епископа Леона из Суздаля и братьев своих погнал, Мстислава и Василька и двух Ростиславичей... В том же году пошли Гюргевичи к Цареграду, Мстислав и Василько с матерью, и

Всеволода молодого взяли с собой, третьего. И дал царь Васильку четыре города на Дунае и Мстиславу дал волость Оскалана»[18].

Эти данные частично подтверждает византийский хронист Иоанн Киннам, сведения которого остались неизвестными биографам Гречина. Он пишет: «В то же время Владислав, один из династов Тавроскифской страны, с женой, детьми и всеми своими людьми добровольно перешел к ромеям. Ему была дана земля у Истра, которую некогда василевс дал пришедшему Василику, сыну Георгия, который среди филархов Тавроскифской страны обладал старшинством»[19].

Данные пассажи неоднократно комментировались исследователями [20], так как представления Киннама о генеалогии русских князей, как и его русского летописца о том, что же получили русские князья на Дунае, достаточно смутны. Исследователи также не в состоянии локализовать данные крепости-города. Так, П. Настурел считал, что князья получали земли в устье Дуная или даже в Южной Молдавии [21], что маловероятно, так как граница византийских владений проходила в этом районе западнее, а термином «города на Дунае» продолжатель Скилицы называл фему Паристрион [22]. Очевидно лишь, что князья получали владения в пределах фемы и вряд ли на территории густонаселенной Болгарии. Вероятнее предположить, что это были крепости, расположенные восточнее Доростола — Новиодунум, Диногеция, Аксиполь и Сучидава и — до Тульчи и Исакчи.

По Киннаму, русские князья дважды получали города на Дунае: в 1162 г. — Василько, и в 1164 г., когда на территории Византии появился загадочный Владислав «с женой, детьми и всеми своими людьми», он получил «землю у Истра, которую василевс некогда дал пришедшему Василику, сыну Георгия».

Биография Василька известна довольно плохо. Впервые упоминается в летописях в 1149 г., когда при вождении Юрия Долгорукого в Киеве он получил от отца Сузdal. В последовавшей затем борьбе отца своего с великим князем Киевским Изяславом Мстиславичем в 1152 г. он был оставлен отцом в Новгороде-Северском на помощь Святославу Ольговичу, но после заключения мира между Изяславом и Святославом ушел к отцу в Сузdal. В 1154 г. Юрий послал его княжить в Поросье, населенное торками и берендеями, с которыми он отражал от Роси в том же году половцев. В 1160 г. Василько вместе с Рюриком Ростиславовичем ходил помогать великому князю Киевскому Ростиславу Мстис-

лавичу в борьбе его с претендентами на Киев. Затем Василько Юрьевич находился в Суздале, откуда в 1162 г. и был изгнан братом, великим князем Андреем Боголюбским.

В русской историографии с XIX в. сложилась традиция считать Василько и его братьев Всеялода, Димитрия и Мстислава сыновьями Юрия Долгорукого от второго брака с «Грекиней», объявленной дочерью императора Алексея I Комнина [23], или же представительницей клана Комнинов — довольно обширного круга аристократических семей, связанных родственными узами с правящей династией [24]. При этом исследователи исходили и исходят из того, что киевский князь мог взять в жены лишь даму, равную ему по статусу. И ею могла быть только византийская принцесса. Византий в это время правят Комнины. Род большой, разветвленный (см. генеалогию К. Варзоса [25]), принцессы выдавали замуж много и часто. Отсюда и вывод о престижном браке русского князя. Но А.П. Каждан довольно убедительно показал, что большая часть наших представлений о византийских браках русских князей — лишь плод деятельности русских историков XIX в., не находящий подтверждения в источниках [26]. Исследователя упрекнули в гиперкритицизме, но ничего по существу возразить не смогли [27].

Создается впечатление, что владел Василько городами на Дунае недолго. Его судьба после бегства в Византию неизвестна, как и судьба Мстислава. По-видимому, они умерли к 1174 г., первый, возможно, даже раньше, к 1164 г., когда его владения на Дунае были переданы императором «Владиславу, одному из династов Тавроскифской страны». По крайней мере, в 1174 г., через три года после убийства Андрея в Боголюбове, «...пришел из-за моря из Солуня брат его Всеялод... и сел на великое княжение» [28]. А так как он был младшим из трех братьев, то старших к этому времени явно не было в живых. Так что Мстислав никогда не вернулся на Русь, и более его имя на страницах летописей не появлялось. Что же до Отскалана-Аскалона (?), то Мануил никак не мог дать его или землю в его окрестностях русскому князю, так как не владел данными территориями, входившими в домен короля Иерусалима. Не мог дать князю Аскалон и сам король, так как неизвестно ни одного случая передачи феода православному схизматику или армянину и, тем более, по рекомендации императора (казус князя Киликий Тороса Рубенида [29]). Латинские хронисты упоминают армян, греков, арабов и туркополов в составе иерусалимской армии как вассалов короля или баронов. Но получение фьефа предполагает

и католическое вероисповедание претендента...[30]. В 1179 г. Салах ад дин приказал перебить всех попавших в плен после Хаттина туркополов в наказание за их отступничество [31].

И хотя вероятность получения русским князем фьефа на территории Иерусалимского королевства предельно мала, на наш взгляд, связывать с его бегством в Византию судьбу Олисея Гречина нет необходимости. Повторим. Для того, что бы познакомиться с художественной жизнью Палестины, Гречину было неизбежно бежать туда вместе с Мстиславом Юрьевичем в 1162 г. и возвращаться в 1187 г. Проще было совершить паломничество и вернуться нагруженным впечатлениями и амфорами с вином и маслами. О том, что контакты с Палестиной в XII в. имели место, и контакты — паломнические, кроме «Хождения» Даниила, свидетельствуют и немногочисленные пока археологические данные, как, например, находки в Изяславле.

И, наконец, русские же летописцы имели весьма смутное представление о том, что происходило вне пределов Руси и даже в ней самой. Приведем в качестве примера сообщение Никоновской летописи о том, что в 1186 г. «приходил царь Греческий Алексей Порфирогенит, сын Мануила, царя Греческого, в Новогород»[32], которого позднейшие исследователи отождествили с Алексеем III, по-видимому, имея в виду Алексея Комнина Ангела, правившего в 1195—1203 гг. [33]. Естественно, что к убиенному в 1183 г. в Константинополе Алексею II, сыну Мануила, этот Алексей не имел никакого отношения и, вероятнее всего, был самозванцем. Возможен и иной вариант. Это был кто-то из Комнинов, бежавший к гипербореям от репрессий Андроника Комнина, свергнутого в 1185 г. Как бы то ни было, принять Алексея Порфирогенита за наследника Мануила могли лишь люди несведущие и мало представлявшие себе, что происходило в это время в Византии.

Примечания

1. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.
2. Гиппиус А.А. К биографии Олисея Гречина// Церковь Спаса на Нередице. От Византии к Руси. М., 2005, с. 105
3. Там же.
4. Там же.
5. Этингфоф О.Е. Заметки о Греко-русской иконописной мастерской в Новгороде и росписях в Спасо- Преображенской церкви на Нередице// Церковь Спаса на Нередице., с.115-143.

6. Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. Т.1. М., 1970, с.64-66.
7. Kazdan A. Rus-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries// Harvard Ukrainian Studies, 12/13, 1988/1989, с.423-424 – возводит создание данного мифа к Н.М. Карамзину (История государства Российского, 1, с.161. прим.1(405). Ссылки на мнение последнего, как «опиравшегося на греческие и русские источники», стали традиционными. Но уже В.Г. Васильевский показал, что данная точка зрения, разделяемая С.М. Соловьевым и Н. Костомаровым, не опирается на факты (В.Г. Васильевский. Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу//Васильевский В.Г. Труды. Т.2./1, СПб., 1909, с.44-46).
8. См. Подробнее Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство. СПб., 2002, с.68, 96-97; Mayer H.-E. The
9. Kuhnel G. The 12th-Cent. Decoration of the Church of the Nativity: Eastern and Western Concord // ACR. 1993. P. 197–203;
10. Этингфо О.Е. Ук. Соч., с.118.
11. Там же., с.119.
12. См. Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан. Спб., 1998, №№78-134.
13. Кончин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба., с. 86.
14. Если, конечно, изданная В.Л. Янинным византийская анонимная печать с Агиосоритисой, т.е. скорее всего константинопольского происхождения, найдена на усадьбе. См. Янин В.Л. К проблеме авторства нередицких фресок//ПКНО, (1987), 1988, с. 178.
15. Древнерусские источники молчат об этом. Одно из объяснений тому – вероятный социальный статус паломников. Западноевропейские пилигримы были представлены представителями всех слоев общества от нищих до герцогов и сами паломничества были вполне обыденным явлением, учитывая географическую близость Европы и Палестины, разделенных Средиземным морем, и наличие удобных морских коммуникаций. С Русью дело обстояло несколько иначе. Княжеские паломничества были единичны (Евфросинья Полоцкая), остальные же паломники вряд ли удостаивались внимания хронистов. См. Назаренко А.В. Русь. Запад и Святая Земля в эпоху крестовых походов// Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001, С. 617-648.
16. Пескова А.А. Паломнические реликвии Святой Земли в древнерусском городе/Пилигримы. СПб., 2001. с.113-126. Но вряд ли можно согласиться с предположением издателя о том, что они попали на Русь через Западную Европу. Найдены они в разных местах городища, что отмечает сама А.А. Пескова. То есть принадлежали разным людям. Датированы могут быть лишь до 1187 г., и явно относятся к паломническому комплексу. Функционально реликварию св. Стефана наиболее близок почти тождественный по форме серебряный реликварий с частицами мощей св. Варвары с греческой надписью из Благовещенского собора Кремля, атрибутированный Византии и датированный XII в.- См .Христианский храм. Святыни Благовещенского собора в Кремле. М., 2003, №111, с.312-313.
17. Потомки крестоносцев от браков с местными уроженками.

18. Ипатьевская летопись//ПСРЛ, т.II, СПб.,1908, с.530 -531.
19. Иоанн. Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. СПб., 1859 (Репр. Рязань 2003) с.187. Комм. см.: Бибиков М.В. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1997, с. 87, прим. 238-245.
20. Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с.485; Фрейденберг М.М. Труд Иоанна Киннама как исторический источник// ВВ, 1959, т. 9, с. 42; Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с.192. Бибиков М.В. Византийский историк Иоанн Киннам., с. 87, прим. 238-245
21. Nastirel P.S. Valaques, coumans et Byzantins sous le regne de Manuel Komnene//Byzantina, t.1, 1969, p.170-172,184.
22. H Suneceia th cronomograia tou Iwannou Skulitzh, ed.E.T.Tsolakh. Qessalonikh. 1968, 113-114.
23. Творогов О.В. Князья Рюриковичи//www/lants.tellur/ru//history.
24. Назаренко А.В. Рец на: Harward Ukrainian Rewiev // ОИ, 1994, 4, с. 205.
25. Barzoj K.H Genealogia twn Komnhnwn. D.1-2. Fessalonikh. 1984.
26. Каждан А.П. (Kazdan A. Rus- Byzantine Princely Marriages, с.423—424.
27. Например, Назаренко А.В. Рец ., с. 204—206.
28. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. Статьи, находящиеся в рукописи археологической комиссии перед комиссионным списком Новгородской Первой летописи. М.-Л., 1959, с.468.
29. При встрече в 1170 г. во время паломничества в Иерусалим с Амори I Горос Рубенид предложил расселить в Палестине армянских воинов-азатов с семьями для защиты Святой земли, но против выступила церковь, требовавшая, чтобы они как христиане платили десятину. Переселение не состоялось. Chronique d' Ermoul et de Bernard du Tresorier/ Ed. Mas Latrie. Paris,1871, p. 27-30.
30. Richard J. Les Turcoples au service des royaumes de Jerusalem et de Chypre: musulmans convertis ou chretiens orientaux?// Croisades et Etats latin d' Orient. Points de vue et documents. Aldershot.1992, p.259-270.
31. Grousset R. Histoire des Croisades et du royaume franc de Jerusalem Paris, t.2. 1934(Repr.), p. 679; Ришар Ж.Латино-Иерусалимское королевство., с.158.
32. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью//ПСРЛ,. Т.10, СПб., 1885 (Репр. М., 2001), с.12
33. Брюсова В.Г., Щапов Н.Н. Новгородская легенда о Мануиле царе Греческом// ВВ, 32,1971 с.101.

Список сокращений:

ВВ – Византийский Временник

ПКНО – Памятники культуры. Новые открытия

Т.Ю.Фомина,
г. Набережные Челны

НОВГОРОДСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ X—XVII вв. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Древнерусские летописи являются важнейшим нарративным памятником истории средневековой Руси XI-XVII вв., без привлечения которого невозможно полноценное изучение отечественной средневековой истории. Историческая ценность их огромна, "во-первых, как собрания свидетельств, показаний о прошлом, во-вторых, как остатка прошлого: не только в материальном смысле, как памятника письменности, но и как остатка прошлой деятельности народа..., как осколка социально-политической жизни прошлого" [1].

В рамках древнерусской летописной традиции летописание Великого Новгорода занимает особое место и вызывает интерес с точки зрения той важнейшей социально-политической роли, которую играла новгородская земля в истории Древней Руси. Ведь это колыбель древнерусской государственности, оплот вольности и вечевой независимости и, наконец, ключевое звено в процессе объединения русских земель в единое Российское государство. Само содержание новгородских летописей своим демократизмом, эмоциональностью, подробностью погодных записей значительно отличается от летописания других русских земель. Удивительно и то, что именно летописание Новгорода, с его независимостью суждений и полнотой изложения событий, было органично воспринято и приспособлено к решению идеологических задач на этапе становления Российского государства. Нельзя не отметить, что летописная традиция Великого Новгорода, в отличие от летопи-

сания других политических центров, имеет наиболее продолжительную и единую линию своего развития. Вероятно, в этом кроется причина неослабевающего интереса ученых к этому комплексу письменных источников по истории Новгорода и всего русского государства. Более чем за два века научных исследований новгородскому летописанию посвящено значительное число монографий и статей. Однако, работ историографической направленности на сегодняшний день известно не так много.

В трудах дореволюционных ученых историография новгородского летописания представлена главным образом в виде кратких историографических справок, традиционно помещаемых авторами перед основной частью исследования. К числу первых попыток изучения историографии русского летописания необходимо отнести не опубликованную, но сохранившуюся в рукописи работу историка петербургской школы А. Е. Преснякова (1870-1929), написанную в 1902 г. [2]. Своебразным итогом изучения летописного наследия Великого Новгорода в дореволюционный период можно считать главу в обстоятельной монографии В. С. Иконникова [3]. Ряд замечаний касающихся летописания Великого Новгорода был высказан А. С. Лаппо-Данилевским [4]. Обзорная характеристика основных направлений изучения древнерусского летописания в дооктябрьский период дана В. И. Бугановым [5].

В советское время направление историографического исследования было сосредоточено главным образом на изучении общих вопросов истории летописания, его начальных этапов, оценке места летописных памятников в процессе развития исторической мысли в России, на решении теоретических проблем [6]. Поэтому в этих работах сюжеты о новгородском летописании рассматриваются преимущественно в рамках общерусской летописной традиции. Краткая характеристика исследований по истории русского летописания, проведенных в советское время, содержится в учебниках М.Н.Тихомирова по источниковедению и его статьях о русских летописях [7], в работах Д. С. Лихачева, Б. А. Рыбакова, А. Н. Насонова о русских летописях [8], в трудах по истории исторической науки в СССР (Л. В. Черепнин, В. И. Астахов) [9], источниковедению (И. Л. Шерман) [10], истории Академии наук СССР [11].

Наиболее обстоятельно вопросы советской историографии русского летописания были затронуты В. И. Бугановым. В статье 1966 г. [12] исследователь кратко охарактеризовал основные тенденции и методы изучения летописания в советской исторической науке. Бо-

лее обстоятельно эти вопросы освещены в его монографии [13]. Из исследований, изданных после 1991 г., необходимо отметить монографию А. Г. Боброва [14], посвященную памятникам новгородского летописания XV в. В ней ученый дает обстоятельный обзор истории изучения и публикации летописных текстов Новгорода того времени. В докторской диссертации В. В. Яковлева прослеживается история новгородского летописания XVII в., анализируются сохранившиеся летописные источники данного периода [15].

Несмотря на значительный интерес отечественных исследователей к историографическому аспекту изучения новгородского летописания, работ обобщающего характера по этой проблеме так и не было создано. В связи с этим представляется актуальным рассмотрение историографии новгородского летописания как не достаточно изученной в исторической науке проблемы. Это позволит проанализировать с точки зрения современного исторического знания методологические, исследовательские основы и результаты работы дореволюционных, советских и современных ученых по изучению памятников новгородского летописания.

Для любого научного исследования важнейшим является определение круга источников. Источниками для данной работы стали статьи, монографии, разделы в научных исследованиях, посвященные анализу происхождения, истории текста летописей (редакций, списков и т.д.) и публикации. Также были привлечены исследования по древнерусской истории, в той или иной степени затрагивающие новгородское летописание, кроме трудов языковедческого и историко-литературного плана.

В ходе работы важнейшей стала проблема принадлежности тех или иных летописных памятников к новгородскому летописанию. Происхождение Новгородской первой, Новгородской второй, Новгородской третьей, Новгородской Карамзинской летописей, Летописца епископа Павла не вызывает сомнения у исследователей. А.А. Шахматов ввел в число новгородских сводов Новгородскую пятую летопись. С.Н. Азбелевым была доказана принадлежность к новгородской летописной традиции Новгородской Уваровской, Новгородской Забелинской, Новгородской Погодинской летописей. Число новгородских сводов было расширено В.В. Яковлевым за счет выделения Новгородской Корнильевской летописи [16]. В 2005 г. Е.Л. Конявской введена в научный оборот Новгородская Большаяковская летопись [17].

Летопись Авраамки хотя и была составлена в Смоленске, но в ее составе вошел чрезвычайно интересный новгородский свод, не сохранившийся до наших дней, но содержащий уникальные известия по периоду с 1447 по 1469 гг. [18]. Относительно происхождения (новгородского или московского) Новгородской четвертой и Софийской первой летописей учеными высказываются различные мнения. В частности А.А. Шахматов полагал, что эти летописи, восходят к оригиналу, составленному в Новгороде и представляющему собой соединение новгородского летописания с общеrusским [19]. Согласно наблюдению И.А. Тихомирова, в состав Софийской первой летописи входит сокращенная новгородская летопись, а из списков Новгородской четвертой новгородского происхождения лишь Академический список и так называемый Хронограф [20]. По мнению Г.М. Прохорова [21], Софийская первая и Новгородская четвертая летописи являются соответственно московским и новгородским вариантами общерусского свода. Эта точка зрения на сегодняшний день представляется наиболее обоснованной. Поэтому Новгородская четвертая летопись будет рассмотрена в числе памятников новгородского летописания, а Софийская первая летопись останется за рамками нашего исследования.

Другим важнейшим аспектом стал вопрос идентификации упоминаемых в исследованиях источников. Например, список, хранящийся в ГПБ под номером F.IV.238, в научной литературе имеется то летописью Дубровского (XVI в.), то «сводом 1539 г.» [22], то списком Дубровского Новгородской четвертой летописи. Первоначально в дооктябрьский период рукопись ГИМ, Синодальное собр., № 280 считалась одним из списков Новгородской четвертой летописи, впоследствии А.А.Шахматов определяет его как Хронографический список Новгородской пятой летописи. В 1940 г. М.Н. Тихомировым был введен в научный оборот Новгородский Хронограф XVII в. [23]. М.А. Макина именует его как Новгородский свод 1680 г., [24], а С.Н. Азбелев определяет как список Новгородской Забелинской летописи.

Еще больше разнятся мнения исследователей относительно так называемого "Софийского временника". "Российская летопись по списку Софийскому Великого Новгорода" [25] была опубликована П. М. Строевым в 1795 г. и названа Софийским временником, а позже Софийской первой летописью. Н. Н. Яниш называл Софийским временником свод, возникший в Новгороде после его покорения Москвой [26]. В рукописи, опубликованной уже после

смерти А. А. Шахматова в 1940 г., содержатся доказательства того, что новгородский Софийский временник середины XV в. послужил основой для создания Новгородской четвертой и Софийской первой летописей [27]. Дискуссионным остается и вопрос о времени создания Софийского временника. Д. С. Лихачев относил составление памятника к 1136 г. [28], а В. Л. Комарович полагал, что это произошло около 1432 г [29]. На сегодняшний день Софийский временник рассматривается лишь в числе гипотетических сводов. Однако, необходимо отметить что список, опубликованный П. М. Строевым в 1795 г., после обстоятельного анализа был отнесен С. Н. Азбелевым к Новгородской Уваровской летописи XVII в [30], то время как В. В. Яковлев считает, что список БАН 34.4.1. должен быть выделен в качестве самостоятельной Новгородской Корнильевской летописи.

Таким образом, в данной работе мы исходим из того, что, согласно современным исследованиям, к новгородскому летописанию относятся следующие памятники:

XIV в.: Новгородская первая летопись старшего извода (Н1ст) [31].

XV в.: Новгородская первая летопись младшего извода (Н1мл), Новгородская четвертая летопись (Н4), Новгородская пятая летопись (Н5) (ее другие названия — Хронографический список новгородской четвертой летописи, Новгородская Хронографическая летопись), Новгородская Карамзинская летопись (НК), Летописец епископа Павла (ЛЕП) и Летопись Авраамки (ЛА).

XVI в.: Новгородская летопись Дубровского (НЛД), Новгородская Большаковская летопись (НБЛ).

Конец XVI-начало XVII вв.: Новгородская вторая летопись (H2).

XVII в.: Новгородская третья летопись (Н3), Новгородская Забелинская летопись (НЗаб), Новгородская Погодинская летопись (НПог), Новгородская Уваровская летопись (НУв), Новгородская Корнильевская летопись (НКорн).

В названии летописей именование "новгородская" отражает либо место создания свода, либо основное содержание известий. Нумерация летописных памятников принята исследователями условно в соответствии с порядком их издания в серии "Полное собрание русских летописей", подготовленной Археографической комиссией. Определение Новгородской пятой летописи принадлежит А. А. Шахматову. Новгородская Забелинская, Новгородская Погодинская, Новгородская Уваровская, Новгородская Карамзинская.

зинская, Новгородская Большаяковская летописи и Летописец епископа Павла названы по принадлежности к собраниям исследователей или коллекционеров. Летопись Авраамки и Новгородская Корнильевская летопись — по имени создавшего ее писца или заказчика свода.

Подводя итоги изучения новгородского летописания в отечественной историографии, необходимо отметить, что учеными была проделана значительная работа как по изучению истории новгородской летописной традиции, так и по выявлению, публикации и исследованию летописных памятников Великого Новгорода. В дооктябрьский период история новгородского летописания в рамках общерусского летописания, была представлена в работах А.А. Шахматова [32], Д.С. Лихачевым и Л.В. Комаровичем суммированы сведения по истории летописания Великого Новгорода, накопленные наукой к середине 1940-х годов [33]. В начале 1960-х гг. С.Н. Азбелевым исследовано летописание Великого Новгорода XVII в. [34]. В постсоветский период история новгородского летописания XV в. обстоятельно изучена А.Г. Бобровым [35]. О.Л. Новиковой предпринята попытка восстановить этапы летописной работы в Новгороде в начале XVI в. [36]. Новгородское летописание XVII в. стало предметом исследования докторской диссертации В.В. Яковлева [37]. В числе актуальных задач современной науки остается создание истории новгородского летописания на всем протяжении его существования.

Основной репертуар памятников новгородского летописания был выявлен (Н1, Н2, Н3, Н4, Н5, ЛА, списки НУв и НЛД) и опубликован в дооктябрьский период [38]. Советскими учеными введены в научный оборот не известные ранее памятники XVII в. — НЗаб, НПог, НУв [39], обнаружены новые списки Н1 и Н3, изучены летописцы ряда новгородских церквей [40]. После 1917 г. публикуются Н4 и Н5 (не завершено) [41], подготовлены еще в дооктябрьский период, изданы Н1 и Н2, опубликовано фотовоспроизведение текста Синодального списка Н1 [42]. В постсоветский период к памятникам новгородского летописания отнесена НБол и НКорн [43], впервые была издана НК [44].

В процессе изучения новгородского летописания можно выделить следующие направления научного исследования. В числе актуальных исследовательских проблем необходимо назвать вопросы начального новгородского летописания. До 1917 г. на достаточно широкой источниковой основе эта проблема рассматривала-

лась Н.Н. Янишем и И.П. Сениговым [45]. Обстоятельно и детально начальные этапы летописания Великого Новгорода были восстановлены А.А. Шахматовым, им же реконструирован текст Начального новгородского свода [46]. Основные положения шахматовской схемы, касающиеся, прежде всего, гипотетических сводов (1050 г., 1095 г. и других) были подвергнуты критике Е.Ю. Перефецким и В.М. Истринным [47]. Ученые советского периода (А.С. Орлов, М.Н. Тихомиров, Б.А. Рыбаков, Д.С. Лихачев) [48], напротив, уточняют отдельные выводы Шахматова.

Самым изучаемым памятником новгородского летописания следует признать Н1. Дискуссионный характер носят вопросы, касающиеся авторов-переписчиков и источников летописи, протографов и места составления свода, возможности восстановления утраченной начальной части Синодального списка. Неоднократно в отечественной историографии предпринимался сравнительный анализ списков этой летописи (Д.И. Прозоровский, М.П. Погодин, А.А. Шахматов, Д.С. Лихачев, А.А. Гиппиус, Т.В. Гимон, А.Г. Бобров) [49].

Также хотелось бы отметить работы исследователей, обобщающие сведения по целому ряду новгородских летописных сводов, по таким критериям, как списки летописи, время и обстоятельства их создания, состав источников и т.д. Так в работе А.А. Шахматова были подведены итоги изучения Синодального, Комиссионного, Троицкого и Академического списков Н1, Н4, Н5, НК, ЛА, ЛЕП [50]. Д. С. Лихачев кратко суммирует сведения относительно Н1, Н2, Н3, Н4, Н5, ЛА, ЛЕП [51]. Результаты исследования новгородских сводов XVII в. — НУв, НПог, НЗаб, НЗ — изложены С.Н. Азбелевым и В.В. Яковлевым [52]. Н1мл, НК, Н4, Н5 обстоятельно изучены ведущим современным исследователем новгородского летописания А.Г. Бобровым [53].

Из трудов дооктябрьского периода заслуживает особого внимания работа Н. Я. Аристова [54], где новгородские летописи, в числе других летописных сводов, рассматриваются как источники по истории церкви. Советскими учеными (И.М. Троцким, Д.С. Лихачевым) [55] впервые на основе анализа летописных статей XII в. выявляется идеологическая направленность летописных текстов, на материале летописных известий XIV—XV вв. прослеживается идеологическое противостояние Москвы и Новгорода. В конце 1940-х годов Н.Г. Бережковым [56] были исследованы проблемы древнерусского летосчисления, в том числе и в новгород-

ких сводах. В советский период было положено начало изучения деятельности монастырских центров книгописания, в частности Лисицкого монастыря что под Новгородом (А. И. Семенова) [57]. С середины 1980-х годов разработка этого направления исследований была продолжена А. Г. Бобровым [58]. Вопросы времени со-здания, протографов и особенностей НК стали предметом оживленной дискуссии на протяжении 1970-х-конца 1990-х годов в трудах Я.С. Лурье и Г. М. Прохорова [59]. В исследовательских работах постсоветского времени прослеживается тенденция к раскрытию новых информативных возможностей летописного текста (А.А. Гиппиус, Т.В. Гимон, Г. М. Прохоров) [60], а проблемы истории новгородского летописания XV – начала XVI в. рассматриваются с учетом целого комплекса важнейших факторов, таких как историко-культурные перемены в жизни Новгорода, особенности летописной работы при дворе новгородских владык и в пригородных книжных центрах (А. Г. Бобров) [61]. Анализ научных трудов с момента зарождения российской исторической науки до современных работ конца XX в. позволяет говорить о процессе непрерывного расширения тематики исследований в процессе изучения новгородского летописания.

Также правомерно говорить и об эволюции методов изучения новгородских летописных источников в отечественной историографии. На этапе становления научного знания, безусловно, имело место не критическое цитирование летописных текстов, но уже в трудах В.Н. Татищева начинают разрабатываться аспекты анализа летописных источников, высказываются мнения по отдельным проблемам новгородского летописания. Следующим этапом изучения сводов стала критика летописных известий с точки зрения здравого смысла. А.Л. Шлецером в отечественное летописеведение введен метод реконструкции летописных текстов, при котором встречающиеся в списках разнотечения рассматриваются как следствие искажения исходного текста при неоднократном переписывании. Удаление этих разнотечений дает исследователю искомый первоначальный текст. Н.К. Бестужев-Рюмин предложил метод "расшивки" летописных сводов на тексты, восходящие к разным летописным центрам, с целью воссоздать первоначальный вид предшествующих текстов [62].

Методы и приемы анализа летописных текстов, разработанные А.А. Шахматовым [63] при изучении общерусских сводов XIV–XV вв., стали основополагающими для отечественного летописе-

ведения — это систематическое сличение списков, выяснение вставок путем установления дублировок, анализ хронологии, имеющихся описок, извлечение хронологических указаний из помещенных в летописях перечней и списков (князей, митрополитов, посадников, русских епархий и т.п.). Важнейшее значение имеет внешняя и внутренняя критика источника, археографический и текстологический анализ рукописи. В процессе развития научного знания значительно усложнился метод сравнительного анализа. Исследователи середины XIX в. применяют его при анализе отдельных статей списков одной летописи (Д.И. Прозоровский, М.И. Погодин) [64]. Позднее известия новгородских летописей в ограниченных хронологических рамках сравниваются с ПВЛ и общеrusскими памятниками (М.И. Сухомлинов, Н.Н. Яниш) [65]. На сегодняшний день предпринимается сравнительный анализ памятников на всем протяжении летописного текста (А.А. Гиппиус, Т.В. Гимон, Г.М. Прохоров) [66].

Таким образом, отечественными исследователями была проделана огромная работа как по выявлению, публикации и исследованию новгородских летописных источников, так и по изучению истории новгородской летописной традиции в целом. Однако в числе важнейших задач современной науки остается создание истории летописания Великого Новгорода XI—XVII вв., при этом и перспективы изучения каждого из известных сегодня летописных сводов далеко не исчерпаны.

Примечания:

1. Насонов А. Н. О русском областном летописании // Изв. АН СССР. Серия истории и философии. 1945. Т. 2, № 4. С. 291.
2. Архив ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 1, д. 55. — место хранения рукописи приводится по: Чирков С. В. Работа А. Е. Преснякова по историографии русского летописания // АЕ за 1968 г. 1970. С. 417.
3. Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2. Кн. 1. 1056 с.
4. Лаппо-Данилевский А. С. Очерк развития русской историографии. Введение // Рус. ист. журн. 1920. Кн. 6. С. 5-29.
5. Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы. М., 1975. С. 7—24.
6. Лурье Я.С. Изучение русского летописания // ВИД. 1968. № 1. С. 4—31; Лихачев, Д. С. О летописном периоде русской историографии // ВИ. 1948. № 9. С. 21—40; Тихомиров М.Н. Начало русской историографии // ВИ. 1960. № 5. С. 41-56; Рубинштейн, Н. Л. Русская историография. М..

1941. С. 20-26, 31-39, 43-49 ; Рубинштейн, Н. Л. Летописный период русской историографии (Историография феодальной Руси XI-XVII вв.) // Ученые записки Москов. ун-та. 1946. Вып. 93. Кн. 1. История. С. 3-19.
7. Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940. Т. 1. С. 51-55 ; Многочисленные статьи М.Н.Тихомирова собраны в обобщающем издании: Тихомиров, М. Н. Русское летописание. М., 1979. 384 с.
8. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 16-17, 32-34; Рыбаков, Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 158-159; Насонов, А. Н. История русского летописания XI-начала XVIII вв.: Очерки и исследования. М., 1969. С. 13-21.
9. Черепнин Л. В. Русская историография до XIX в. Курс лекций. М., 1957. С. 30-34 ; Астахов, В. И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков, 1965. С. 47-48.
10. Шерман И. Л. Русские исторические источники X-XVIII вв. Харьков, 1959. С. 30-32.
11. Очерки по истории Академии наук СССР. Исторические науки. М.; Л., 1945. С. 26-27.
12. Буганов В. И. Русское летописание в советской историографии // ВИ. 1966. № 12. С. 143-155.
13. Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы. М., 1975. 344 с.
14. Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. 287 с. — монография содержит текст докторской диссертации автора.
15. Яковлев В. В. Новгородское летописание XVII в. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997.
16. Там же.
17. Конявская Е. Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // Новгород. ист. сб. 2005. Т. 10(20). С. 322-482.
18. Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. С. 229-233.
19. Шахматов А. А. Киевский начальный свод 1095 г. // А. А. Шахматов (1864-1920). Сб. статей и мат-ов. М. ; Л., 1947. Вып. 3. С. 134-139.
20. Тихомиров, И. А. Обозрение состава московских летописных сводов // ЛЗАК. 1895. Вып. 10. С. 1-84.
21. Прохоров Г. М. Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов. (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская I, Новгородская IV и Новгородская V летописи) // ТОДРЛ. 1999. Т. 51. С. 137-205.
22. Азбелев С. Н. Две редакции новгородской летописи Дубровского // Новгород. ист. сб. 1959. Вып. 9. С. 219-228.
23. Тихомиров М. Н. Новгородский хронограф XVII века // Новгород. ист. сб. 1940. Вып. 7. С. 66-114.
24. Макина М. А. О демократических тенденциях в литературе древнего Новгорода // Новгород. ист. сб. 1961. Вып. 10. С. 230-233.
25. Российская летопись по списку Софийскому Великого Новагорода в продолжение издаваемых манускриптов Библиотеки Академии наук, по ее повелению. СПб., 1795. Ч.1. 372 с.

26. Яниш И. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1874. 96 с.
27. Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. 4. С. 9-150.
28. Лихачев Д. С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 240-265.
29. История русской литературы. М. ; Л., 1946. Т. 2. Ч. 1. 531 с.
30. Яковлев В. В. Летопись Новгородская Уваровская// Словарь книжников и книжности Древней Руси Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 292-295.
31. В скобках указаны принятые в тексте сокращения.
32. Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М.; Л., 1938. 372 с.
33. История русской литературы. М. ; Л., 1946. Т. 2. Ч. 1. 531 с.
34. Азбелев С. Н. Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. // ТОДРЛ. 1858. Т. 15. С. 251-283. ; Азбелев, С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960. 295 с.
35. Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века.
36. Новикова О. Л. Новгородские летописи начала XVI в. : текстологическое исследование // Новгород. ист. сб. 2003. Вып. 9 (19) С. 221-244.
37. Яковлев В. В. Новгородское летописание XVII в.
38. Летописец Новгородский, начинающийся от 6525/1017 году и кончивающийся 6860/1352 годом. — М., 1781. — 184 с. ; Летописец Новгородский, начинающийся от 6525/1017 году и кончивающийся 6860/1352 годом. — М.: Синодальная типогр., 1819. — 224 с. ; Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки // ПСРЛ — СПб., 1889. — Т. 16. — 3 ненум. с., 2 табл., 320 стб., 69 с. ; Новгородская вторая летопись // ПСРЛ — СПб., 1841. — Т. 3. — 9 с., 2 табл., 308 с. ; Новгородская летопись по Синодальному списку — СПб., 1875. — 338 с. ; Новгородская летопись по Синодальному хардайному списку — СПб., 1888. — 10, 490, 98 с. ; Новгородская первая летопись // ПСРЛ — СПб., 1841. — Т. 3. — 9 с., 2 табл., 308 с. ; Новгородская третья летопись // ПСРЛ. — СПб., 1841. — Т. 3. — 9 с., 2 табл., 308 с. ; Новгородская четвертая летопись. Псковская первая летопись // ПСРЛ. — СПб., 1848. — Т. 4. — 8 с., 2 табл., 362 с. ; Новгородские летописи : (Так названные новгородская вторая и новгородская третья летописи). — СПб., 1879. — 24, 488, 113 с. ; Новгородский летописец (с 946 до 1441 г.) — Мышикин, 1899. — 232 с. ; Новгородский летописец, начинающийся от 946 и продолжающийся до 1441 г. // Продолжение Древней российской вивлиофики. — СПб. : Изд-во имп. Академии наук, 1786. — Т. 1, ч. 2. — 232 с. Псковские и Софийские летописи // ПСРЛ. — СПб., 1851. — Т. 5. — 277 с. ; Псковские летописи / подгот. к печ. А. Н. Насонов. — М. ; Л., 1941. — Вып. 1. — 146 с. ; Российская летопись по списку Софийскому Великого Новагорода в продолжение издаваемых манускриптов Библиотеки Академии наук, по ее повелению. — СПб., 1795. — Ч. 1. 372 с. ; Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год. в 2 ч. — М., 1820. — 456 с. ; Софийские летописи // ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т. 6. — 359 с. ; Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. — М., 1836. — 24, 172, 32 с.

39. Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960. 295 с.
40. Зимин А. А. Насонов А. Н. О так называемом Троицком списке Новгородской первой летописи // ВИ. 1951. № 2. С. 89-90. ; Насонов, А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. 1955. Т. 4. С. 243. ; Насонов, А. Н. О некоторых летописных памятниках хранилищ Ленинграда // Проблемы источниковедения. 1958. Т. 6. С. 235-274. ; Азбелев, С. Н. Новгородская третья летопись (Время и обстоятельства возникновения) // ТОДРЛ. 1956. Т. 12. С. 236-262. ; Азбелев, С. Н. Летописные памятники Новгорода XVII-XVIII вв. (Обзор списков) // ТОДРЛ. 1957. Т. 13. С. 282-296. ; Азбелев, С. Н. Новгородские местные летописцы // ТОДРЛ. 1958. Т. 15. С. 364-370.
41. Новгородская пятая летопись // ПСРЛ. – Пг., 1917. – Т. 4. – Ч. 2, вып. 1. – 246 с.; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. – Пг., 1915-1929. – Т. 4. – 1915 – Ч. 1, вып. 1. – 9, 320 с; 1925. – Ч. 1, вып. 2. – С. 321-536; 1929. – Ч. 1, вып. 3. – С. 537-687.
42. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись / отв. ред. М. Н. Тихомиров. // ПСРЛ – М., 1965. – Т. 30. – 240 с.; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. – М. ; Л., 1950. – 640 с. – Рец.: Лихачев Д. С. // ВИ. – 1951. – № 5. – С. 106-109. ; Новгородская хардайная летопись / под ред. М. Н. Тихомирова – М., 1964. – 344 с.
43. Конявская Е.Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова; Яковлев, В.В. Новгородское летописание XVII в.
44. ПСРЛ. Т.42. : Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002. 224 с.
45. Яниш Н.Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1874. 96 с.; Сенигов, И.П. Историко-критические исследования о новгородских летописях и о российской истории В. Н. Татищева. М., 1888. 436 с.
46. Шахматов А. А. Киевский начальный свод 1095 г. // А. А. Шахматов (1864-1920). Сб. статей и мат-ов. М. ; Л., 1947. Вып. 3. С. 134-139.
47. Перфецкий Е. Ю. Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922. 101 с. ; Истрин, В. М. Замечания о начале русского летописания. По поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи // Изв. ОРЯС. 1921. Пгр., 1923. Т. 26. С. 45-102 ; Изв. ОРЯС. 1922. Л., 1924. Т. 27. С. 207-251.
48. Орлов А. С. Древняя русская литература XI-XVI вв. М. ; Л., 1937. 379 с. ; Тихомиров, М. Н. Новгородский хронограф XVII века // Новгород. ист. сб. 1940. Вып. 7. С. 66-114. ; Рыбаков, Б. А. Остромирова летопись // ВИ. 1956. № 10. С. 46-59. ; Лихачев, Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. ; Л., 1947.
49. Прозоровский Д. И. Кто был первым писателем первой новгородской летописи – // ЖМНП. СПб., 1852. Ч. 75. С. 1-28. ; Погодин, М. П. Новгородские летописи // Изв. ОРЯС Имп. АН. СПб., 1858. Т. 6. Стб. 209-233. ; Шахматов, А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М. ; Л., 1938. 372 с. ; Лихачев, Д. С. Русские летописи и их куль-

турно-историческое значение. М. ; Л., 1947. ; Гимон, Т. В. Гиппиус, А. А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгород. ист. сб. 1999. № 7(17). С. 18-47. ; Бобров, А. Г. Новгородские летописи XV века.

50. Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М. ; Л., 1938. 372 с.

51. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. ; Л., 1947.

52. Азбелев С. Н. Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. // ТОДРЛ. 1858. Т. 15. С. 251-283. ; Азбелев С. Н. Две редакции новгородской летописи Дубровского // Новгород. ист. сб. 1959. Вып. 9. С. 219-228. ; Яковлев В. В. Новгородское летописание XVII в.

53. Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века.

54. (Аристов Н. Я.) Обзор русских летописей в содержании и характере их, преимущественно церковно-историческом // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. 1860. Ч. 1. апрель. С. 385-440 ; Ч. 2. май. С. 46-74 ; июнь. С. 177-201.

55. Троцкий И. М. Опыт анализа первой Новгородской летописи // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. 1933. С. 337-362. ; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. ; Л., 1947. ; Лихачев Д. С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 240-265. ; Лихачев, Д. С. Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV-XV вв. // ИЖ. 1941. № 5. С. 43-56.

56. Бережков Н. Г. О хронологии русских летописей по XIV век включительно // ИЗ. 1947. Вып. 23. С. 324-363.

57. Семенов А. И. Лисицкий монастырь — пригородный центр новгородского книгописания // ТОДРЛ. 1961. Т. 17. С. 369-373.

58. Бобров А. Г. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (конец XIV — первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси XI-XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78-98

59. Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. 1977. Т. 32. С. 165-198. ; Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // Там же. С. 199-218.

60. Гимон Т. В. Гиппиус, А. А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгород. ист. сб. 1999. № 7(17). С. 18-47. ; Прохоров, Г. М. Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов.

61. Бобров А. Г. Варлаам Лисицкий — новгородский книжник конца XIV — начала XV вв. // Вече (Новгород). 1995. № 18. С. 5. ; Бобров, А. Г. Из истории книгописания Лисицкого новгородского монастыря в конце XIV — начале XVI вв. // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и древних книг. Л., 1985. С. 10-16 ; Бобров А. Г. Лисицкий Рождества Богородицы монастырь // София (Новгород). 1997. № 1. С. 19-21 ; Бобров А. Г. Новгородский летописный свод 1411 г. и Варлаам Лисицкий // Новгород в культуре Древ-

- ней Руси: Материалы Чтений по древнерусской литературе. Новгород, 1995. С. 89-101.
62. Подробнее см.: Данилевский И. Н. Летописание // Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие. М. 1998. С. 171-234.
63. Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М. ; Л., 1938. 372 с.
64. Прозоровский Д. И. Кто был первым писателем первой новгородской летописи — // ЖМНП. СПб., 1852. Ч. 75. С. 1-28.; Погодин, М. П. Новгородские летописи // Изв. ОРЯС Имп. АН. СПб., 1858. Т. 6. Стб. 209-233.
65. Сухомлинов М. И. О древней русской летописи, как памятнике литературном // Учен. зап. Имп. АН. СПб., 1856. Кн. 3. С. 1-230 (2 отд.); Яниш, Н. Н. Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1874. 96 с.
66. Гимон Т.В. Гиппиус А.А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгород. ист. сб. 1999. № 7(17). С. 18-47.; Прохоров Г.М. Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов.

Список сокращений

Издания

ВИ – Вопросы истории.

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения.

ИЖ – Исторический журнал.

ИЗ – Исторические записки.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы.

Летописные памятники

ЛЕП – Летописец епископа Павла.

ЛА – Летопись Авраамки.

НБол – Новгородская Большаковская летопись.

Н2 – Новгородская вторая летопись.

НЗаб – Новгородская Забелинская летопись (ее другие названия – Новгородский свод 1680 г., Новгородский хронограф XVII в.)

НК – Новгородская Карамзинская летопись (НК1 – первая подборка, НК2 – вторая подборка).

НЛД – Новгородская летопись Дубровского (ее другие названия – «свод 1539 г.», список Дубровского Новгородской четвертой летописи).

Н1 – Новгородская первая летопись. Н1мл – младшего извода, Н1ст – старшего извода.

НПог – Новгородская Погодинская летопись.

Н5 – Новгородская пятая летопись (ее другие названия – Хронографический список новгородской четвертой летописи, Новгородская Хронографическая летопись). **ХС** – Хронографический список летописи.

Н3 – Новгородская третья летопись.

НУв — Новгородская Уваровская летопись.

Н4 — Новгородская четвертая летопись. Н4ст — старшей редакции,
Н4мл — младшей редакции.

ПВЛ — Повесть временных лет.

С1 — Софийская первая летопись. С1ст — старшей редакции, С1мл —
младшей редакции.

*М.Ю. Мельчакова, А.В. Сазанова,
г. Екатеринбург*

ПРОБЛЕМА КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ В НОВГОРОДСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Тема княжеской власти в Новгородской республике в отечественной историографии обычно рассматривается в контексте государственного устройства или политической структуры в отражении новой формы правления. В таком плане работы были известны с XVIII в. Однако, как отмечает С.Л. Пештич, в это время был и государственное устройство еще не стали предметом или объектом научного изучения у историков России¹. В то же время, отечественных исследователей под воздействием теории «естественногозакона» заинтересовал вопрос о лучшей форме правления. Последнее и привлекло внимание историков к проблеме новгородской республики. Заметим, что вначале данная проблема рассматривалась в рамках одного из самых значимых вопросов историографии XVIII в.: о значении государства и роли самодержавного монарха, как обозначил ее Л.В. Черепнин.² Новгородская история попадает в поле зрения исследователей в основном в двух аспектах, тесно связанных с историей самодержавия: призвание князей новгородцами, отождествляемого историками с началом самодержавия на Руси, и потеря независимости вольной Новгородской республики, олицетворявшая торжество монархических традиций.

С другой стороны, еще одним фактором, оказавшим влияние на изучение проблемы в XVIII в., стало выявленное С.И. Маловичко «некритичное отношение к терминам, присущее всему XVIII в.»³.

Последнее привело к частому смешению терминов «республика», «демократия», «аристократия», которые в ряде случаев оказываются очень близкими по смыслу, обозначая отсутствие сильной княжеской власти в Новгороде. Так, например, Г.-Ф. Миллер отмечал, что славяне имели аристократическое правление, хотя далее он говорит об общенародном правлении⁴.

С XVIII в. историки все пристальней изучают вопросы взаимоотношений князя и веча, и места княжеской власти в период «народовластия» в Новгороде. Тогда их интерес был сконцентрирован на проявления «народной» власти как следствия сильной княжеской. Необходимо отметить, что проблемой освещения княжеской власти в Новгороде в XVIII в. занимались такие историки, как В.Н. Татищев, Г.-Ф. Миллер, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин и др. Несмотря на то, что эта тема не была приоритетной, необходимость охарактеризовать положение новгородского князя диктовалась господствующей идеологией XVIII в. Как правило, историки этой эпохи отмечают слабость княжеской власти в Новгороде. Признавая этот факт, Г.-Ф. Миллер предложил новую трактовку причин призываивания варягов — только для охраны Новгородской земли — что, в свою очередь, значительно ограничивало функции князя.⁵ Однако уже в творчестве Н.М. Карамзина оформляется и другая точка зрения. Поддерживая, с одной стороны, уже существующее мнение, М.Н. Карамзин говорит о новгородцах, «...которые нередко останавливали государя в делах важнейших, предлагали ему советы, требования, иногда решали собственную судьбу...»⁶. При этом историограф считал нужным отметить, что «в самом Новгороде князь судил, наказывал и сообщал власть свою тиунам, объявлял войну, заключал мир, налагал дани». Соединяя, таким образом, противоречивые сведения летописи, историк оставляет их как равнозначенные, не отдавая приоритет какой-либо позиции.

Больший интерес вызывали причины слабости княжеской власти. Историки попытались связать его с конкретным событием, в результате которого киевский князь признал существование в Новгороде особых политических порядков, проявлявшихся, главным образом, в ограничении власти новгородского князя. В этой связи В.Н. Татищев и М.М. Щербатов обратили внимание на знаменитые т.н. «Ярославовы грамоты», упоминания о которых в летописях под 1228—1230-ми гг. дают возможность отождествлять их с некими правовыми или политическими документами, положившими начало новым взаимоотношениям Новгорода как поли-

тического целого с князьями.⁷ Однако в летописи вслед за сообщением, что Ярослав «дав им правду и устав списавъ, тако рекши имъ: по се грамоте ходите, якоже списках вам, также держите»⁸ был помещен текст Русской Правды. Последнее послужило основанием для историков XVIII в. отождествить Ярославовы грамоты и Русскую Правду. Так, в заметках «К российской истории» А.Н. Радищев прямо указывает, что В.Н. Татищев «видел список грамоты о вольности новгородцев», что свидетельствует о трансформации, которую пережила трактовка этого документа в исторических исследованиях уже к концу XVIII в.⁹ Однако рассмотрение содержания Русской Правды не позволило конкретизировать сущность политических прерогатив новгородцев, хотя сам факт существования «Ярославовых грамот», как основание специфики общественно-политического устройства Новгорода, стал достоянием отечественной исторической науки.

В первой половине XIX в. специфическое общественно-политическое устройство Новгорода (а в контексте этой проблемы и проблема княжеской власти) заинтересовало Е. Болховитинова, П.И. Сумарокова, Н.Н. Муравьева, И.И. Григоровича, Н. Полевого, Ю.Ф. Самарина, Ф.-Г. Эверса, К.Д. Кавелина, С.М. Соловьева и др.

Отличительной особенностью историографии первой половины XIX в. стал новый подход к институту княжеской власти и положению его в системе управления новгородской республики. Вероятно, под воздействием растущей источниковой базы, исследователи стали уделять институту княжеской власти гораздо больше внимания. Показательны размышления Е. Болховитинова, сравнивающего князей и посадников. Основное различие, по его мнению, заключалось в разных источниках власти: князья владели по породе и наследству, а посадники владели народами по выбору народному и на определенное только время, большей частью на год, так, как в Риме — консулы.¹⁰ Таким образом, исследователь фактически приравнял положение князя и должностного лица. Скорее исключением из правила стала попытка Н. Полевого рассмотрения княжеской власти с точки зрения теории феодализма. В частности, он пишет об известных условиях, на основе которых городские общины «признавали власть Государя, обязывались помогать ему войском, но имели своих судей, свое войско, могли защищать свои права...»¹¹. С другой стороны, историк обращает внимание на летописную формулу, характерную для описания взаимоотношений новгородцев с князьями. Покорность, ко-

торую оказывали князьям новгородцы на словах и на письме, опытается объяснить духом времени.¹² И славянофилы, и западники также приходят к мысли о значительной роли князя в Новгороде. Так, для Ю.Ф. Самарина князь и община стали двумя параллельными явлениями, необходимыми друг для друга.¹³ К.Д. Кавелин также признавал, что «верховная власть находилась в одно и то же время в руках князя и веча», причем их взаимоотношения не были ничем определены¹⁴. Тем не менее, верховные права историк отдает все же вечевым властям: «...князь от него (Новгорода — М.М.) зависит и всегда может быть удален от общины».¹⁵ Известные ограничения княжеской власти, о чем свидетельствовали договорные грамоты, для исследователя не были признаками собственно княжеского института власти, так как изменялись с каждым новым князем.¹⁶

Впервые полный критический анализ института княжеской власти был предложен С.М. Соловьевым. Знаменательно, что в тексте С.М.Соловьев также рассматривает институты посадничества и княжеской власти параллельно, главным образом, на основании договорных грамот, привлекая и летописные свидетельства, определяя главные функции князя в городе.¹⁷ Зависимость новгородцев от княжеской власти историк выявляет через взаимосвязь внутренних смут в городе с переменой князя: «...из двенадцати смут в Новгороде, о которых упоминает летописец в период с 1054 до 1228 года, только две не были в связи с княжескими переменами»¹⁸. С точки зрения эволюции, С.М. Соловьев приходит к выводу о постепенном уменьшении роли князя.¹⁹ Однако причины изменений остаются неосвещенными. В связи с вопросом о времени ограничения власти князя, критическому анализу подверглось сообщение Степенной книги, где сказано, что Ярослав дал новгородцам позволнение брать из его племени себе князя, какого захотят. По мнению С.М.Соловьева, этому сведению доверять нельзя, так как новгородцы никогда не упоминают об этом праве, и летописи не ссылаются конкретно на Ярослава, говоря лишь о прежних князьях.²⁰

Таким образом, четко прослеживается эволюция взглядов историков, которые постепенно приходят к выводу о признании княжеской власти одним из важнейших элементов новгородского общественно-политического строя.

Исследователи 60-80-х гг. XIX в. обращаются к вопросу сущности новгородского веча, а изучение проблемы княжеской власти проходит лишь фоном. В работах Н.И. Костомарова, И.Д. Бе-

ляева, К.Н. Бестужев-Рюмина, В. Сергеевича, М.Ф. Владимирский-Буданова, Д. Самоквасова, И.А. Худякова, А.П. Щапова и др.²¹ отражается лишь существование княжеской власти в Новгороде, обращается внимание на ограничение и должностные функции князя перед Новгородским вечем. Таким образом, изучение проблемы в 60—80-е гг. XIX в. оказалось чрезвычайно продуктивным. От простой констатации широких политических прав древних новгородцев, вытекающих из летописных сообщений об активной роли жителей Новгорода в призвании и изгнании князей, а также о знаменитом новгородском вече, историки пришли к необходимости определения истинных прав новгородцев с учетом сословных различий, зафиксированных в источниках, к исследованию той системы управления, которая базировалась на этих правах, к поиску причин формирования республиканских, демократических традиций в Новгороде.

Несомненно, решающее значение для исследователей приобрела позиция В.О. Ключевского²². Признание промышленности и торговли основаниями местного народного хозяйства привело В.О. Ключевского к новой характеристике новгородского общества.

Дальнейшее развитие получило исследование вопроса о политических факторах формирования новгородского политического строя. Так, уже в работе В.О. Ключевского имел место синтез как минимум двух концепций, предложенных С.М. Соловьевым и В. Сергеевичем. Политический строй Новгорода определялся, по его мнению, наличием двух факторов — «избирательность высшей администрации и ряд, то есть договор с князьями»²³. Появление вече историк связывал с ослаблением княжеской власти в XII в. Также показательна позиция, выраженная киевской школой. В статье, посвященной вече, М.В. Довнар-Запольский трактует понятие с точки зрения земско-вечевой теории, повторяя, в сущности, все основные выводы историографии 60—80-х гг. XIX в.²⁴ Более новаторским был подход А.М. Гневушева, испытавший большее влияние идей В.О. Ключевского. Так, историю Новгорода он рассматривает как «...почти непрерывную борьбу свободной общины с великими князьями»²⁵.

А.Е. Пресняков воспринимает новгородский политический строй (наряду с псковским), как уникальное явление в древнерусской жизни с точки зрения соотношения вечевой и княжеской власти.²⁶ Только в Новгороде и Пскове вече выработалось в постоянную и систематическую правительственную деятельность.²⁷ Од-

нако, по мнению А.Е. Преснякова, зафиксированные в летописных сводах факты созыва вече не имели органической связи с традициями городового быта и являлись следствием ослабления княжеской власти.²⁸ Естественно, что в таком ракурсе интерес исследователя сконцентрирован прежде всего на роли князя в формировании и структуре новгородского народовластия. По предположению исследователя, изначально Новгород и его область представлял собой особый центр княжеско-дружинного властевования в форме настоящей «городовой волости». Из укрепленного пункта — города — вышла сила, создавшая «волость» путем подчинения себе разрозненного населения окрестных земель²⁹. По признанию А.Е. Преснякова, «мы не имеем никаких данных для изучения того, как сложилось и окрепло ... местное новгородское общество, но ход дальнейших новгородских событий показывает, что оно стало во времена Ярослава серьезной политической силой...».³⁰ Собственно изменение политического статуса исследователь связывает непосредственно с фигурой Ярослава. Основанием для этого послужили знаменитые «Ярославовы грамоты». Высказывая сомнения относительно содержания грамот только как «финансовых льгот», А.Е.Пресняков обращает внимание на трактовку их новгородцами как «хартии новгородской вольности». По его мнению, некоторые черты правовых определений можно найти в древнейшей части Русской Правды, помещенной в тексте летописи вслед за собственно упоминанием о грамоте Ярослава. В первых 17 статьях краткой редакции Русской Правды внимание исследователя привлекает распространение гарантий на «русины и словенина», в чем он видит сближение новгородского боярства (огнищан) с городскими общинами Новгорода.³¹ Последнее он считает явно новгородским приобретением. Трактовка Русской Правды как первоначально новгородского закона стала для А.Е.Преснякова основанием для любопытного заключения. Гипотеза, предложенная А.Е.Пресняковым, состояла в том, что именно в Новгороде при Ярославе Мудром «княжеская власть ... впервые получает характер правительственной власти и князь из «начальника дружины» становится «земской властью»»³². Соответствует этому и внешний факт — выход княжеской власти из Городища на Ярославов двор в Славенском конце. Следовательно, А.Е.Пресняков делает вывод о новгородском устройстве как проявлении более поздней общерусской традиции. Исследователь отмечает очень сильное влияние княжеской политической традиции на сложив-

шуюся систему новгородского народовластия. Так, зависимое положение населения будущих Людина и Плотницкого концов по отношению к городу и княжеской власти стало для него объяснением живучей антипатии этих демократических концов против боярского Славенского конца, хотя позднейшая свобода мужей новгородских почти убила память о первоначальном положении «плотников» и «гончаров»³³. Так, в концепции А.Е. Преснякова приоритетное значение было отведено роли новгородского князя как системообразующему элементу системы управления Новгорода.

В итоге можно отметить, что в дореволюционной историографии проблема княжеской власти в Новгородской республики сохраняла свою актуальность практически на всем протяжении XVIII – начала XX вв. Исследователями были сформулированы основные вопросы в контексте данной проблемы. Княжеская власть рассматривалась как одна из основ новгородского республиканского строя.

Примечания:

1. Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Ч. II, С. 221
2. Черепнин Л.В. Русская историография до XIX в. Курс лекций С. 139
3. Маловичко С.И. Возникновение и политическая жизнь древнерусского города в отечественной исторической мысли XVIII в. Дис. на соиск. ст. д.и.н., Ставрополь, 2002, С. 309
4. Миллер Г.-Ф. О народах, издревле в России обитавших, СПб., 1788, С. 35
5. Миллер Г.-Ф. Краткие известия о начале Новагорода...
6. Карамзин Н.М. История государства Российского, Т. III,
7. Татищев В.Н. Законы древние Русские, для пользы всех любомудрых собранные и неколико истолкованные тайным советником Василем Татищевым 1738 г. // Продолжение Древней Российской Вифлиофики, Ч. 1, СПб., 1786 ; Щербатов М.М. История Российской от древнейших времен, СПб., 1902, С. 414.
8. НПЛ младшего извода, Комиссионный список// Русские летописи, Т. 10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Рязань, 2001, С. 175–176.
9. Радищев А.Н. Собрание сочинений, Т. III. С. 34.
10. Болховитинов Е. Там же. С. 50.
11. Полевой Н. История русского народа. Т. 2., М., 1830. С. 61–63.
12. Там же. С. 210.
13. Самарин Ю.Ф. Собр. Соч., Т. I. М., 1877. С. 37–38, 52.
14. Кавелин К.Д. Там же.

15. Там же. С. 37.
16. Там же. С. 37.
17. Соловьев, Книга II, Т. IV, С. 518—522.
18. Соловьев, Книга II, Т. IV, С. 524.
19. Соловьев, Книга II, Т. IV, С. 518.
20. Соловьев, Книга II, Т. III, С. 32.
21. Шелгунов Н.В. Полн. Собр. Соч., Т. III, СПб., 1865, С.227, 229; Беляев И.Д. История Новгорода Великого от древнейших времен до его падения // Рассказы из русской истории, кн. 2, М., 1864; Бестужев — Рюмин К. Русская история. Т. 1, СПб., 1872; Сергеевич В. Вече и князь: Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей: Исторические очерки, М., 1867; Сергеевич В. Русские юридические древности, Т. 2, Вече и князь. Советники князя, СПб., 1900; Владимирский — Буданов М.Ф. Обзор истории русского права, Ростов -на-Дону, 1995, С. 76—77; Никитский А. Очерки из жизни Великого Новгорода // ЖМНП, октябрь, 1869, С. CXLV, СПб., 1869, С. 294; Самоквасов Д. Заметки по истории русского государственного устройства и управления, ч. II. Значение слова « вече» в летописях // ЖМНП, 1896, С. 146, XII, С. 226; Елисеев Г.З. Когда благоденствовал русский мужик и когда начались его бедствия? // Отечественные записки, 1869, № 1, С. 27 — 30, 37; Елисеев Г.З. Когда благоденствовал русский мужик и когда начались его бедствия? // Отечественные записки, 1869, № 1, С. 27—30, 37; Худяков И.А. Древняя Русь, СПб., 1867, С. 10—82; Щапов А.П. Сочинения, Т. 1, СПб, 1906, С. 753—782.
22. Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси; Добрые люди Древней Руси, М., 1994; Ключевский В.О. Соч. Т. 2, М., 1957; Лимберт А. Предметы ведомства « вече» в княжеский период древней России. Историко — юридическое исследование. Варшава, 1877; Прыжов И. История кабаков в России в связи с историей русского народа, СПб, 1868.
23. Ключевский В.О. Соч. Т. 2, М., 1957, С. 60.
24. Довнар-Запольский М.В. Вече // Русская история в очерках и статьях, С. 226—247.
25. Гневушев А.М. Господин Великий Новгород // Русская история в очерках и статьях... С. 399.
26. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X — XII столетий. Лекции по Русской истории. Киевская Русь. М., Изд — во «Наука», 1993. С. 405—406.
27. Там же. С. 404, 427.
28. Шаханов Н.Л. Там же. С. 333.
29. Там же. С. 360.
30. Там же. С. 363.
31. Там же. С. 369.
32. Там же. С. 370.
33. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. Лекции по Русской истории. Киевская Русь. М.. Изд-во «Наука», 1993. С. 361.

Н.Л. Пяткова,
г. Екатеринбург

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ — СЛАВЯНСКИЙ ТРИКСТЕР

Фольклор — запечатленная в виде устойчивых образов, сюжетов, архетипов и мифологем родовая коллективная память народа. Будучи простым и удобным каналом аккумуляции и передачи накопленного за многие тысячелетия опыта и знаний, фольклор (дословно — народная мудрость) вобрал в себя в специфически компактной символической форме бытовые традиции, мировоззренческие представления, культовые ритуалы, обряды, поверья, пережитки и т.д. Русские былины, хотя и не относятся непосредственно к мифологическим текстам, но являются продуктом традиционного сознания, и поэтому вобрали в себя характеристики мифологической картины мира. Несмотря на то, что былины, по сравнению с мифами, уже несут в себе ярко выраженный исторический контекст, тем не менее, в былинных текстах мы находим реликты подлинного мифологического мировосприятия.

Среди героев новгородских былин мы встречаем Василия Буслаева. Две былины, посвященные Буслаеву, представляют нам весьма простые, вполне реальные жизненные сюжеты. Одна былина повествует о том, как Василий Буслаев ездил молиться, а вторая о том, как Василий Буслаев и его дружина бились с новгородцами. На первый взгляд кажется, что перед нами герой не мифологический: никаких особых чудес он не совершает, не владеет искусством оборотничества, не применяет магию; по рождению он, безусловно, человек, а не сакральное существо. Несомненно одно — герой обладает огромной нечеловеческой силой, настолько колossalной, что не Буслаев распоряжается своей силой, а она им.

При этом подвиги Буслаева выглядят весьма сомнительными. «Шуточки»[1] у него «недобрые», «княженецкие» и боярские дети после поединка с ним остаются либо калеками, либо лишаются жизни. Напившись на пиру допьяна, Василий не в меру расхвастался и вызвался «побить всех мужиков до единого». В результате боя Василия с новгородцами, тех практически не осталось даже «на семена». Поведение богатыря противоречит всем нормам традиционного права, обычаям и языческим, и христианским. Он убивает Старчище Пилигримище — своего крестного отца. По его же собственному признанию, только хитрость его родной матери, позволяет ей избежать смерти от руки сына.

В былине «Василий Буслаев молиться езил» образ новгородского богатыря сближается с вполне историческим персонажем — казаком — человеком вольным, не признающим никаких моральных, сакральных и юридических ограничителей своего поведения. Цель путешествия на молебен объясняется в духе Стеньки Разина:

«А мое-то ведь, гулянье неохотное:
Смолоду бито, много граблено,
Под старость надо душа спасти».

Путь в святую землю, в город Иерусалим с благой целью — помолиться, не мешает ему по дороге кощунственно относиться к праху умерших людей и к древним святыням. Несмотря на то, что в Иерусалиме Василий Буслаев

«Пришел во церковь соборну,
Служил обедню за здравие матушки
И за с бя, Василья Буслаевича,
И обедню с панихидою служил
По родном своем батюшке
И по всему роду своему.
На другой день служил обедни с молебнами
Про удалых добрых молодцев,
Что смолоду бито, много граблено.
И ко святой святыне приложился он,
И в Ердане-реке искупался...»,

тем не менее, Василий «не верует, ни в сон, ни в чох», т.е. он не испытывает ни страха, ни благоговения перед сакральным, будь то сакральное языческое начало или христианские святыни.

Былинные языческие богатыри обычно ограничены в своей силе. В качестве такого ограничителя может выступать среда обитания. Так, Святогор властвовал только в горах, т.к. земля его не держала. Микула черпает силу только из земли и только пока работает на земле и не оскверняет ее, т.е. его сила ограничена условиями. Сила Ильи Муромца ограничена количеством глотков медвяного питья, а также силой других богатырей. Ему нельзя сражаться со Святогором-богатырем, драться с Самсоном-богатырем, биться с Микулой. Сила Ильи не может также противостоять хитрости Вольги Сеславьича.

Сила Василия Буслаева ничем не ограничена. Мамелфа Тимофеевна, мать Василия, может удержать сына: закрыть его в глубоком погребе, хитростью унять его великую силу во время боя, зайдя позади сына и положив ему руки на плечи, но ограничить его силу, она не может. Василий Буслаев есть олицетворение силы, причем силы бесчинствующей, безудержной, шалой, бешеной. Свою силу он использует, чтобы играть с миром и окружающими людьми. Его игра стихийна и непредсказуема в своем течении и результатах.

Его силу не может ограничить даже его крестный отец, на силу которого возлагает большие надежды Мамелфа Тимофеевна. Крестный отец явно обладает признаками верховного языческого божества, хотя он и живет в монастыре. Обращение «старче» обычно использовалось по отношению к высшему авторитету или верховному богу. Он надевает на себя неподъемную для человека одежду. Невероятную силу Василия Буслаева может усмирить только бог, т.к. он сам обладает подобной же силой. В тексте, однако, встреча богатыря со Старчищем Пилигримищем обнаруживает полную несостоятельность и изжитость последнего образа. После первого же удара Василия, старик умирает. Спрашивается, была ли у этого старика вообще какая-то особая сила? Либо этот старец вообще никогда не обладал подобной силой и абсолютно незаслуженно занимал высокое положение в обществе, либо сила у него была когда-то, но впоследствии старец перестал ею обладать. В любом случае факт его смерти доказывает только одно — Старчище, как элемент мифологической реальности, неоправданно существует в ней, так как его смысловая суть утрачена. Для современников Буслая старец был нелепицей, так как обладая признаками языческого божества или волхва, жил в монастыре.

Игры, аналогичные играм новгородского богатыря, повсеместно встречаются в календарной обрядности русского народа. Преж-

де всего, это борьба «стенка на стенку», а также мужская похвальба и следующие за ней всевозможные состязания, в том числе инициационно-испытательного типа.

Предположим, что поведение героя былины не буквально, а содержит в своей основе некую сакральную составляющую, реализующуюся через соревнование и игру. Мы не отождествляем эти понятия, т.к. соревнование, агон — явление, по сути, не игровое, оно может быть принадлежностью как игры, так и ритуала.

Мифологическое сознание воспринимает мир как непрерывные метаморфозы, главную роль в реализации которых играет воля высших существ, т.е. непредсказуемость, случай. Именно он и выступает важнейшей составляющей подлинной игры и жизни. Й. Хейзинга понимал игру как атрибутивную «форму деятельности»[2], присущую жизни вообще.

В работах М.М. Бахтина игрой обозначен «тот мировой слой, в котором происходит встреча, столкновение, наконец, переворачивание и взаимопревращение противоположных начал, в котором происходят самые напряженные экзистенциальные процессы жизни и в котором осмысляются и борются между собой ценности разного порядка» [3]. М.М. Бахтин называет игрой «другое» бытие, мир-перевертыш, мир-инобытие, где «жизнь играет, разыгрывая — без сценической площадки, без рампы, без актеров, без зрителей ...другую свободную (вольную) форму своего существования, свое возрождение и обновление на лучших началах» [4]. Этот «другой» мир — мир игры — реальный феномен человеческой цивилизации на всех ее этапах, потому что игра — экзистенциальный феномен человеческого бытия, в котором проявляются его особенности и потребности. Культура лишь актуализирует игру как экзистенцию. Игра — истинная принадлежность только народной, только «низовой» культуры, смыкающейся с природой в противоположность социальному порядку с его строгой иерархичностью.

При этом игра часто оценивается народным сознанием отрицательно, ассоциируясь с разрушением устоявшихся норм, с их игнорированием, со всяkim «безобразием» в самом широком смысле слова: от буйного, ненормативного поведения до бесовщины.

Чрезвычайно важным для понимания поведения Василия Буслаева представляется классификация игры по Ф. Ницше. Немецкий философ выделял игровую составляющую жизни, вернее, отношения к ней. Это не атрибут жизни, а локализованный вариант мироотношения. Именно оно является нормальным и здоровым

отношение к жизни — принятие ее такой, какая она есть, т.е. отношения партнерства с непредсказуемостью и вариативностью жизненных ситуаций. Ф. Ницше возводит игровую теорию к греческой культуре, к культурам Диониса и Аполлона. Это два начала бытия: «дионисийское» — жизненно-органистическое и «аполлоновское» — созерцательно-упорядочивающее. Из аполлоновской традиции исходит аналитическое отношение к миру: структурирование, кодификация, утверждение бинарных оппозиций, одно утверждается, другое отрицается. Жизнь, по Ф. Ницше, — стихийная, иррациональная сила, изливающаяся в инстинкте художника. Жизнь как бессознательная, иррациональная, творческая сила оказывается лишенной социальных характеристик, состоит только из биологии и психологизма, а искусство — стихийный процесс жизнеизлияния. Это уже органистическое начало жизни, то, что может быть названо органической игрой. Основные формы игры соответствуют двум началам бытия — дионисийскому и аполлоновскому.

На основе теории Ф. Ницше мы можем выделить игру-импровизацию, снимающую все правила и запреты. Мир и человек в подобной модели мира сливаются воедино. Это экстатическая игра с сильным сверхличностным началом, человек переполнен природной стихией, которая выражает себя через него; миметическая игра с сильно выраженным подражательным началом и перевоплощениями. Этому началу противостоит организованная игра с установлением массы дополнительных рамок, запретов и ограничений, естественных способов поведения, без которых исчезнет сам феномен игры, растворясь в хаосе внеигровой действительности, которую человек создает в противоположность игре. Импровизированная игра определяет реальность как урегулированный мир, с определенными канонами. Ее задача — уничтожить этот мир, сломать правила и различия в нем и обнаружить за этим сущностное единство, в котором никто никого не стесняет и все может быть всем.

Экстатические игры более древние, в них сильнее сверхличностное начало: человек переполнен природной стихией, «которая не вне его, а в нем самом, и не изображается им, а выражает себя через него» [5]. К экстатической игре относятся синкетические обрядовые действия, в которых участники одновременно подчиняются общему закону, объединяющему жизнь Космоса с жизнью организма, — закону ритма.

В любой мифологической системе существует персонаж, являющийся персонификацией случайности, неожиданности, спонтанности, непредсказуемости, т.е. игры органической. Речь идет о трикстере. Семиотическая парадигма слова «trick» раскрывается через понятия: 1. Хитрость, обман, 2. Фокус, трюк, 3. Шутка, шалость, выходка, 4. Подлость, гадость, 5. Сноровка, ловкость, 6. Карточная взятка, 7. Безделушка, забава, игрушка, 8. Ребенок, 9. Сложный, обманчивый. Но, пожалуй, следует добавить еще одну специфическую черту всех трикстеров — патологическую жестокость, которая демонстрируется ими, однако, не с садистским сладострастием, а с непосредственностью ребенка.

Трикстер в мифологии традиционно рассматривается в качестве локального образца культурного героя. Причем, ему даже отказывают в целостности, расчленяя универсальное, с нашей точки зрения, начало на дуальных по функциям представителей, и сводя трикстера к примитивному разрушителю, неудачнику, антитворцу и анти-созидающему.

С нашей точки зрения, архетипический образ трикстера заключает в себе идею вселенского закона — универсального подхода, посредством которого только и возможно установить жизненный баланс в противоречивом мире действительности. Победа одной из сторон в вечной борьбе Добра и Зла, Жизни и Смерти, Света и Тьмы значила бы катастрофу, нарушение миропорядка, а, точнее сказать, установившегося ритма конкретного культурного хронотопа. Роль трикстера не в том, чтобы сохранять, поддерживать уже существующий ритм уже существующего мифологического пространства. Это задача Богов и людей, осуществляющих ритуалы.

Трикстер проявляет себя как шут, плут и обманщик, который, дурачась, нередко бывает обманут и сам. Не всегда с полной уверенностью можно дать оценку действиям трикстера. То ли он искусно лукавит, прикидываясь «Иванушкой-дурачком» и действительно не ведает, что творит. То ли он действует так намеренно, имея тайный умысел, а приурковатость и штовство — это всего лишь прием для отвода глаз окружающих.

Жизнь устроена таким образом, что существование каждого феномена каждодневно подвергается проверке на целесообразность. В отношениях человеческой культуры таким ревизором выступает трикстер. Трикстер — провокатор, он — источник конфликтов, необходимых для развития. Своим штовством он осме-

ивает и разоблачает неэффективность тех компонентов мира, которые изжили себя. В случаях, когда трикстер становится жертвой, «проверка на прочность» доказывает обратное: противник трикстера еще не исчерпал весь свой жизненный потенциал.

Именно образ трикстера-шута чаще всего встречается в литературе: он взбалмошен, импозантен, истеричен, безосновательно жесток, как сама жизнь, и местами до отвратительности проказлив. Он попирает все общественные ценности, традиции и табу. Понятие святости в его сознании просто нет, а самые любимые розыгрыши и шутки обязательно связаны с тем, «что ниже живота». Мифологические сюжеты, главным героем которых является Трикстер, очень часто напоминают брутальную пародию на архаическое общество, придуманную, естественно, членами этого же общества. Одна из распространенных точек зрения говорит о том, что подобным образом представители архаических обществ находят себе психологическую разрядку, спасаясь от гнета невыносимо (а в какой-то момент и неоправданно) суровых традиций. Мы не исключаем этого, однако считаем подобное объяснение неполным. В былинах, посвященных Василию Буслаеву, сказанное нами выше обнаруживает себя в следующих сюжетах: «детские» забавы богатыря, в которых он калечит боярских детей, побоище, которое он учинил на мосту у Новгорода, убийство крестного отца, освернение как языческих, так и христианских святынь и т.п.

Чем больше существует культуры, тем большее количество смыслов она накапливает в себе. Здесь существует прямая зависимость количества смыслов от времени. Смыслы складываются в бинарные оппозиции, составляющие общую архетипическую пирамиду. Это процесс бессознательный и даже может сложиться впечатление, что он длится вечно, однако есть одно но. Многие антропологи, этнографы отмечают у современных обществ, находящихся на стадии архаического развития, значительную утрату осознавания образного наследства своих предков. По-прежнему существуют обряды, по-прежнему соблюдаются все традиции, как и раньше, проводятся праздники и ритуалы поклонения, однако представители того или иного племени совершают их машинально. Самый распространенный ответ на вопрос, почему или зачем вы делаете именно так — потому, что так делали наши предки. Знак жив только тогда, когда он что-то значит, символ существует только тогда, когда он генерирует новые смыслы. Смысл забытый или, того хуже, неосознаваемый — это мертвый смысл. В данном слу-

чае мы по-прежнему сталкиваемся с актуализацией мифологических смысло-образов, но уже как с механическим процессом. Для архаического мифологического мира это означает деградацию и смерть.

Пространство любой культуры — это пространство смыслообразов. При этом смысловое наполнение всегда может быть разделено на аспект сакральный и аспект повседневного значения. Подобная градация задает границы между священным и мирским. Границы эти жизненно необходимы для культурного сообщества, потому как только священные запреты начинают нарушаться, мир рушится. Рушится культурное пространство — пространство духовных связей между людьми, т.к. эти связи теряют смысл. Это может происходить по разным причинам. Для нас в данной статье важны причины естественные. Суть заключается в том, что процесс человеческого существования в архаике, с одной стороны, предполагал тщательное оберегание, сокрытие сакрального знания. С другой стороны, обряды требовали массового, коллективного участия в них всех членов сообщества. Эти два ключевых момента в одинаковой степени способствовали профанированию священного знания: внешняя форма, выражаемая в ритуале, сохранялась, а смысл забывался. Подобные процессы обмирщения могли привести только к одному — к деградации и последующей гибели культурной системы. Единственный способ реабилитации для системы мифологической реальности мы обнаруживаем в ней же. Он заключается в ее тотальном символизме. Символ — это способность знака к бесконечному продуцированию смыслов из самого себя. Неразвитое абстрактное мышление побуждало архаического человека к постоянному и подчас невольному видению объекта под новым углом зрения. Объект, проявляющий себя в различных ситуациях по-разному, в восприятии архаического человека совершенно не мог являться одним и тем же объектом. Генерация новых смыслов и их последующая активизация — это один из основных способов осваивания и структурирования окружающего пространства для человека, воспринимающего мир через призму мифологии. Но перед тем как приступить к этому процессу необходимо было избавиться от изживших себя конструктов. Трикстер в данном случае своим раблезианским смехом указывает именно на такиеrudimentы.

Полагаем, что здесь трикстера можно соотнести с персонажем русских сказок Иваном-дураком. Этимологически «дурак» про-

исходит от древнерусского «дуровать», которое обозначает «безумствовать», «блажить». Происхождение корня «dūr» не вполне ясно, но можно отнести его и к группе, восходящей к индоевропейской базе «dheu(e)g» (корень «dheu») — «бушевать», «кружиться», «вертеться», «спешить». Не вызывает возражения сопоставление с греч. aqirv — «забавляюсь», «играю» (на сцене) и с douros — «стремительный», «неукротимый».

Деградирующую смысловую реальность не в силах спасти ни один бог, так как он с утратой смысловой наполненности лишается и своей силы. Трикстер не просто не дает себя поглотить скапливающимся смыслам, защищаясь иронической улыбкой, раблезианским юмором. Травестируя и «закавычивая» надвигающиеся на него скопившиеся «массивы» смыслов, он необратимо идет на встречу новому содержанию. Изdevаясь над всеми основоположными устоями мира, трикстер как бы пробует их на прочность, пытаясь понять, насколько они еще живы как смыслы. Так или иначе, высмеять у него получается только то, что уже реально не дееспособно по меркам мифологической реальности. И в этом случае он также восстанавливает мировую гармонию. До самого последнего часа трикстер пытается сохранять в мире баланс, разоблачая никому ненужную шелуху, избавляя мир от отмерших частиц в процессе его жизни.

События былин, анализируемых в данной статье, рисуют картину характерную в условиях синкретизма язычества и христианства. Ценности и святыни языческого мира еще не утратили своей прежней силы и актуальности, а ценности нового христианского мира еще не стали абсолютными. Образ Василия Буслаева — это очередная личина трикстера, появление которого именно в той культурно-исторической ситуации было попросту необходимо. Своим дурованием и беснованием трикстер должен был показать людям, какие объекты, присутствующие на тот момент в реальности, действительно существуют целесообразно, а, следовательно, законно, а какие, как, например, Старчище Пилигримище, являются пустышками, готовыми развалиться от одного удара. Василий Буслаев не просто веселится, хамит и оскорбляет, он в прямом смысле ищет смерти, но если он ее не находит, то умирает тот, кому он бросил этот вызов. Таким образом, трикстер — Буслаев доказывает нецелесообразность, надуманность и искусственность существования последнего. Смерть Буслаева показательна. Умирает он потому, что языческая святыня, которую он решил испы-

тать на прочность, еще не потеряла своей актуальности. В данном случае гибель богатыря говорит не столько о его смерти, сколько о том, что трикстер выполнил свое предназначение, он отыскал в мифологическом пространстве объект, чье сакральное значение еще не исчерпало себя.

Примечания:

1. Здесь и далее текст былин цитируется по: Василий Буслаев // Былины. М., 1988. С. 431 – 438 и Василий Буслаев молиться ездил // Былины. М., 1988. С 438 – 466.
2. Хейзинга Йохан. Homo Ludens. М., 1992. С. 13.
3. Михайлов А.В. И. Хейзинга в историографии культуры // Хейзинга И. Осень Средневековья. М., 1988. С. 450.
4. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 10 – 11.
5. Эпштейн М. Парадоксы новизны. М., 1988. С. 283.

*В.И. Байдин,
г. Екатеринбург*

ЗАОНЕЖСКАЯ ПОЛОВИНА ОБОНЕЖСКОЙ ПЯТИНЫ, ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ, УРАЛ...: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ КИРШИ ДАНИЛОВА, ИСТОРИИ ЕГО РОДА И СБОРНИКА «ДРЕВНИЕ РОССИЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»

Среди памятников русской словесности и культуры в целом одно из выдающихся мест принадлежит «Древним российским стихотворениям» — знаменитому Сборнику Кирши Данилова (далее кратко — Сборник). Он содержит первые полные (к тому же нотированные) записи русских былин и исторических песен, а кроме того, — баллады, духовные стихи, песни лирического, сатирического и щуточного характера. С отсылок к Сборнику начинаются практически все исследования и публикации о русском эпосе и фольклоре, без упоминаний о нем не обходится большинство работ по истории и культуре России периода Средневековья и перехода к Новому времени. С первого издания части книги в 1804 г., входящие в нее былинный и исторический эпос, лирическая, духовная и бытовая песенная поэзия служат бесценным источником для ученых-гуманитариев, в частности историков: начиная с Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и до современности. Они мощно питали и питают литературу, музыку, изобразительное искусство. По значению для формирования национального самосознания Сборник Кирши Данилова находится в одном ряду с опубликованным четырьмя годами ранее «Словом о полку Игореве».

В дошедшей до нас копии Сборника 1780-х гг. начальный лист утрачен, и о том, что там стояло имя Кирши, известно со слов пер-

вого публикатора — А. Ф. Якубовича, приведенных К. Ф. Калайдовичем в предисловии ко второму, с воспроизведением нот, изданию 1818 г. По впервые высказанному им мнению, то же имя встречается в одной из песен, «где он сам себя именует Кириллом Даниловичем». Долгое время затем сведения об истории оригинала книги и биографии Кирши Данилова исчерпывались фразой из обнаруженного в середине XIX в. профессором Московского университета С.П. Шевыревым письма владельца уральских Невьянских заводов П.А. Демидова от 22 сентября 1768 г., сопровождавшего посланную академику Г.Ф. Миллеру историческую песню: «Я достал от сибирских людей, понеже туды всех разумных дураков посылают, которые прошедшую историю поют на голосу» [1]. Текст и ноты ее полностью совпадали с песней «Никите Романовичу дано село Преображенское» из Сборника. То есть в 1768 г. он уже существовал, а Прокофий Демидов был, видимо, осведомлен об обстоятельствах жизни исполнителя, за пение «истории» попавшего в ссылку.

Почти два века десятки исследователей в России и за рубежом пытаются разгадать тайны Кирши Данилова и Сборника. В их работах — обилие предположений и догадок, не говоря о домыслах и сомнениях: от попытки фальсификации, предпринятой издателем «Сказаний русского народа» И. П. Сахаровым в первой половине XIX в. и выдвинутого в 1958 г. предположения датчанина А.И. Стендер-Петерсена считать Сборник продуктом «сознательной редакции», стилизацией «под фольклор» [2], до недавних насмешек Ю.И. Смирнова над «грандиозным вымыслом о гениальном разъездном сказителе-скоморохе, разумеется почти интеллигенте, сделавшем <...> самозапись своего репертуара на добрую память потомкам» [3].

Но как в начале XX в. считали: «Биография его совершенно неизвестна. Попытки исследователей извлечь из содержания сборника какой-либо биографический материал оканчивались неудачей» [4]; так и в последнем научном (2-м академическом) издании Сборника Кирши Данилова констатируется: «<...>личность его и по сей день остается загадкой. <...>Ниакими документальными данными о Кирше мы не располагаем. <...>Почти ничего не зная о Кирше Данилове и питая слабые надежды узнать что-нибудь в дальнейшем...» [5]. Тем самым признавалась практическая исчерпанность в этом плане возможностей традиционных фольклористических, языковедческих, текстологических, музыковедческих

методов изучения Сборника. Продолжались споры о месте его со-здания: называли и называют Сибирь в целом, ее юго-западную часть и, в частности, Алтай, Красноярский край, Урал (строганов-ские владения или демидовские заводы) и т.п.

Однако в свете архивных находок, сделанных крупнейшим со-временным исследователем творчества Кирши Данилова А. А. Го-реловым и покойным екатеринбургским писателем-краеведом И. М. Шакинко в 1960-е и 1980-е гг., сомнения в существовании самого певца следовало считать развеянными; обозначился и при-мерный интервал, в который Сборник был создан на письме: 1742–1768 гг. [6].

Необходимо отметить, что находки эти оказались, по разным причинам, признаны и замечены далеко не всем учеными, занима-ющимися данной тематикой. Вместе с тем отрывочность вновь най-денных Гореловым и Шакинко документальных свидетельств о пре-бывании Кирши Данилова на Урале, с одной стороны, породила некоторые поспешные ошибочные построения, с другой — жизнен-ный путь Кирши в целом так и остался непроясненным, как и обус-ловленные этим вопросы о времени, месте создания книги, ее ав-торстве, локализации отдельных произведений и многие другие.

Когда автор этих тезисов больше десятилетия назад обратился к личности и творчеству «последнего скомороха России», то в пер-вую очередь занялся поиском новых фактов и упоминаний, кото-рые относились или могли быть отнесены к Кирше Данилову, а также поиском и анализом материалов о его окружении. Эти изыс-кания осуществлялись одновременно с интерпретацией уже изве-стных, пусть и отрывочных, данных о жизни певца и использова-нием для реконструкции биографии К. Данилова реалий текстов Сборника. С точки зрения историка-источниковеда возможности тех же текстов «Древних российских стихотворений» далеко не исчерпаны. Это касается, прежде всего, персонажей, топонимов, социальных, производственно-хозяйственных, топографических деталей песен шуточно-бытового содержания. Аналогичная ин-формация содержалась в некоторых исторических песнях и бы-линках. Так, исходя из подобных деталей как минимум трех-четы-рех текстов, можно предполагать о происхождении Кирши из Ни-жегородского Поволжья и его проживании там до ссылки, хотя непосредственно Нижний Новгород во всей книге упоминается лишь единожды. И такой подход оказался достаточно результа-тивным.

«Биографичность» отдельных произведений из состав Сборника получила убедительное подтверждение после того, как был найден Иван Сутырин, упоминаемый вместе с «Кирилой Даниловичем» в отмеченной еще К. Ф. Калайдовичем песне «Да не жаль добра молодца битова — жаль похмельнова» [7], и рядом с «Кирилой Даниловым» — в обнаруженных в 1963 г. А. А. Гореловым фрагментах ведомостей о работе молотовых мастеров на ковке железа на Нижне-Тагильском заводе в 1756 г.

Б.Н. Путилов, готовивший оба академических издания Сборника, воспринял эту находку с сомнением, не считал достоверно связанной с песней. Сам Горелов позднее с сожалением заметил: «В канцелярских уральских документах XVIII в. фамилия «Сутырин» более не встретилась» [8]. Именование оказалось производным от прозвища отца — Сутыря; официальная же, для документов, фамилия Ивана, молотового подмастерья, затем мастера из крепостных крестьян нижегородской Фокинской вотчины А.Н. Демидова, была Шерстобитов. Надо отметить, что многие факты из биографии И.М. Сутырина — Шерстобитова вполне соответствовали характеристике, в нескольких словах данной ему Киршей в песне: «А и не жаль мне-ка битова, грабленова, / А и тово ли Ивана Сутырина». Удалось установить даже вероятный день, в который эта песня появилась.

Поиск источников осуществлялся в архивохранилищах, библиотеках и музейных собраниях Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Тобольска, Нижнего Новгорода, Перми, Нижнего Тагила, Казани, Барнаула. Разыскания эти, анализ и обобщение найденных сведений были весьма трудоемкими, так как пользовавшийся покровительством Акинфия Демидова и его приказчиков беглый ссыльный Кирша Данилов (каковым он стал после того, как перебрался из Сибири на уральские заводы) являлся фигурой глубоко законспирированной. Достаточно сказать, что в ревизские сказки по Невьянскому заводу в середине 1740-х гг. в качестве молотового мастера Кирша оказался записан вместо родившегося несколькими годами ранее, умершего молотового мастера с тем же именем, отчеством, и даже старое семейное прозвище которого (Торопов — В. Б.) совпадало с родовым «прозванием» певца. Биографическая легенда для него была, впрочем, подбрана еще раньше, видимо, с момента появления на Урале. Другой пример: во время работы следственной комиссии о пришлых на демидовских заводах в 1759 г. к семейству Кирши в Невьянске приписали остав-

шихся круглыми сиротами и старыми девами трех дочерей его «прототипа». Правда, их возраст пришлось уменьшить [9]. Несмотря на указанные обстоятельства и пять разных прозваний, прозвищ и фамилий, которые встречаются в документах: *Данилов, Бобоша (Бобошин), Исаков, Никитиных (Никитин), Торопов* (здесь и далее курсив мой. — В.Б.), — за всеми ими удалось идентифицировать Киршу Данилова, в главных моментах реконструировать уральский период его биографии с середины 1730-х гг. и установить годы жизни: около 1703–1776. Полученные результаты хорошо соотносятся с данными о Кирше, обнаруженными ранее А. А. Гореловым и И. М. Шакинко, и вполне объясняют имеющиеся в них неясности, а также позволяют исправить неточности, возникшие при толковании этих документов [10].

Наличие в Невьянске здравствующих родственников умершего человека, под «личиной» которого ссылочный певец обосновался на Урале, по-видимому, предопределило длительное, с 1735 г., проживание Кирши Данилова во втором по величине здешнем демидовском заводском поселке — Нижне-Тагильском.

В 1758 г. после завершения раздела наследников А.Н. Демидова, овдовевший к тому времени во втором браке К. Данилов с недавно женившимся сыном Иваном переведен на отошедший Прокофию Демидову Невьянский завод, на котором они были записаны в ревизские сказки еще по 2-й подушной переписи. Скончался Кирша Данилов в возрасте около 73 лет в 1776 г. Шестью годами ранее, уже при новом владельце завода С.Я. Яковлеве, его сын с семьей «отдан з счетом в рекруты на поселение» в Сибирь.

В пользу грамотности Кирши Данилова предположительно высказывались многие авторы: П.Н. Шеффер, М.К. Азадовский, В.Я. Пропп и другие. Последовательным и убежденным сторонником такой точки зрения являлся А.А. Горелов. Однако неграмотность Кирши в его «ипостаси» невьянского молотового мастера Кирилла Никитиных подтверждается официально (1759 г.). Не противоречат этому и косвенные данные. Наблюдения над составом и структурой Сборника, давно отмеченное музыковедами наличие в нем в разной степени взаимосвязанных и разновеликих тематических, жанровых, ритмико-мелодических групп текстов и напевов, — позволили считать «Древние российские стихотворения» результатом выполнения заказа по записи репертуара певца. Записи, осуществленной в несколько (видимо, даже значительное число) приемов, но все же в относительно ограниченный отрезок

времени. А сведения о семействе Кирши, о нем самом и о деталях биографий других персонажей отмеченной выраженным авторским началом шуточной песни «Свины хрю, поросята хрю» (одна из последних в книге: 67-я из 71 текста), — сделать заключение о создании на письме Сборника на Невьянском заводе в 1761–1762 гг. Заказчиками и (или) владельцами оригинала являлись, скорее всего, представители известной местной предпринимательской семьи Харитоновых, регулярно бывавшие в Москве и даже записавшиеся с 1755 г. в тамошнее купечество, но оставшиеся проживать в Невьянске [12].

Появление книги именно на Урале во многом закономерно. Наряду с городами, промышленными селениями Центральной России, крупнейшими ярмарочными центрами, горнозаводские поселки, подобные Нижне-Тагильскому и Невьянскому, стали в XVIII в. своеобразными «тиглами», где рождался тот сплав старого и нового в культурно-бытовой сфере жизни, который искусствоведы и культурологи в начале 1980-х гг. назвали примитивом (без какого-либо уничтожительного оттенка, просто по сравнению с «высоким», учено-артистическим уровнем), или «третьей культурой». (Еще раньше, в 1920-е гг., сходную концепцию «областных культурных гнезд» выдвигал литературовед Н. К. Пиксанов).

В отношении предшествующего уральскому этапа биографии К. Данилова есть все основания полагать, что большую часть своего пребывания в Сибири сосланный, очевидно, «в дальние сибирские города на вечное житье» певец провел на Колывано-Воскресенском заводе А. Н. Демидова на Алтае. Только здесь Кирша в тот период мог получить рабочую квалификацию, которая зафиксирована у него после появления на уральских демидовских предприятиях. Даже пробелы в его профессиональной подготовке в качестве молотового мастера, отмеченные в источниках, обусловлены производственной спецификой медеплавильного Колывано-Воскресенского завода. Для работы на нем, в отличие от Урала, где монополией на использование труда ссыльных обладала в это время казна, Демидов имел право нанимать кого угодно, включая беспаспортных и беглых. И ссыльнопоселенцы («присыльные») на Колывани работали [13]. Прямые документальные свидетельства нахождения Кирши Данилова в сибирской ссылке пока, увы, отыскать не удалось. Тем не менее законодательство о ссыльных, делопроизводственные материалы горнозаводских и сибирских воеводских канцелярий, приходно-расходные книги Колывано-

Воскресенского завода, производственно-финансовые документы, сведения по учету населения завода, деловая переписка А. Н. Демидова первой половины 1730-х гг. и другие источники, в сочетании с содержанием текстов и куплетов некоторых песен Сборника, — позволяют выстроить непротиворечивую версию этого этапа жизни певца, в отдельных моментах — чуть ли не по дням. В конце 1720-х гг. Кирша находился в тюремном остроге Тобольска, затем побывал и жил в Таре (около года) и Томске (несколько месяцев). Почта три года он провел на Колывано-Воскресенском заводе, который покинул не позднее конца декабря 1734 г. [14].

В свою очередь, конкретные обстоятельства и перипетии данного периода биографии Кирши неплохо объясняют наличие в его репертуаре двух уникальных сибирских казачьих песен: «Во сибирской украине, во Доурской стороне» и «Поход селенгинским казакам», донских песен и фрагментов разинского фольклора, большей частью известных тоже только по Сборнику, а также сибирские (в том числе — алтайские) реалии в текстах нескольких произведений, включая былины. Так, в конце декабря 1731 г. приказчик Федор Головин среди прочих покупок, сделанных для А.Н. Демидова в Томске (в основном — золотых и серебряных изделий из разграбленных древних курганов), на приобретенную здесь же камку выменял у бухарцев соболиные шкурки, заплатил за выделку шкур «4-х ирбизей (снежных барсов — В.Б.) да 2-х волков казенных»; за 66 коп. им был «куплен зверь сохатой живой», который больше года содержался при Колывано-Воскресенской конторе, пока не был отправлен в невьянский зверинец. Скорее всего, именно с Головиным Кирша Данилов уехал из Томска на алтайский демидовский завод. В былине «Волх [В]сеславьевич» Сборника говорится: «А бьет он звери сохатыя, / а и волку, медведю спуску нет, / а и соболи, барсы — любимой кус...» Далее в тексте упоминаются еще и «шубы барсовые». Из всех записей этой редкой былины на один из древнейших в русском эпосе сюжетов при описании охотничьей добычи Волха (Вольги) выделенное курсивом встречается лишь у Кирши. На рубеже 1720–1730-х гг. возобновились ожесточенные столкновения русских служилых людей с чукчами и коряками. Со служилой средой, нет сомнений, Кирша в пору сибирской ссылки общался достаточно тесно. (На том же Колывано-Воскресенском заводе для защиты от казахских набегов размещался содержащийся за счет Демидова гарнизон из томских и кузнецких конных казаков, периодически сменявших-

ся) [15]. В результате проживающие на далекой северо-восточной окраине Евразии «чукши с алюторами» неожиданно возникают на страницах Сборника среди врагов русских то в былине «Добрыня чудь покорил», то в исторической песне «Михайла Скокин».

Все сосланные в Сибирь в первой половине XVIII в. прибывали сначала в Тобольск. Полагаю, что как раз здесь пересеклись пути Кирши и группы донских казаков, приговоренных к каторге за попытку побега из крепости Новый Транжемент к ушедшим в турецкие владения на Кубань участникам восстания Кондратия Булавина (некрасовцам). Семеро донцов прибыли в тобольский острог поздней осенью 1728 г. и оставались там до лета 1730 г., когда их отправили на работы на уральские казенные заводы. Кое-что из услышанного тогда от них было использовано затем певцом в составе его основного урало-сибирского репертуара... В феврале 1762 г. Кирша вновь оказался «в Тобольску провожатым за посланными в Нерчинск», то есть сопровождая отправленных с невьянских заводов П. А. Демидова по указу 1760 г. о ссылке в Сибирь. Сейчас уже нет никаких сомнений, что именно после возвращения из Тобольска оригинал рукописи «Древних российских стихотворений» был дополнен помещенными в самом конце былиной «О станишниках или разбойниках» (Илья Муромец и разбойники), близкой к вариантам, несущим, по мнению Б. Н. Путилова, «яркий отпечаток южнорусского (казачьего — В. Б.), позднего эпического творчества»; и двумя историческими, явно донскими, песнями: «О атамане ФROLE Минеевиче» (других записей нет) и «О Стеньке Разине». От последней в дошедшей до нас копии книги сохранилось только начало, совпадающее с началом песни «По край моря синего стоял Азов-город». Видимо забытые, а потом вспомнившиеся, они (о чем неоднократно писали фольклористы и музыковеды) как бы «выпадают» из достаточно последовательной жанровой и общей музыкально-композиционной структуры Сборника, хотя используемые в них напевы для него обычны [16]. Даже ноты к трем последним текстам книги выполнены, как считают, иным музыкантам, чем к остальным произведениям, где они сделаны еще двумя певцами вперемежку [17].

При создании изложенной выше версии-реконструкции сибирского этапа жизненного пути Кирши Данилова, в качестве одного из источников мною привлекались сведения из подробнейших путевых описаний участника 2-й Камчатской (Великой Сибирской) экспедиции академика Г. Ф. Миллера, относительно недав-

но переведенные с немецкого языка и опубликованные новосибирским историком А. Х. Элертом. Всего несколько лет спустя после Кирши Миллер не раз проезжал теми же дорогами; на Колывано-Воскресенском заводе ученый вообще побывал, когда там, по расчетам, еще находился певец. Поэтому миллеровские материалы оказалось возможным использовать также для проверки некоторых приведенных выше построений, а в каких-то моментах их даже дополнить.

Особенно наглядно это проявляется при сопоставлении с путевыми записями академика содержания песни «Ермак взял Сибирь», — завершающей части сотворенной Киршой поэтической трилогии — биографии Ермака. Из всех (около 80) зафиксированных в XVIII — XX вв. русских исторических песен о Ермаке, только в ней имеется описание самого «Сибирского взятия». Уже довольно давно в специальном исследовании о песнях «Ермакова взятия» Сборника А. А. Горелов, скрупулезнейшим образом сравнив тексты «Ермак взял Сибирь» с летописями, в том числе сибирскими, и поздними местными фольклорными материалами (Горелов пользовался также «Историей Сибири» Г.Ф.Миллера), пришел к выводу: в основу песни положены усвоенные Киршой на Урале и в Сибири предания о Ермаке [18]. Сейчас к этому заключению можно уверенно добавить, что слышанные певцом легенды и предания часто как бы «накладывались» на его собственные впечатления и наблюдения, интерпретировались в соответствии с ними (и в меру собственных его понимания и памяти). Между содержанием разных путевых описаний Миллера и этой песней у Кирши имеется немало совпадений, основанных на виденном и слышанном ими обоими в Западной Сибири [19].

…В ходе работы относительно быстро стало понятно, что понимание особенностей состава и содержания Сборника, помимо реконструкции биографии Кирши Данилова, вряд ли возможно без воссоздания истории его рода певцов-скоморохов и музыкантов. Ведь сам Кирша был, — если считать от профессионального скомороха с посада Белоозера рубежа XV—XVII вв., сын которого Мартынко Топоров «сшел безвесно» оттуда в 1616/17 г.[20], — потомственным певцом-потешником, минимум в шестом поколении [21].

Новгородские былины среди ранних сибирских (такова общая атрибуция «Древних российских стихотворений» большинством литературоведов и фольклористов — В. Б.) записей встречаются

тива, военная, промысловая, сельскохозяйственная, промышленная колонизация, ссылка, межнациональные отношения и обусловленные этими и другими факторами миграционные потоки. Отсюда, представляется, — исключительное разнообразие содержания Сборника, отразившего сложный характер процессов формирования и культурного самоопределения урало-сибирского населения.

Вместе с тем и исполнитель, и, видимо, слушатели достаточно однозначно идентифицировали себя в качестве именно «сибиряков» (в широком смысле; от Сибири Урал тогда не отделяли, да и территориально многие здешние заводы относились к Сибирской губернии). В издании Сборника Кирши Данилова Императорской Публичной библиотеки 1901 г. П. М. Шеффер, пытаясь установить место создания книги, среди прочего отметил трижды встречающуюся в ней оговорку «по нашему, сибирскому». Содержится эта оговорка-пояснение в текстах только общерусских: былинах «Три года Добрыношка стольничел», «Иван Гаденович (Годинович)» и исторической песне «Никите Романовичу дано село Преображенское». Весьма показательным в данном плане выглядит также большое внимание, уделяемое в Сборнике системообразующей для урало-сибирской фольклорной исторической традиции фигуре Ермака (трилогия Кирши о нем).

В Сборнике и, надо полагать, в сознании уральцев и сибиряков, — вся Сибирь выступает как единое культурно-историческое пространство. Лишь по «Древним российским стихотворениям» известны записи упомянутых выше двух сибирских казачьих песен, посвященные событиям XVII в. на далекой восточной «украине». Точно также замена в одном из куплетов шуточной «Свиньи хрю, поросыта хрю» «понизовых» поволжских городов на «понизовые» же, но сибирские: «Иркутска, Якутска, / Енисейский городок!», — выглядела понятной. Ведь для слушателей певца, заказчиков и владельцев Сборника из невьянских предпринимателей, и их контрагентов, торговые поездки на китайскую границу в Кяхту через Енисейск, Иркутск — были вполне обычны [35].

Таким образом, помимо своего исключительного общероссийского значения, Сборник Кирши Данилова выступает как интересный и репрезентативный источник по истории формирования обширного регионального культурного ареала.

Примечания:

1. Из-за цензурных соображений полностью эта фраза, включая ее центральную часть, была опубликована после того, как считавшуюся утраченной рукопись Сборника вновь обнаружили в самом конце XIX в. — Сборник Кирши Данилова / Под ред. П. Н. Шеффера. — СПб., 1901. Прил. 1. С. 195.

2. См., например: IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. — М., 1962. Т. 1. С. 489–490, 500–506.

3. Смирнов Ю. И. «Эрлангенская рукопись» и «Древнероссийские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» // Русско-сербские литературные связи XVIII–XIX века. — М., 1989. С. 177, 194 и др.

4. Русский биографический словарь. — СПб., 1905: Дабелов — Дядьковский. С. 78.

5. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е изд., доп. / Подгот. А. П. Евгеньевой и Б. Н. Путиловым. — М., 1977. С. 388, 389, 390. (Сер. «Литературные памятники»)

6. См. об этом: Горелов А. А. 1) Цена реалии (Сборник Кирши Данилова — народная книга середины XVIII века) // Русская литература. 1963 № 3. С. 167–169. 2) Кирша Данилов — реальное историческое лицо // Русский фольклор. — СПб., 1995. Т. 28. С. 97–110; Шакинко И. М. 1) Невьянская башня: Предания, гипотезы, история, размышления. — Свердловск, 1989. С. 289–290. 2) Кирша Данилов и Урал // Урал. 1989. № 12. С. 145–147; Таинственный Кирша // Уральский следопыт. 1992. № 8. С. 7–11. Во многом в результате анализа найденных И. М. Шакинко документов, их концентрации на коротком хронологическом отрезке А. А. Горелов в последнем, уже десятом, научно-популярном издании Сборника и первом полном, куда вошли все тексты целиком, без многочисленных многоточий и пропусков, отказался от прежней широкой датировки памятника и выдвинул версию изготовления книги по заказу А. Н. Демидова между 1742 и 1745 гг. — Древние российские стихотворения, собранные Киршой Даниловым / Под ред. А. А. Горелова. СПб., 2000. С. 35–38.

7. Названия произведений Сборника и цитаты из них здесь и далее, если это специально не оговаривается, приводятся по изд.: Древние российские стихотворения... — М., 1977.

8. Горелов А. А. Кирша Данилов — реальное историческое лицо. С. 107.

9. От такой своеобразной «нагрузки» Кирша, очевидно, быстро избавился, пристроив женщин (по крайней мере, о двух из них это известно совершенно точно) замуж за своих знакомцев и приятелей — вдовцов с детьми в разных местах.

10. См.: Байдин В. И. 1) «Последний скоморох» Кирша Данилов на Урале и в Невьянске. О времени и месте создания сборника «Древние российские стихотворения» // Очерки истории культуры и быта старого Невьянска. Люди, памятники, документы (К 300-летию города). — Екатеринбург, 2001. С. 73–99; 2) Идентификация Кирши Данилова на Урале // Материалы 1-й Уральской родоведческой научно-практической конференции (15–16.11.2001). — Екатеринбург, 2003. С. 156–160.

11. Результаты, достигнутые в реконструкции уральского этапа биографии Кирши Данилова, разделяет, с некоторыми оговорками, и А. А. Горелов. — См.: Горелов А. А. Кирша Данилов: «Вот эта улица, вот этот дом...» // Русский фольклор. — СПб., 2008. Т. 33. С. 121–131.

12. См.: Байдин В. И. Еще раз о времени и месте создания оригинала Сборника Кирши Данилова // Дергачевские чтения — 2002: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Материалы междунар. науч. конференции. — Екатеринбург, 2004. С. 11–17; см. также: Материалы для истории московского купечества. — М., 1885. Т. 2. Ч. 2. С. 130; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1829. Л. 5–5 об. (стар.паг.)

13. Байдин В. И. Кирша Данилов и Родион Набатов // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. — Новосибирск, 2000. С. 135–156; ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28. Л. 412.

14. См.: Байдин В. И. Как познакомились Акинфий Никитич с Кириллом Даниловичем: версия о пребывании Кирши Данилова в Сибири и его встречах там с А. Н. Демидовым // Проблемы истории России. — Екатеринбург, 2005. Вып. 6: От Средневековья к Современности. С. 171–217.

15. Там же. С. 192–193, 176–177, 187–188, 214 (сн.)

16. См.: Байдин В. И. «Крым» и «Азов» в Сборнике Кирши Данилова (к вопросу об источниках текстов: взгляд историка // Россия — Крым — Балканы: диалог культур: науч. доклады междунар. конференции (Севастополь, 6–10.09.2004 г.) — Екатеринбург, 2004.

17. Якубовская Е. И. «История на голосу...» // Древние российские стихотворения... — СПб., 2000. С. 393–394. Предположение Якубовской о записи нот изначально тремя разными людьми мне представляется более убедительным, чем мнение Б. М. Доброзвольского (см.: Древние российские стихотворения... — М., 1977. С. 412), что они выполнены одним лицом, и лишь при изготовлении копии Сборника нотописцев стало трое.

18. Горелов А. А. Трилогия о Ермаке из Сборника Кирши Данилова (полемические заметки) // Русский фольклор. — М.; Л., 1961. Т. 6. С. 353–372 и др.

19. См., например: Байдин В. И. Кирша Данилов: опыт реконструкции биографии, история рода и сборника «Древние российские стихотворения» // Россия и мир: панорама исторического развития. Сб. науч. статей, посвященный 70-летию ист. факультета УрГУ им. А.М.Горького. — Екатеринбург, 2008. С.262–263; Он же. Сибирь в жизни и в Сборнике Кирши Данилова // Сибирская, Тобольская, Тюменская губерния: исторический опыт и современные управленческие практики: Мат-лы всерос. науч.-практ. конференции (20–21.11.2008 г., Тюмень). — Тюмень, 2009 (в печ.).

20. ОПИ ГИМ. Ф. 113. Н. 9. Л. 57. об.

21. По данным фольклористов и этнографов конца XIX — XX вв. передача сказительско-песенного мастерства и усвоение репертуара могли происходить не только через родственные, но и земляческие, соседские и прочие отношения. Что, впрочем, можно наблюдать на примере биографии самого Кирши Данилова.

22. См.: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск, 1982. С. 427.
23. Ср.: Новгородские былины. / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. — М., 1978. (Сер. «Литературные памятники»). Акад. Вс. Ф. Миллер («Очерк истории русского былинного эпоса») относил к новгородским по происхождению более широкий, чем считается сейчас, круг былин и былин-новелл, многие из которых лишь «впоследствии внесены в так называемы киевский цикл». — См.: Миллер Вс. Ф. Очерки русской народной словесности. — М.; Л., 1924. Т. 3: Былины и исторические песни. С. 7, 36–41, 56–57 и др. Однако и этот набор эпических произведений и сюжетов практически весь представлен на страницах Сборника Кирши Данилова.
24. Древние российские стихотворения... М., 1977. С. 199. (57, 3, 7, 11 и др.); Древние российские стихотворения... СПб., 2000. С. 371 (68). Цифры в скобках указывают № текста в Сборнике, курсивом — нумерацию строф; во втором случае, в силу научно-популярного характера издания, строфы не нумерованы.
25. О близости зафиксированной в Сборнике в целом былинной традиции именно к прионежской см., например: Астахова А. М. Былины Севера. — М.; Л., 1938. Т. 1: Мезень и Печора. С. 32, 56–57, 556–557 и др. Почти исключительно на материалах из Прионежья основаны параллели к текстам Сборника в работе: Путилов Б. Н. О прозаизмах и бесформульных стихах у Кирши Данилова // Русский фольклор. — СПб., 2001. Т. 31. С. 67–75.
26. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. — М., 1974. С. 321.
27. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1 Кн. 980. Л. 574. (1646/47 г.); Кн. 743. Л. 820. (1616–1619 гг.); Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятини 1582/83 г.: Заонежские погосты (далее — ПК) / Подгот. И. А. Черняковой // История Карелии XVI — XVII вв. в документах. — Петрозаводск — Йожду, 1993. Т. 3. С. 49, 336 (Тороповы зафиксированы здесь дважды: первый раз — при описании Олонецкого погоста, — из-за того, что их родная волостка в Озерах Веницкого погоста на Ояти отошла в это время в ведение Конюшенного пути); Писцовые книги Обонежской пятини 1496 и 1563 гг. (далее — ПКОП) — Л., 1930. С. 107, 240, 46.
28. ПКОП. С. 3, 39; 7004(1495/96) г. — Выпись на вотчину Никольского Вяжицкого монастыря в Егорьевском в Толвуе погосте из писцовой книги Обонежской пятини письма Ю. К. Сабурова // Писцовые книги Новгородской земли. — СПб., 1999. Т. 2: Писцовые книги Обонежской пятини XVI в. / Сост. К.В. Баранов. Прилож. 1. С. 194.
29. В Ильинском в Веницах на Ояти погосте: «Починок в Гонговичах поставлен после писма (т.е. «старого письма» — первого после перехода новгородских земель к Москве. — В. Б.): (в) Еремка скоморох, сеет ржы четверку». — ПКОП. С. 39.
30. См.: Байдин В. И. Как познакомились Акинфий Никитич с Кириллом Даниловичем... С. 171–175, 190–192.
31. Древние российские стихотворения... СПб., 2000. С. 371.

32. 1543, января 24. — Жалованная грамота новгородского архиепископа Феодосия Георгиевской церкви в Юсковичах Остречинского погоста с податными и судебными льготами // Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. / Под ред. В.Г.Геймана. — Петрозаводск, 1941. С. 147—150 (Грамота подтверждалась в 1555 и 1572 гг.) Итак, имелся конфликт духовенства главной остречинской церкви с попами и прихожанами вновь построенного Георгиевского храма в волостке в Юсковичах того же погоста, периодически разрешавшийся у владык в Новгороде. Здесь же, в Юсковичах, по-соседству с церковью, в 1563/64 г., несомненно, старая «дер. в Юсковичах Скоморохова», в одном из 4 дворов которой Васко Бахор[ъ] (потешник, сказочник — В. Б.). Поблизости на территории Остреченского погоста починок, потом деревня, где около 20 лет прожил Васька Торопов. В 1582/83 г. деревня эта «пуста, а в ней два места дворовых, хороши пожгли немецкие люди»; сам же Васька обнаружился в одном из 3 дворов (в другом — его младший брат Таракса Торопов) родной, видимо, для него дер. Федоровской в волостке в Озерах Веницкого погоста. Остречинская Скоморохова теперь «Пустошь Скомороховская. Пашни лесом поросло десять чети в поле...» Рядом — «деревня Бахоревская, пуста, а в ней двор пуст...» — См.: ПКОП. С. 112., 107; ПК. С. 120, 49, 127, 117; спр.: ПКОП. С. 108. В приходе в Юсковичах (Юксовичах) жили как чернососные, так и монастырские крестьяне, к тому же земли разных волосток Остречинского погоста располагались чересполосно; поэтому соседние селения оказываются на разных страницах писцовых книг.

33. РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1504. Л. 355 об.

34. Коротко об этом: Байдин В. И. Кирша Данилов: опыт реконструкции биографии... С. 265—268.

35. См., например: Черкасова А. С. Таможенные книги о социальном составе населения горнозаводских центров Урала первой половины XVIII столетия // Уральский археографический ежегодник за 1971 год. — Свердловск, 1974. С. 37, 40; ИРЛИ. Р. IV. Оп. 23. Н. 15. Л. 2 об., 8 об., 11-11 об. и др.

*А.Г. Мосин,
г. Екатеринбург*

«НОВГОРОДСКИЙ СЛЕД» В АНТРОПОНИМИИ УРАЛА XVII — НАЧАЛА XIX ВВ.

На протяжении XV—XVI вв. выходцы из северорусских земель, контролировавшихся Великим Новгородом, активно обживали и осваивали территорию Приуралья. После основания в 1598 г. Верхотурья район крестьянской колонизации охватил значительную часть Среднего Урала, куда хлынули потоки переселенцев из различных районов Русского Севера, освоенного ранее Приуралья и других регионов Европейской России.

Писцовые и переписные книги XVII в. во многих случаях прямо указывают на прежние места проживания прибывавших на Урал крестьян, служилых и посадских людей. Но во многих случаях эти данные могут быть дополнены косвенной информацией, содержащейся в прозвищах новопоселенцев. Это позволяет составить более адекватное представление о роли того или иного региона в заселении Урала русскими на начальных этапах его хозяйственного освоения в пределах Российского государства.

По сравнению с такими районами Русского Севера, как бассейны Северной Двины, Ваги, Пинеги или Вычегды, собственно новгородские земли занимают в этой картине миграций значительно более скромное место. Объяснить это можно как большей удаленностью Новгорода и окрестных земель от Сибири (так назывались тогда в документах все земли за Уральским хребтом), так и значительно большими трудностями в уходе с помещичьих земель в сравнении с черносошными землями Русского Севера. Тем большего внимания заслуживают отдельные факты фиксации новго-

родцев на Урале, особенно в "сибирской" его части, встречающиеся в документах XVII в. и косвенно отраженные в прозвищах и фамилиях уральцев этого и более позднего времени.

В Приуралье, русское освоение которого началось раньше, уже в первой четверти XVII в., от оттопонимического прозвища, означавшего выходца из самого Новгорода или из новгородских земель, образовалась фамилия: в писцовой книге Перми Великой писца М. Кайсарова 1623 г. упоминается чердынец Богдашко Варфоломеев сын Новгородцев [1]. Тогда же и позднее в Приуралье фиксировалось и само исходное прозвище: в 1623 г. учтен крестьянин починка Койпт Якушко Федоров сын Новгородец, в 1647 г. — житель Орла-городка Ивашко Микифоров сын Новгородец [2], в 1652 г. выборным при отводе земель был соликамец Богдан Карпов сын Новгородец [3] (возможно, он же в документах Пыскорского монастыря 1670 г. значится как житель Соли Камской Богдашка Новгородов [4]).

Самой ранней на сегодня датой фиксации на Среднем Урале новгородцев-крестьян, с различными вариантами написания прозвища в документах, можно считать 1618 г., когда на р. Мугае (правый приток Тагила) поселился пашенный крестьянин Петрушка Новгородец, упоминаемый в писцовой книге Верхотурского уезда 1621 г. Ф. Тараканова также как Петрушка Новгородов [5], а в именной книге 1632 г. — как пашенный крестьянин Тагильской слободы Петрушка Новгородец [6]. Несколько позднее в тех же местах поселились его земляки: переписной книгой Верхотурского уезда 1624 г. М. Тюхина учтены крестьянин деревни в устье Мугая Фомка Костянтинов сын Новгородец и пашенный крестьянин "деревни Новгородцово" на Мугае Левка Иванов сын Новгородец [7].

В поручных записях 1632-1625 гг. крестьян основанной в 1621 г. Невьянской слободы неоднократно упоминается Фома Степанов сын Новгородец, записанный в одном случае как Фома Степанов сын Боярщина [8]. В переписных книгах Верхотурского уезда 1666 г. писцов Г. Черткова и А. Бернацкого и 1680 г. писца Л. Покочина в основанной им на р. Реже деревне Фоминой фиксировались его сыновья — пашенные крестьяне Федка Фомин сын Боярского (к 1680 г. он владел мельницей совместно "с Томилком Баженовым с товарыщи") и Бориско Фомин сын Боярского [9].

Пермский лингвист Е.Н. Полякова, приводя примеры фиксации в материалах учета населения Приуралья XVII-XVIII вв. про-

звищ Боярской, Боярщина и фамилий Боярских, Бояршинов и Бояршинов (крестьянин д. Мельничная Дуброва на р. Шенае Ивашко Васильев сын Боярщина, 1647 г.[10]); житель д. Опалихины Иван Боярской, 1706 г.; крестьянин д. Пермская Заостровка Павлик Васильев сын Бояршинов и крестьянин д. Таборы на р. Каме Никифорко Иванов сын Бояршинов, 1647 г.; крестьянин Очерского завода Алексей Боярских, 1795 г., указывает на их смысловую связь со словами боярский ("принадлежащий боярину, относящийся к боярину") и боярщина — так называли владение, вотчину, но так же "могли прозвать и человека, принадлежащего боярину"[11].

То, что один и тот же человек в разных документах записан с прозвищами Новгородец и Боярщина, а его сыновья устойчиво фиксировались с именованием Боярского, на наш взгляд, позволяет видеть в нем выходца из какой-то новгородской боярской вотчины. Во всех остальных случаях говорить о новгородском происхождении носителей прозвищ, начинающихся с Бояр-, можно лишь предположительно.

В именной книге Верхотурского уезда 1632 г. названы еще два новгородца — это пашенные крестьяне подгородной волости Захарко Григорьев сын Новгородец и Федка Федотов Новгородец [12] (последний в именной книге 1640 г. записан как Федка Федоров Наугородец [13]). Тогда же прозвище фиксировалось в низовьях р. Ницы: в 1632 г. среди пашенных крестьян слободы "на Красном Яру" (сейчас с. Краснослободское в Слободо-Туринском районе Свердловской обл.) учтен Ивашко Кипреянов сын Ноугородец [14], в 1640 г. в Ницунской слободе — Ивашко Тимофеев Новгородец, пашенный крестьянин этой слободы с 1637/38 г.[15]

Примечательно, что в материалах переписей населения Верхотурского уезда второй половины XVII в. прозвище Новгородец (в разных вариантах написания) и образованная от него фамилия не встречаются. В этом проявилась общая тенденция замены часто встречавшихся в документах первой половины — середины XVII в. оттопонимических именований, образованных от названий уездов, областей или рек (Важанин, Вятчанин, Пинежанин, Пермитин, Чусовитин и др.) на индивидуальные прозвища и фамилии, образованные от этих прозвищ или личных имен. При этом фамилия Новгородцов известна на Урале в более позднее время: в 1762 г. в приуральской деревне Краснояр учтен крестьянин Максим Пантелеев сын Новгородцов [16], в 1800-1801 гг. носители фамилии

фиксировались в пределах Верхотурского уезда, в 1822 г. они проживали в четырех заводах Екатеринбургского уезда — Верх-Нейвинском (фамилия чаще писалась через "т" — Новогоротцовы), Невьянском, Режевском и Каслинском [17]. Интересно, что почти все заводские Новогородцы были старообрядцами, а поскольку три из четырех заводов в прошлом принадлежали Демидовым, а четвертый (Режевской) построен новым владельцем Невьянского завода С. Яковлевым, можно предположить, что все носители фамилии принадлежали к одному или нескольким родам, исторически связанным с новгородским старообрядчеством конца XVII — начала XVIII вв.

К числу старейших городов Новгородской земли принадлежит Олонец, известный по письменным источникам с 1137 г. Земли Олонецкого уезда занимали пространство между Ладожским и Онежским озерами. В 1655 г. в только что основанный на р. Исети Катайский острог пришел крестьянин Гришка Игнатьев сын Тайлак, уроженец Аштынского погоста в Олонецком уезде (сейчас с. Оштынский Погост в Вытегорском районе Вологодской обл.); в переписной книге 1695 г. он учтен как крестьянин расположенной в окрестностях этого острога д. Бабиной, а в материалах переписи 1719 г. — как Григорий Игнатьев Тайлаков, крестьянин д. Плетневой, из которой выросла Катайская слобода (позднее с. Катайское, с 1944 г. — г. Катайск Курганской обл.) [18].

Отражение топонима Олонец в уральской антропонимии до начала XVIII в. не прослеживается, что позволяет связывать появление на Урале фамилии Олонцов (говорный akaющий вариант — Алонцов) с горнозаводским периодом его истории: исходное прозвище могли получать многочисленные переведенцы с Олонецких заводов, начальником которых в 1713-1722 гг. был В. де Геннин, возглавивший в 1722 г. Уральские горные заводы [19]. Отправляясь на Урал, де Геннин "взял с собой с Олонца лучших мастеров, многие из которых были "иноземцами" [20]. Известны имена некоторых специалистов разного профиля и различной квалификации, отправленных с Олонецких заводов на Урал: плавильный медный мастер саксонец Циммерман, плавильный подмастерье Конон Никитин, дощатый мастер Василий Шелех, подмастерье Тимофей Шелех, проволочный подмастерье саксонец Томас Меллер, русский ученик проволочного дела Калина Судин, мастер по изготовлению белой жести саксонец Ваплер, доменный подмастерье Максим Орловский, фурмовой подмастерье Панкрат Ев-

тифеев, укладные мастера Никита Укладников и Анкудин Баташев, подмастерье стального дела Питер Алексеев, колесник Антон Карпов, молотовой мастер Лорик Николаев, шпикарный подмастерье голландец Барент, машинный кузнец Василий Шуплевцов, ученики горного дела Карп Васильев, Ермола Иванов, Степан Филиппов и Василий Ивотин [21]. Возможно, потомком одного из них был работавший в середине XVIII в. на Невьянском заводе токарный мастер и мирской писарь Роман Олонцов [22]. В первой четверти XIX в. Олонцова фиксировались в Алапаевском заводе, а также в пределах Верхотурского и Камышловского уездов, в том числе среди крестьян [23].

Уроженцем Олонецкого уезда мог быть верхотурский сын боярский Михайло Богданов сын Свирской, известный по документам 1694 г.[24] В 1822 г. фамилия фиксировалась у мастеровых на заводах в окрестностях Екатеринбурга в вариантах Свирский (Нижнеисетский завод) и Свирских (Березовский завод) [25]; подобная "заводская" привязка фамилии позволяет предположить связь родоначальников с Олонецкими заводами. Река Свирь, вытекая из Онежского озера и впадая в Ладожское, с глубокой древности служила новгородцам естественным водным путем в Обонежье и Поморье, земли в ее бассейне были включены в орбиту хозяйственной жизни Великого Новгорода, а сама река в одной из новгородских легенд называется младшей сестрой Волхова.

Не исключено, что название главной реки Новгородской земли также нашло отражение в уральской антропонимии: в исповедных росписях прихода церкви Куюровской слободы Камышловского уезда за 1822 г. упоминаются крестьяне д. Чупиной с фамилией Волховской, а в написании Волховский фамилия известна в Камышловском и Пышминском районах Свердловской обл. и в XX в.[26] Правда, образование фамилии в данном случае могло быть связано с каким-то другим топонимом, например, Ольховской слободой, находившейся всего в нескольких десятках верст от Чупиной (сейчас с. Ольховка на севере Шадринского района Курганской обл.) — по тому же принципу образовались фамилии Вольховский, Вольхин и некоторые другие. Прозвище Волховской, без какого-либо изменения перешедшее в фамилию, могло также направную восходить к слову волхв (волх) — "чародей, колдун, знахарь, ворожея, чернокнижник"[27], среди производных от которого были слова волховать, волховской и др.

Еще несколько прозвищ и фамилий уральцев, упоминаемых в документах XVII в., несомненно или предположительно связаны своим происхождением с новгородской топонимикой. Во всех случаях речь идет о старинных городах, известных по письменным источникам с XI-XII вв.

В переписной книге Л. Поскочина 1680 г. записан крестьянин Микитка Омельянов сын Лучанинов, живший в единственном дворе д. Лучениновой в Тагильской слободе; по-видимому, деревня была основана его отцом — лучанином [28], то есть выходцем из Великих Лук (до начала XV в. в документах — просто Луки, сейчас город Великие Луки в Псковской обл.[29]) или Великолуцкого уезда [30]. Возможно, родоначальником уральских Лучаниновых был верхотурский торговый человек Васька Лучанин, известный по документам 1604 г.[31]

В 1680 г. в числе крестьян Камышевской слободы (позднее Камышловская слобода, сейчас г. Камышлов Свердловской обл.) учтен Федка Иванов сын Торопченин, родившийся "на Тотме в подгородной волости"[32] (сейчас г. Тотьма — районный центр в Вологодской обл.) и переселившийся на Урал в 1675/76 г.[33], именование которого указывает на то, что кто-то из его предков был выходцем из г. Торопца (сейчас в Тверской обл.) или из Торопецкого уезда. Обычное именование жителей Торопца — торопчанин [34], в данном случае оно зафиксировано в говорном варианте произношения.

Связь еще одной фамилии с новгородской топонимикой гораздо менее очевидна. Можно только предполагать, что фамилия Рушимцов (Рушинцов, Рущенцов) образована от прозвища выходца из Старой Руссы (до середины XVI в. — просто Руса, позднее Старая Руса, сейчас г. Старая Русса в Новгородской обл.[35]), поскольку приводимые обычно в словарях и исследовательской литературе формы — старорушане, старорусцы, старорусяне (ед. ч. — старорушанин, старорусец, старорусянин) [36] и рушане [37]. В переписной книге 1680 г. упоминается крестьянин д. Зайковой в Ирбитской слободе Федка Семенов сын Рушимцов, другой крестьянин той же слободы, Ермачко Рушимцов, значится в списке выбывших из числа обрабатывающих землю (бежавших и умерших). Сын зайковского крестьянина, Борис Федоров сын Рушинцовых, в 1719 г. был крестьянином д. Брусницыной в Белоярской Пышминской слободе, в других дворах той же деревни проживали Савва и Дмитрий Захаровы Рушинцовых [38]. В 1822 г. Рушин-

цовы (Рушенцовы) зафиксированы в пяти приходах Екатеринбургского уезда, в том числе в Брусянской слободе (бывшая д. Брусницына), а также в Березовском, Сысертском и Северском заводах [39].

Разумеется, приведенные данные ни в коей мере не исчерпывают влияния личных имен новгородского происхождения на антропонимику Урала. Это лишь первые шаги в изучении "новгородского следа" в истории формирования исторического ядра фонда уральских фамилий. Дальнейшие поиски позволят воссоздать эту картину в более полном объеме и, несомненно, дадут новые основания говорить о значительном и всестороннем влиянии Новгородской земли на хозяйственное и культурное освоение Урала в первые века русской колонизации края.

Примечания

1. См.: Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005. С.264.
- Объяснение происхождения фамилии, предложенное автором словаря ("от прозв. Новгородец, данного человеку, приехавшему из Новгорода"), нуждается в уточнении, поскольку такое прозвище мог получить выходец не только из самого Великого Новгорода, но и из Новгородского уезда, вообще из новгородских земель, состав которых в разное время и в различных обстоятельствах понимался более или менее широко.
2. См.: Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005. С.264.
3. См.: Шишонко В. Пермская летопись с 1263-1881 г. Т.3: Третий период с 1645-1676. Пермь, 1884. С.298, 302.
4. См.: Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005. С.263.
5. См.: Мосин А.Г. Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург, 2001. С.273.
6. См.: Коновалов Ю.В. Верхотурская именная книга 1632 г. // Уральская родословная книга: Крестьянские фамилии. Екатеринбург, 2000. С.323.
7. См.: Мосин А.Г. Уральский исторический ономастикон. С.273.
8. Там же. С.65, 273.
9. Там же. С.273.
10. Ср.: Иван Васильев Бояршина, крестьянин и вкладчик Далматовского монастыря на р.Исети, 1702 г. (см.: Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII – начало XVIII в.): Сб. документов / Сост. И.Л. Манькова. Свердловск, 1992. С.153).
11. Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. С.59.
12. См.: Коновалов Ю.В. Верхотурская именная книга... С.321.
13. См.: Мосин А.Г. Уральский исторический ономастикон. С.273.
14. См.: Коновалов Ю.В. Верхотурская именная книга... С.329.
15. См.: Мосин А.Г. Уральский исторический ономастикон. С.273.

16. См.: Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. С.264.
17. См.: Мосин А.Г. Исторические корни уральских фамилий. Екатеринбург, 2008. С.216, 571.
18. См.: Мосин А.Г. Уральский исторический ономастикон. С.383; Он же. Исторические корни... С.38, 299. Об этимологии прозвища Тайлак и потомках Григория Тайлака — родоначальника уральских Тайлаковых, см.: Мосин А.Г. Уральские фамилии: Материалы для словаря. Т.1: Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 г.). Екатеринбург, 2000. С.370; Он же. Исторические корни... С.654.
19. См.: История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С.230.
20. Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / Вступит. статья, comment. и сост. М.О. Акишина. Екатеринбург, 1995. С.11.
21. См.: Злотников М.Ф. Первое описание Уральских и Сибирских заводов // Геннин В. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М., 1937. С.27-28.
22. См.: Черкасова А.С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985. С.193, 211.
23. См.: Мосин А.Г. Уральские фамилии... С.272—273; Он же. Исторические корни... С.38.
24. См.: Шишонко В. Пермская летопись с 1263—1881 г. Т.5: Пятый период с 1682-1725. Ч.1: С 1682-1694. Пермь, 1885. С.256.
25. См.: Мосин А.Г. Исторические корни... С.38, 628.
26. См.: Мосин А.Г. Уральские фамилии... С.79—80.
27. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1994. Т.1. С.237.
28. Об именованиях жителей Великих Лук см.: Городецкая И.Л., Левашов Е.А. Русские названия жителей: Словарь-справочник. М., 2003. С.65.
29. См.: Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. Изд. 2-е. М., 2001. С.91.
30. См.: Мосин А.Г. Исторические корни... С.216.
31. См.: Акты исторические. СПб., 1841. Т.2. С.57.
32. См.: Мосин А.Г. Исторические корни... С.216.
33. См.: Мосин А.Г. Уральский исторический ономастикон. С.401.
34. См.: Городецкая И.Л., Левашов Е.А. Русские названия жителей. С.291—292.
35. См.: Поспелов Е.М. Географические названия мира. С.396—397.
36. См.: Городецкая И.Л., Левашов Е.А. Русские названия жителей. С.273.
37. См.: Абдуллаев А.А. Названия лиц, образованные от географических имен и терминов, в русском языке XV—XVIII вв. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1968. С.94.
38. См.: Мосин А.Г. Исторические корни... С.216. Примечательно, что в начале XVII в. фамилия иногда встречается в написании Ружинцов (Там же. С.217).
39. Там же. С.620.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Байдин В.И. — к.и.н., доцент кафедры истории России исторического факультета УрГУ, Екатеринбург.

Балюнов И. В. — научный сотрудник Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, Тобольск.

Баранов М.Ю. — научный сотрудник ООО «НПО Северная археология-1», Нефтеюганск.

Бобковская Н.Е. — Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург.

Головнёв А.В. — член-корреспондент РАН, профессор кафедры истории России исторического факультета УрГУ, главный научн. сотр. Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.

Горшков С.В. — доцент кафедры истории России УрГУ, Екатеринбург.

Данилов П.Г. — научный сотрудник Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, Тобольск.

Длужневская Г.В. — д.и.н., заведующая рукописным архивом и фотоархивом Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

Дубровин Г. Е. — к.и.н., ст.научн.сотр. Института Археологии РАН, Москва.

Дьёни Габор — к.и.н. научный сотрудник Института Русистики, Будапешт (Венгрия).

Загваздин Е.П. — соискатель Тобольского государственного педагогического института, Тобольск.

Кардаш О.В. — к.и.н., научный сотрудник НПО ООО «Северная археология-1», Нефтеюганск.

Ковалева О.С. — студентка исторического факультета УрГУ, Екатеринбург

Красильникова К.Ю. — археолог-специалист НПО ООО «Северная археология-1», Нефтеюганск

Лазаревская Н.А. — научный сотрудник фотоотдела научного архива ИИМК РАН, Санкт-Петербург.

Маракулин В.А. — студент исторического факультета УрГУ, Екатеринбург.

Матехина Т.С. — научный сотрудник Новгородского историко-архитектурного объединенного музея-заповедника, Великий Новгород.

Мельчакова М.Ю. – магистр исторических наук, Екатеринбург.

Мосин А. Г. – д.и.н., профессор кафедры истории России исторического факультета УрГУ, Екатеринбург.

Овчинникова Б.Б. – профессор кафедры истории России УрГУ, академик РГАН, заслуженный работник высшей школы РФ, Екатеринбург.

Пархомович С.Г. – научный сотрудник ООО «НПО Северная археология-1», Нефтеюганск.

Побережников И.В. – к.и.н., доцент, кафедры истории России УрГУ, зав. сектором методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.

Поветкин В. И. – директор Новгородского центра музыкальных древностей, Великий Новгород; заслуженный работник культуры РФ.

Покровская Л.В. – научный сотрудник кафедры археологии МГУ, Москва.

Пономарёва Т.М. – сотрудник НПО ООО «Северная археология-1», Екатеринбург.

Пьянков И.В. – д.и.н., профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород.

Пяткова Н.Л. – канд.культур.наук, доцент кафедры истории России исторического факультета УрГУ, Екатеринбург.

Редин Д.А. – д.и.н., зав. кафедрой истории России УрГУ, Екатеринбург.

Сазанова А.В. – студентка исторического факультета УрГУ, Екатеринбург.

Сингх В.К. – аспирант кафедры археологии МГУ, Москва

Соловьевева В.В. – аспирант кафедры истории России УрГУ, Екатеринбург.

Степаненко В.П. – д.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков исторического факультета УрГУ, Екатеринбург.

Трофимов Ф.В. – историк, Екатеринбург.

Трояновский С.В. – к.и.н., директор Центра организации и обеспечения археологических исследований Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, Великий Новгород.

Тянина Е.А. – специалист по учебно-методической работе кафедры археологии МГУ, Москва.

Усолькина М.А. – аспирантка истфака МГУ, Москва.

Фомина Т.Ю. – к.и.н. доцент кафедры истории Набережночелнинского государственного педагогического института, Набережные Челны.

Хвощинская Н.В. – д.и.н., ведущий научный сотрудник ИИМК РАН, Санкт-Петербург.

Янин В.Л. – академик РАН, зав.кафедрой археологии МГУ, Москва.

Ярыш В.И. – руководитель студии по художественной обработке бе-ресты, Новгородский городской Дворец культуры, Великий Новгород.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие <i>Д.А. Редин</i>	3
1. Новгород и финно-угорский мир	
Янин В.Л. «От Жилы к Чудину...»	6
Овчинникова Б.Б., Трофимов Ф.В. «...Чудь, народ, который обитал здесь прежде русских»	15
Хвошинская Н.В. Проблема коренной территории летописной води	26
Покровская Л.В. Финно-угорский компонент в новгородской материалной культуре (по археологическим данным)	37
Кардаш О.В., Пономарева Т.М. Стоянка Кулайской археологической культуры в Большеземельской тундре	48
Кардаш О.В., Красильникова К.Ю. Малогабаритная жилая постройка Кулайской археологической культуры (по материалам исследований селища Атмпельурий 12)	57
Дёёни Гabor. Образ финно-угорских народов в России в венгерской уралистике	67
2. Новгород в археологическом наследии	
Трояновский С.В. Великий мост Новгородской республики: первые итоги археологического изучения	80
Дубровин Г.Е. Формирование Плотницкого конца средневекового Новгорода	101
Ковалёва О.С. От Детинца к Кремлю: планировочное развитие в Новгороде и Пскове	119
Поветкин В.И. С песнями глиняных птиц из края Курского в Землю Новгородскую	129
Тянина Е.А. Каменные амулеты в оправе из раскопок средневекового Новгорода	150

Матехина Т.С. Чехлы «в форме ложки» из раскопок в Новгороде ...	156
Маракулин В.А. Знаки на предметах сетевого лова в средневековом Новгороде (по материалам Троицкого раскопа)	168
Сингх В.К. Деревообрабатывающий инструментарий средневекового Новгорода	180
Ярыш В.И. Об одном необычном украшении на бересте	192
Головнёв А.В. Нордизм и Ордизм в русской истории	204
3. Новгород в письменности и фольклоре	
Пьянков И.В. Знал ли Геродот о Северном ледовитом океане?	218
Степаненко В.П. Олисей Гречин между Новгородом и Аскalonом	224
Фомина Т.Ю. Новгородское летописание X—XVII вв. в отечественной историографии	234
Мельчакова М.Ю., Сазанова А.В. Проблема княжеской власти в Новгородской республике в дореволюционной историографии	249
Пяткова Н.Л. Василий Буслаев — славянский трикстер	257
Байдин В.И. Заонежская половина Обонежской пятини, Западная Сибирь, Урал...: некоторые итоги реконструкции биографии Кирши Данилова, истории его рода и сборника «Древние российские стихотворения»	267
Мосин А.Г. «Новгородский след» в антропонимии Урала XVII — начала XIX вв.	283
Сведения об авторах	291

Научное издание

**НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ –
УРАЛ – ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ
В ИСТОРИКО-КУЛЬГУРНОМ
И ДУХОВНОМ НАСЛЕДИИ**

Часть 1

Компьютерная верстка
С.И.Недвига

Изд. лиц. ИД № 04401 от 26.03.01.
Подписано в печать 20.04.09. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура PetersburgC. Усл. печ. л. 16, 97.
Уч.-изд. л. 14,6. Тираж 500 экз.

Банк культурной информации:
620026, г.Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.
Тел./факс: +7 (343) 251-65-26.
e-mail: bki@sky.ru.

Восьмой выпуск
сборника научных трудов серии
«Проблемы истории России»
посвящен 30-летию участия отряда
Уральского государственного
университета им. А.М.Горького
в составе Новгородской археологической
экспедиции, которую возглавляет
академик В.А.Янин.

В сборник вошли статьи и материалы,
характеризующие историческое пространство
и культурное наследие Новгородской Земли
и сопредельных с ней территорий.
Особое внимание уделено весьма активному
миграционному движению на северо-восток,
в районы Урала и Западной Сибири,
что повлекло за собой внедрение
славяно-новгородской культуры
в урало-сибирский культурный массив.
Издание рассчитано на научных работников,
преподавателей вузов и студентов-гуманитариев

